

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИМЕНИ РУСТАВЕЛИ

А. БАРАМИДЗЕ, Ш. РАДИАНИ, В. ЖГЕНТИ

**ИСТОРИЯ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КРАТКИЙ ОЧЕРК**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

*Допущено Министерством высшего образования СССР
в качестве учебного пособия
для филологических факультетов государственных университетов
и факультетов русского языка и литературы
педагогических институтов.*

Первая часть книги «Древняя грузинская литература» написана проф. *А. Г. Барамидзе*.

Главы первая, вторая и третья второй части «Грузинская литература с начала XIX века до установления Советской власти в Грузии» — проф. *Ш. Д. Радиани*, главы четвертая, пятая второй части, а также вся третья часть «Грузинская советская литература» написана *Б. Д. Жгенти*.

ВВЕДЕНИЕ

Как учит товарищ Сталин, «...каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет её, обогащает её».

В нашей стране, являющейся бесподобным во всей истории человечества образцом братского содружества народов, каждой нации, большой или малой, в равной

мере предоставлены неограниченные возможности свободного развития своих творческих сил, полного и глубокого выявления своих качественных особенностей, своей национальной специфики. На основе мудрой ленинско-сталинской национальной политики партии большевиков, в условиях активного взаимодействия и взаимообогащения, постоянного обмена творческим опытом и достижениями, свободные народы нашей родины, в союзе со своим старшим братом—великим русским народом—и с другими народами СССР, непоколебимо сплочённые вокруг партии Ленина—Сталина, строят самую передовую в мире культуру, единую по своему социалистическому содержанию и многообразную по своей национальной форме.

Из всех отраслей духовной культуры художественная литература наиболее полно и всесторонне отражает национальный характер народа, своеобразие его жизни и быта, его прошлое и настоящее. Поэтому в деле взаимного ознакомления и ещё большего духовного сближения народов большое значение имеет изучение братских национальных литератур, истории их развития.

Этой цели и служит настоящая книга, содержащая краткий исторический очерк всего многовекового пути развития грузинской художественной литературы.

На протяжении веков грузинскому народу приходилось самоотверженно отстаивать свою жизнь и свободу от многочисленных иноземных завоевателей. В этой борьбе и созидательной деятельности грузинский народ выковал свою глубоко самобытную национальную культуру, отражающую свободолюбивый дух народа, его творческую мощь, его возвышенные идеалы и устремления. Художественная литература всегда занимала выдающееся место в духовной жизни и культурном творчестве грузинского народа.

На всех основных этапах своей истории грузинская литература в лице своих передовых представителей неразрывно была связана с освободительной борьбой и трудом народа, восславляла и окружала ореолом бессмертия самоотверженных патриотов родины и тем самым выполняла огромную роль в деле идейного и нравственного воспитания народа.

Этот патриотический и гуманистический характер передовой грузинской культуры глубоко и непосредственно выражен в богатейшей грузинской народной поэзии, которая предшествовала возникновению письменной литературы, а впоследствии всё больше углублялась и обогащалась на всём многовековом пути истории грузинской литературы.

Своими пленительными образами, сюжетами, языком народная поэзия служила неиссякаемым источником, питающим письменную литературу, в свою очередь тоже оказывающую благотворное воздействие на развитие народной словесности.

Ещё в древнейший период своего развития, когда грузинская литература эпохи раннего феодализма (V—XI вв.) носила преимущественно церковно-религиозный характер, она во многих своих лучших произведениях отчётливо отражала важнейшие стороны народной жизни, живо откликалась на борьбу народа с ненавистными иноземными завоевателями, рисовала образы народных героев и воодушевляла народ на благородные подвиги. Уже в эту эпоху грузинская литература создала ряд произведений, завоевавших мировую славу и не утративших интереса и значения в наше время.

Наибольшего расцвета древнегрузинская литература достигла в XII веке, когда Грузия, ставшая могущественной феодальной монархией с высокоразвитой экономикой, создала неувядаемые сокровища во всех областях духовного творчества,—науки и философии, литературы и искусств.

Грузинская светская литература этой эпохи заняла совершенно исключительное место во всём средневековом мире. Она дала миру бессмертного Руставели, гениальная поэма которого «Витязь в тигровой шкуре» с полным правом занимает видное место среди шедевров мировой поэзии. Величайшая заслуга Руставели перед человечеством заключается прежде всего в том, что он, в мрачную эпоху средневекового рабства и

мракобесия, первым поднял победоносное знамя гуманизма и вдохновенно воспел идею торжества света над тьмой, добра над злом, свободы над рабством и тиранией. Творение Руставели является вдохновенным гимном возвышенных человеческих чувств—дружбы и любви, мужества и отваги, беззаветного патриотизма и братства народов, воплощённых в неувядаемой художественной форме, остающейся до сих пор непревзойдённым образцом грузинского поэтического искусства.

Руставели оказал неизгладимое влияние на всё последующее развитие грузинской литературы. Он стал подлинным учителем для поэтов и писателей XV—XVIII столетий, когда после длительного застоя, наступившего в результате опустошительных нашествий монгольских и персидско-тюркских орд, вновь ожила творческая мысль грузинского народа, нашедшая своё яркое выражение в произведениях Теймураза I, Арчила, Давида Гурамишвили, Сулхан-Саба Орбелиани, Бесики и др.

С начала XIX в. наступает новая эпоха в исторической жизни грузинского народа, а следовательно, и в истории грузинской литературы. Славная плеяда грузинских поэтов-романтиков (А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Г. Орбелиани и др.), отражавшая в своём творчестве дух непримиримой борьбы грузинского народа против колонизаторской политики царизма и дикого социального гнёта, мощно выразила вместе с тем тяготение передовых сынов Грузии к славным традициям прогрессивной русской культуры. Любовь и интерес к Грузии, проявленные великими русскими писателями Пушкиным, Лермонтовым, Грибоедовым, способствовали сближению народов России и Грузии.

Оплодотворяющим воздействием передовой русской культуры отмечена вся творческая деятельность великих классиков грузинской литературы второй половины XIX в.—Илья Чавчавадзе, Акакия Церетели, явившихся знаменосцами национально-освободительного движения грузинского народа, создателями нового грузинского литературного языка, выдающихся произведений грузинского классического реализма. В своей мужественной борьбе против крепостничества и царизма, за демократизацию грузинской литературы и внедрение в неё принципов реалистической эстетики Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели явились убеждёнными сторонниками вождей русской революционной демократии—Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова.

Грузинские писатели конца XIX—начала XX столетия—Эгнате Ниношвили, Давид Клдиашвили, Иродион Евдошвили и другие многосторонне отразили в своём творчестве новую социальную обстановку, сложившуюся в Грузии в эпоху развития капитализма и зарождения и подъёма рабочего революционного движения.

Живо и восторженно откликнулась передовая грузинская литература на революцию 1905—1907 гг., получившую особенно широкий размах в Грузии благодаря руководству товарища Сталина созданными им большевистскими организациями Грузии и Закавказья.

В годы реакции, последовавшей за поражением первой русской революции, в грузинской литературе нашли распространение буржуазно-декадентские литературные течения. Однако они не сумели заглушить в грузинской литературе славные традиции реализма и народности.

Разумеется, эти передовые демократические и реалистические традиции грузинской литературы на всех этапах её исторического пути складывались и развивались в условиях борьбы с реакционными силами общества, в условиях борьбы в области идеологии.

Грузинская советская литература—неотъемлемая составная часть многонациональной советской литературы—является качественно новой, высшей ступенью в истории грузинской литературы. В её лучших произведениях вдохновенно запечатлена героическая борьба грузинского советского народа за построение коммунистического общества, за полное торжество всепобеждающих идей Ленина—Сталина.

Таким образом, история грузинской литературы органически отражает весь путь исторической жизни грузинского народа. Её изучение даёт нам представление не только о духовной деятельности, но и об исторических судьбах и современной жизни этого народа, занимающего, наряду с другими советскими народами, одно из почётных мест в нерушимой семье братских народов Советского Союза. Значение грузинского народа в жизни нашего многонационального социалистического отечества прекрасно охарактеризовал В. М. Молотов в своей речи, произнесённой в 1936 г. во время приёма в Кремле грузинской делегации: «Грузинский народ много дал не только своей стране, но и всему Советскому Союзу, занимающему почётное место в истории человечества. Достаточно сказать, что Грузия дала нам товарища *Сталина*».

Лишь на основе завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях полного торжества ленинско-сталинской национальной политики большевистской партии, грузинский народ обрёл возможность сделать творения своей национальной культуры достоянием всех народов нашей великой родины и тем самым, наравне с другими народами Советского Союза, занять видное место в духовной жизни всего прогрессивного человечества.

ДРЕВНЯЯ ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

V — XVIII вв.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛИТЕРАТУРА V—XI вв.

Грузинская письменность своими истоками уходит в глубокую древность. Задолго до нашей эры у грузинских племён существовала развитая книжная литература и богатая народная устная поэзия. Но памятники дохристианской письменности до нас не дошли: они были уничтожены воинствующей христианской церковью, а также в результате опустошительных нашествий иноземных завоевателей. Христианство проникает в Грузию в начале IV в.; около 337 г. оно уже объявляется государственной религией и получает право господства. Как известно, христианская церковь проявляла нетерпимость не только к язычеству и его культуре, но и к так называемой ереси, возникавшей в недрах самой же христианской религии. В борьбе с ересью погибло немало письменных памятников раннего христианства. По сообщению грузинских летописей, например, были полностью уничтожены «дьявольские» сочинения некоего грузинского церковного писателя V в. **Мобидана**. Тем более беспощадна была господствующая христианская церковь по отношению к языческой и антихристианской письменности. Однако пережитки древнегрузинской дохристианской языческой литературы прослеживаются в памятниках христианской духовной культуры. Церковными писателями в полной мере были использованы дохристианское грузинское письмо и литературный язык. Этим объясняется высокое совершенство литературного языка грузинской церковной письменности как оригинальной, так и переводной (библейских текстов). «Мученичество Шушаники», первое, дошедшее до нас, грузинское оригинальное произведение, точно датированное второй половиной V в., написано на самобытном и развитом литературном языке картлийского диалекта картвельских (грузинских) языков.

В ранних памятниках христианского зодчества также сильно сказались традиции развитой национальной языческой материальной культуры. Величественные развалины Болнисского собора (в 70 километрах от Тбилиси) сохранили датированные надписи

конца V в. А Джвари, красиво возвышающийся на высокой скале против древнейшей столицы Грузии Мцхета, с надписями конца VI и начала VII в.,—наглядный образец высокохудожественного строительного искусства древней Грузии¹. Мцхетский Джвари— гениальное творение грузинского зодчего, оригинальное творение грузинской архитектурной мысли, имеющей глубокие национальные народные корни.

У грузин существовало два вида письма (алфавита): **хуцури**, что значит церковное, и **мхедрули**—гражданское. Церковное письмо—уставное и строчное—было единственным письмом в Грузии до XI в. С XI же века на базе строчного церковного письма развивается гражданское письмо, которое с XII в. получает всеобщее распространение в светской среде и в государственной канцелярии. Современное грузинское письмо—это письмо мхедрули с некоторыми сравнительно незначительными изменениями от первоначального его вида.

В силу изложенных обстоятельств начало фактической истории древнегрузинской литературы увязывается с зарождением грузинской христианской письменности. Историю древнегрузинской литературы принято делить на три периода: V—XI вв. (период раннего феодализма), XI—XIII вв. (период зрелого феодализма), XIII—XVIII вв. (период позднего феодализма).

Грузинская литература начального периода, почти вплоть до XI в., носит преимущественно церковно-религиозный характер, что определялось условиями общественного устройства жизни грузинских племён. Христианская религия распространялась в Грузии в условиях распада рабовладельческого строя, на почве новых устоев феодального правопорядка. Примитивный уклад общественно-хозяйственной жизни того времени способствовал взаимному отчуждению и обособлению грузинских племён. Внешние политические условия чрезвычайно неблагоприятно сказывались на развитии материальной и духовной культуры грузинского народа. Во имя сохранения своей народности и культуры грузинским племенам приходилось героически выдерживать непрекращающийся натиск многочисленных иноземных поработителей с Востока и Запада. С IV по VII в. за преобладающее влияние в Закавказье, в частности в Грузии, соперничали Восточно-Римская (византийская) империя и персидское (сасанидское) государство. Со второй половины VII в. Грузия подпадает под владычество арабско-мусульманских завоевателей. Во второй половине XI в. на Грузию нахлынули сельджукские орды. В раздробленной и разобщённой стране фактически единственно организованной и объединяющей силой выступала грузинская церковь, ещё с X в. провозгласившая: «Грузиею (Картли) считается обширная страна, в которой церковная служба совершается и все моления творятся на грузинском языке». Итак, с X в., на основе общегрузинского литературного языка и общегрузинской церковной организации, осмысливается культурно-политическое содержание термина Грузия.

Грузинская христианская церковь, построенная на феодальных началах и выступающая ведущей культурной силой в стране, на определённом этапе исторической жизни оказывает решающее влияние на общественное мировоззрение и развитие грузинской письменной литературы.

Грузинская церковь в практических целях нуждалась в религиозно-богослужебной литературе на родном языке. Действительно, не позднее IV—V вв. на грузинском языке появляются основные памятники этой литературы, в первую очередь библейские тексты (Псалтырь, Евангелие и др.). Церковно-богослужебные книги переводились на грузинский язык и впоследствии; окончательное признание в грузинской церкви получили те редакции богослужебных книг, которые были отделаны **Георгием Святогорцем**, или **Афонским** (1009—1065). Переводы делались преимущественно с греческого и сирийского языков.

¹ Джвари описан М. Ю. Лермонтовым в поэме «Мцыри».

Непосредственную живую литературную связь с христианскими странами грузинская церковь поддерживала через свои собственные зарубежные монастырские организации, которые являлись важными литературно-просветительными очагами. Такие очаги находились в Иерусалиме, на Синае, на Афоне, на Чёрной Горе (в Сирии), на острове Кипре и в других местах. Кипучая книжно-литературная деятельность развивалась, конечно, и в многочисленных монастырях самой Грузии. При некоторых монастырях существовали семинарии и даже академии, как, например, при Гелатском монастыре в Западной Грузии (около города Кутаиси) и в Икалто (Кахети).

Древнейшие памятники церковно-религиозной литературы, как правило, являлись переводами. Но очень скоро зарождается и быстро развивается самобытная оригинальная литература, которая на первых порах тоже вызывалась к жизни практическими запросами христианской церкви. Это агиографическая (мартирологическая и житийная) или, скорее, историко-биографическая литература, хотя и служащая пропагандистским целям церкви, но имеющая в себе значительные элементы беллетристики и историографии. Агиографическая литература в обеих её видах на грузинском языке представлена очень богато. Произведения грузинской агиографической литературы свидетельствуют о наличии развитого литературно-книжного стиля и высокого художественного мастерства писателей-агиографов, несмотря на специфическую шаблонность данного жанра, в основном строивших свои повествования в реалистическом духе. Агиографические памятники обильно содержат историко-бытовой материал и очень часто ярко освещают борьбу грузинского народа против иноземных поработителей.

На грузинском языке имеется также почти вся византийская агиографическая литература, во многих случаях греческие оригиналы грузинских переводов утеряны.

АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Мартирологические памятники

«Мученичество Шушаники» Якова Цуртавели. «Мученичество Шушаники»— древнейший памятник оригинальной агиографической литературы. Его автором является церковный писатель второй половины V в.—Яков Цуртавели. В повести рассказывается о злополучной судьбе жены Питиахша (правителя) Варскена. Питиахш, побуждаемый корыстными политическими целями, предался персидскому шаху, отрёкся от христианской религии, принял маздеизм (зороастризм, огнепоклонство) и решил принудить к вероотступничеству членов своей семьи. Шушаника резко отвергла все домогательства мужа, в результате чего подверглась пыткам и мученически кончила свою жизнь в 475 г. Повесть написана при жизни Питиахша Варскена, умерщвлённого грузинским царём Вахтангом Горгасалом в 484 г. Таким образом, «Мученичество Шушаники» могло появиться между 475—484 гг. Автор повести Яков Цуртавели, личный духовник Шушаники, хорошо знал все обстоятельства, связанные с мученичеством его духовной дочери. Между тем Цуртавели особенно не преувеличивает религиозные наклонности Шушаники; он, как истый писатель, во многих отношениях даёт живой человеческий образ духовно сильного, но с крутыми нравами женского характера. Цуртавели обильно пользуется литературно-художественными приёмами (описаниями, сравнениями, олицетворениями, сопоставлениями, метафорами и т. д.) для меткой обрисовки отдельных событий или характеристики персонажей повести.

Преданной отечественной вере, строгой и вспыльчивой, но великодушной Шушанике автор противопоставляет вызывающий отвращение образ политического ренегата, изменника и вероотступника, жестокого и свирепого деспота Варскена. Этим противопоставлением и подчёркиваются идейно-художественные замыслы Якова Цуртавели.

«Мученичество Шушаники» очень ценно как историографический памятник, освещающий многие стороны социально-политического, экономического и культурного состояния Грузии в период персидского засилия. В повести имеются также сведения бытового характера.

По всей вероятности, «Мученичество Шушаники» не первое и не единственное произведение Якова Цуртавели, но других его сочинений мы не знаем. Знаменательно, что, по сообщению агиографа, Шушаника зачитывалась такими книгами, как Евангелие, Псалтырь и Мартирики. Следовательно, в Грузии V в. существовала довольно обширная церковно-религиозная литература.

«Мученичество Евстафия Мцхетели». В конце первой четверти VI в. персы насильственно упразднили в Грузии царскую власть и управление страной поделили с местными крупными азнаурами (феодалами-дворянами). Персидский шах свою власть осуществлял в Грузии через специального чиновника, именуемого *марзпаном*. Марзпаны и азнауры жестоко поработали народ. Персы всеми средствами старались насадить среди грузинского населения огнепоклонство. «Мученичество Евстафия Мцхетели» и является литературным памятником этого времени.

Евстафий (Эстатэ) был родом из персидского города Гандзаки; он ещё на своей родине принял христианскую веру. Вследствие объявленного шахом Хосроем Ануширваном (531—579) гонения на христиан, Евстафий бежал из родного края в Грузию и нашёл убежище в Мцхете. Местные маздеяне донесли на него. Евстафий был обвинён в измене (в вероотступничестве) и казнён в середине VI в. Неизвестный по имени агиограф, старший современник Евстафия, описал главные события из его жизни просто, без особых средств художественной выразительности. Попутно автор излагает очень интересные факты из политической и социально-бытовой действительности Картли (Грузии) VI в.

«Мученичество Або Тбилели» Иоанна Сабанисдзе. С эпохой арабско-мусульманского владычества в Грузии связано происхождение нескольких интересных мартирологических произведений: таковы «Мученичество Або Тбилели» Иоанна Сабанисдзе (VIII в.), «Мученичество Константина Кахи» (IX в.), «Мученичество Гоброна» Стефана Мтбевари (X в.) и др. Как в литературном, так и в историко-культурном отношении лучшим из них является «Мученичество Або Тбилели».

Иоанн Сабанисдзе, современник описанных им событий, написал свою повесть по поручению картлийского католикоса Самуила не позднее 90-х годов VIII в. Судя по повести, Сабанисдзе—трезвый общественный мыслитель и опытный писатель и, по видимому, не духовное, а светское лицо.

Повесть составлена по заранее продуманному идейному и композиционному плану, состоит она из трёх частей или четырёх глав. В первой, вступительной, части автор кратко обрисовывает картину политического и религиозно-морального состояния Картли при арабском владычестве. Он разоблачает те коварные методы, которые применялись захватчиками в завоёванной ими стране в целях обеспечения своего безраздельного господства. По словам Сабанисдзе, арабы не гнушались ни угроз, ни разбоя, ни вероломства, ни лести, ни тяжёлых экономических мер воздействия, чтобы принудить коренное грузинское население Картли к отречению от религии предков и принятию мусульманства. Невыносимо тяжёлые экономические условия жизни создавали арабы в отношении морально стойких христиан. Иоанн Сабанисдзе прямо заявляет: «Поработил нас, верующих, тиран, сковал нуждой и нищетой, точно железом, измучены и истерзаны мы тяжёлой данью». Мусульманство являлось для арабов орудием поработки покорённых народов. Заявляя с гордостью, что Грузия подлинно христианская страна, которая по своим заслугам перед вселенским христианством ничуть не уступает Византии, Сабанисдзе с болью в сердце констатирует, что его родная страна под арабским гнётом становится на опасный путь религиозно-морального упадка, что некоторая часть населения, охваченная ужасом, по его образному выражению, «колеблется, как тростник от ветров сильных». И вот в этот критический момент появляется чужеземный человек с

иной религией, который добровольно примыкает к угнетённым грузинам и показывает пример мужества и самопожертвования.

Во второй и третьей главах повествуется о вступлении в Грузию араба и мусульманина Або, о принятии им христианского вероисповедания и о его мученической смерти в Тбилиси от руки арабского эмира.

В третьей части (в четвёртой главе) Сабанисдзе обобщает описанный им случай мученичества и делает из него определённые политические выводы. Прежде всего Сабанисдзе интересуется не просто фактом мученической смерти Або Тбилели, а данный факт он использует для наглядной иллюстрации характерного явления в политической жизни Картли VIII в. Пример Або должен был пробудить в широких слоях населения ненависть к своим поработителям. Сабанисдзе, являясь выразителем освободительного движения своего времени, метким художественным словом агитирует против злых и безжалостных насильников, «опирающихся на обнажённый меч», т. е. на грубую военную силу. Некоторая часть коренного населения Картли уже «смешалась с чужеродным народом», что, по глубокому убеждению писателя, чревато самыми пагубными последствиями для будущности Картли. Иоанн Сабанисдзе считает, что пример моральной стойкости и мужества Або Тбилели должен образумить и укрепить всех слабых и колеблющихся, пробудить у населения дух национального самосознания и непримиримости в отношении жестоких и коварных врагов христианства и грузинской народности.

Иоанн Сабанисдзе является крупным писателем и общественным мыслителем, который раздвинул рамки агиографической литературы.

«Мученичество Або» написано высоким литературным, отчасти даже витиеватым стилем, что особенно чувствуется в четвёртой главе повести, являющейся торжественно-риторическим гимном в честь нового мученика и заступника христианства Або.

Житийная литература

«Житие Нины Каппадокийской». Древнейшим памятником оригинальной, собственно агиографической, или житийной, грузинской литературы считается «Житие Нины Каппадокийской», за которой утвердилось имя просветительницы Грузии. Сохранилось более пяти древних редакций этого «Жития», самой ранней из которых является редакция, имеющаяся в Шатбердской рукописи X в.

Нине Каппадокийской приписывается обращение Картли в христианство; древнейший список её «Жития» так и называется «Обращение Грузии (Картли)». Шатбердская редакция «Жития» — литературный памятник VIII—IX вв. — принадлежит перу неизвестного автора; первоисточники, послужившие материалом для его составления, большей частью утеряны. «Житие» содержит много сказочно-легендарных и фантастических сведений о жизни и миссионерской деятельности Нины и в историографическом отношении заслуживает мало доверия. В «Житии» Нины находит своё отражение сильно развившийся впоследствии культ женщины.

Грузинская церковь особо чтит заслуги каппадокийской миссионерши, многие церковные писатели прилагали усилия к тому, чтобы сделать из её «Жития» удобочитаемое и занимательное литературное произведение. Первым взялся за обработку Шатбердской редакции «Жития» историк XI в. **Леонтий Мровели**, он же включил его в летописный свод «Жизнь царей». Большое литературное значение имеет последующая обработка текста в метафрастическом духе, приписываемая Арсению (XI—XII вв.).

«Житие Григория Хандзтели» **Георгия Мерчули**. Классическим образцом грузинской житийной литературы является «Житие Григория Хандзтели», сочинение Георгия Мерчули. По данным самого памятника, он составлен в 951 г., спустя 90 лет после смерти Григория, последовавшей в 861 г. Автор не ограничивается традиционной житийной формой изложения, а обнаруживает широкий кругозор и проявляет большой

интерес к окружающему миру. А этот мир—Тао-Кларджети (южногрузинские провинции), или «Грузинский Синай», со сложной социально-политической и культурной жизнью. Здесь, в Тао-Кларджети, из-за арабского гнёта, обосновались грузинские Багратиды. Маленький городок Артануджи сделался столицей края, средоточием национально-объединительных сил Грузии, центром культуры и просвещения. Крупнейшим деятелем Тао-Кларджети, церковным просветителем, строителем, организатором монастырской жизни и книжного дела был главный персонаж «Жития» Григорий Хандзтели (759—861). Мерчули, подробно излагая биографию Григория и его учеников, одновременно описывает важнейшие события из политической, экономической и социальной истории края, а также, что особенно интересно, характерные социально-бытовые стороны светской феодальной общественности, внося в «Житие» ряд композиционно вполне законченных новелл романического содержания.

Георгий Мерчули—писатель с ярко выраженной клерикальной или церковно-монашеской идеологией. Он идеализирует и пропагандирует самый крайний аскетизм, умерщвление плоти; но несмотря на это, Мерчули проявляет живой интерес к чисто материальной стороне жизни, он любит природу, реалистически изображает разные характерные житейско-бытовые детали. Распущенным нравам своевольных и самовластных феодалов он противопоставляет строгий аскетизм и затворничество иноков. Некоторые церковники и светские феодалы у Георгия Мерчули обрисованы настолько выпукло и выразительно, что о них можно говорить, как о настоящих типовых обобщениях.

У Мерчули лёгкий, самобытный и колоритный язык, непревзойдённый в грузинской церковно-религиозной литературе.

«Житие Серапиона Зарзмели». К «Житию Григория Хандзтели» тематически и идейно близко примыкает «Житие Серапиона Зарзмели». Серапион тоже подвизался в южном секторе Грузии, в Самцхе, в соседстве с Тао-Кларджети. Зарзмский монастырь был выстроен Серапионом во второй половине IX в., в начале же X в. его родной племянник Василий, также Зарзмели, т. е. настоятель Зарзмского монастыря, описал жизнь и деятельность своего дяди. Василий Зарзмели, подобно Георгию Мерчули, много внимания уделяет описанию социально-политических и бытовых сторон жизни населения Самцхийского края. Он хорошо подметил антагонистические отношения, существовавшие между церковно-монашеской и светской общественностью. Василий не скрывает явную враждебность, которую проявляли представители крестьянства к монахам, добивавшимся получения лучших участков земли для своего монастыря. Озлобленный враждебностью крестьян, Зарзмели называет их невежественными дикарями.

«Житие Серапиона Зарзмели» не сохранилось в первоначальном виде, нам известна его переработанная (метафрастичная) редакция XI в.

ГИМНОГРАФИЯ

К X в. высокого уровня развития достигает в Грузии церковно-религиозная поэзия, или гимнография. Литургическо-богослужебные песнопения применялись в церкви издавна. С VIII в. зафиксированы первые оригинальные грузинские памятники гимнографической литературы. Четвёртая глава «Мученичества Або Тбилели» Иоанна Сабанисдзе представляет собой торжественный гимн в честь нового «святого». В IX в. появляется целый сборник песнопений, преимущественно переводного характера. К этому же времени относится замечательное гимнографическое произведение неизвестного Саввинского (Иерусалимского) писателя «Похвала и славословие грузинскому языку», написанное ритмизированной прозой. Автор «Похвалы», вдохновлённый, как он выражается, глубиной и изяществом родного литературного языка и видя его незавидное («униженное») положение среди господствовавших мировых языков, сулит ему в будущем «торжество» и новоявление во всём своём блеске.

По всей вероятности, одним из первых профессионалов-гимнографов был Григорий Хандзтели (759—861), основоположник книжного дела в Тао-Кларджети. В X в. приобретает известность целая плеяда талантливых гимнографов, писавших свои песнопения как ритмизированной прозой, так и стихами. **Иоанн Мтбевари, Иоанн Минчхи, Езра, Микель Модрекили** и другие сочиняют 12-сложные ямбические стихи в честь отечественных «святых», а также на разные библейские, главным образом новозаветные, темы. Микель Модрекили во второй половине X в. составил дошедший до нас громадный, снабжённый специальными нотными знаками, сборник песнопений.

Гимнографы искренне и просто выражают свои религиозные, а порой религиозно-патриотические чувства. Но по форме грузинские церковно-религиозные стихи искусственны и тяжеловесны. Объясняется это тем, что ямбический размер, заимствованный из Византии, плохо увязывается с грузинской речью. Не довольствуясь чужеродной ямбикой, некоторые грузинские гимнографы успешно применили гибкие размеры родной народной поэзии. Синайский писатель X в. **Иоанн-Зосим**, сочинивший акростихическое песнопение «Георги», частично использовал 8-сложный народный размер, разновидность шаири (полустишие 16-сложного стиха, увековеченного в грузинской поэзии гением Руставели). Другой, тоже синайский, гимнограф **Филипп** (X в.) написал песнопение в честь богородицы целиком на размер шаири так называемого высокого вида (4+4+4+4) с соответствующей ритмикой и рифмовкой, хотя довольно примитивной. В смысле выдержанной рифмовки выделяются песнопения **Стефана Сананоидзе** (X в.) и **Иоанна-Зосима** (X в.). Сохранилось также одно песнопение XI в. с совершенно точной рифмой (приписывается это песнопение царице **Борене**).

На грузинском языке имеется целая агиографическая поэма «Мученичество Микеля Саввинского», неизвестного автора IX или X в. Поэма написана свободным поэтическим размером, по содержанию имеет романический характер.

Грузинские гимнографы, впервые используя в церковно-религиозной литературе народные поэтические размеры, в дальнейшем сами оказали влияние на формирование грузинской поэтической культуры.

АФОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ШКОЛА

Из грузинских зарубежных литературных центров для истории грузинской культуры особо важную роль играл Афон (на Халкедонском полуострове в Греции).

Иверский (грузинский) монастырь Афона был построен в 980—983 гг. Основатель этого монастыря Иоанн, (умер около 1005 г.) предназначал Иверскую обитель к роли будущего культурного очага. К культурной деятельности готовил он своего сына Евфимия (около 955—1028 гг.). Действительно, Евфимий, получивший для своего времени прекрасное воспитание и ставший образованнейшим человеком, заложил основы афонской литературной школы и наметил пути её развития.

Последователем Евфимия был Георгий Афонский (1009—1065). Он продолжил, углубил и развил работу своего предшественника.

Афонцы, или святогорцы, как их обычно называют, ставили целью способствовать взаимным культурным связям Византии и Грузии. В первую очередь они сверяли и исправляли по греческим оригиналам грузинские церковно-богослужбные книги. На грузинском языке имелось несколько доафонских редакций «священного писания», но религиозно-конфессиональные интересы грузинской церкви (решительная приверженность к греческому, так называемому диофизитскому толку христианства, в отличие от восточного монофизитства) требовали ревизии наличного литературного наследия богослужбно-культурной письменности вообще и библейских книг в частности. Эта работа афонцами была выполнена успешно. Георгий Афонский считается канонизатором грузинской церковно-богослужбной литературы; грузинская церковь

признала каноническими именно те редакции «священного писания», которые вышли из-под его пера.

Одновременно афонцы переводили на грузинский язык все более или менее ценные памятники византийско-христианской мысли. При этом они (особенно Евфимий) старались приоровить переводы к запросам и вкусам грузинской образованной церковной общественности.

Второй важной задачей афонцев было ознакомление византийцев (а с их помощью и других народов Европы) с достижениями грузинской духовной культуры. Так, Евфимий Афонский перевёл с грузинского на греческий язык «Мудрость Балавара» (повесть «Варлаам и Иоасаф»), «Абукуру» и ряд других, к сожалению, неизвестных нам пока художественных произведений.

Деятельность афонцев, так же как и представителей других зарубежных грузинских колоний, протекала не без сильного противодействия со стороны высокомерных и заносчивых греков, стремившихся насильно захватить и прибрать к своим рукам богатые грузинские обители на Афоне, на Чёрной Горе (близ Антиохии) и в других местах. Высокопоставленные «пастыри» греческой церкви злонамеренно обвиняли грузинскую церковь в ереси, не признавали её автокефальность (самоуправление) и требовали её организационного подчинения антиохийской патриархии.

Георгий Афонский смело выступил в защиту самобытности грузинской духовной культуры и грузинской церкви, ему удалось пресечь корыстные домогательства византийских законовевдов и отстоять самостоятельное национальное развитие грузинской церковной организации.

Переводы с грузинского на греческий, непосредственное участие грузин в созидании византийской культуры и укреплении византийской государственности упрочили положение грузинских колоний и подняли за рубежом авторитет грузинской культуры.

Посредством афонского и петрицонского (о нём речь будет ниже) центров грузинская средневековая литература сыграла значительную всемирно-историческую культурную роль.

Подробное жизнеописание знаменитых грузинских афонцев, а также история афонской церковно-культурной колонии имеются в двух первоклассных историко-биографических памятниках—в «Житии Иоанна и Евфимия Мтацмидели (Святогорцев)» **Георгия Афонского** и в «Житии Георгия Мтацмидели (Святогорца)» **Георгия Мцире**, ученика и сподвижника Георгия Афонского.

Оба упомянутых памятника отличаются замечательными литературными качествами и заслуживают большого доверия как историографические источники. В «Житие» Евфимия Афонского включён, между прочим, очень любопытный текст клятвы афонских грузин самоотверженно служить общему «грузинскому делу».

«Мудрость Балавара». «Мудростью Балавара» называется грузинская редакция широко распространённой в мировой литературе повести «Варлаам и Иоасаф». Это христианизированный рассказ о жизни Будды, основателя буддийской религии. Рассказ приурочен ко времени распространения в Индии христианства.

Индийскому царю, язычнику Абенесу, предсказали, что его единственный сын Иодасаф сделается приверженцем истинной веры, т. е. христианства. Испуганный царь предпринимает меры, чтобы оградить сына от возможности общения с христианами. Наследника воспитывали в специально для него выстроенном дворце, куда другим доступ был запрещён. Несмотря на это, пустынноку Балавару, бывшему вельможе царя, удаётся пробраться к царевичу и преподать ему свою мудрость—христианское вероучение. Иодасаф готов отречься от мирской жизни и стать отшельником. Отец в отчаянии. По наущению одного мудреца, для искушения царевича к нему подсылают красивейших женщин. Цель не достигнута. После некоторого колебания Иодасаф отгоняет от себя соблазнительниц и становится христианином. Иодасаф получает в наследство половину

Индии. В его стране христианство процветает. Наконец, и царь Абенес решает принять новую веру. Обратив в христианство всю Индию, Иодасаф покидает царские чертоги, уединяется в пустыню и вместе со своим учителем Балаваром доживает дни в отшельничестве.

Сюжет «Мудрости Балавара» не отличается большой оригинальностью. Главный интерес вызывают вставочные новеллы, имеющие форму басен и притч. Именно путём иносказаний, через посредство басен и притч излагает Балавар основы христианской религии (христианской «мудрости»). В этом смысле грузинское заглавие повести «Мудрость Балавара» хорошо выражает её идейную сущность.

Басни и притчи создают литературную славу и художественную ценность повести. Обаяние памятника состоит, прежде всего, в художественной правдивости рассказа; художественность эта с особою яркостью выступает в грузинском изводе.

Происхождение сюжета «Мудрости Балавара» не вызывает споров; в первоначальном виде повесть, повидимому, была написана на санскритском языке. Но ещё не обнаружены ни санскритский оригинал, ни её предполагаемые ближайшие переводы—пехлевийский (среднеперсидский) и сирийский. Пожалуй, самой древней из существующих версий повести является грузинская версия, сохранившая всю свою архаичность и первоначальную художественную непосредственность.

Авторство грузинской повести приписывается **Исааку Палестинскому**, вероятно, подвижнику Саввинской лавры (близ Иерусалима). В свою очередь, «Мудрость Балавара» с грузинского языка была переведена (или скорей всего обработана) Евфимием Афонским на греческий язык. Об этом единодушно свидетельствуют лучшие греческие, латинские и грузинские источники XI в.

Греческая версия повести, получившая название «Варлаам и Иоасаф», легла в основу всех её европейских переводов.

По своим литературным интересам близко примыкал к афонцам **Ефрем Мцире** (умер около 1103 г.), деятель грузинской колонии на Чёрной Горе.

Ефрем Мцире—многогранный писатель, историк, филолог и философ, создал не потерявшую свою ценность и поныне любопытную теорию перевода. По этой теории переводы должны выполняться обязательно с первоисточников. Сообразуясь по смыслу и духу с текстом оригинала, переводчик, по возможности, должен стремиться к точному, дословному соответствию, но Ефрем возражал против формально-педантичного буквоедства. Для пояснения трудных мест переводного текста Ефрем Мцире рекомендует пользоваться специальными комментариями на полях.

Ефрем ввёл также собственную систему пунктуации.

Следуя своей теории, Ефрем Мцире оставил много научно точных и литературно безукоризненных грузинских переводов греческих текстов. Таковы, например, переводы произведений Иоанна Дамаскина, Василия Великого, Псевдо-Дионисия Ареопагита и др. Одну часть знаменитого философского сочинения Дамаскина «Источник знания» в сокращённом виде перевёл ещё Евфимий Афонский; Ефрем Мцире даёт полный адекватный перевод двух его частей. Интересно, что Ефрем снабдил текст перевода специальным введением, в котором, поясняя цели своего начинания, пишет, что подобными произведениями «сыны церкви могут противостоять внешним (светским) философам и сразить их собственной стрелой». Таким образом, Ефрем Мцире, так же как и другие представители грузинской церковной философии, рассматривает философию как прислужницу богословия, долженствующую доказать и отстоять положения христологической догматики. Новизна тут в том, что философы-богословы принципиально допускают доказуемость догматики и вообще основ христианской религии. Применение же метода доказательства церковью строго запрещалось: христианская, мол, религия—результат божественного откровения—в доказательстве не нуждается. Новая точка зрения способствовала пробуждению критической мысли, и тем она интересна.

Перу Ефрема Мцире принадлежит перевод всех основных сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита и «Мифологических сказаний в эпитафии» Василия Великого. Своими переводами и комментариями к ним Ефрем Мцире заложил прочные основы грузинской богословско-философской мысли, он привил грузинскому образованному обществу вкус к отвлечённо-философскому умозрению и к античной культуре.

Из оригинальных сочинений Ефрема Мцире известны: «Об обращении Грузии в христианство», «Краткие сведения о Симеоне Логофете».

В первом своём сочинении Ефрем собрал и систематизировал исторический материал греко-византийских источников о христианизации Грузии. Придерживаясь концепции национальных преданий о миссионерской деятельности Нины Каппадокийской, Ефрем, однако, обосновывает апостольское происхождение грузинской церкви, чтобы оправдать её непререкаемые права на самостоятельность (автокефальность).

«Краткие сведения о Симеоне Логофете» имеют значение не только для древнегрузинской письменности; с помощью этого памятника разрешаются очень важные вопросы из истории византийской литературы (работы проф. К. С. Кекелидзе). «Сведения» Ефрема Мцире проливают свет на историю так называемого метафрастического направления в византийской литературе X в. Основателем метафрастического направления и был Симеон Логофет, не случайно прозванный Метафрастом.

Арсений Икалтоели (умер около 1125 г.), ученик Ефрема Мцире, к литературной деятельности приступил в зарубежных (греческих) грузинских колониях. По возвращении в Грузию, повидимому, возглавил Академию в Икалто (в Кахети), подвизался также в Шио-Мгвимской обители.

Арсений Икалтоели известен как переводчик «Хронографа» Георгия Амартола и «Великого Номоканона» Фотия, но главной его работой считается обширный сборник под названием «Догматикой», содержащий основополагающие статьи богословско-философского, морально-этического и полемического характера.

При составлении сборника Арсений ставил целью создание свода основ христианского вероучения. Подбирая нужные для сборника материалы, он сам их заново переводил (как, например, «Источник знания» Дамаскина).

Писал Арсений и ямбические стихи. Ему же приписывается текст эпитафии на смерть Давида Строителя—четверостишие на размер 16-сложного шаири.

Иоанн Петрици (умер около 1125 г.)—крупнейший представитель церковно-философской мысли в Грузии, основоположник грузинского неоплатонизма. Получив глубокое философско-богословское образование в Константинополе, Иоанн примкнул к византийскому философскому течению, возглавляемому Иоанном Италом; вместе с последним подвергался преследованию со стороны консервативных кругов византийской и грузинской церкви. В 1083 г. Иоанн был приглашён выдающимся политическим и военным деятелем Византии (Великим доместиком Запада) Григорием Бакурианидзе в Петрицонскую семинарию (отсюда происходит его прозвище Петрици), организованную при Петрицонском монастыре на Балканах (в нынешней Болгарии).

Последние годы своей жизни Иоанн провёл в Грузии, в Гелатской Академии, основанной Давидом Строителем в качестве новых Афин.

Церковно-философская мысль развивалась в Грузии с времён Григория Хандзтели (759—861). В XI—XII вв. грузины интересовались в области философии теми же проблемами, какие занимали передовые умы тогдашнего христианского мира как на Востоке, так и на Западе, отзывались на новые течения философской мысли и работали во всеоружии образцовой для своего времени текстуальной критики непосредственно над греческими подлинниками. Если Ефрем Мцире и Арсений Икалтоели с античными греческими философами знакомились преимущественно через византийские авторитеты (Иоанна Дамаскина, Псевдо-Дионисия Ареопагита и др.), то Иоанн Петрици обращался

непосредственно к первоисточникам—к Аристотелю, Платону и др. К сожалению, значительная часть литературного наследия Петрици до нас не дошла, из сохранившихся его переводов отметим «О природе человека» Немесия Эмесского и, особенно, «Богословские начала» Прокла Диодоха. К переводу Прокла Петрици составил собственные пространные «Толкования», по объёму значительно превосходящие текст оригинала, в которых развил свои философско-богословские взгляды. В послесловии «Толкования» Иоанн Петрици, между прочим, заявляет, что если бы он в отечественных кругах встретил любовь и сочувствие, то «теорию философского умозрения выработал подобно Аристотелю и выставил бы богословие, неприкосновенное для (растлевающей) материи».

По греческим источникам одним из самых верных и искренних последователей Иоанна Итала оказался некий грузин (абхаз), возможно, Иоанн Петрици. Во всяком случае, грузинский элемент играл активную роль в возрождении византийской философии XI—XII вв.

Религиозно-философские труды представителей грузинской философской школы (Арсения Икалтвели, Иоанна Петрици) в XII—XIII вв. переводились на армянский язык.

ДРУГИЕ ВИДЫ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Не касаясь других видов церковно-религиозной письменности (экзегетики, гомилий, апокрифов и т. д.), также богато представленной на грузинском языке, отметим только, что очень широкое распространение получила в Грузии **апокрифическая литература**. С X в. даже была введена специальная церковная цензура для борьбы против проникновения еретическо-апокрифических книг. Как творец гомилий большой известностью пользуется **Иоанн Болнели** (X в.), прозванный «грузинским златоустом», сочинявший оригинальные проповеди на библейские (новозаветные), а также житейско-бытовые (например, против пьянства) темы.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Из дошедших до нас памятников собственно историографического жанра древнейшим считается «Обращение Грузии» неизвестного автора VIII—IX вв. (о чём речь уже шла при разборе «Жития Нины Каппадокийской»). В XI в. выступает ряд писателей-историков. **Леонтий Мровели** сочинил «Историю первых (грузинских) отцов и царей», в которой рассказывает о мифических временах Картли вплоть до V в. Леонтия продолжил **Джуаншер**, повествующий об исторических событиях с V до VIII в., подробно останавливаясь на жизни и деятельности царя Вахтанга Горгасала.

К XI же веку относится большая историческая хроника «Летопись Картли» неизвестного автора, ведущего повествование с VIII до XI в. **Сумбат сын Давидов** (XI в.) составил историю и генеалогию грузинской царствующей династии Багратидов. «История» Сумбата возвеличивает род Багратидов, возводя их генеалогию до самого Христа и пророка Давида.

В значительной степени сказочны исторические сочинения Леонтия Мровели и Джуаншера, у которых повествования построены в эпическо-мифологическом плане, приближающемся к народно-эпическим сказаниям богатырского цикла. Однако Леонтий Мровели и Джуаншер располагали древними источниками, и их хроники содержат много ценного исторического материала.

Характерно, что грузинские историки развивают идею объединения страны и единовластия, осуждая княжеское своеволие, феодальные распри и внутренние раздоры.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРА XI–XIII вв.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАСЦВЕТ ДРЕВНЕГРУЗИНСКОЙ СВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Безраздельное господство церкви и церковно-религиозной идеологии обеспечивало господство церковно-религиозного направления в древнегрузинской литературе первого периода (V—XI вв.)². Конечно, это господство обходилось не без напряжённых усилий со стороны церкви. Являясь порождением феодального строя, грузинская церковь со своей стороны освящала его основы и всячески способствовала укреплению сложных иерархических форм феодальных отношений. Однако не утихали внутренние противоречия между церковным и светским крылом господствующего класса феодальной общественности, между церковью и светской государственной властью. Эти противоречия находили своё отражение в самой церковной литературе.

Георгий Мерчули (X в.) даёт яркие образцы политической борьбы между представителями церкви и светско-феодальной общественности.

Свободе чувств светских феодалов Мерчули противопоставил идеал умерщвления чувственных побуждений и самоотречения чёрного духовенства.

Владетельного князя Ашота Куропалата, рассказывает Г. Мерчули, «одолеет злой дух» и «демон любви»; он настолько был «порабощён страстью», что, нарушив законы христианской морали, прелюбодействовал и грешил с некоей «распутной женщиной». Строгий блюститель христианской морали Григорий Хандзтели «лично стал обличать властителя». Куропалат не смог сдержать царственного слова и не отпустил возлюбленную. Григорий вторично вмешался в дело. Ему удалось увести «грешницу» и отдать её в женский монастырь в Мерию на попечение настоятельницы Февронии. Узнав об этом, Ашот «очень огорчился», так как терзался «чрезмерной любовью». «Властитель... забыл самоуважение», немедленно принялся за поиски предмета любви. Безуспешно пытался Ашот увести возлюбленную обратно к себе. Феврония устыдила его. Он «долго молчал, как сражённый». Когда Ашот переступил порог монастыря, то у него вырвалось «в сердечной тоске»: «блажен человек, который уже не в живых».

Автор торжественно заключает: «Телесно могущественного властителя победили духовно сильные люди, вооружённые божественною ревностью».

Эта замечательная новелла показывает искренний порыв чувств Куропалата Ашота, который оказался вынужденным подчиниться «духовной силе людей, вооружённых божественною ревностью», просто говоря, грубым церковникам. Сколько бы ни твердил Мерчули, что Куропалат был одержим злым духом, что демон совратил его с пути истины, перед нами встаёт образ рыцаря любви, жертвы интимных душевных терзаний.

Георгий Мерчули, так же как и авторы «Мудрости Балавара» и ряда других произведений церковной литературы, объективно ярко **отражает светские настроения и нравы**. Сильно чувствуются **светские мотивы** в эпическо-повествовательных сочинениях грузинских историков XI в.—**Леонтия Мровели и Джуаншера**.

В Грузии с древнейших времён существовала богатейшая народная поэзия, в частности, эпические сказания в честь богатырей и рыцарей любви. Народная поэзия продолжала развиваться и обогащаться новыми мотивами в христианскую эпоху. Свои мысли и чаяния народ свободно выражал только изустно. Рядом с книжной христианской

² Следуя тематическому принципу, мы в предыдущую главу включили двух писателей конца XI и первой четверти XII в.

письменностью бытовала устная народная литература. Эти две литературы взаимно влияли друг на друга.

Особенно сильно было, конечно, влияние народной поэзии на церковную. Народный размер шаири был заимствован церковными писателями—Иоанном-Зосимом, Филиппом и др. Грузинские народно-эпические сказания отложились у грузинских и армянских писателей—Леонтия Мровели, Джуаншера, Моисея Хоренского, Григория Магистра.

Таким образом, можно констатировать, что под сильным воздействием бытующей в Грузии народной словесности и на основе свежих традиций древней (дохристианской) письменной культуры ещё в недрах религиозно-церковной литературы зарождаются и развиваются светские начала. Эти начала дали пышные ростки тогда, когда художественная литература освободилась от церковной опеки и смогла развиваться в качестве идеологического выражения идеалов феодально-светского общества. А это случилось в конце XI и в начале XII в.

Экономические и политические условия жизни, многовековая борьба грузинского народа против иноземных поработителей и упорное стремление всех прогрессивных слоёв общества к объединению страны в конечном счёте увенчались успехом. В XI—XII веке завершается процесс объединения страны. Грузия времён Давида Строителя (1089—1125), Георгия III (1156—1184), царицы Тамары (1184—1213)—сильная переднеазиатская держава, играющая большую международную роль.

Но центральной государственной власти Грузии не раз приходилось выдерживать ярый натиск внутренних центробежных сил—родовой феодальной знати в союзе с церковью. В этой борьбе центральная власть опиралась на мелкопоместный слой дворянства и торгово-ремесленное сословие. Из этих слоев пополнялись ряды военно-рыцарского класса—ведущей живительной силы государства.

Давид Строитель сокрушил родовитую спесь дворянской знати. Очередь дошла до церкви. С 1103 г. Давид церковную организацию непосредственно подчинил своей власти. С этого времени грузинская церковь становится действенным орудием государственной политики в руках энергичных самодержавных царей.

В XI—XII вв. обозначается могучий подъём во всех областях материальной и духовной жизни грузинского народа. Усиливается экономическая мощь страны, значительно увеличивается продуктивность разностороннего сельского хозяйства; развиваются торговля, ремёсла; появляются великолепные хозяйственные сооружения, мосты, караван-сарай и т. д., расширяется сеть оросительной системы, проводятся широкие дороги военно-стратегического и хозяйственного значения; создаются новые города, посёлки, укреплённые пункты, крепости и т. д. Поражают дошедшие до нас монументальные памятники зодчества, тонкие образцы живописи, ювелирного дела и других видов искусств того времени.

Особой силы развития достигает книжное дело, словесное искусство, литература, поэзия.

С уменьшением политического влияния церкви соответственно понижается и удельный вес церковной литературы. Церковно-религиозная литература теряет своё господствующее положение, она всё более и более принимает схоластический характер. Зато быстро развивается светское направление в общественной мысли, науке, искусстве, литературе.

Светская литература выражает не потусторонние (загробные) мистическо-духовные идеалы, а земные, реальные, материальные, она выражает высоконравственные и возвышенные человеческие устремления. Появляются ясные проблески грузинского гуманизма, нашедшего своё блестящее отражение в творчестве гениального Руставели.

Грузия XI—XII вв. имеет постоянное соприкосновение с соседними странами Востока и Запада. На грузинский язык переводятся творения античных греческих философов и поэтов, в частности поэмы Гомера. Переводятся также лучшие памятники

иранской, азербайджанской и таджикской поэзии («Шах-Намэ» Фирдоуси, поэмы Низами, Онсори, Гургани и др.). С другой стороны, высокий уровень грузинской культуры XII в. находит своё отражение в литературе соседних с Грузией народов; в частности в творчестве великих азербайджанских поэтов—Низами и Хакани.

XII век—классический период древнегрузинской литературы. Высокой степени развития достигли эпические и лирические жанры.

К сожалению, очень многое и ценное из литературного наследия этого периода утеряно для потомства в результате катастрофических событий последующих веков (монгольские нашествия). Как материальную, так и духовную культуру грузинского классического периода мы знаем только в фрагментарном виде. Из богатейшей культуры эпохи Руставели уцелело только несколько значительных памятников художественной литературы.

«Амиран-Дареджаниани». Одним из первых сохранившихся памятников светской литературы XII в. является повесть «Амиран-Дареджаниани», рассказывающая о славном богатыре Амиране Дареджанисдзе и о его соратниках. На фоне двенадцати сказочно-фантастических рассказов повести вырисовывается образ гордого и могучего богатыря-витязя Амирана, верного и преданного служителя своему государству и патрону, борца против злых сил и коварных людей, сразителя чванливых великанов и страшных чудовищ, заступника оказавшихся в беде собратьев, покровителя слабых и немощных, защитника женской чести, человека с чуткой и благородной душой.

Существует предположение, что повесть «Амиран-Дареджаниани», приписываемая Моисею Хонели, своим источником имеет популярное народное сказание о богоборце Амиране. «Амиран-Дареджаниани» написан простым, сочным языком, существенно отличающимся от языка церковно-книжной литературы.

«Висрамиани». В первой половине или в середине XII в. Саргис Тмогвели обработал персидскую поэму «Вис и Рамин» в грузинскую повесть «Висрамиани», в своей основе представляющую параллель знаменитой средневековой повести «Тристан и Изольда». Несмотря на иноземное происхождение сюжета, язык художественной прозы «Висрамиани» классически совершенен и носит яркий национальный колорит. «Висрамиани» красочно повествует о нежной, но чисто плотской любви, от которой резко отмежевывается певец возвышенных чувств Шота Руставели.

ДРЕВНЕГРУЗИНСКИЕ ОДОПИСЦЫ

Представители науки, искусств и поэзии на определённых условиях получали доступ к двору грузинских царей XII в.: придворные историки писали хроники и исторические сочинения, в которых развивали взгляды официальных кругов, учёные-законоведы обосновывали божественное происхождение царской власти. На торжественно обставленных дворцовых приёмах поэты-одописцы выступали с чтением высокопарных, но изящных панегирических стихов.

Выдающимися поэтами-одописцами XII в. являются Шавтели и Чахрухадзе.

Шавтели Иоанн—автор панегирической поэмы «Абдул-мессия» (что значит раб Христа, повидимому, прозвище главного восхваляемого лица произведения). Окончательно ещё не установлено, кто именно является этим лицом—Давид Строитель или Тамара. Шавтели изоощрённо воспеваает своего благодетеля-патрона (или, вернее, благодетелей-патронов), в нарочито приподнято-торжественном стиле обрисовывая его образ. По мнению одописца, предмет его хвалебных стихов божественным провидением поставлен во главе грузинского государства на страх «басурманам» и другим инако верующим и на радость христианского мира. Ода Шавтели имеет сильный налёт церковно-религиозного мышления, язык поэмы в значительной степени искусственный и книжно-архаичный.

Чахрухадзе—написал сборник хвалебных стихов под названием «Тамариани». Он прославляет царицу Тамару и её супруга Давида Сослани. Чахрухадзе развивает мессианистическую идею о предвечности грузинской царицы и её священной миссии по спасению христианского человечества. Тамара провозглашается одописцем инкарнацией христианского божества, вся предшествующая история человечества была, мол, призвана подготовить почву для земного воплощения грузинской царицы. Чахрухадзе превозносит могущественное грузинское государство, возглавляемое «божественной царицей» и её славным супругом Давидом. Стихи Чахрухадзе характеризуются чрезвычайной образностью, словесной величавостью и виртуозностью. Поражает широкая начитанность и эрудиция одописцев Чахрухадзе и Шавтели, прекрасно иллюстрирующая наличие высокой культуры Грузии XII в. Оды Чахрухадзе и Шавтели написаны на двадцатисложный размер, с богатой внутренней и внешней рифмой, получивший впоследствии название «чахрухаули».

Историография. Придворный историк Давида Строителя Арсений написал историю своего патрона; о жизни и деятельности Тамары имеются три исторических сочинения. Исторические сочинения классического периода характеризуются глубиной замысла и художественностью изложения.

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Шота Руставели—величайший поэт Грузии, автор знаменитой поэмы «Вепхисткаосани» («Витязь в тигровой шкуре»). Достоверных биографических сведений о нём сохранилось очень мало. Главным осведомляющим источником по важнейшим историко-литературным вопросам касательно поэмы и её автора является пролог «Витязя».

Следуя поэтической традиции того времени, Руставели посвящает поэму царице Тамаре (1184—1213), почтительно воспев её в своих вступительных строфах. Это посвящение даёт нам ключ к датировке поэмы: поэма «Витязь в тигровой шкуре» могла появиться не раньше 80-х годов XII в. и не позднее первого десятилетия XIII в.

В прологе поэмы два раза упоминается автор, он — Руставели (точнее Руствели), что буквально значит «происходящий из Рустави». Имя поэта Шота засвидетельствовано в литературных документах более позднего времени. Повидимому, Шота Руставели был владельцем Рустави, принадлежал к служилому слою грузинского светско-феодалного общества XII в. и был близок к придворным кругам.

В Грузии несколько географических пунктов под названием Рустави. Обычно Шота считают представителем Месхетского (южногрузинского) Рустави («Месх безвестный из Рустави»). Многочисленные народные сказания, преимущественно месхетского происхождения, дополняют и расширяют биографию поэта, но в любопытных народных сказаниях много легендарного вымысла.

«Витязь в тигровой шкуре», очевидно, не единственное и не первое произведение Руставели, но пока что неудачны все попытки напасть на след других сочинений поэта.

Сюжет поэмы. Сравнительно несложный сюжет поэмы «Витязь в тигровой шкуре» очень привлекателен по содержанию. Пожилой именитый царь Аравии Ростеван, не имея сына-наследника, возводит на престол свою единственную дочь, красивую и умную Тинатин, которая питала любовь к славному рыцарю-полководцу и царедворцу Автандилу. Однажды во время охоты Ростеван и Автандил встретились у ручья со странным плачущим витязем. Все попытки заговорить с ним остались тщетными. Это огорчило Ростевана. Тогда Тинатин поручила своему возлюбленному рыцарю во что бы то ни стало отыскать загадочного чужестранца. Автандил охотно берётся услужить своей патронессе и после долгих и мучительных странствований находит уединившегося в пустынной пещере витязя по имени Тариэл. Тариэл рассказал Автандилу свою скорбную историю: он — отпрыск царственного рода и амирбар великого индийского царя Парсадана, терзаемый страстной любовью к солнцеликой царевне Нестан-Дареджан.

Судьба не способствовала счастью влюблённых. Царь Парсадан задумал выдать Нестан-Дареджан замуж за хорезмийского царевича, который к тому же объявлялся наследником индийского престола (каковым по праву считался Таризэл). По наущению Нестан-Дареджан Таризэл убил соперника и готовился к захвату власти. Нестан-Дареджан обвинили в порочной любви к мятежнику и жестоко наказали: после тяжких побоев ее тайно удалили далеко за пределы Индии. Таризэл бросился на поиски, но безрезультатно. Потеряв надежду отыскать возлюбленную, он покинул отечество, уединился в пустыню и здесь нелюдимо доживал дни своей злополучной жизни. Автандил побратался с Таризэлом, утешил его, обнадежил и сам взялся за поиски Нестан-Дареджан. Действительно, в конце концов Автандилу удаётся напасть на её след. Она оказалась заключённой в неприступной крепости Каджети.

Таризэл и Автандил, при содействии третьего побратима Придона, овладели крепостью и освободили Нестан. Радостные и счастливые, витязи возвращаются в родные края. Таризэл бракосочетается с Нестан-Дареджан, Автандил — с Тинатин. Дружно, мирно и гуманно правят они своими странами. Народ у них благоденствует.

Изложенное содержание поэмы развёртывается автором с тонкостью гениального мастера художественного сказа. Сюжет «Витязя в тигровой шкуре» и поныне глубоко захватывает читателя, с неослабевающим интересом читаются строфы, повествующие скорбную историю о злключениях благородного витязя Таризэла, искреннее сострадание вызывает необычайно тяжёлая участь бесподобной красавицы, кристаллически чистой и безропотной Нестан-Дареджан. Восхищают героические подвиги Автандила.

Руставели удачно избегает характерные для произведений эпическо-повествовательного жанра сюжетные повторы, длинноты. Поэма «Витязь в тигровой шкуре» очень динамична, действие в ней развивается быстро, нарастающе, естественно и логично.

В поэме много напряжённых драматических ситуаций. Заражает страстный, одухотворённый пафос, особенно проникновенный в поворотных пунктах сюжетного действия.

Поэма «Витязь в тигровой шкуре» для своего времени предельно свободна от сказочно-фантастических элементов, даже руставелевские каджи (буквально—злые духи) очеловечены, наделены материальными реалистическими чертами. На недоуменный вопрос Автандила: «Каджи—тварь без плоти, как же плоть нашли себе потом?»—Фатьма разъясняет:

Каджи—люди, их обитель—гор скалистых вышина³.

Руставели создал целую галерею полнокровных, живых, цельных человеческих образов—мужчин и женщин, волевых и бесстрашных борцов во имя торжества справедливости на земле. Нестан-Дареджан, центральный образ поэмы, дева-красавица, целомудренная, добродетельная и кроткая, становится тигрицей, в ней вспыхивает душа мятежника, она восстаёт против брака по принуждению. За свободомыслие и непокорность Нестан томится в Каджетской крепости, цитадели тирании и изуверства. Титанические, нечеловеческие усилия, непоколебимая вера в осуществление справедливости, самоотверженная борьба трёх благородных побратимов увенчались триумфальным успехом. Каджети разрушена, Нестан-Дареджан вызволена из «пасти змия», справедливость восторжествовала.

«Мрак развеян, и величье света стало нераздельно»—эта оптимистическая, жизнеутверждающая идея победы справедливости над произволом, добра над злом лежит в основе поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Человек ищет и добивается полного счастья на земле.

³ Стихи преимущественно цитируются по переводу Ш. Нуцубидзе

Хотя Руставели своё повествование развёртывает на огромном географическом пространстве и действующими лицами выводит представителей разных народов (индийцев, арабов, мулгазарийцев и др.), он глубоко национальный поэт.

Черпая свои передовые гуманистические идеи из недр подлинно народного сознания, Руставели художественно отобразил в своей поэме разнообразную и сложную социальную жизнь грузинской исторической действительности XII в. Основой этой жизни явилась особая форма феодально-патронатских отношений людей, именуемая «патронкмба» (сюзеренно-вассальные отношения, отношение патрона к подчинённому, вассалу—«кма»).

Основные идейные мотивы поэмы. Ведущими идейными мотивами поэмы «Витязь в тигровой шкуре» нужно признать побратимство, дружбу народов, культ женщины и любовь, усердие и верность в выполнении общественного долга, патриотизм. Все эти мотивы вращены на социально-политической и идеологической почве грузинской жизни.

Руставели идеализирует гуманные формы феодально-патронатских отношений. Его любимые персонажи—Тариэл и Автандил—просвещённые, учтивые, доблестные рыцари-кма, верные служители чести и долга перед отечеством, перед единоподданым царём-патроном и перед предметом любви. Как социальные персонажи они похожи друг на друга, их одинаково характеризует и внешняя, и внутренняя красота рыцаря, мужество, доблесть и благородство. Однако они богато наделены своими собственными характерными индивидуальными чертами. Витязь Тариэл нарисован, как умный и рассудительный, добродушный и чувствительный до сентиментальности. Тариэл по преимуществу личность эмоциональная. Автандил же обладает более уравновешенным характером, он благоразумен и хитёр, ловок, гибок, жизнерадостен. Оба они—Тариэл и Автандил—исключительно честны, правдивы, любвеобильны, бесконечно преданы священному долгу побратимства.

Тариэл и Автандил побратались, поклявшись в вечной дружбе, при первой же встрече в пещере. Во имя помощи оказавшемуся в беде собрату Автандил покидает родной очаг, разлучается с возлюбленной, претерпевает огромные страдания, но он хорошо знает силу клятвенного слова рыцаря-побратима:

Надо другу ради друга не страшиться испытаний,
Откликаться сердцем сердцу и мостить любовью путь⁴.

Всецело отдался служению побратимскому долгу и славный витязь Придон. Характерно, что мужественное решение—отказаться от личного счастья во имя друга—вполне одобрила величественная патронесса Автандила. Подвергая опасности любимого человека, Тинатин сама лишалась душевного покоя, но она так же полна добродетели и альтруистической чувствительности, как и её достойный избранник.

Вообще идеализированные мужчины и женщины «Витязя в тигровой шкуре» одинаково одарены высокими интеллектуальными и моральными качествами, добродетельны, чувствительны и благородны. Очень трогательна в поэме безупречно чистая, лучезарная дружба между представителями мужского и женского пола, между Тариэлом и Асма, что редко встречается в истории мировой литературы.

Побратимство вовсе не противопоставляется в поэме чувству любви, наоборот, побратимство и любовь неразрывно связаны между собой и сосуществуют вместе; можно сказать, что побратимство органическая часть или даже порождение возвышенной любви. Герои Руставели побратались на основе всеобъемлющей силы любви, во имя спасения носительницы этого чувства—Нестан-Дареджан.

Побратимство трёх героев перерастает в дружбу народов. Араб Автандил, индиец Тариэл и мулгазариец Придон установили между собой не только личную душевную

⁴ Перевод Г. Цагарели.

дружбу, но они крепкими узами дружбы связали представляемые ими народы. Несмотря на различие по национально-племенному происхождению, славных побратимов воодушевляло единое благородно-человеческое устремление; их объединяла единая воля, единая цель. Именно в результате объединённых усилий добились они желанной победы над произволом. С честью возвратившись в свои страны, друзья-побратимы в дальнейшем не ослабляли, а ещё более усиливали установившуюся связь, продолжали оказывать друг другу взаимную военную и иную государственную помощь, тем самым обеспечивая спокойствие и преуспевание своих народов.

Мотив любви—один из важнейших мотивов «Витязя в тигровой шкуре». Руставели ещё во вступлении чётко и ясно определяет сущность любви и устанавливает её сложный кодекс. Руставели различает три основных вида любви. Первый вид—это божественная любовь; хотя поэт признаёт самоценное значение этой высшей формы любви, «постигнуть тайну» которой «мудрецов бессилен гений», он явно от неё отмежовывается и просто и скромно заявляет:

«Я воспел лишь плоть земную, красоту её влечений». Руставели брезгливо относится к третьему, вульгарному виду любви, подобию распутства. «Не распутных, а томящих жаждой высших вожделений» воспевает поэт, ему глубоко претит низменная, животная похоть, половая извращённость и моральная распущенность. Проповедуемая Руставели любовь—и не отвлечённо-беспредметная духовная страсть, и не низменное, плотское влечение; она—земное, нравственно возвышенное человеческое чувство. По Руставели, такое чувство посильно носить классу степенных, морально стойких, доблестных и интеллектуально возвысившихся рыцарей. Имея в виду сказанное, можно понять смысл следующих стихов поэта:

Но лишь тот миджнур⁵, кто с виду блещет солнечной красой,
а в душе своей лелеет мудрость, щедрость и покой,
одарён умом и словом, мощных мощно кличет в бой!
Кто лишён всех этих качеств, тот миджнур совсем плохой.

Итак, руставелевские идеальные влюблённые рыцари (по-грузински — «мокме») должны отличаться исключительной внешней красотой, внутренним духовным величием, большим умом, доблестью и мужеством.

Теорию любви, преподанную в прологе, Руставели творчески обосновывает в самой поэме. Именно земную, но идеальную, рыцарскую, морально возвышенную и облагораживающую человека любовь и воспевает Руставели.

Для мужчины, равно как и для женщины, любовь—трудное испытание. Только героическим порывом и доблестью может мужчина овладеть сердцем избранницы, только рыцарской самоотверженностью, безукоризненным выполнением общественного долга и преданностью отечеству можно заслужить доверие любимой женщины. Нестан откровенно писала Таризлу:

Для чего вздыхать о смерти,—разве в том миджнуров дело?
Ты мне подвиги героя покажи, как воин, смело.
Всей землёй хатайцев царство наше исстари владело
но хатайцы изменили. Накажи ты их умело.

Молвлю я тебе всю правду, ты ж внемли—вот мой совет:
ты иди, срази хатайцев, мне явись в венце побед.
Брось твои пустые слёзы и не мни ты розы цвет.
Ждёшь чего ещё от солнца, коль зажгла во тьме я свет?

⁵ Влюблённый.

Любовь вызывает к жизни высокие моральные подвиги, вдохновляет на героические дела.

Тариэл с честью выполнил возложенную на него трудную задачу и окончательно покорила сердце возлюбленной. «Вне тебя, клянусь светилом, я ничьим не буду даром», — писала Нестан Тариэлу после его победоносного возвращения из Хатай. Героическим подвигом добился руки Тинатин и Автандил. Достоинно были вознаграждены за свои мучительные страдания и женщины «Витязя», прелестные Нестан и Тинатин.

Руставелевское понимание любви увязывается с его теорией поэзии, тоже изложенной во вступлении к поэме. Считая поэзию «областью мудрости» и отдавая должное её божественному характеру, Руставели, однако, подчёркивает её земное, мирское, познавательное, даже утилитарное назначение, говоря:

Ведь поэзия издавна любомудрию равна.
Дар богов, богам на небе улаждала слух она,
но и здесь способный слушать вкусит сладость в ней сполна.

Руставели хорошо понимает значение семьи, основанной на любви; поэт провозглашает свободу чувств, резко осуждая насилие и принуждение в выборе супруга. Трагическая участь Нестан-Дареджан сопряжена с тем обстоятельством, что царь Парсадан решил выдать свою дочь замуж за незнакомого чужестранца. Парсадан не мог не догадаться о взаимных влечениях Нестан-Дареджан и Тариэла, но по своей консервативности и косности он предполагал, что отцу положено самому решать судьбу дочери. Парсадану непонятно естественное и чистое чувство юного сердца, чуждо понимание свободы женской воли. Задетые в своих наилучших чувствах, Нестан и Тариэл выступают в защиту человеческих прав, в защиту попорченной чести любви. На этой почве разыгрались кровавые события, Нестан сделалась трагической жертвой этих событий. Руставели показывает, насколько неразумно и несправедливо поступил Парсадан, который и сам был немало наказан за своё жестокосердие и безрассудство.

Не в пример Парсадану поступил арабийский царь Ростеван, который, узнав о взаимной любви Тинатин и Автандила, всей душой пошёл им навстречу и искренне благословил их супружество.

Глубоко национальное и самобытное разрешение нашла в поэме идея преклонения перед женщиной (культ женщины). Общественно-политические условия того времени способствовали развитию культа женщины. Известно, что Грузии был чужд гаремно-замкнутый образ жизни женщины. Ещё в «Мученичестве Шушаники» (V в.) и в «Житии Нины Каппадокийской» (VIII—IX вв.) говорится, что перед всевышним едины и равны и мужчины и женщины. Георгий Мерчули (X в.) создал ряд сильных женских образов, не чуждых серьёзным любовным увлечениям. В исторической жизни Грузии, на политическом и культурном её поприще, женщины часто играли видную роль. По национальным церковным преданиям Грузия считалась уделом богородицы, а обращение грузин в христианство приписывается женщине—Нине Каппадокийской. Церковный писатель XII в., современник Руставели, Николай Гулаберисдзе составил специальный трактат в защиту и в похвалу женской чести и женского достоинства. Наконец, нельзя упускать из виду, что Руставели сам был свидетелем расцвета грузинской государственности под властью женщины—царицы Тамары. Век Руставели идейно был вполне подготовлен для восприятия и пропаганды культа женщины. Отсюда закономерность знаменитого афоризма «Витязя в тигровой шкуре»—«Льва щенки равны друг другу, будь то самка или самец», и общая идейная направленность великого грузинского поэта, его восторженный гимн женской чести и свободе женской любви и созданный им неувядаемый художественный образ Нестан-Дареджан. В замыслах поэта Тинатин не играет ведущей роли, но её внутренние моральные черты, умственные способности и внешний облик вполне гармонируют с общим представлением Руставели

об идеальной женщине. Нестан-Дареджан и Тинатин не только олицетворяют чистоту женской любви, но они самоценные человеческие индивидуумы, натуры с непоколебимыми моральными устоями и глубокими интеллектуальными побуждениями. Заточённая в каджетской цитадели Нестан не теряет самообладания, в необычайно тяжёлых условиях она сохраняет бодрость духа и трезвость рассудка. Это она, хрупкая телом, но могучая духом Нестан, произносит мудрейшие слова:

Кто ж из мудрых раньше смерти сам покинет этот свет?
В затрудненьях нужен разум, ясный разума совет.

Нестан-Дареджан не замыкается в свои личные переживания; трезво оценив всю серьёзность положения, она не поддалась отчаянию (Нестан-Дареджан не тяжело было расстаться с постылой жизнью, она не о самой себе размышляла), её подавляла и угнетала судьба отечества, судьба обездоленной родной Индии и безутешных родителей. В обращении к Тариэлу Нестан писала:

Мёртвым я тебя считала и, охвачена тревогой,
дни влачила, словно бремя, обессилев от борьбы.
Но теперь от счастья плачу, прославляя милость бога,
и не тяжко больше горе на весах моей судьбы.
Я живу твоей любовью, и других надежд не надо...
Раз тебе вверяю душу, не боюсь предсмертной муки,
ведь любовь я сохранила, как высокий дар, ценя;
но невыносимы раны, нанесённые разлукой!
Ты не плачь, меня жалея, и молю: забудь меня!⁶

Обращение заключено словами призыва:

Торопись в пределы индов: мой родитель ждёт подмоги.
Окружён он там врагами, без поддержки, одинокий.

Письмо Нестан-Дареджан—блестящий образец величия женской души, торжества разума над страстями, зажигательный и волнующий поэтический документ в защиту родины от посягательств врагов.

Вся поэма Руставели проникнута благородной идеей патриотизма.

Мы уже знаем о славных походах Тариэла против вероломного хатайского царя Рамаза для восстановления государственного суверенитета Индии. Очень сильно проявились патриотические чувства индийцев в тревожные дни конфликта между царём Парсаданом и амирбаром Тариэлом. Нестан и Тариэл долго и вдумчиво обсуждали общий план действий на случай прибытия хорезмийского царевича в качестве жениха и наследника престола; выше личных интересов они ставили интересы национальные и государственные. Нестан и Тариэл отказывались признавать права чужестранца на верховную власть в индийском государстве. «Нет, не дело, чтоб над нами перс возвысился, как хас»⁷,—заявляют они. Нестан советует Тариэлу поведать царю Парсадану:

Доложи: не выдам индов я чужому произволу.
Не отдам врагу и драхма, сам наследую престолу.

⁶ Перевод Г. Цагарели.

⁷ Знатный, вельможа.

Нужно учесть, что Таризэл принадлежал к царскому роду и Парсаданом воспитывался в качестве наследника индийского трона. Таризэл смело напомнил Парсадану о забвении им царственного слова и о безразличии к государственным интересам Индии.

Во имя защиты поправленных прав престолонаследия и национально-суверенных достоинств отечества Таризэл возглавил мятеж и обратился за помощью к индийскому народу. Вся вооружённая Индия встала под его знаменем. Таризэл рассказал об этом Автандилу:

Я послал людей повсюду передать войскам мой зов:
пусть идут ко мне немедля, кто помочь мне был готов.
Тёмной ночью шли поспешно, подходили вновь и вновь.
Всё узнав, бойцы согласны не щадить своих голов!

Если б не роковая история Нестан-Дареджан, Таризэл без особых усилий взял бы в свои руки власть над Индией и, надо полагать, успешно повёл бы её к процветанию.

Политическим идеалом Руставели является объединённая, сильная, единоподержавная страна во главе с мужественным, просвещённым и гуманным царём. Поэт стоит за полную централизацию власти, он осуждает феодальные распри и феодально-сепаратистские устремления вассальных царьков. Руставели высоко чтит единоподержавных владык (царей), поучает уважать их достоинства и беспрекословно подчиняться их власти. Однако и от самих «владык» он требует справедливости и благоразумия. Устами скромного и учтливового витязя Таризэла Руставели резко осуждает политическую близорукость царя Парсадана:

Сам ты знаешь, как нам ценно, если царь на страже права.
Что мне льстить? Сужденья ваши, я б сказал, отнюдь не здравы

Поэма Руставели насыщена антиперсидской политической тенденцией. Если вспомнить, какой произвол и какие беззакония чинили персы в Грузии в былые времена своего господства, то станет ясным патриотическая направленность идеи поэмы для грузинской общественности.

Общегосударственные интересы в полной мере определяют поведение и второго, после Таризэла, героя поэмы Руставели—Автандила. В специальном завещании он поручал своему заместителю Шермадину зорко охранять государственные границы страны: «Укрепляй границы, чтобы враг не мог нанести урон».

Жизнеутверждающие мотивы и героика. Поэма «Витязь в тигровой шкуре»—жизнеутверждающее произведение. Руставелевские герои любят содержательную, разумную и красивую жизнь, жизнь осмысленную и достойную человека. Смерть их не страшит, они с презрением относятся к ней. Устами Автандила Руставели заявляет:

Недостойной жизни лучше достославная кончина.

По мнению поэта, жизнь облагораживается стремлением к добродетели, к доброму имени: «Всех богатств добытых лучше добыванье доброй славы».

Жизненная арена—это поприще для испытания человека, его физических, нравственных и интеллектуальных сил. Только мужественно преодолевая препятствия на тернистом пути, полном опасности, может закалиться герой, достойный хорошей участи в жизни. Кто способен выдержать испытания, тот и наслаждается жизнью, тот вправе вкушать сладостные плоды победы, ибо—

Не отведав горя, счастья не вкушает человек.

Или:

Радость чувствовать приятней, испытав беду сперва.

Руставели клеймит лукавых и вероломных предателей:

Презираю человека, если он изменник шалый.

Приколоть копьём тех должно, кто не выполнил свой долг.

Поэт подчёркивает особую гнусность и подлость внутренних врагов, скрытых и лживых двурушников:

Враг открытый так не вреден, как под дружеской личиной.

Руставели бичует и поносит всех тех, кто нарушает клятвенное слово, изменяет другу и отчизне, кто низок душой, кто хвастливой бравадой и шумихой прикрывает своё ничтожество и свою бездеятельность («Ни к чему храбрец кичливый и вояка запоздалый»).

Руставели претит малодушие и трусость. В завещании Автандила говорится:

Хуже нет, когда со страхом воин в бой идёт кровавый
ужасаясь, весь трепещет и дрожит пред смертью, здравый.
Чем же лучше хилой пряжи воин слабый и лукавый?

Воина, рыцаря и всякого достойного мужчину украшают смелость, дерзновение, отвага и мужество. Руставели мудро поучает:

Мужу надо быть отважным, меньше слёз и больше дел,
против горя и несчастья устоять твердыней надо.⁸

Образы-характеры. Любимые персонажи Руставели—цельные и совершенные характеры. Поэт, конечно, преувеличивает, идеализирует своих добрых витязей и прелестных героинь. Руставели материал для поэмы черпал из реальной, современной ему жизни; его герои одарены лучшими чертами, свойственными грузинскому народу вообще и его прогрессивной для XII в. военно-рыцарской среде—в частности. Некоторое преувеличение и гиперболизация вполне закономерны для поэта возвышенных идеалов. Руставели как большой мыслитель и поэт смотрел на жизнь в её движении вперёд, он улавливал тенденции развития и в передовом настоящем ощущал ростки будущего. Потому его героические образы—сильные человеческие характеры далёкого прошлого—захватывают и поныне, сохраняя свою свежесть и неувядаемую художественную силу. Особенно созвучна нашей советской эпохе идея дружбы народов, с такой силой и поэтическим блеском провозглашённая Руставели.

В своей поэме Руставели изображает в основном жизнь и быт двух социальных слоев грузинской феодальной общественности—рыцарского и торгово-купеческого. Купеческо-торгашеский быт поэт рисует явно отрицательно. В стране Гуланшаро, купеческом государстве, места Тариэла и Автандила занимает купец Усен, ближайший приятель и советник царя. Хотя Усен ловкий и предприимчивый человек в торговых делах, однако он морально разложившаяся личность и физический урод. Руставели заранее предупреждает о нём своих читателей:

Гляньте, как купчина пьяный шустр, и быстр, и хват, и льстец!

Именно купца Усена и имел поэт в виду, когда негодуяще писал:

⁸ Перевод Г. Цагарели.

Всё забыто: что тут клятва, что тут вера, что Коран!
Не нужна вороне роза, и ослу рога—изъян.

Жене Усена, Фатьме, суждено играть роль Нестан-Дареджан (и Тинатин). Руставели к ней великодушно снисходителен, но в то же время он не может скрыть некоторого своего иронического отношения к ней, что так ярко выступает в характеристике купчихи:

Хоть Фатьма не молодая, но достаточно страстна,
станом стройная, чернушка, не худа, полна она,
любит песни, любит пляски вместе с чарою вина,
и купчиха-щеголиха по нарядам в ней видна.

И эта «купчиха-щеголиха»—женщина довольно лёгкого поведения, сильно увлекающаяся, любящая покутить, повеселиться, сплетница, не заботящаяся о семейной чести, поносящая мужа за его физические недостатки,—откровенно заявляет: «Я супругом недовольна, он невидный и худой».

Своеобразные формы принимает в купеческой среде и любовь, понимаемая как плотское, низменное вожделение. Про подобную любовь говорит Руставели во вступлении к поэме:

Бессердечных поцелуев звон весёлый мерзок мне.
Пусть никто любовь такую настоящей не зовёт,
где сегодня—той все ласки, завтра—этой весь почёт
Лишь себе ни в чём отказа—в детской страсти без забот
Но влюблённый—всё мирское в жертву милой принесёт.⁹

В купеческой среде люди корыстолюбивы и скаредны, одержимы жадностью и стремлением к лёгкой наживе; рыцарское великодушие там уступает место малодушию, эгоизму. Распутство характерно для быта всего купеческого сословия.

Руставели намеренно противопоставляет устои просвещённой рыцарской жизни устоям невежественного купеческого быта. Идейная позиция поэта совершенно ясна: все его симпатии на стороне доблестной и степенной рыцарской общности, он идеализирует и превозносит лучшие, но специфические бытовые черты этой общности. В то же время Руставели проявляет великодушно-снисходительное отношение к отдельным, лучшим представителям купеческой среды. В этом смысле особое место занимает в «Витязе в тигровой шкуре» яркий реалистический образ Фатьмы. Несмотря на некоторые порочные черты характера, она не лишена теплоты женской души. Фатьма очень многое сделала для спасения Нестан-Дареджан. Знаменательно, что Фатьма, узнав о целях путешествия Автандила, не попыталась хоть на время задержать у себя любимого человека. Фатьма добродушна, добродетельна и человеколюбива.

Художественные особенности поэмы. Свои глубокие мысли и тонкие чувства Руставели передаёт изящными и гибкими стихами, известными под названием шаири. Руставели законодатель и непревзойдённый мастер этого метра. Шаири—шестнадцатисложный стих. Поэт пользуется двумя видами шаири: высоким (4+4+4+4) и низким (5+3+5+3). Разнообразие поэтического размера у Руставели сочетается с определённым порядком рифмической системы. Рифмы низкого шаири трёхсложны (дактилические), а высокого шаири—двусложные (женские). Строфы шаири четверостишные, рифмуются применительно к формуле *aaaa*. Руставелевские, рифмы, как правило, богаты, звучны, оригинальны. На высоком уровне стоят стихи «Витязя» по музыкальности; звуковая гармония в поэме достигает поистине недостижимых высот,

⁹ Перевод П. Петренко.

ассонансы, особенно аллитерации, поражают своей виртуозностью. К сожалению, в переводе руставелевские стихи, особенно аллитерационные и афористичные, теряют свою неподражаемую выразительность. Всё же проф. Ш. Нуцубидзе иногда удаётся сохранить звучание текста оригинала¹⁰, как, например:

Без удара низвергает Тариэл громовым рёвом.

Чрезвычайно богаты и другие стороны руставелевской художественной речи, из коих особо нужно отметить метафоричность и афористичность стиля поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Поэтическая речь Руставели насыщена сложными и развёрнутыми метафорическими рядами. Руставели бесподобный афорист. Его мудрые изречения всегда лаконичны, крылаты и отлиты в красивой словесной форме. Они, руставелевские афоризмы с изначальных времён перешли в народ и поныне продолжают бытовать в виде народной мудрости. Руставелевские афоризмы далеки от низкопробных нравоучительных тенденций и житейских назиданий.

Афоризмы, лирические прелюдии, эпистолий, краткие и меткие описания и другие статические элементы поэмы, совершенно не вредя динамике действия, красочно обрамляют сюжет «Витязя», усиливают его монументальную стройность, оживляют повествование, одухотворяют стих.

Руставели, решительно отбросив книжно-архаичные нормы древнегрузинской церковной письменности, приблизил литературный язык к разговорной речи. Язык стихов Руставели простой, лёгкий и в высшей степени выразительный. Исключительно богата и многообразна лексика Руставели, наглядно отражающая богатство общегрузинского литературного языка, ибо «словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык» (И. Сталин).

Народность поэмы. Руставели впитал в себя все достижения древнегрузинской письменности и, одновременно следуя лучшим традициям богатой народной поэзии, развил и поднял грузинскую литературу до небывалой дотоле высоты. Народностью и свободомыслием Руставели затмил современников и предвосхитил гуманистические идеи раннего Ренессанса. В центре внимания Руставели человек во всей совокупности и непосредственности его благородных устремлений. Идеи побратимства, дружбы народов, любви, непоколебимая вера в окончательную победу справедливости—идеи народные, выкованные в вековечной борьбе грузинского народа против поработителей и чужеземных и отечественных. Народны и идеи доблести, мужества, вообще идеи героических порывов. Благодаря своей народности, глубине мысли и художественности поэма Руставели «Витязь в тигровой шкуре» стала любимейшей книгой грузинского народа, народ её заучивал наизусть и зорко охранял от церковников, клерикалов и иных представителей мракобесия. Руставелевские поэтические нормы и руставелевское чувство изящного долго господствовали в грузинской литературе; в продолжение многих веков грузинские писатели у своего великого предшественника учились поэтическому творчеству.

Гуманистическое мировоззрение поэмы «Витязь в тигровой шкуре» и её всенародная популярность вызывали озлобление церковно-клерикальных кругов общества. Одни из недоброжелателей сознательно искажали текст поэмы, другие поносили имя её автора. Но клерикалам не удалось ни уничтожить «Витязя», ни умалить её вдохновляющей силы для грузинской поэзии.

Значение поэмы. Руставели—глубоко самобытный и национальный поэт, могучей поэтической силой раскрывший лучшие идеалы и чаяния грузинского народа. Но ему совершенно чужда какая бы то ни было национальная ограниченность или замкнутость; мир идей Руставели имеет общечеловеческое, мировое значение. Идеи

¹⁰ В переводе К. Бальмонта напевность стихов перерастает в самоцельную манерность.

патриотизма, побратимства, дружбы народов, идеи героических дерзновений, возвышенной женской любви, воспетые Руставели, конечно, присущи всем свободолюбивым народам—и малым и большим. Однако грузинскому поэту удалось художественно воплотить эти идеи ещё в XII в., в условиях мрачного средневековья, в условиях господства религиозно-мистического мышления. В этом величайшая заслуга Руставели. «Витязь в тигровой шкуре»—это вклад, который внёс грузинский народ в общую сокровищницу мировой культуры. Ибо чем более истинно национальна культура отдельного народа, тем более она и общечеловечна. Говоря словами А. А. Жданова, «интернационализм в искусстве рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину—означает потерять руководящую линию, потерять своё лицо, стать безродными космополитами»¹¹.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛИТЕРАТУРА XIII—XVIII вв.

С тридцатых годов XIII в. начинается наиболее тяжёлый период истории Грузии, период опустошительных вторжений монгольских орд. На протяжении почти двух веков (XIII—XIV) монголы дико злодействовали в стране, привели в полное расстройство её хозяйство, подорвали основы экономической мощи и политического единства государства.

Монголы подогревали в Грузии внутренний разлад, феодальные раздоры и междоусобицу. В силу всего этого катастрофически сократилось коренное, главным образом, трудовое, крестьянское население; к тому же эксплуатация крестьян приняла тягчайшие формы. Не позднее XV в. старое патронатство перерождается в крепостничество. Крестьян разоряли и внешние завоеватели, и свои крепостники. Непосильными стали многочисленные налоги, барщина и оброк. Грузинское крестьянство не раз выступало против социальной кабалы, но эти выступления оканчивались поражением.

С XV в. монголов сменили персы и турки-османы. С времён захвата турками Малой Азии и овладения Константинополем (1453 г.) Грузия с одной стороны оказалась отрезанной от Запада, с другой стороны она тесным кольцом была окружена враждебно настроенными сильными мусульманскими государствами. Межфеодальные и межплеменные распри разжигались и усиливались, «грузины..., разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии...»¹².

В XV в. Грузия состояла из нескольких враждующих между собой царств и княжеств. Картли и Кахети (Восточная Грузия), отчасти и Имерети (Западная Грузия) старались не прерывать связи с культурным христианским миром, но все попытки получить помощь со стороны западноевропейских стран были тщетными. Дикий произвол персов и османов продолжался на протяжении веков. Говоря словами И. В. Сталина, «...персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли

¹¹ Выступление А. А. Жданова на совещании деятелей советской, музыки в ЦК ВКП(б) («Советская музыка, 1948, I, стр. 20).

¹² И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос (Соч., т. 2, стр. 295).

армянскую и грузинскую нации»¹³. Но восточные варвары не добились своего, «они не только не добились уничтожения этих наций, а—наоборот—оказались вынужденными также капитулировать»¹⁴. Сохранить свою национальную честь и достоинство грузинскому народу помог великий русский народ. Уже с XVI в. внешнеполитическая ориентация Грузии окончательно склонилась на Россию. Со времени Иоанна Грозного и Бориса Годунова у Грузии с Московским государством устанавливается регулярная дипломатическая связь, хотя на первых порах эта связь ещё более усложнила политическое положение грузинских царств. Персией и Турцией русско-грузинские отношения рассматривались как вмешательство со стороны России в их внутренние государственные дела. Кровавый персидский шах Аббас I (1587—1629) огнём и мечом прошёл по грузинской земле, предал страну жесточайшему разорению, десятки тысяч семейств выселил во внутреннюю Персию. Аббас требовал от грузин разрыва отношений с Россией. Грузия на это не пошла. Первые неудачи не подорвали и не задержали естественного тяготения грузинского народа к великому русскому соседу. В 1783 г. Восточная Грузия добровольно вступила в состав Российского государства. Дорого обошёлся ей этот решительный политический шаг. Обезумевший от непокорности Грузии персидский тиран из династии Каджар, Ага-Магомет-Хан, в 1795 г. во главе огромных полчищ вторгся в Картли, жестоко разгромил и окончательно подорвал её государственную мощь. В феврале 1801 г. правительство императора Павла I официально упразднило Восточно-Грузинское царство и как административную единицу присоединило его к России.

Несмотря на полное игнорирование со стороны царского правительства государственных и национальных интересов Грузии, присоединение к России безусловно было важным положительным актом в истории грузинского народа. С этого времени Грузия окончательно освободилась от жестокой тирании варварских восточных государств, народ же грузинский спасся от неминуемого физического уничтожения, установил тесную связь со своим великим северным соседом и в конечном счёте обеспечил условия для дальнейшего развития своих материальных и духовных сил.

Социально-политическое и экономическое состояние Грузии позднефеодальной эпохи не способствовало её культурному развитию. От времён монгольского ига страна унаследовала общий упадок жизненного уровня, погибло много памятников материальной и духовной культуры, заглохли центры научной и литературной деятельности, казалось, окончательно замолк язык Руставели. Но и в тяжёлых условиях грузинский народ не впадал в отчаяние, сохранял бодрость духа, здравый рассудок и любовь к искусству, к литературе, к поэзии. Конечно, этому искусству и этой поэзии далеко было до образцов классического периода (XII в.), но Грузия эпохи социального и политического упадка всё же выдвинула немало незаурядных талантов—мыслителей, поэтов, учёных.

Историки грузинской литературы период с XVI по XVIII в. (включительно) условно называют периодом возрождения. Хотя этот термин не во всех отношениях себя оправдывает, но практически удобен, потому сохранён он и в нашем очерке.

Основной характерной особенностью эпохи грузинского возрождения является борьба за творческое наследие Руставели. Прогрессивные представители общественной мысли своим знаменем провозглашают автора «Витязя в тигровой шкуре», требуя от писателей и поэтов учиться и совершенствоваться по его образцам. «Кто не последует за Руставели, тот пусть отступит назад, не его дело заниматься поэзией»,—заявляет выдающийся поэт и мыслитель Арчил (1647—1713). В XVI—XVIII вв. имеем целый ряд интерполяций, продолжений и подражаний поэме Руставели.

Церковно-клерикальное общество, наоборот, считая Руставели нечестивцем, безбожником, объявляет на него гонение. Многие списки поэмы «Витязь в тигровой шкуре» XVI—XVIII вв. сохранили явно подложное четырёхстишие—безусловно продукт

¹³ И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм (Соч., т. 11, стр. 348).

¹⁴ Там же.

сочинительства церковников. «Начальная глава,—читаем в четырёхстишии,—писана по персидскому образцу (буквально: по-персидски), именуется «Вепхис Ткаосани» («Витязь в тигровой шкуре»), душа в ней вовсе отвергается, а плоть превозносится; насквозь светская, не упоминает единосущной троицы и в день судный нам не пригодится».

Упомянутый выше поэт Арчил сообщает, что определённые круги книжников домогались обнаружить у Руставели «Зло сказанное». Первый учёный издатель и комментатор «Витязя», Вахтанг VI (1675—1737), подтверждает факт порочного толкования и гонения поэмы. С явной целью предохранить её от хулителей и недоброжелателей, сам Вахтанг даёт аллегорически-мистическую интерпретацию содержания поэмы, считая идею любви у Руставели выражением божественной страсти. Но толкование Вахтанга не только не смогло оградить Руставели от нападков, а ещё больше ожесточило клерикалов. Архиепископ Тимофей (умер в 1764 г.) яростно клеветает на Руставели, говоря, что он «был автор злых стихов, который сбил грузин с пути истинного и развратил христианство». Заодно Тимофей осуждает превратное, по его мнению, толкование Вахтанга. Глава клерикально-схоластического направления в литературе и общественной мысли католикос Антоний I (1720—1788) хотя и признаёт за Руставели высокий талант стихотворца, однако замечает, что этот талант «растрочен всеу, что [весьма] печально». Литературное предание приписывает Антонию попытку физического уничтожения поэмы Руставели. Действительно, во второй половине XVIII в. было собрано и варварски уничтожено большое количество печатных экземпляров «Витязя». По свидетельству хорошо информированного Е. Болховитинова: «Поэма сия («Витязь в тигровой шкуре») при царе Вахтанге VI была в Тифлисе напечатана, однакож вскоре истреблена, так что ныне весьма редко можно видеть печатные оной экземпляры»¹⁵.

Второй характерной чертой литературной жизни эпохи является острая идеологическая борьба против восточного (персидского) направления в поэзии, за утверждение и развитие национальных и народных основ духовной культуры.

В силу известных исторических причин персидский язык и персидский образ жизни постепенно насаждались в среде некоторой части грузинской феодальной аристократии, появились и поклонники персидской поэзии. Передовые силы грузинского мыслящего общества, опираясь на глубокие традиции древней национальной культуры, вели непримиримую борьбу против проникновения в общественную жизнь и в литературу персидско-мусульманского влияния.

ТЕЙМУРАЗ I

Наиболее ярким носителем персидского влияния в грузинской литературе является даровитый поэт царь Теймураз I (1589—1663), получивший воспитание и изучивший персидский язык и литературу при дворе персидского шаха Аббаса. Теймураз не оправдал политических надежд своего воспитателя, свирепого шаха. Наоборот, он упорно поддерживал близкие политические отношения с Московским государством (в 1658 г. лично посетил Москву и вёл переговоры с царём Алексеем Михайловичем) и в продолжение своей долгой жизни оказывал отчаянное сопротивление вероломным домогательствам Аббаса, который в неистовой злобе не раз громил подвластную Теймуразу страну, замучил его мать, сестру, дочь и двух сыновей. В борьбе с персами погиб и его последний сын Давид. Теймураз не покорился и кончил свою жизнь в изгнании в далёком Астрабаде.

Несмотря на свою ненависть к персам, Теймураз, однако, поддался влиянию персидской поэзии. Теймураз обработал на грузинском языке ряд известных персидских поэм—«Иосебзилиханиани» («Иосиф и Зулейха»), «Лейлмеджнуниани» («Лейли и

¹⁵ Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном её состоянии, СПб, 1802, стр. 87.

Меджнун»), «Вардбулбулиани» («Соловей и роза»), «Шампарваниани» («Свеча и мотылёк»). Хотя Теймураз переносил на грузинскую почву традиции персидской вычурной поэзии, в своих лирических стихах он искренен и выражает глубокую скорбь, порой переходящую в отчаяние. Поэт осуждает и поносит тленный и вероломный мир, оплакивает судьбу своих близких, проклинает виновника бедствий своей страны и своих собственных — «кровопийцу», персидского шаха. Очень трогательно описывает Теймураз мученическую смерть своей матери Кетеваны, негодующие строки посвящает он зверствам шаха Аббаса в Кахети.

С мотивами тоски и скорби в поэзии Теймураза обильно сочетаются мотивы страстной любви и апологии безудержного веселья и вина («Прения между вином и губами»). Поэт красочно воспевает, в духе персидской лирики, любовные наслаждения, красавиц и вино.

Следуя опять-таки персидской поэтической манере, Теймураз чрезвычайно увлекался словесной изощрённостью. Он создал целую лирическую поэму («Маджама»), состоящую сплошь из искусственных, замысловатых и в общем тяжёлых омонимистических стихов.

Характерно, что поклонник персидской поэзии, недооценивающий высокие качества родной речи, Теймураз горделиво, без всякого на то основания, ставил себя выше национального грузинского гения—Руставели.

Немногие поэты и писатели последовали за Теймуразом. Из числа его последователей-современников следует упомянуть поэта Нодара Цицишвили, переложившего на грузинский язык поэму о любовных похождениях Бахрама-Гура («Барамгуриани»).

«Ростомиани». В эпоху «возрождения» вновь была переведена знаменитая героическая эпопея Фирдоуси «Шах-Намэ», называемая по грузински «Ростомиани», по имени главного богатыря поэмы Ростом (Рустема). Перевод «Ростомиани» классического периода утерян, новый перевод был выполнен в разное время и разными лицами в продолжение XV—XVII вв. частично прозой, частично стихами. Стихотворная «Ростомиани» содержит основную, мифическо-героическую часть «Шах-Намэ» и кончается смертью Ростом. На грузинском языке имеются также многочисленные произведения из цикла дополнений и подражаний «Шах-Намэ».

«Хосров-Шириниани» и «Фархад-Шириниани». В эпоху так называемого грузинского возрождения были переведены на грузинский язык «Хосров и Ширин» **Хосроя Дехлеви** и «Фархад и Ширин» знаменитого узбекского поэта **Навои**, а также «Иосиф и Зулейха» **Джами**.

АРЧИЛ

Ярым противником литературных позиций Теймураза и основоположником национально-патриотического направления в общественной мысли и в поэзии был Арчил (1647—1713). Он тоже принадлежал к царственному дому Багратидов, безуспешно сопротивлялся Ирану и Оттоманской империи и не смог умиротворить страну и обуздать своеволие князей.

Арчил решительно придерживался русской ориентации; в 1699 г. он эмигрировал в Россию, где и нашёл убежище и для себя самого, и для большой своей свиты.

Со своим сыном Александром¹⁶ Арчил обосновался в селе Всехсвятском (около Москвы) и положил начало грузинской колонии в России, которой суждено было впоследствии сыграть крупную роль в деле сближения и укрепления взаимной дружбы

¹⁶ Александр Арчилович ездил за границу вместе с Петром Великим, получил солидное европейское образование, по возвращении в Россию занял пост генерала-фельдцейхмейстера, попал в плен к шведам под Нарвой, погиб в плену в 1710 г. Александр Арчилович занимался переводами с русского на грузинский язык.

между русским и грузинским народами как в области политической жизни, так и в области культуры. В 1703 г. Арчил организовал во Всехсвятском грузинскую типографию и остаток своей жизни посвятил кипучей литературной деятельности. Умер Арчил в Москве 16 февраля 1713 г.

Арчил был воспитан на поэзии Руставели и Теймураза, но особенно высоко ценил заслуги Руставели. Последнего Арчил считал совершеннейшим образцом поэтического гения, требовал от писателей учиться у Руставели, совершенствоваться по его образцам, подражать ему. Но Арчил впал в заблуждение, предполагая, что сюжетный материал Руставели заимствован из персидских источников. Резко осуждая и порицая творческие установки Теймураза, Арчил отмежёвывается и от руставелевской поэтической тематики. Он смело выступает против фантастичности, сказочности и надуманности персидского толка, персидской экзотики. «Сказке» и «лжи» Арчил противопоставляет «былевое», реалистическое повествование. Арчилу принадлежит замечательная во многих отношениях поэма «Спор (или прения) Теймураза и Руставели». В предисловии к поэме автор поясняет: «Сказочной повести предпочёл сложить в стихи настоящую быль (правдивый сказ), и никакой неправды, кроме непосредственного спора между царём (Теймуразом) и Руставели, здесь не написано. И жизнь Грузии хорошо и верно рассказывается».

Арчил защищает основы своеобразно понятого реалистического метода. Конечно, тут не может быть речи о реализме в обыкновенном его толковании. Арчил очень наивно и узко трактует понятие правдивости (реалистичности), совершенно игнорируя понятия образности и типичности. Для него, например, образ Тариэла не правдив, не реалистичен, а продукт досужего вымысла поэта, потому что никакого конкретного, исторически засвидетельствованного Тариэла в природе не было. Таким образом, для Арчила реалистичен только исторический персонаж. Полемизируя с Руставели и Теймуразом, он упрекает их в том, что они свои огромные поэтические силы посвятили выдуманному лицу и выдуманному событию, сам же обещает рассказать сущую правду из «отечественной» истории. Развивая принципы своего творческого метода, Арчил признаёт большое преимущество историко-национальной тематики. Позиция Теймураза неприемлема для Арчила, во-первых, потому, что он воспевал вымышленных героев, а во-вторых, разрабатывал чужеземный (персидский) сюжет. Арчил последователен и в разрешении языково-стилистических вопросов. Он критикует «смешанный», полный варваризмов (персизмов и тюркизмов) язык и иноземную тематическую подкладку «Маджамы» Теймураза, а про своё сочинение говорит с полемическим задором: «Взамен **маджамы** (Теймураза) преподношу это, своё и от себя, ни у кого не заимствовал, сказано мною [подлинным] грузинским языком, другой язык сюда не примешан».

Итак, Арчил защищает реалистический метод изложения, национальную тематику и чистоту литературного языка. Творческие установки Арчила нельзя не признать новым словом в истории грузинской общественной мысли вообще и художественной литературы в частности.

Свои литературно-эстетические взгляды Арчил практически применил в названной поэме «Спор Теймураза и Руставели».

Внешне поэма основана на диалоге двух выдающихся представителей грузинской поэзии. Каждый из них отстаивает своё литературное достоинство и обличает пороки «противника». Сам автор как будто нейтрален, в прения не вмешивается, но, по существу, он заставляет соперников развивать именно свои собственные мысли.

В диспуте поставлены, а зачастую и разрешены многие актуальные вопросы социально-политического, бытового, культурного, историко-литературного характера. Особый интерес вызывают те вопросы и ответы соревнующихся поэтов, в которых они рассказывают о современных им исторических событиях.

При изложении событий времён Руставели (XII в.) Арчил руководствуется известными литературными источниками, повествование же Теймураза представляет

собой тщательно обработанную, оригинальную художественную летопись грузинской жизни конца XVI в. до третьей четверти XVII в.

В изложении исторических событий автор не остаётся пассивным писателем-объективистом, не довольствуется исторически точной фиксацией отдельных важных фактов,—он старается раскрыть внутренний смысл этих фактов, даёт оценку их общественно-политического значения. Арчил рисует живые, характерные образы многих крупных политических и военных деятелей (в том числе особенно живописно—образ выдающегося полководца Георгия Саакадзе, а также самого Теймураза), причём в обрисовке характеров и в освещении исторических событий у Арчила проявляется определённая тенденция. Он прямо заявляет:

«Одних хвалю, других порицаю». Действительно, он с сердечной болью рассказывает (точнее, заставляет рассказывать Теймураза) о тяжёлом политическом состоянии Грузии, о непрекращающихся феодальных междоусобицах, о моральном разложении некоторой части господствующего класса общества и т. д. Автор превозносит преданных отечеству героев, в частности завещает потомству руководствоваться патриотическим подвигом Георгия Саакадзе, который во имя счастья родины пожертвовал своим любимым сыном-первенцем. Арчил ратует за единое сильное отечество.

Но поэт удручён тем обстоятельством, что, по его мнению, уже иссякает старинный героический дух грузинского народа и в сознании господствующего дворянского слоя утверждаются узко сословные, эгоистические и порочные взгляды.

Этой социальной подоплёкой объясняются мотивы тоски и скорби и назидательная тенденция в поэзии Арчила. Поэт взывает к древним бесстрашным и бескорыстным, преданным родине героям, осуждает родовое высокомерие, прославляет личное достоинство человека, проповедует гуманное отношение к крепостным, ибо «если вымрет крестьянство, Грузия придёт в полное расстройство».

Арчил первый поставил в грузинской литературе вопрос о несправедливости имущественного и социального неравенства людей, но в силу классовой ограниченности он не мог выступить борцом против этой несправедливости.

Арчил имел многочисленных последователей в литературе. Здесь укажем на двух его старших современников—**Пешанги Берткадзе** и **Иосифа Саакадзе** (Тбилели). Первому принадлежит историческая поэма, посвященная в основном жизни и деятельности царя Шахнаваза (1658—1675), отца Арчила, под названием «Шахнавазиани». Иосиф Саакадзе—автор известной поэмы «Дидмоуравиани» («Жизнь великого Моурава», т. е. Георгия Саакадзе). Георгий Саакадзе, знаменитый полководец и политический деятель конца XVI и первой трети XVII в., возвеличившийся мелкий дворянин, выступил с прогрессивной социально-политической программой и боролся с родовой знатью за объединение грузинских земель в абсолютистскую монархию. Смелому выступлению Саакадзе не суждено было осуществиться в условиях грузинской жизни того времени. Не найдя достаточной опоры на родной почве, Саакадзе решил использовать в своих целях военную мощь Ирана и Турции, что, в свою очередь, имело роковые последствия для Грузии. Волей-неволей Георгий Саакадзе некоторым образом скомпрометировал себя и в конце концов трагически погиб на чужбине, изгнанный из своего отечества.

Автор поэмы «Дидмоуравиани» Иосиф Саакадзе—ближайший родственник Георгия Саакадзе—постарался реабилитировать своего выдающегося сородича. «Дидмоуравиани» как художественное произведение—замечательный образец грузинской поэзии XVII в.; её слабой стороной является дающая о себе знать предвзятая тенденциозность автора.

ВАХТАНГ VI

Вахтанг VI (1675—1737)—один из самых замечательных людей позднефеодальной эпохи Грузии, просвещённый царь, учёный, поэт, критик, переводчик. Он стоял во главе всей грузинской интеллектуальной жизни первых трёх десятилетий XVIII в., руководил делом собирания и научной разработки грузинской историографической литературы; под его руководством были собраны и кодифицированы памятники права («Уложение Вахтанга»).

По инициативе Вахтанга впервые в Грузии был пущен в ход печатный станок (1709). Из типографии Вахтанга вышло в 1712 г. первое печатное издание поэмы «Витязь в тигровой шкуре» (так называемая Вахтанговская редакция поэмы Руставели) под редакцией и с пространными научными комментариями самого Вахтанга. Он непосредственно руководил и покровительствовал многим культурным начинаниям, особенно интересовался литературой и поэзией. Сам отличный поэт и незаурядный переводчик, он поощрял других, поддерживал писателей морально и материально. Вахтанг в широком государственном масштабе осуществлял мероприятия по развитию науки, искусства, литературы. Его дворец в Тбилиси представлял собой в некотором роде малую Академию, куда стекалась и находила занятия по своему призванию и опыту вся просвещённая прослойка грузинского общества того времени.

Благодаря политическим превратностям времени правление Вахтанга VI оказалось недолговечным (1703—1711). В 1712 г. он был вынужден явиться к персидскому шаху в Исфагань; за непокорность его отстранили от управления страной и сослали в Кермань. В годы ссылки Вахтанг не прекращал плодотворной работы, но это было, как он сам говорит, скорее средством «рассеяния тоски». По тайному заданию пленного царя был послан в Западную Европу один из его ближайших сотрудников, известный баснописец и дипломат Сулхан-Саба Орбелиани. Миссия Орбелиани закончилась неудачей. Когда все политические средства оказались исчерпанными, Вахтанг формально принял предложение шаха, отрёкся от христианства, принял мусульманство и стал на позиции персидской внешнеполитической ориентации. За проявленный компромисс Вахтанг был утверждён на Картлийский престол (1719 г.), одновременно его назначили спасаларом (военачальником) Ирана.

В 1721 г. Вахтанг VI вступил в тайный военный союз с Петром Великим для совместного похода на Иран. По предварительному соглашению войска Вахтанга должны были соединиться с передовыми отрядами Петра около города Шемахи. Как это ни рискованно было иранскому спасалару, он с точностью выполнил условия соглашения и своевременно выступил с довольно большим количеством войск. Однако соединиться с русскими Вахтангу не удалось. Пётр Великий из-за осложнений на северной границе отложил персидский поход и с прикаспийской крепости Дербент повернул обратно.

Вахтанг жестоко поплатился за свою «измену» персидскому шаху. Он был лишён власти и изгнан из Грузии. В 1724 г. в сопровождении громадной свиты в 1200 чел., среди которых было много писателей, учёных, художников, Вахтанг эмигрировал в Россию. Вахтанг рассчитывал на военную мощь Петра для восстановления своей власти. Но России в этот период приходилось напрягать свои силы для решения более важных политических задач на Западе. Грузия подверглась жесточайшему разгрому персидских и турецких полчищ, а также лезгин и других горских племён. Грузинские эмигранты поселились в Москве, Петербурге, Астрахани и на Украине. Эти эмигрантские колонии впоследствии постепенно пополнялись новыми потоками переселенцев. В Москве грузинская колония имела свою типографию, которая выпускала книги на грузинском языке.

Ближайшая цель Вахтанга и его соратников заключалась в осуществлении политического реванша с помощью военной мощи России. Но со смертью Петра (1725 г.) грузинский вопрос не получил дальнейшего разрешения. Отчаявшийся Вахтанг из Москвы переехал в Астрахань, где и умер в 1737 г. Главная масса соратников грузинского

царя в 1738 г. приняла русское подданство и получила земли на жительство в украинских хуторах, преимущественно на Полтавщине.

Из числа новых подданных был создан специальный гусарский полк. Впоследствии из грузинской колонии выдвинулся знаменитый герой Отечественной войны 1812 г. генерал П. Багратиони.

Невзгоды общественно-политического и личного порядка определили характер поэзии Вахтанга. Мрачная скорбь и глубокая тоска пронизывают мелодичные и выразительные элегии патриотического содержания. Вахтангу принадлежит также ряд стихов аллегорическо-мистического и религиозного характера. В этих стихах автор с художественным изяществом изображает прелести женской телесной красоты, изливает пламенные любовные чувства, но, вопреки ожиданию, под возлюбленной он подразумевает не земное, реальное существо, а богородицу, бога, святых.

СУЛХАН-САБА ОРБЕЛИАНИ

Старшим современником Вахтанга VI, его воспитателем а также вдохновителем почти всех его культурных начинаний был Сулхан-Саба Орбелиани (1658—1725). Происходя из знатной аристократической фамилии, Сулхан получил блестящее образование, владел несколькими языками, в совершенстве знал древнегрузинский язык и литературу. Семья Орбелиани, в том числе и Сулхан, сильно пострадала во время разгоревшейся династической распри в 90-х годах XVII столетия. Сулхан некоторое время был в изгнании. На чувствительного молодого человека возымели своё действие годы душевных треволнений и беспокойной политической жизни. Одно время он даже покинул общественное поприще, постригся в монахи и укрылся в монастыре (1698 г.). Тогда и было дано Сулхану имя Саба (Савва). Но убогая обитель Давида Гареджели оказалась слишком тесной для кипучей натуры Сулхан-Саба, и хотя он рясу не сбросил, но вскоре вернулся к «мирской» деятельности. В 1713 г. Саба посылается в Европу с важными дипломатическими поручениями. Он несколько раз представлялся с докладами о грузинских делах римскому папе и французскому королю Людовику XIV. Но тщетны оказались все его домогательства. Грузинский дипломат реально добился только пустого сочувствия короля и лицемерного благословения «святейшего отца» католической церкви. Свои впечатления о путешествии по Европе Саба изложил в превосходно составленном дневнике. Это первый образец на грузинском языке документальной художественной прозы.

Несмотря на преклонный возраст, Саба в 1724 г. последовал за Вахтангом, в качестве специального посланника, первым приехал в Москву и там же скончался 26 января 1725 г.

Перу Сулхан-Саба Орбелиани принадлежит большое количество сочинений церковно-религиозного содержания, в которых, впрочем, отчётливо звучат и светские мотивы. Однако Сулхан-Саба занимает почётное место в грузинской литературе в первую очередь как автор «Книги мудрости лжи» (или просто—«Мудрость лжи») ¹⁷. Это одно из ранних произведений писателя. В композиционном отношении «Мудрость лжи» принадлежит к типу «обрамляющих повествований». Сюжет произведения играет здесь второстепенную, соподчинённую роль. Он лишь способствует целеустремлённой расстановке основных текстуальных частей произведения, каковыми являются басни, параболы, сказки, анекдоты и разного рода новеллы. «Мудрость лжи» является одновременно и повестью и сборником басен. Основная же идея автора раскрывается,

¹⁷ В новом переводе Е. Гогоберидзе под ред. Е. Лундберга (М. 1948, 1951) это произведение называется «О мудрости вымысла».

пожалуй, в сюжете, новеллистический элемент служит художественной иллюстрацией к тем или иным положениям автора. Отдельные части повествования органически связаны между собой, приведены к сюжетному единству. Наибольшей художественной отделкой отличается басенный элемент; служа иллюстрацией к повести, басни в то же время имеют и самостоятельное идейно-художественное значение.

Действующими лицами в «Мудрости лжи», как и вообще в баснях, выступают преимущественно представители животного мира, но они аллегорически отображают общественные отношения людей и бытовые стороны их жизни. В этом смысле характерно само заглавие произведения—**Мудрость лжи**. Автор хочет сказать, что в «лживых», т. е. вымышленных, сюжетах басен в переносном значении (аллегорически) заключена мудрость или что у лжи и вымысла есть своя собственная мудрость, которую следует извлечь из книги.

«Мудрость лжи» написана автором в бытность его воспитателем царевича Вахтанга. Это обстоятельство наложило серьёзный отпечаток на всё произведение. Прежде всего «Мудрость лжи»—произведение дидактически-воспитательного характера. Главнейшим средством для лечения пороков—общественных и нравственных—автор считает образование, просвещение, поэтому он проникновенно ратует за всестороннее духовное и физическое развитие молодёжи. Леон—по повести воспитатель юного царевича Джумбера—ярый поборник так называемого спартанского воспитания. Система Леона (значит, и Сулхан-Саба Орбелиани) основана на принципах трудового воспитания и физической закалки. Изнеженность и баловство, по мнению Сулхан-Саба, приучают подростка к лени и праздности, притупляют умственные способности, морально уродуют, развивают злые, эгоистические наклонности, делают безвольным и бессердечным. Трудолюбие и физическая тренировка, напротив, благоприятствуют всестороннему развитию способностей. Чтобы стать человеком выносливым и терпеливым, нравственно устойчивым и гуманным, любящим свой народ и заботящимся о нём, юноша должен пройти суровую жизненную школу труженика, простолюдина. Писатель требует от молодёжи любить труд, быть усидчивыми и прилежными.

Сулхан-Саба Орбелиани развивает идеи просвещённого абсолютизма. Он порицает невежественных и жестоких правителей, тиранов и деспотов, в чьих преступных руках часто оказываются судьбы народа. В одних новеллах баснописец открыто бичует представителей правящего сословия; в других он облакает свою сатиру в форму аллегорий, предоставляя самому читателю оценить по достоинству изображаемое явление.

Будучи сторонником сильной, целостной, «просвещённой» монархии, управляемой гуманным царём, Сулхан-Саба резко осуждает партикуляризм дворянско-княжеского класса, внутреннюю разобщённость феодального общества. Разлад и междоусобицу он считает главнейшей причиной тяжёлого положения своей страны. «Сила в единстве»,—поучает Сулхан-Саба.

Баснописец не щадит коварных и льстивых царедворцев, клеймит насильников, взяточников и легкомысленных судей, вероломных посредников, лжесвидетелей, клеветников, ябедников и т. д. Достаётся и шкуродёрам-купцам, и мелким сельским управителям (старшинам, десятникам и т. д.) за их корыстолюбие и произвол. Сулхан-Саба обличает фарисейство, заносчивость и жадность духовенства, высмеивает ханжество паломников, лицемерие и притворство «святого причащения» и «тайной исповеди».

В «Мудрости лжи» Сулхан-Саба Орбелиани даёт живописную реалистическую картину общественной жизни феодальной Грузии XVII в. и, несмотря на лаконизм, ярко обрисовывает представителей разных классов, сословий и профессий. Сочувствие автора неизменно на стороне выходцев из народа, нравственно стойких и честных правдолюбцев. Даже царям приходится склоняться перед мудростью и справедливостью простых людей. Таков смысл целого ряда басен из «Мудрости лжи», (басни «Царь и живописец», «Дука и дворянин из Бечо», «Бугданский вельможа» и др.). Простодушного, морально чистого и

прозорливого пастуха Сулхан-Саба Орбелиани ставит выше невежественного и неразумного коронованного монарха. «Есть много пастухов,—говорит Сулхан-Саба,—которые лучше плохих царей». Характерно следующее место повести: «Сытый крошил хлеб голодному и укорял: «Зачем ест, как свинья?» В этом афоризме сказалось острое восприятие писателем социального неравенства и вытекающих из него несправедливостей.

«Мудрость лжи» характеризуется совершенной художественной формой. Язык повествования подлинно народный, пожалуй даже народно-разговорный, простой, меткий, образный, с ярко выраженным юмором, а иногда язвительно саркастический. Сулхан-Саба сознательно отошёл от тяжеловесного церковно-книжного, искусственного языка многих своих современников; творческий материал (например, сюжеты многих новелл и басен) он часто черпал из сокровищницы народной поэзии.

Из произведений Сулхана-Саба Орбелиани большой известностью пользуется до сих пор не потерявший научного и практического значения «Толковый словарь грузинского языка».

Сулхан-Саба литературно обработал и снабдил звучными стихами вахтанговский перевод знаменитого сборника восточных басен—«Калилу и Димну».

МАМУКА БАРАТАШВИЛИ

Мамука Бараташвили (XVIII в.)—активный член Московского литературного кружка Вахтанга. Известен как автор «Чашники», что значит «Проба», или «Учение о стихосложении». Это своеобразный учебник поэтики, который состоит из двух частей. В первой, теоретической, части автор, определяя сущность и назначение поэзии, даёт предварительные сведения об основах стихосложения. Вторая часть включает в себе образцы грузинской версификации. М. Бараташвили литературе отводит большую утилитарно-воспитательную роль, считает её важным орудием идеологического воздействия на сознание людей и, исходя из этого, формулирует свои творческие принципы. Он решительно выступает против персидской фантастики, называя персидские сюжеты «татарскими сказками», критикует литературные позиции Теймураза I и его последователей. М. Бараташвили учит писателей разрабатывать героическую и дидактическую тематику, чтобы писаниями подобного рода поднять героический дух народа в защиту своей страны, царя и религии. Довольно сильно дают о себе знать в «Чашники» настроения церковно-религиозной среды; в угоду последней Мамука Бараташвили пытается обосновать теорию «божественной любви».

Сам М. Бараташвили в области версификации идёт по пути новаторства, рекомендуя новые поэтические размеры, введённые частично им самим, частично же другими членами вахтанговского кружка. В своей практической поэтической деятельности М. Бараташвили широко пользовался родными, а также русско-украинско-польскими фольклорными песенными формами. Применяя народные размеры и мотивы, он способствовал обновлению и обогащению грузинского поэтического языка. М. Бараташвили, оживляя традиции древнегрузинской придворной поэзии сочинил в торжественно-напыщенном стиле хвалебные оды царю Вахтангу и его сыну Бакару. Ведущим мотивом поэзии Мамука Бараташвили является скорбь по разоряемой и неустроенной родине. Соответствующую дань отдал он и любовной тематике.

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

Крупнейшим представителем национально-патриотического направления в грузинской литературе является Давид Гурамишвили (1705—1792).

Давид Гурамишвили родился в 1705 г. в селении Сагурамо, недалеко от древней столицы Грузии—Мцхета. Должного школьного образования он получить не смог. Из-за

внутренних политических неурядиц и нашествия врагов семье Гурамишвили пришлось оставить насиженный очаг и укрыться в горном ущелье в селении Ламискана. Но юному поэту и там не повезло. В одно летнее утро 1727 или 1728 г. Давид Гурамишвили, находившийся на полевых работах, был настигнут вооружённой бандой лезгин и увезён в далёкие дагестанские горы. После тяжёлых мытарств Гурамишвили бежал из плена. Босой, в лохмотьях, без куска хлеба, следуя внушению рассудка, Гурамишвили направился на север. В продолжение 12 суток он блуждал в незнакомых скалистых местностях, укрываясь в пещерах от бурь и града, питаясь дикими ягодами. По счастливому стечению обстоятельств, он пробрался, наконец, на Северный Кавказ. Здесь его великодушно принял и оказал ему посильную помощь неизвестный нам по имени простой русский поселенец. По словам самого Гурамишвили, этот чужой, казалось, человек сделал ему добра не меньше, чем его родной отец.

В 1729 (1730) г. Гурамишвили приезжает в Москву и примыкает к окружению Вахтанга VI. После смерти последнего, в 1738 г., Гурамишвили в числе других эмигрантов принял русское подданство, был зачислен бойцом грузинского гусарского полка, на жительство же получил земли в городе Миргороде и в селе Зубовке (на Украине). Как воин русской армии Гурамишвили принимал участие во многих боевых действиях: в 1739 г. он был в Бессарабии, в 1742 г. находился в Финляндии, участвовал в Фредриксгамнской битве со шведами. Почти в самом начале Семилетней войны, в 1758 г., Гурамишвили попал в плен к пруссакам под Кюстрином и долгое время томился в Магдебургской крепости. В 1763 г., освободившись из плена, измученный и физически надломленный, он поспешил к себе на Украину, принялся за восстановление расстроенного хозяйства, обдумывал планы будущих работ, урывками занимался поэзией. Но против желания его опять мобилизуют в армию. Поэта сильно тяготила судьба своих необработанных ещё стихов.

Окончательно выбывает Гурамишвили из действующей армии в чине отставного поручика приблизительно в 70-х годах XVIII столетия, когда ему было уже 65 лет от роду. Но замечательно, что в такие годы, после перенесённых тяжёлых испытаний поэт сохранил бодрость духа и волю к творческой деятельности. Он сам говорит об этом: «Слепота безвременно отнюдь не старит человека; если имеет здоровое сердце, то может и петь». Действительно, Гурамишвили к тому времени был совсем слеп на один глаз, а вторым видел плохо, но тем сильнее билось у него здоровое сердце поэта, он переживал состояние могучего творческого подъёма. Нужно было торопиться наверстать упущенное...

Гурамишвили был не только поэт, но и отличный хозяйственник-хлебороб и незаурядный учёный. Будучи 80-летним стариком, он изобрёл специальный подъёмный кран для ирригационных целей и сложные машины водяной мельницы. Умер Гурамишвили летом 1792 г. в Миргороде и там же похоронен.

Велико значение Давида Гурамишвили в истории грузинской литературы: он окончательно освободил грузинскую поэзию от всяких налётов восточной экзотики и книжной вычурности. В своей творческой деятельности Гурамишвили опирался, с одной стороны, на лучшие традиции древнегрузинской поэзии и вершины этой поэзии—Руставели, сравнивая последнего с вечно плодоносящим деревом, корни которого глубоко проросли в землю, а ветви широко распростёрты, а с другой стороны,—на устное поэтическое творчество народа. Смелый новатор, Гурамишвили вдохновляющие идеи черпал непосредственно из народных недр, причём не только родных ему грузинских, но и русских, и украинских. С именем Гурамишвили связана демократизация грузинской поэзии в полном и лучшем смысле этого слова. Особое значение Давида Гурамишвили состоит в том, что он чисто реалистически изображает исторические события родной страны и жизненно-важные факты социального быта.

Литературное наследие Гурамишвили известно под названием «Давитиани» (что значит Давидово). В этом сборнике центральное место занимает историческая поэма под

заглавием «Беды Грузии». Поэму предваряет замечательная поэтическая декларация, в которой автор обосновывает и развивает реалистические принципы своего творчества. С достоинством истинного, поэта-гражданина Гурамишвили выступает в защиту правды:

Что мне лгать, какая польза? Правда всех вещей дороже.
Не хочу смотреть на мерзких, на невзрачные их рожи.
Лучше голову руби мне, сшей бурдюк из этой кожи,
Кахабери¹⁸ не зовутся те, кто видом непохожи.

И пускай моя правдивость принесёт лишь огорченья,
Ведь и от сокрытья правды мир не знает облегченья,
Тем, кто гадил и вредил нам, предстоят ещё мученья,
Их клеймлю, чтобы сильнее вызвать в людях отвращенье.

Поэма «Беды Грузии» характеризуется идейной насыщенностью и политической остротой, драматическим пафосом, правдивостью и занимательностью изложения. С предельной ясностью и выразительностью описывает Гурамишвили в этой поэме трагическую эпоху грузинской истории (времена Вахтанга VI); в ней искусно вплетена также эпопея собственных злоключений поэта. Эпическая величавость сказа и глубина лирических переживаний автора придают исторической поэме характер страстного монументально-художественного произведения.

Гурамишвили не хронограф-бытописатель, а страстный патриот своей родины, гневный и беспощадный по отношению к внешним и внутренним врагам своего отечества. «Злых шадить он не согласен, хоть бросайте в ров без света». Гурамишвили с ярко выраженной политической тенденцией описывает исторические события, тяжело переживая все их ужасы, не скрывая, а, наоборот, подчёркивая своё негодование. Поэт не щадит ни малых, ни великих, ни царей, ни дворян, ни отцов церкви. Он клеймит позором вероломных, продажных, нравственно разложившихся представителей правящей верхушки феодальной знати—светской и духовной. Старец-поэт скорбит по поводу разбитых надежд молодости, из далёкой Украины горячо ратует за лучшее будущее своей любимой отчизны.

Именно в этой поэме особенно сильно сказывается национально-политический и гражданский дух поэзии Гурамишвили. Поэт развивает своеобразную историко-философскую (в своей основе явно идеалистическую) концепцию, по которой первейшим условием национально-политического преуспевания и жизнеспособности всякого народа признаётся моральный момент, именно религиозно-моральная стойкость населения. Религиозно-моральный упадок общества, по мнению Гурамишвили, непосредственно вызывает неминуемую гибель народа. Считая, что значительная часть грузинского дворянского класса стала на опасный путь морального разложения, а потому создались условия безвыходного положения, поэт проникается мрачным пессимистическим настроением, что и находит своё отражение не только в «Бедах Грузии», но и во всём сборнике «Давитиани». В этом отношении характерно пространное стихотворение «Жалоба Гурамишвили на мгновенный мир»:

Я не верю в мир мгновенный, неустойчив он и лжив...

а также «Плач Давида»:

Начну рыдать, душа печалью полнится:
увы, превратный лживый мир!

¹⁸ Образ национального героя древней Грузии

На совершенно ином сюжетном материале построена вторая крупная поэма Гурамишвили—«Пастух Кацвия», в которой поэт с большим художественным обаянием, увлекательно и непринуждённо бытописует романтизированно-идиллический образ жизни крестьян, пастухов и пастушек на фоне великолепно очерченных украинских степных пейзажей. Гурамишвили здесь с задушевной теплотой и любовью изображает простоту, стойкость и гармоничность нравственных устоев здоровых и жизнерадостных деревенских тружеников. У простонародья нашёл Гурамишвили тот идеал моральной чистоты и жизнеутверждающей силы, который напрасно искал у сородичей из дворянского класса. Поэма «Пастух Кацвия» замечательна и свежестью мыслей, и новизной тематики, и реалистической проработкой материала, и занимательностью изложения, и чувством юмора. Этой поэмой Гурамишвили вписал совершенно новую страницу в историю грузинской литературы.

Давид Гурамишвили—великолепный мастер художественного слова. Язык его стихов чарует своей простотой, лёгкостью, изяществом и музыкальной напевностью. В отношении мелодичности Гурамишвили далеко оставил за собой многих признанных мастеров грузинской поэтической культуры. Гурамишвили продолжил и развил лучшие традиции древнегрузинской литературы, одновременно он сам стал образцом не только для современников, но и для поэтов нового времени. Недаром, например, Важа-Пшавела считает Гурамишвили своим поэтическим предтечей.

Своей жизнью, общественно-политической деятельностью и поэтическим творчеством Давид Гурамишвили символизирует братство и дружбу грузинского, украинского и русского народов: в качестве воина русской армии он мужественно сражался во имя своего большого отечества, в качестве хлебороба трудолюбиво работал на плодородных украинских нивах, как общественник принимал деятельное участие в жизни своего края, как поэт—творил чудесные грузинские песни, овеванные и освящённые народно-национальным духом. Широко пользовался Гурамишвили также песенными мотивами украинской и русской народной поэзии.

Могучий талант, высокая идейность, эмоциональность и народность—источник исключительной популярности Гурамишвили среди широких слоев грузинского народа.

ПИСАТЕЛИ ГРУЗИНСКОЙ КОЛОНИИ В МОСКВЕ

Наряду с названными писателями вахтанговского эмигрантского кружка следует отметить также царевича **Вахушти**—крупного учёного, историка и географа; **Бакара**—редактора-издателя во Всехсвятской типографии полной грузинской библии и других книг; братьев **Николая, Дмитрия и Зосима Орбелиани** (братья Сулхан-Саба); **Фому Бараташвили, Вахтанга Орбелиани, Мамуку Гурамишвили, Дмитрия Саакадзе, Павленишвили** (автора исторической поэмы «Вахтангиани»), **Шиоша Джавахишвили** (поэтического соперника Д. Гурамишвили), **Онану Мдивани, Эраста Туркестанишвили** и др.

Впоследствии в Московскую колонию влились **Александр Амилахвари, Дмитрий Багратиони** и многие другие.

Литературные кружки московской колонии в значительной мере способствовали взаимному культурному сближению русского и грузинского народов. Между прочим, из этих кружков вышло большое количество переводной литературы с русского языка на грузинский. Однако следует заметить, что переводились большей частью произведения научно-технического и военного характера.

Одним из первых переводчиков был Арчил, который перевёл с русского языка «Александрию». Значительным вкладом в переводной художественной литературе являются переводы сочинений Сумарокова, очень тщательно исполненные **Георгием Авалишвили**.

Появились и первые скромные опыты переводов с грузинского на русский язык:

1. «Похождение новомодной красавицы Гуланданы и храброго принца Барама, сочинение Диларгета, секретаря тифлисского». Переведено с грузинского языка Московского университета информатором Семёном Игнатьевым, СПб 1773.

2. «История георгианская о юноше князе Амилахорове, с кратким прибавлением истории тамошней земли от начала до нынешнего века, которую рассказывает Усим, купец Анатольский». Перевёл И. С. (повидимому, Игнатьев Семён), СПб 1779.

ТЕЙМУРАЗ II

Теймураз II (1700—1762) продолжал творческие пути частью своего прадеда Теймураза I, частью—Арчила. Из его произведений отметим «Спор (прения) между днём и ночью», в котором подробно описываются быт и нравы высшего феодального общественного слоя. «Восхваление плодов» Теймураза типичный образец развлекательной поэзии. Этим жанром увлекались многие грузинские поэты XVII—XVIII вв. В 1760 г., находясь с дипломатической миссией в Петербурге, Теймураз воспел в любовных стихах русскую красавицу Варвару Александровну Бутурлину. В подражание Арчилу Теймураз сочинил «Собеседование с Руставели». Ему же принадлежит перевод на грузинский язык книги «Синдбад».

КАТОЛИКОС АНТОНИЙ I

Католикос Антоний I (1720—1788), известный церковный и литературный деятель XVIII в., был ближайшим сотрудником царей Теймураза и Ираклия в области просвещения. Одно время за склонность к католицизму он был отрешён от должности, но оправдался перед русским Синодом и после смерти Теймураза (в 1762 г.) опять занял своё прежнее положение. С этого времени Антоний стал во главе всего церковно-религиозного просветительного дела. По его инициативе в Тбилиси и Телави были открыты духовные семинарии русско-славянского типа. Антоний был как практическим организатором, так и идейным руководителем названных школ. Он возродил заглохшую к тому времени церковно-богословскую литературу, при этом пытался восстановить архаичный, книжно-схоластический стиль, выработал собственные правила орфографии, даже ввёл некоторые новые буквы, составил схоластическую грамматику и т. д. Антоний и его последователи плодотворно работали также в области лингвистики, церковно-религиозной философии и истории. Много занимался Антоний переводами учебников для духовных семинарий. Он сплотил вокруг себя учеников и приверженцев (**Гайя Такашвили, Филиппа Кайтмазашвили, Давида, ректора Алексидзе** и др.). Антоний выступил вдохновителем и распространителем клерикально-схоластического направления в учебной жизни, науке и литературе.

БЕСИКИ

Бесики (1750—1791)—поэтическое прозвище последнего классика древнегрузинской литературы Бесариона (Виссариона) Габашвили. Он был сыном духовника Захария Габашвили. Бесики получил солидное образование. Но очень скоро семью Габашвили постигло несчастье (отлучение Захария от церкви и изгнание). По настоянию католикоса Антония впоследствии были изгнаны из Картли также Бесики и другие члены семьи Захария. Изгнанников радушно принял Имеретинский царь Соломон, враждовавший с царём Картли и Кахети Ираклием. Бесики получил в Кутаиси земельные угодья и был назначен «обер-секретарём», ему поручили ведение внешнеполитических дел. В 1787 г. Бесики был послан в Россию во главе специальной дипломатической миссии с целью добиться протектората России над Имерети. В качестве посланника

Бесики находился при ставке фельдмаршала Потёмкина на Украине и в Молдавии. На посту посла Бесики заболел и 24 января 1791 г. скончался в Яссах, где и похоронен.

Бесики умер в расцвете своих творческих сил; жизненные обстоятельства не способствовали плодотворной литературной деятельности поэта, его архив безвозвратно погиб на чужбине. Несмотря на это, Бесики всё же оставил значительный след в истории грузинской поэзии. Он известен преимущественно как лирик, восторженный певец пылкой любви. Этот безудержный гедоник красочно и выразительно воспеваает стан, уста, и вообще внешний облик красавиц. Необузданные страсти и переливы нежнейших чувств любви передаются у Бесики исключительно звучными и изящными стихами.

Но перу Бесики принадлежит также ряд торжественных од и эпистолий; особой славой пользуется его патриотическая ода-поэма «Аспиндза» в честь блестящей победы грузинских войск в 1770 г. у местечка Аспиндзи (в южной Грузии) над вторгшимися турецкими полчищами. Бесики вдохновенно превозносит доблесть, мужество и военно-стратегический талант аспиндзского героя, полководца Давида Орбелиани. Давиду Орбелиани посвятил Бесики также большой цикл поэтических посланий издалека.

Во многих лирических стихах Бесики грустно жалуется на свою судьбу, бичуя мимолётный, изменчивый мир. Он написал сатирическую поэму на бытовую тему «Невестка и свекровь», в которой реалистически, но явно преувеличенно и шутливо изображает сцены семейного разлада. Должное достаётся в поэме невежественному и алчному служителю церкви—попу-духовнику. Много писал Бесики едких сатирических стихов и эпиграмм, направленных главным образом против высокопарного и заносчивого поэта-аристократа Мзечабука Орбелиани, злобно высмеивавшего его социальное происхождение (ближайшие предки Бесики были крестьянами).

Поэтическая речь Бесики отделана мастерски; он смелый новатор в области версификации и словотворчества, оказавший громадное влияние на грузинскую поэзию конца XVIII и начала XIX в. Однако в поэзии Бесики чувствуется явное тяготение к риторичности, к искусственной словесной изошрённости, к чрезмерному увлечению внешней отделкой стиха в ущерб его смысловой стороне.

САЯТ-НОВА

В XVII—XVIII вв. в Грузии получает довольно широкое распространение поэзия ашугов, поэтов-импровизаторов, которые одновременно сочиняли стихи, перелагали их на музыку и зачастую сами же исполняли их на народных инструментах. Ашуги выражали в поэзии настроения мелких городских торгово-ремесленных слоев и кустарей. Ашуги в поэзии заговорили языком и понятиями площадей, улиц, рынков, подвалов. Это и есть то специфически новое, что ашуги внесли в историю литературы вообще, в частности— историю грузинской литературы.

Выдающимся представителем ашугской поэзии был Саят-Нова (XVIII в.), своеобразный межнациональный поэт народов Закавказья. По социальному происхождению—крестьянин, армянин по национальности, родился, вырос, духовно возмужал и на творческом поприще подвизался в Грузии (Тбилиси); писал стихи и пел на грузинском, армянском и азербайджанском языках. Некоторое время Саят-Нова был придворным певцом и сазандаром царя Ираклия II, которого называл «душою и сердцем всея Грузии», по-ашугски неподдельно и просто посвящая ему ряд лирических стихов. Однако около 1765 г. Саят-Нова, сделавшись жертвой злостной клеветы со стороны дворцовых кругов, был изгнан. Под непосредственным впечатлением изгнания, Саят-Нова яростно нападает на злоязычников, явно намекая на представителей аристократических слоев общества. «Злому человеку в чём пригодится его родовитость?»—говорит ашуг и горестно продолжает: «Некоторые люди пресмыкаются как черви, полные змеиного яда».

Грузинские стихи Саят-Нова в основном проникнуты жизнерадостным настроением. Он—поборник весёлой, здоровой и разумной жизни, жизни, полной

благородных человеческих побуждений, любви, романтических увлечений. Саят-Нова— певец вина, меджлиса, красавиц. Но он не впадал в крайность: он воспевал разумные начала веселья, осуждая излишества и грубость. В былые времена поэт горделиво заявлял: «Слово скажет Саят-Нова, громом грянут небеса». Однако события, связанные с изгнанием, наложили глубочайший отпечаток на его творчество. Разочарованный поэт впал в страшное уныние, отвернулся от жизни (между прочим, постригся в монахи), проклял мир, «презренный и преходящий», разоблачив вероломство и гнусность людей. Саят-Нова с глубокой лиричностью передаёт свои меланхолические, а порой и тяжёлые пессимистические настроения, вызванные превратностями судьбы. «Я не выдержу эту (гнетущую) скорбь»,—прорывается у него. Отчаявшийся ашуг, потеряв веру в благородство человеческой души, отгораживается от окружающей среды, замыкается в свой собственный внутренний мир переживаний; он иронически поучает себя:

Но твой срок миновал, о Саят-Нова!
Что твой стон: «пропал», о Саят-Нова!
Враг твой заликовал, о Саят-Нова!
Что в печали ты впал, о Саят-Нова!

«Я не хочу твоего [вероломного] братства»,—с непередаваемым в переводе негодованием заключает ашуг эту блестящую строфу. Саят-Нова, чувствуя мизерность существования отверженного и, по его мнению, никому ненужного человека, безрадостно уверяет свою верную подругу:

Бьёт ветер морской, песок гоня: песка не меньше будет всё ж!
Живу, не станет ли меня,—толпу напев разбудит всё ж!
Уйду, но в мире с того дня и волос не убудет всё ж!

(Перевод В. Брюсова.)

В поэзии Саят-Нова мотивы отрешения и скорби носят глубокий социальный смысл. Эти мотивы обусловлены не столько личными невзгодами ашуга, сколько невзгодами того общественного класса, к которому он принадлежал. Саят-Нова то негодуяще бичевал заносчивое и высокомерное «родовитое» грузинское феодальное общество конца XVIII в., то искренней скорбью выражал свой протест против порочных социальных устоев своего времени.

Саят-Нова попытался насадить в грузинской поэзии напевность и композиционные основы стихов восточного происхождения, известных под названием «мухамбази», сыгравших известную роль в переходный период истории грузинской литературы (рубеж XVIII—XIX вв.). «Мухамбази, какой ты сладкий песенный мотив»,—говорилось в ту пору. Развитие самобытной классической поэзии XIX в. шло по линии преодоления пережитков наследия «мухамбази».

ПИСАТЕЛИ КОНЦА XVIII в.

Во второй половине XVIII в., помимо Бесики и Саят-Нова, на литературном поприще подвизается ещё несколько писателей, достойных упоминания в истории литературы. Таковы поэтесса **Манана**, автор оригинального диалогического стихотворения «Спор Мананы и лихорадки», **Каихосро Андроникашвили**, позднейший эпигон Руставели, сочинивший в подражание «Витязю в тигровой шкуре» романтическо-фантастическую поэму «Сеть влюблённых», поэты-лирики — **Чабуа Орбелиани**, **Давид Орбелиани**, **Давид Алексидзе**, **Элизбар Эристави**, **Димитрий Туманишвили** и др. В начале XIX в. не один десяток сравнительно малозначительных писателей и поэтов занимается литературной деятельностью. Традиции древнегрузинской литературы

слишком были живы, по крайней мере, в продолжение первой четверти этого века. Писатели так называемого переходного периода (рубежа XVIII—XIX вв.) преимущественно занимались перепевом старого; нового и оригинального создано мало. Определённый художественный интерес вызывает многотомная энциклопедия Иоанна Багратиони «Калмасоба», или «Поучение в шутках», законченная в 1828 г.

Следует отметить, что в связи с ликвидацией грузинского феодального государства и ускорением процесса разрушения основ патриархального быта в поэзии переходного периода чувствительнее зазвучали мотивы безнадёжности и обречённости. Эти мотивы особенно сильно сказываются в произведениях представителей высшей аристократии и многочисленных членов царской фамилии. По установившейся традиции, грузинские цари и царевичи (а также царевны), почти все без исключения занимались литературной работой (стихи писали, например, царевны-сёстры Мария, Теклэ, Кетевана, царевичи Мириан, Давид и др.). Некоторые поэты и писатели того времени живо интересовались и, прямо или косвенно, положительно отзывались на вольнодумствующее вольтерианство.

ЛИТЕРАТУРА¹⁹

- «Мудрость Балавара». Пер. И. Джавахишвили (ЗВОРАО, т. XI, вып. I—IV, 1899).
Георгий Мерчул, Житие Григория Хандзтийского. Пер. Н. Я. Марра (ТР, VII, 1911).
Шавтели, Мбдул-Мессия. Пер. Ш. Нуцубидзе. Тбилиси 1942.
Чахрухадзе, Тамариани. Пер. Ш. Нуцубидзе. Тбилиси 1942.
«Висрамиани». Пер. С. Иорданишвили. Тбилиси 1949.
Шота Руставели, Витязь в тигровой шкуре. Пер. К. Бальмонта М. 1936, 1937.
Его же, Витязь в тигровой шкуре. Пер. Г. Цагарели, М. 1937.
Его же, Витязь в тигровой шкуре. Пер. П. Петренко при участии и под редакцией К. Чичинадзе, М. 1937, 1939.
Его же, Витязь в тигровой шкуре. Пер. Ш. Нуцубидзе, М. 1941, 1950, Тбилиси 1949.
Его же, Витязь в тигровой шкуре. В обработке для юношества. Н. Заболоцкого, М. 1937, Тбилиси 1949.
Сулхан-Саба Орбелиани, Мудрость лжи. Пер. А. Цагарели, редакция, предисловие, комментарии С. Иорданишвили, Тбилиси 1939.
Его же, О мудрости вымысла. Пер. Е. Гогоберидзе, под ред. Е. Лундберга, М. 1948, 1951.
Тбилели Иосиф, Дидмоуравиани. Пер. Г. Цагарели, Тбилиси 1944.
Его же, Великий Моурави. Пер. Г. Цагарели, М. 1945.
Давид Гурамишвили, Избранное. Пер. под редакцией В. Гольцева, М. 1939.
Саят-Нова, Сборник армянских, грузинских и азербайджанских песен, Ереван 1945.
Царевич Иоанн. «Калмасоба». Перевод, предисловие и комментарии В. Дондуа, Тбилиси 1945.
«Поэзия Грузии». Редакция В. Гольцева и С. Чиковани, М.—Л. 1949.

ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА С НАЧАЛА XIX в. ДО УСТАНОВЛЕНИЯ

¹⁹ Здесь мы ограничиваемся указанием только переводной литературы. Для ознакомления с исторической жизнью Грузии древнего периода хорошим пособием является «История Грузии» Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили и С. Джанашиа (Тбилиси 1946, 1950).

СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГРУЗИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

С начала XIX в. общественно-политическое и экономическое развитие Грузии протекает в новых условиях: она вступает в прочный союз с Россией. С этого времени в жизни грузинского народа происходит исторический перелом. Грузия становится недостижимой для турко-иранских завоевателей, которые в течение многих веков грабили и опустошали грузинские земли, грозили ей гибелью и уничтожением.

Грузинские государственные и общественные деятели, грузинский народ связывали с вновь заключённым союзом с Россией большие надежды. Они рассчитывали с помощью России обуздать внутренних и внешних врагов и после этого заняться восстановлением разорённой страны. В самом деле, присоединение к России оказало исключительно благотворное влияние на жизнь грузинского народа. Стоял вопрос о спасении его от физического уничтожения, и союз с Россией имел жизненно-важное значение с этой точки зрения. Этот союз положил предел бесконечным вторжениям многочисленных жестоких врагов на грузинские земли, покончил со своеволием и партикуляризмом феодалов, сплотил и упрочил политический организм страны, создал условия для восстановления и развития разорённого края.

Союз с Россией означал для Грузии изменение не только политической, но и культурной ориентации. Постепенно возрастает и усиливается связь с представителями передовой русской общественной мысли. Многие выдающиеся грузинские деятели получают образование в России и впоследствии используют полученные знания на благо своего родного народа.

Но царская Россия, утверждаясь в Грузии, преследовала определённые цели, связанные с интересами русских помещиков и народившейся буржуазии. Правительство и господствующие круги Российской империи видели в Закавказье новую богатую колонию. Проблема торгово-капиталистической колонизации Закавказья, и в частности Грузии, встала перед правящими кругами царской России уже в первые десятилетия XIX в. Как отмечал В. И. Ленин, царизм покорил Закавказье сначала политически, а потом экономически²⁰. Господство на Кавказе открывало большие перспективы перед поднимающейся русской буржуазией, стремившейся к завоеванию новых рынков и к усилению своего политического и экономического влияния в государстве.

Обосновываясь в Грузии и на Кавказе, сталкиваясь с многонациональным населением края, военная и чиновничья бюрократия царской России не принимала во внимание национальные особенности народов, с которыми имела дело, их исторические традиции, своеобразие их культуры и быта. Антинародные законы и суровые методы правления, господствовавшие в империи, конечно, переносились и на кавказскую почву. Во главе важнейших государственных учреждений были поставлены русские чиновники, незнакомые со спецификой местной жизни. Всюду царил чиновничий произвол и взяточничество.

Основным классовым противоречием рассматриваемой эпохи Грузии являлось противоречие между дворянством и крепостным крестьянством. Помещичье дворянство было тем классом, на который опиралось русское правительство, утверждаясь на Кавказе и проводя здесь свою политику. Поэтому интересы землевладельцев оберегались русской администрацией, тогда как права народа, крестьянства, беспощадно попирались. Русское самодержавие тяжело угнетало как русский народ, так и все покорённые народы. В манифесте 1801 г., в котором говорилось об упразднении царской власти в Грузии и об

²⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4-е, стр. 520.

объявлении её частью русской территории, между прочим, было сказано: «Каждый сохранит преимущества своего положения». Это означало, что взаимоотношения сословий будут определяться в соответствии с прежними порядками. Политическая система феодального строя была уничтожена, но его социально-экономическая основа—крепостное право—осталась неприкосновенной. Грузинское крестьянство изнемогало под двойным гнетом—феодално-помещичьей и колониальной эксплуатации. Законы царского правительства делали помещиков неограниченными хозяевами крестьян. Как в правовом, так и в экономическом отношениях крепостные крестьяне находились полностью во власти своего господина.

В связи с развитием товарных и денежных отношений потребности дворянско-помещичьего класса значительно возросли, свои возросшие потребности представители этого класса удовлетворяли за счёт усиления эксплуатации крестьян. Обложение крепостных увеличилось во много раз, они несли десятки разных повинностей как деньгами, так и натурой. Но и этого оказалось недостаточно для крепостников и они прибегли к самой отвратительной форме эксплуатации и унижения человека—торговле крепостными. В грузинской прессе 20—30-х годов XIX в. часто можно было встретить объявления о продаже крепостных крестьян.

Чиновники царской администрации вместе с грузинскими помещиками принимали участие в грабеже грузинского крестьянства, прибегая для этого к различным формам колониальной эксплуатации. Крестьяне обязаны были и содержать господина, и нести целый ряд государственных повинностей. Обеспечение всем необходимым многочисленного войска, размещённого в Грузии, содержание огромного государственного аппарата—всё это требовало больших расходов, значительная часть которых возмещалась за счёт местного населения, главным образом крестьян.

Создавшиеся условия чрезвычайно обострили классовый антагонизм между крестьянами и помещичьим дворянством. Тяжёлое положение крепостных побуждало их к частым стихийным выступлениям. Среди грузинского крестьянства возникает сильное движение против крепостнического строя и колониального гнёта. В различных частях Грузии в первой половине XIX в. происходят массовые крестьянские восстания, из них наиболее крупными являются восстания в Мтиулети (1804 г.), в Кахети (1812 г.), в Имерети (1819—1820 гг.), в Гурии (1841 г.). Крестьяне ожесточённо борются против двойного гнёта. Они пытались освободиться как от экономически-правовой эксплуатации грузинских крепостников, так и от национального угнетения. Неразрывная связь борьбы крестьян с местными князьями и феодалами с борьбой против произвола русских чиновников составляла особенность классовой борьбы этого периода.

В 1832 г. царская администрация в Тбилиси раскрыла заговор, участники которого были в подавляющем большинстве представителями грузинской феодальной знати. Ядро заговора, определявшее его политическое лицо, составляли защитники и ревнители старой, феодальной Грузии, желавшие вновь восстановить династию Багратидов. Именно это стремление грузинских дворянских кругов имел в виду товарищ Сталин, когда писал: «...грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которые оно имело при грузинских царях, и, считая «простое подданство» умалением своего достоинства, пожелало «освобождения Грузии». Этим оно хотело поставить во главе «Грузии» грузинских царей и дворянство и передать им, таким образом, судьбу грузинского народа! Это был феодально-монархический «национализм»²¹. Эта характеристика раскрывает стремления грузинского феодально-помещичьего класса и целей, которые ставили перед собой его представители, составляя заговоры, в том числе и заговор 1832 г.

Но благосостояние Грузии, её культурный расцвет и её успешное продвижение по пути прогресса были немыслимы вне связи с передовой, революционной Россией.

²¹ И. Сталин, Соч., т. 1, стр. 32.

Присоединение к России не только ознаменовалось для Грузии политическими переменами, но и вызвало глубокие процессы, преобразовавшие экономические отношения в стране. К началу XIX столетия экономика Грузии основывалась полностью на натуральном хозяйстве; производство стояло на весьма низком уровне, существовавшие отрасли обрабатывающей промышленности имели примитивную технику. Товарооборот играл очень малую, ограниченную роль в жизни страны: он не затрагивал основной массы населения и обслуживал лишь потребности высших слоев дворянской аристократии. В 20—30-х годах XIX столетия экономические условия в Грузии значительно изменились.

Начался процесс распада патриархально-натурального хозяйства; этот процесс постепенно усиливался и захватывал всё большие области, расширялся товарооборот, увеличивалось число купцов и торговцев.

В первые десятилетия XIX в. в Грузии получает развитие торговый капитал; в 30—40-х годах в Тбилиси уже существовала достаточно сильная торговая буржуазия, возникли торговые компании. В 50-е годы в Грузии ещё больше увеличилось число купцов, возрос товарооборот. Благодаря подрядам на строительство казённых зданий, откупам на сбор податей и налогов, монополиям на снабжение войсковых частей, скупке и последующей перепродаже продуктов сельского хозяйства, эксплуатации ремесленников и кустарей, а также благодаря ростовщичеству, торговая буржуазия постепенно крепнет экономически и в конце концов превращается в значительную и влиятельную общественную силу.

Характеризуя процесс развития капитализма в России, В. И. Ленин писал: «Русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности—остаток старинной патриархальной замкнутости, *создавал себе рынок* для своих фабрик»²².

Развитие капитализма постепенно уничтожило прежнюю патриархальность. Грузинские князья и дворяне старались по-новому устроить жизнь и приобретали новые привычки. Новый образ жизни потребовал значительных денежных средств, что вынуждало князей и дворянство ещё сильнее эксплуатировать крестьян. Грузинское дворянство удовлетворяет свою тягу к роскоши и комфорту за счёт ограбления крестьян. Подневольное крестьянство вынуждено было выплачивать господам до сорока видов поборов и различных податей как натурой, так и деньгами. Всё это тяжёлым гнётом легло на крестьянство, окончательно разоряя его. Правительство не сдерживало хищничества помещиков; в своём официальном докладе Воронцов писал: «Мы не только не должны ограничивать права высших сословий, а должны всячески защищать эти права и укреплять их».

Несмотря на тяжёлые общественные условия, царившие в Грузии в первой половине XIX в., культурная жизнь страны не прекращалась ни на мгновение. В грузинском обществе существовали отдельные очаги, которые собирали вокруг себя передовые интеллектуальные силы, объединённые литературными и вообще культурными интересами. В эту эпоху впервые выступает на арене общественной деятельности молодое поколение грузин, получившее образование в России.

Характерными представителями грузинской интеллигенции этой поры были Александр Чавчавадзе, Григорий Орбелиани, Николай Бараташвили, Вахтанг Орбелиани, Георгий Эристави, Соломон Додашвили, Соломон Размадзе, Димитрий Кипиани, Михаил Туманишвили и другие. Это поколение было глубоко проникнуто идеей служения родине, стремлением к её культурному процветанию.

Для литературной и вообще для культурной жизни Грузии огромное значение имело непосредственное общение с великими русскими писателями. В первой половине XIX в. Грузию посетили и провели в ней некоторое время гонимые царским

²² В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4-е, стр. 521.

правительством А. С. Грибоедов (1818—1823, несколько приездов), который через своего тестя А. Чавчавадзе был связан с передовой частью грузинского общества; А. С. Пушкин (1829) и М. Ю. Лермонтов (1837); в Грузии жили также многие высланные из Петербурга видные деятели декабристского движения (А. Одоевский, А. Бестужев-Марлинский и др.). Царское правительство высылало на Кавказ политически неблагонадёжных лиц, противников самодержавия, поэтому-то царь Александр I и называл Кавказ «тёплой Сибирью».

Великий грузинский писатель Илья Чавчавадзе ярко охарактеризовал значение русской литературы и русской общественной мысли для развития грузинской культуры. Он писал: «Ясно, что русская культура оказала большое, руководящее влияние на путь нашего развития, оказала воздействие на то, что составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль. Она оказала своё положительное влияние на наши чувства и направление... Нет среди нас ни одного общественного и литературного деятеля, не носящего в себе воздействия русской литературы. И не удивительно: русская школа, русская наука открыла нам врата просвещения, и русской литературой высечена мысль наша и направлена на путь движения. Каждый из нас... должен был припасть к этому источнику, дабы утолить духовную жажду свою, другого пути не было. Поэтому мы имеем основание говорить, что каждого из нас взрастила русская литература, каждый из нас на выводах её обосновал свои убеждения и предмет на поприще своей общественной деятельности выбрал согласно выводам её».

Известно, что передовая русская интеллигенция была всегда проникнута гуманистическими освободительными идеями. Лучшие сыны великого русского народа, в том числе писатели, воспитывали народ в духе прогрессивных воззрений, постоянно стремились утвердить в его сознании возвышенные, благородные идеи.

Представители передовой русской интеллигенции уважали другие народы Российской империи и старались способствовать их развитию, поэтому общение лучшей части грузинской интеллигенции с русскими прогрессивными деятелями имело огромное значение для духовного развития грузинского народа.

Лучшие сыны русского народа в свою очередь находили в Грузии вторую родину и богатый источник поэтического вдохновения. Полная драматических событий история Грузии, её величественная природа, своеобразие быта и обычаев грузинского народа, чудесный грузинский фольклор— всё это давало богатый материал для поэтического творчества русских писателей. В Грузии родилось немало шедевров Грибоедова, Пушкина, Лермонтова.

20-е и 30-е годы XIX в. ознаменовались постепенным обогащением, усложнением литературной жизни в Грузии. Этот период имеет особое значение для развития грузинской художественной литературы. Поэтическая культура достигает больших высот: с одной стороны, отмирают, теряют силу воздействия многие черты и традиции, характерные для литературы предыдущей эпохи, с другой стороны, намечаются новые тенденции. Отдельные представители старой литературы, главным образом эпигоны, доживают до 20—30-х годов XIX в., но творчество их слабо и однообразно, и они ни в какой мере не определяют характера развития литературы, творчество их уже не соответствовало тем задачам, которые встали перед грузинской литературой. Решить эти задачи берёт на себя новое поколение, проникнутое новым мировоззрением.

В первые десятилетия XIX в. в грузинской литературе получает развитие романтизм. Представители этого направления выработали новую эстетическую теорию и создали оригинальный поэтический стиль, полностью обновили поэтические жанры и форму, расширили и углубили идейное содержание литературы, заявили обществу нормы новых литературных вкусов. На протяжении почти полувека эта поэтическая школа определяла собой господствующее направление в грузинской литературе. Можно утверждать, что ни один заметный грузинский писатель первой половины XIX в. не был свободен от влияния романтизма. Под этим влиянием развивается творчество Александра

Чавчавадзе и Григория Орбелиани. Представителем того же романтического направления является Николай Бараташвили, в творчестве которого романтизм достиг зенита своего развития. С романтизмом связано также творчество Вахтанга Орбелиани, Михаила Туманишвили (1818—1875), Соломона Размадзе (1798—1862), Александра Орбелиани (1801—1869), Георгия Эристави (в ранний период творчества, 1813—1864), Григория Рчеулишвили (1820—1877).

Грузинским романтикам не пришлось вести борьбу против устарелых литературных традиций, поэтических принципов или художественных направлений. Развитие грузинской литературы никогда не было стеснено рамками классицизма. Характер старой грузинской поэзии был в этом отношении очень разнообразен. Прогрессивный грузинский романтизм по своим мотивам не оторван от жизни, не лишён ощущения реальности; его представители проявляли интерес к конкретной действительности. В творчестве грузинских романтиков заметно выражены реалистические тенденции, проявляется внимание к социальным проблемам. В центре их литературных интересов—родная страна, жизнь и судьба родного народа. Мощный патриотический порыв пронизывает всю творческую деятельность писателей этой школы. К заслугам писателей романтического направления следует отнести выработку новых поэтических и языковых средств выражения, что способствовало усовершенствованию грузинской поэтической культуры.

Творчество грузинских романтиков самобытно и непосредственным образом связано с многовековой грузинской поэзией.

Основным в развитии грузинской литературы 40—50-х годов XIX в. был процесс зарождения реализма. Но утверждение реалистического принципа в грузинской литературе протекало не эволюционным путём, а в борьбе с условными формами и образами романтизма. Эта борьба была выражением антагонистических политических и эстетических тенденций.

Реализм в грузинской литературе прошёл ряд ступеней. Элементы реализма часто довольно сильно выявлены и у грузинских романтиков (А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили), но они не определяли творческого лица и стиль этих авторов. Только с 40—50-х годов начинает развиваться в грузинской литературе реализм как выражение определённых социальных и эстетических тенденций. Зачинателями реалистического направления в грузинской литературе были Г. Эристави, Л. Ардазиани, З. Антонов, Д. Чонкадзе. В 60-е годы реализм в грузинской литературе достигает высшей ступени развития и утверждается как господствующее направление в произведениях И. Чавчавадзе, А. Церетели и Г. Церетели. В произведениях этих писателей критический реализм уже чётко оформлен, они же дали всестороннее обоснование теории реализма. Критический реализм в тот период выражался в острой разоблачительной критике существовавшего общественного строя.

Реализмом отмечена грузинская литература и в 70—80-е годы. Но в творчестве народников это направление потеряло свою художественную силу и поэтическую новизну, что было характерно для писателей 60-х годов. В 90—900-е годы своеобразную и новую стадию в развитии реализма характеризуют произведения Д. Клдиашвили, Э. Ниношвили, Ш. Арагвиспирели и И. Евдошвили.

АЛЕКСАНДР ЧАВЧАВАДЗЕ

Творчество Александра Чавчавадзе является соединительным звеном между старой поэтической культурой и её новым направлением. Наряду с идущими из предыдущих эпох поэтическими традициями мы видим в его произведениях искание новых путей. Он использует в своих стихах жанры и образы, характерные для грузинской поэзии XVII—XVIII вв., но не рабски копирует старые образцы, а осмысливает их на основе завоеваний поэзии нового века. Творчество этого выдающегося поэта знаменует

собой важный перелом в грузинской поэзии, преодоление чужеродных традиций восточной литературы с её утончённой и идейно-пустопорожной любовной лирикой, выход поэзии на широкую общественную дорогу. А. Чавчавадзе—первый представитель новой грузинской поэзии.

Биография. Александр Чавчавадзе происходил из влиятельного княжеского рода. Его отец—Гарсеван (он же Давид) Чавчавадзе—известное в грузинской истории лицо, посол царя Ираклия II при русском дворе в Петербурге.

Александр Чавчавадзе родился в 1786 г. в Петербурге, где в то время находился его отец со всем своим семейством. Первоначальное образование А. Чавчавадзе получил в Петербурге, в пансионе Бамана, мать же научила его читать и писать по-грузински. Позднее учителем его был дядя Георгий Авалишвили, который пробудил в мальчике любовь к грузинской поэзии. Когда Гарсеван Чавчавадзе уезжал с семьёй в Тбилиси, он взял с собой для воспитания сына француза-учителя.

В 1804 г., восемнадцатилетним юношей А. Чавчавадзе бежал из дома и присоединился к царевичу Парнаозу, который пытался организовать в Мтиулету борьбу за восстановление трона Багратидов. Участники восстания, а с ними и Александр Чавчавадзе, были арестованы. Юношу привезли в Тбилиси, судили и выслали (в 1805 г.) в Тамбов на поселение. Однако он недолго оставался в Тамбове: по просьбе отца Чавчавадзе царь Александр I освободил юношу от наказания, А. Чавчавадзе был вызван в Петербург и зачислен в пажеский корпус. В 1809 г. он получил чин подпоручика.

Молодой офицер прекрасно знал русский, французский, немецкий и персидский языки.

Проведённые в Петербурге годы сыграли важную роль в формировании литературно-эстетических взглядов А. Чавчавадзе. Здесь, в России, воспринял он передовые воззрения эпохи и приобщился к новой поэтической культуре.

В 1811 г. А. Чавчавадзе назначается адъютантом главноначальствующего на Кавказе маркиза Паулуччи, принимает участие в подавлении восстания кахетинских крестьян. Пуля одного из повстанцев ранила его в колено, рана оказалась настолько серьёзной, что поэт едва не поплатился жизнью.

В 1813—1814 гг. А. Чавчавадзе принимает участие в сражениях против Наполеона. В Париже он—адъютантом при командующем союзными армиями Барклае де Толли. По возвращении из Европы А. Чавчавадзе получил назначение в Нижегородский полк, в то время стоявший в Кахети (в течение некоторого времени он выполнял обязанности командира этого полка).

В период службы в Нижегородском полку А. Чавчавадзе сблизился с грузинской интеллигенцией, а позднее—с высланными в Грузию декабристами. Дом Чавчавадзе был открыт для всех; гостеприимство просвещённых хозяев славилось за пределами Грузии. В этом доме собиралось не только всё образованное, передовое грузинское общество того времени,—его неизменно посещали все прибывавшие из России гости. В 1828 г. А. Чавчавадзе был назначен правителем армянских областей и исполнял обязанности командующего войсками этого края; в различные периоды он занимал также ряд других ответственных военных и гражданских постов.

На творчество А. Чавчавадзе оказал влияние великий русский поэт Пушкин. Установлено, что А. Чавчавадзе и Пушкин встречались в Тбилиси в 1829 г. Пушкин отмечал в «Путешествии в Арзрум», что он провёл в Тбилиси две недели и познакомился с местным обществом. А. Чавчавадзе был одним из виднейших представителей грузинской интеллигенции того времени. Естественно, что Пушкин не мог не познакомиться с таким видным человеком, как А. Чавчавадзе. К этому следует добавить, что А. Чавчавадзе одним из первых переводил на грузинский язык стихи великого русского поэта.

Когда в 1832 г. был раскрыт заговор грузинского дворянства, подозрение русских властей не без оснований пало и на А. Чавчавадзе. А. Чавчавадзе был признан участником

заговора, судим и в январе 1834 г. выслан опять в Тамбов сроком на четыре года. Вскоре, однако, Чавчавадзе был освобождён от наказания и снова вернулся в Тбилиси.

В 1838 г. А. Чавчавадзе назначается членом совета при главноначальствующем на Кавказе, а в 1841 г. получает чин генерал-лейтенанта.

А. Чавчавадзе трагически погиб 6 ноября 1846 г.

Творческий путь. А. Чавчавадзе является одним из зачинателей патриотической лирики, получившей распространение в грузинской поэзии XIX в. Недаром он говорит в одном из своих стихотворений:

Я один—одной в дар принёс себя,
Буду накрепко ей рабом всегда.

(«О года, года!» Пер. С. Шервинского.)

Этот предмет почитания, которому поэт посвятил себя навеки—родина, Грузия. «Где бы ни был я, но я с ней всегда»,—повторяет он далее. Стихотворения, написанные на эту тему, являются выражением высоких патриотических устремлений поэта.

Величие и красота природы Грузии впервые в новой грузинской поэзии отражены Александром Чавчавадзе. В этом смысле он является предшественником Григория Орбелиани и Ильи Чавчавадзе. Многие образы из стихотворения А. Чавчавадзе «Кавказ» впоследствии были использованы Г. Орбелиани («Вечера прощания») и И. Чавчавадзе («Записки проезжего»). В стихотворении «Кавказ» А. Чавчавадзе исключительно богатыми красками нарисовал природу кавказских гор. Пейзаж передаётся им совершенными поэтическими средствами: горные реки, с рёвом низвергающиеся со скал, орошают плодородные долины; горные вершины покрыты тысячелетним снегом, который время от времени срывается со склонов и погребает под собой всё, что ему встретится по дороге; вокруг громоздятся ледяные громады, которые под лучами солнца блестят, как золото и алмазы. Плоскогорья покрыты высокой травой альпийских пастбищ, склоны зеленеют лесами, которые изобилуют зверем и дичью. Краса кавказских гор— олени и туры. К скале кавказских гор был прикован Прометей, которому «в силу гнева богов ворон терзал сердце». А. Чавчавадзе описывает природу не для передачи собственного настроения (восхищение его природой свободно от мучительных страстей),—он передаёт картины природы объективно, лишь изумляясь их грандиозностью.

Стихотворение «Кавказ» обращает на себя внимание и с другой точки зрения. Известно, что в вопросах политической ориентации грузинские романтики не были свободны от некоторой двойственности. С одной стороны, они оплакивали потерю национальной независимости своей страны, с другой, постепенно всё теснее, всё глубже сближались с русской культурой, с духовной жизнью русского народа. Это раздвоение ярко проявляется и в творчестве А. Чавчавадзе. Поэт выражал некоторый скептицизм и недовольство установлением новой власти в Грузии.

В стихотворении «Кавказ» А. Чавчавадзе вновь говорит об исторических условиях, сложившихся в XIX столетии. Но он, в отличие от некоторых своих современников, уже ясно видит, что связь с Россией для Грузии означала движение к экономическому и культурному прогрессу.

Но дети Иверии поняли: тут
В их светлое Завтра дороги ведут.

(Пер. П. Антокольского.)

Эти слова выражают перелом, происшедший во взглядах грузинской дворянской интеллигенции, особенно после раскрытия заговора 1832 г. Поэт призывал к сближению, к сотрудничеству с передовой частью русского общества.

В творчестве А. Чавчавадзе получили сильное выражение гуманистические идеи. Он клеймит неравенство и порабощение человека человеком. В стихотворении «Горе миру» поэт отмечает, что в современной жизни царят ложь и зло, тогда как добродетель подавляется. В этой неустроенной земной жизни «порицают делающих добро» и «хвалят дурное низкие души». Богатые приобретают свои сокровища «ограблением и угнетением» народа; многие в поисках выгоды даже отрекаются от веры. Поэт завершает стихотворение такими строками:

Но найдётся для неправых кара,
Не уйдут злодеи от удара.
 Мечь запылывает яро
 Вплоть до небосвода!
Горе вам, насильники народа!
Царь земной, чьи повеленья святы,
Царедворцы, что пришли в палаты,
 Вам не избежать расплаты,
 Не найти прохода!
Горе вам, обманщики народа!
Горе вам, хотевшим жить беспечно,
Отгулявшим в славе скоротечной!
 Ваша жизнь не длится вечно,
 Вянет год от года.
Будет время,—смерть врагам народа!

(Пер. П. Антокольского.)

В этом стихотворении социальный мотив выражен с максимальной чёткостью, поэтому оно и произвело в своё время огромное впечатление в грузинском обществе. Илья Чавчавадзе увидел в нём «гражданскую скорбь». В стихотворении «Горе миру» ярко проступают черты реализма.

А. Чавчавадзе с большой силой отразил в своей лирике реальный мир человеческих чувств. Его стихи проникнуты светлым ощущением радостного жизневосприятия, он воспевает красоту, любовь, дружбу и юность. Стихи этого рода представляют собой своеобразную поэтическую исповедь Александра Чавчавадзе.

Особое значение в духовном мире человека поэт придавал культуре прекрасного, он считал, что вне красоты жизнь теряет всякий смысл. Красота, её восприятие зрением и всеми чувствами, её ощущение и переживание возвысили поэта, очистили его душу. Красота непосредственно связана с любовью, поэтому поэт видит в любви радость жизни. Его стихам присущ пафос любви, свободной от всякой мистики и вместе с тем не имеющей ничего общего с пошлой галантностью. Любовь для А. Чавчавадзе—здоровое, естественное, восторженное чувство, всепобеждающая, всепоглощающая страсть, которая своей стихийной силой подчиняет, покоряет человека и оказывает огромное влияние на всю его жизнь.

Любовь в жизни человека, по мысли Чавчавадзе, подобна весне в природе, любовь и весна дополняют друг друга. Подобно тому как весна представляет собой вершину жизни природы, так любовь является высшей точкой, вершиной человеческой жизни. Человек не должен сковывать свои чувства—он должен следовать своим светлым, здоровым увлечениям. Большинство стихов А. Чавчавадзе имеет темой торжествующую любовь и представляет собой настоящий гимн красоте и счастью. Читатель поражается изяществом рисунка, разнообразием и яркостью красок.

Воспевая любовь, поэт в то же время выказывает себя внимательным наблюдателем, тонким психологом, который в точности отдаёт себе отчёт в своих

чувствах и переживаниях, детально анализирует их. Несмотря на тематическое сходство многих произведений, в стихах А. Чавчавадзе нет внутреннего однообразия, он отнюдь не поёт на один голос, в одной тональности, выражающей одно и то же душевное настроение. Напротив, поэт тонко учитывает всю изменчивость настроения влюблённого, все те внезапные взлёты и падения, которые характеризуют чувство любви. Подхваченные любовной стихией, сердце и разум борются друг с другом. Разум зовёт человека к сдержанности, сердце, наоборот, велит ему полностью насладиться любовью.

А. Чавчавадзе воспринимает действительность как поэт-философ, он языком поэзии высказывает глубокие мысли о жизни и законах её развития. Его поэтический шедевр «Озеро Гокча» рисует сложную картину исторического развития и общественного бытия, вместе с этим в этом произведении ярче всего сказались и пессимистические мотивы поэзии Чавчавадзе.

Особое значение в истории грузинской литературы имеют переводы поэтических и драматических произведений на грузинский язык, выполненные А. Чавчавадзе. Он оставил целый ряд блестящих переводов из русских и французских поэтов, одним из первых познакомил грузинского читателя с произведениями Пушкина, Одоевского, Гюго, Лафонтена, Расина, Корнеля, Вольтера.

ГРИГОРИЙ ОРБЕЛИАНИ

Биография. Григорий Орбелиани происходил из рода, сыгравшего значительную роль в истории Грузии. В прошлом Грузии этот род был одним из виднейших среди феодальной знати.

Отец Григория Орбелиани, Зураб (Димитрий), был приближённым царя Ираклия II, который выдал за него замуж свою внучку Хорешан, дочь царевны Елены. После присоединения Грузии к России Зураб Орбелиани поступил на военную службу. Мать поэта Хорешан была добрая и любящая женщина, обладавшая недюжинным умом и получившая по тем временам хорошее домашнее образование.

Г. Орбелиани родился в 1800 г. в Тбилиси. Грамоте его обучил Алексишвили-Месхишвили, весьма образованный человек своего времени. Затем родители отдали его в тбилисское «Училище для благородных». Когда в Тбилиси открылась артиллерийская школа, Г. Орбелиани пожелал перейти в неё, чтобы изучить военное дело. Двадцати двух лет он окончил артиллерийскую школу с чином прапорщика и сразу же после этого принял участие в походе против лезгин. Начиная с этого времени, он непрерывно находился в походах: в 1826—1828 гг. он принимал участие в войне против Персии и Турции, в 1829 г. его посылают с особым поручением к Александру Чавчавадзе, который в ту пору был командиром полка на кахетинской военной заставе; в 1830 г. Г. Орбелиани находился в экспедиции Паскевича и воевал с чар-белаканскими лезгинами, а позднее принимал участие во взятии Закаталы.

В июне 1831 г. Г. Орбелиани, по распоряжению командующего кавказскими войсками генерала Панкратьева, отправляется в Петербург. Это путешествие описано Г. Орбелиани в его дневнике «Моё путешествие из Тбилиси в Петербург». Г. Орбелиани пробыл недолго в столице Российской империи. Здесь он познакомился с многочисленными представителями грузинского царского рода и с приближёнными им лицами, высланными сюда из Грузии. В ноябре 1831 г. Г. Орбелиани уже в Новгороде, где стоял лагерем его полк. Свободное от военной службы время он отдаёт поэзии; кроме своих оригинальных стихов, здесь окончил Г. Орбелиани последнюю редакцию своего грузинского перевода произведения Рылеева «Исповедь Наливайки». Как выяснилось позже, работу над этим произведением он начал ещё в Тбилиси и лишь продолжил в Новгороде.

Во время пребывания Г. Орбелиани в Новгороде в Грузии был раскрыт дворянский заговор 1832 г. Поэт, как активный участник этого заговора, не избежал

участи других замешанных в нём лиц. Проведя в ссылке три года, Г. Орбелиани вернулся в Грузию в 1837 г. и был зачислен в грузинский гренадерский полк, в котором прослужил пять лет. В течение последующих пятнадцати лет он воевал в Дагестане против Шамиля, который возглавлял реакционно-националистическое движение мюридизма и являлся агентом англо-турецкого империализма.

В начале 1858 г. кавказский наместник князь Барятинский вызвал Г. Орбелиани в Тбилиси и назначил его председателем консультативного совета при наместнике. Во время отсутствия наместника Г. Орбелиани должен был выполнять его обязанности. Через два года Г. Орбелиани был назначен тбилиским генерал-губернатором с оставлением в должности председателя консультативного совета. В то же самое время он большое внимание уделяет поэтическому творчеству. В семидесятых годах XIX века Г. Орбелиани принимал участие в споре представителей двух поколений—«отцов» и «детей»—по вопросам литературы и основных общественных проблем эпохи. Он был ревностным защитником взглядов старого поколения, главой консерваторов.

Г. Орбелиани скончался 21 марта 1883 г., похоронен в Тбилиси, в ограде Кашветской церкви.

Творчество Г. Орбелиани. Литературное наследство Г. Орбелиани отличается жанровым разнообразием. Он оставил обширную личную переписку, которая имеет большое значение для изучения не только биографии поэта, но и вообще общественной жизни Грузии XIX в.; он пробовал свои силы в художественной прозе. Однако талант его развернулся ярче всего в поэзии. Г. Орбелиани является одной из противоречивых фигур в Грузинской поэзии: типичный романтик в поэзии он был трезвым реалистом в своей административной деятельности.

В творчестве Г. Орбелиани особенно сильно выражено чувство патриотизма. Он объявляет, что вечному осуждению следует предать имя того, кто не чувствует «божественной» любви к родине, кто, видя свою отчизну в плену, пожалеет собственную жизнь для её освобождения. Согласно его же выражению, «зачем нужна жизнь, если народ стонет под тяжёлым игом?» Смерть, конечно, была бы предпочтительнее такой жизни, если бы не надежда на то, что для страждущего взойдёт «заря свободы». Поэт недоволен положением родной страны и стремится к её свободе и независимости. Большинство его стихотворений, написанных в период подготовки заговора 1832 г., выражает нежелание поэта примириться с положением Грузии. Он старается всякий раз, как только представится подходящий случай, идеализировать прошлое своей страны. Поэт в стихотворении «К Ярали» (1832) обращается к своему другу:

Ты б рассказывал—
Юный разум мой
Просвещала бы речь спокойная—
Про Иверию,
Львиносердитыми
Столь богатую встарь героями.
Ты б рассказывал, как к оружию
Наши юноши, лишь заслыша зов,
Устремлялись вмиг, чтоб обрушивать,
Точно гром с небес, сокрушать врагов.
Горе тем врагам, кто в расселины
Иль в лесную глушь не бежал от них.
Уничтожены были все они:
Сокол голубя бил без жалости.
Я завидую тем, кто родине
В жертву жизнь принёс, помню твёрдо и

Дни, в которые в сердце каждого
К ней любовь жила необорная.

(Пер. С. Шервинского.)

Славное историческое прошлое Грузии и величие её природы являются темой большого одического стихотворения Г. Орбелиани «Заздравный тост, или пир после Эриванской битвы» (1826—1870). По окончании сражения победоносные войска предаются веселью, всё вокруг освещено кострами, луна глядит с неба на победителей, которые проводят время за чашей вина:

О, желанная отчизна,
Преисполнено любви,
Чьё восторженное сердце
Не трепещет пред тобой?
Кто, тебя в беде увидев,
Не прольёт горячей крови,
Не пожертвует в сраженьи
Непокорной головой?

Первая здравица касается героев прошлого и характеризует их славные подвиги. Хотя жилища этих древних героев сравнивались с землёй и самые могилы их нельзя отыскать, но слава их бессмертна, имена и деяния их не будут забыты: эти герои сохранили и возвеличили отчизну. Поэт не забывает ни одного из деятелей прошлого, имеющих заслуги перед родной страной.

Таким образом, «Заздравный тост» является выражением одной из характерных, существенных черт грузинского романтизма—идеализации прошлого, увлечения историей родной страны.

Исследователи не раз указывали, что данное произведение Г. Орбелиани написано под влиянием известной поэмы В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Политические идеалы этих двух поэтов-романтиков имеют много сходных черт.

Поэзия Орбелиани отличается высоким мастерством в описаниях природы. Он принадлежит к небольшому числу представителей грузинской литературы, с успехом разрешающих задачу использования описаний природы для выражения идеи художественного произведения. Поэт рисует картины природы и в то же время умеет увязать их с общим течением действия, включить их в стройную последовательность других образов. Его картины легко сбрасывают рамки—и остаётся сама природа, прочувствованная поэтом до самых глубин и точно изображённая во всей своей самобытной красе. Г. Орбелиани видит природу глазами художника; живая, а не придуманная природа преломляется в призме души поэта. Природа в его произведениях предстаёт в постоянном движении, во всём своём блеске и величии; в её грозных, грандиозных картинах поэт ищет источник своего вдохновения.

Следует также отметить, что в большинстве случаев изображение природы в стихотворных и прозаических произведениях Г. Орбелиани реалистично, насыщено конкретными жизненными деталями. Ощущения, навеваемые природой, поэт непосредственно связывал со своими патриотическими чувствами; живописание природы в художественных произведениях Г. Орбелиани использовал как средство для выражения своих патриотических идей.

Если в некоторых стихотворениях Г. Орбелиани и слышится мотив скорби и тоски, зато многие его стихотворения дают нам право характеризовать его как поэта вечной юности, в целом всё его творчество проникнуто светлым, радостным, праздничным восприятием мира. Дыхание весны, свежесть майского утра живут в нём

всегда и везде. Стихи его—восторженный призыв к наслаждению радостями жизни, её красотой и разнообразием.

Г. Орбелиани не прошёл в своём творчестве мимо острых наболевших социальных проблем. Его стихотворение «Рабочий Бокуладзе» (было опубликовано в 1876 г.) изображает тяжёлое положение рабочих в классовом обществе. Вот как рисует он образ бедняка, измученного жизнью в условиях буржуазной действительности:

...Грудь моя раскрыта,
Я весь пропитан потом, весь в пыли,
Вся кожа загубела, как железо,
И ржавчиной на шее его загар...
Я сердцем человек, но я гоним судьбою,
Я нищетою с детства угнетён.
Вся жизнь моя—одна сплошная мука,
Одна забота о насущном хлебе!

(Пер. Н. Заболоцкого.)

Лоб этого несчастного человека избородён морщинами, усы и борода поседелли раньше времени, что является признаком душевных страданий, тяжёлого труда и горьких дум. Участь его на земле «в труде тяжёлом добывать свой хлеб», постоянно трудиться для того, чтобы беспечные эксплуататоры наслаждались всеми благами жизни. Рабочий не помнит ни одного радостного дня, юность его прошла в борьбе с жестокой жизнью, в старости он лишён утешения и любви.

Рабочий, образ которого нарисован поэтом, чувствует всю тяжесть капиталистического строя, но по своему классовому самосознанию стоит на крайне низкой ступени. Для него характерны рабская покорность, духовное бессилие, и потому он не ищет причин своей горькой доли. Он не знает, кого ему «восхвалять» и кого «проклинать», не надеется улучшить своё положение, не думает о том, чтобы самоотверженной борьбой вместе со своими собратьями добиться свободы и преобразования жизни. В конце концов он находит утешение в молитве и думает, что лишь «на том свете», «в потустороннем мире» все будут уравнены.

Мы имеем основание считать, что в словах рабочего Бокуладзе содержатся прежде всего мысли самого Г. Орбелиани. Несмотря на то, что он с сочувствием рисует образ труженика, для него всё же многое из того, что касается положения, стремлений и чаяний трудового народа, непонятно, вернее, он хочет сгладить классовые противоречия. Рабочий в XIX в., в частности 70—80-х годов, имел много других качеств, которые мы не видим в нарисованном поэтом образе.

Демократизм, выраженный в данном стихотворении, непоследователен. Именно в этом произведении явственно проявилась историческая и классовая ограниченность мировоззрения Г. Орбелиани.

Весьма своеобразны и колоритны те стихи Г. Орбелиани, которые посвящены изображению жизни тбилисских «мокалаке»²³, «карачохели». Он прекрасно был знаком с бытом этих слоев городского населения и потому смог обрисовать все их разнообразные переживания—восторг, стремление к наслаждению жизнью, пылкую любовь, желание ничем не стеснённой свободы. Для стихов на эту тему он выбирает особую форму, используя строфику «мухамбази» и тем самым отдавая определённую дань старинной грузинской поэзии. И, однако, интерес Г. Орбелиани к жизни простых людей вряд ли направлялся какими-либо серьёзными идейными соображениями. Тем не менее стихи этого рода у Г. Орбелиани представляют немалый интерес, так как в них особенно

²³ М о к а л а к е -городской житель.

проявилось одно важное качество, присущее его творчеству,—реалистичность восприятия и изображения.

Г. Орбелиани останется в истории грузинской поэзии как один из лучших мастеров стиха. Наряду с традициями старинной грузинской лирики в его творчестве обнаруживается и смелый поворот к новым формам поэзии. Естественность, горячее стремление ко всему прекрасному и удивительный темперамент—характерные черты поэзии Г. Орбелиани. Он обладает блестящим, звучным, ярким и гармоничным стилем, его стих всегда отличается смелостью и оригинальностью выражения, которое, однако, никогда не идёт у него в ущерб последовательности мысли.

Г. Орбелиани прекрасно знает, что высокому вдохновению соответствуют большой размах, широкий и смелый рисунок, богатая и хорошо развитая форма. Он пишет искренно, ясно, с чарующей простотой, всегда внося в свои произведения много интимного чувства. Поэтому его элегии возвышенны и в то же время естественны, свободны от эффектации и выражают всё то чистое и нежное, что есть в человеке. Наиболее естественная для его творчества форма—живой, свободно льющийся, музыкальный разговор. Стих его отличается точностью и силой выражения. Г. Орбелиани впервые в грузинской поэзии применил белый стих.

НИКОЛАЙ БАРАТАШВИЛИ

Николай Бараташвили—самый выдающийся и самый оригинальный представитель романтизма в грузинской литературе. Почти все характерные черты романтического направления проявились в тех сорока двух поэтических его произведениях, которые известны нам до сих пор. Творчество Н. Бараташвили представляет собой новую ступень в развитии грузинской поэзии. В поэтическом творчестве Н. Бараташвили особенно сильно выражены новаторские черты, его новаторство оказало определяющее влияние на грузинскую поэтическую культуру последующего периода.

Н. Бараташвили расширил мир идей грузинской поэзии, придал новизну и своеобразие поэтическим темам и мотивам, обновил форму стиха. В истории грузинской поэзии он выступает как поэт нового, передового типа. Согласно характеристике Ильи Чавчавадзе, Н. Бараташвили придал грузинской поэзии мировой резонанс, обогатив её возвышенным содержанием. Он стоит в ряду крупнейших представителей современной ему русской и западноевропейской литературы. Но он никому не подражал, совершенно самостоятельно ставил сложнейшие жизненные проблемы и давал им своё оригинальное разрешение.

Жизнь поэта. Н. Бараташвили был старшим сыном Мелитона Бараташвили и его супруги Ефимии Орбелиани-Бараташвили. Он родился 15 декабря (ст. ст.) 1817 г. в Тбилиси. Ребёнок рос под непосредственным наблюдением матери и няни, горийской крестьянки Майи. Первоначальное воспитание, полученное им от матери, оставило глубокий след в его душе. Мать пробудила его сознание, способствовала формированию его ума и вкусов. Когда ребёнку исполнилось семь лет, мать научила его читать и писать. Н. Бараташвили в детстве удивлял всех своей ненасытной любознательностью и огромной жадой знаний.

В сентябре 1827 г. Н. Бараташвили отдали в тбилисское «Училище для благородных», которое через три года было преобразовано в гимназию с пансионом при ней. Н. Бараташвили был принят в пансион. Годы, проведённые в «Училище для благородных» и в гимназии,—весьма содержательный период в жизни поэта. Именно здесь созрел и оформился его большой поэтический талант, которому в будущем суждено было своими лучами озарить новую грузинскую поэзию.

В июне 1835 г. Н. Бараташвили окончил гимназию и намеревался было поступить на военную службу, но не мог исполнить своё намерение, так как родители не разрешили

ему, сославшись на его хромоту. (В 1832 г. Н. Бараташвили упал с лестницы и сломал обе ноги. Несмотря на тщательное лечение, одна нога у него всё же оставалась повреждённой, и он всю свою жизнь прихрамывал на неё.) Тогда он выразил желание учиться в университете, но и на это не получил родительского согласия.

С июля 1836 г. до конца 1844 г. Н. Бараташвили работает в должности простого чиновника в «Экспедиции суда и расправы». Жизненные обстоятельства обрекли Н. Бараташвили на бесцветную работу в канцелярии; ему предстояло тратить лучшие годы своей молодости на занятия делами, лишёнными для него всякого интереса; его большой талант, казалось, обречён был на увядание в убийственно-однообразных канцелярских буднях, среди канцелярского окружения.

Несмотря на то что в этот период Н. Бараташвили не может посвятить себя целиком поэтическому творчеству, годы службы в тбилисской «Экспедиции» исключительно плодотворны для него с точки зрения литературной работы. Именно в эти годы он создал свои лучшие поэтические произведения: «Раздумья на берегу Куры», «К чонгури», «Серьга», «Младенец», «Сиротство души», «Храм в пустыне», «Мерани», «Злой дух», «Судьба Грузии» и др.

В ноябре 1844 г. Н. Бараташвили был назначен помощником начальника Нахичеванского уезда, в марте 1845 г. он оставляет службу в Нахичевани и возвращается в Тбилиси. Проведя примерно три месяца в столице, он получает назначение в Ганджу, где служит помощником уездного начальника с июня по октябрь 1845 г. И здесь ему приходилось жить в тяжёлых условиях. В Ганджинском крае в то время рыскали разбойничьи шайки, которые разоряли деревни, грабили и убивали жителей. Часто Н. Бараташвили с вооружённым отрядом приходилось в дождь и ветер в продолжение нескольких суток преследовать разбойников и вести с ними бои. В довершение всего климат Ганджи оказался для него вредным: он заболел малярией. Во время одного преследования разбойничьей шайки Н. Бараташвили простудился и заболел воспалением лёгких. Через несколько недель он как будто бы стал выздоравливать, но болезнь вновь осложнилась. 9 октября (ст. ст.) 1845 г. Н. Бараташвили скончался.

Идейные мотивы творчества. Н. Бараташвили начал писать стихи ещё в гимназии. До нас дошли только произведения, датированные 1833—1845 гг. Кроме того, известно, что он написал поэму «Иверийцы», касающуюся жизни Грузии в X—XII вв., и перевёл трагедию Лейзевица «Юлий Тарентский». К сожалению, оба эти произведения утрачены.

Уже в самых первых стихотворениях ярко проявилось большое и своеобразное дарование Н. Бараташвили. Ещё совсем юноша по возрасту, он был уже вполне зрелым душой и мыслью человеком. Ранние его стихи поражают серьёзностью идей и тем, силой их выражения, отличаются проникновенным лиризмом, поэтической непосредственностью и философской глубиной, в них чувствуется размах крыльев гения.

Творчество Н. Бараташвили отразило его личную жизнь, полную разбитых надежд, неосуществлённых мечтаний, тяжёлых страданий и разочарования. Но было бы ошибкой свести всё содержание поэзии Н. Бараташвили к сетованиям его на свои личные неудачи. Романтическая поэзия Н. Бараташвили черпала содержание главным образом в общественных условиях, господствовавших в Грузии того времени. Годы жизни и деятельности поэта—один из наиболее суровых периодов грузинской истории, период безудержного деспотизма и колониального рабства. С большой искренностью и глубиной запечатлевал Н. Бараташвили в стихах всё то, что он чувствовал и что волновало его. В его творчестве заметны живой интерес к действительности, полнота восприятия жизни, гуманизм и знание человеческой души. Разрабатывая философские и исторические темы, он всегда смотрит вперёд. Ему чужда мистическая, метафизическая мысль, отвлечённые мечтания, в его поэзии мы не найдём любования прошлым, идеализации средних веков и феодализма.

Н. Бараташвили является неподражаемым мастером романтической лирики, не имеющим равных в грузинской поэзии. Он отличается тонкостью эстетического чувства, высоко развитым вкусом, а его поэзия—пластичностью формы, точным и сильным словом. Оригинальность замысла, глубина психологических мотивировок и своеобразие стиля слиты в его произведениях в одно неразрывное целое. Стихи Н. Бараташвили обладают чарующим ритмом и музыкальностью, все прекрасные свойства грузинского языка соединились в его поэзии в один стройный, редкостный аккорд. Н. Бараташвили внёс в грузинскую поэзию романтический психологизм, тем самым обогатив её новым для неё принципом показа человека, его внутреннего мира. Среди грузинских поэтов первой половины XIX в. он был первым, кто с удивительной силой передал в поэзии сложную и противоречивую гамму человеческих переживаний.

Стихи Н. Бараташвили являются изображением переживаний опечаленного и разочарованного современной ему жизнью человека. Ещё с тех дней, когда поэт впервые узнал свет, «только он бросил места, где бежали детские дни его игр» среди товарищей, «голос какой-то, невнятный и странный, сопровождал везде, постоянно контролировал мысли, шаги и поступки» его и повторял всё одно и то же: «Ищи, юноша, свой путь, найди долю, достойную тебя» («Таинственный голос», 1836). В дни ранней юности он мечтал о счастье, о свободе, о лучшем будущем. К сожалению, всё это не оправдалось: «Но я и донныне в розысках вечных и вечно в уныньи». Жестокая действительность убила в нём веру, заставила его утратить душевный покой, суровый ветер вырвал из его рук цветок, полный благоуханья жизни, тяжёлое время наполнило слезами глаза благородного рыцаря, углубилось горе сердца («Повеял ветер суровый», 1842). Жизнь представляется Н. Бараташвили «злым духом», который превратил юношу, полного светлых идеалов, в человека «с сомневающимся умом, с недоверчивой душой» («Злой дух», 1843). Вот почему он говорит о сиротстве души. Человек, потерявший друзей или родственников, вновь найдёт их, но если утрачены вера и душевный покой, то человек обречён, ему никогда не найти сочувствия и дружбы, его удел—жизнь с разбитым сердцем и печалью.

Поэзия Н. Бараташвили отличается высокой интенсивностью переживаний. Правда, он часто впадает в меланхолию, но грусть его не переходит в моральную протрацию, и мы не обнаруживаем у него настроения подавленности и примирения. Даже в самых мрачных, проникнутых острым чувством тоски стихах Н. Бараташвили мы не увидим покорности или желания бежать от жизненных проблем. Отчаяние по большей части переходит в его стихах в протест против зла, царящего в мире. Он сражается против коварного злого духа, не хочет покориться и гневно обращается к нему: «Прочь от меня, коварный дух, дух злобы!» Глубоко эмоциональны и характерны в этом отношении строки:

Но мы сыны земли, и мы пришли
На ней трудиться честно до кончины.
И жалок тот, кто в памяти земли
Уже при жизни станет мертвечиной.

(«Раздумья на берегу Куры». Пер. Б. Пастернака.)

Н. Бараташвили славит силу благородного человеческого стремления.

В минуты разочарования и сомнений поэт ищет сочувствия и поддержки в природе. Это общение с природой составляет для поэта-романтика богатейший источник впечатлений и вдохновения. «Верю, что есть язык таинственный в природе бездушной и неживой»,—говорил он. Природа не является для него декорацией, средством внести добавочные краски в произведение, он не описывает нам внешние формы предметов и явлений природы,—нет, он глубоко чувствует то, что можно назвать душой предмета, природы. Среди грузинских поэтов XIX в. никто не проявил столько интимности в своём отношении к природе, как Н. Бараташвили. Эта интимность выразилась в тончайшем

восприятия природы и в индивидуализированном представлении её явлений. Его взгляд на природу, его впечатления от природы и её явлений отличаются сложным характером. Он ощущает себя органической составной частью природы. Природа для него—выражение душевного состояния, более того,—источник сочувствия и утешения. Он как бы пронизывает природу и вообще жизнь своим собственным настроением, наделяет их признаками собственной души, собственного гения. Рисуя предметы, Н. Бараташвили рисует по существу самого себя. Его стихи «Сумерки на Мтацминде» (1836), «Ночь на Кабахи» (1836), «Раздумья на берегу Куры» (1837), «Чинари» (1844) содержат своеобразную концепцию романтически осмысленной природы. Можно сказать, что ни один грузинский поэт, за исключением Важа Пшавела, не подошёл так близко к природе, не проник так глубоко в её внутреннюю жизнь, как Н. Бараташвили, и ни перед кем природа не раскрыла так щедро своих тайн.

Н. Бараташвили любит спокойные, тихие, грустные, а не грозные и тревожные картины природы. Природу, эту объективную реальность, он воспринимает как живой организм. В явлениях природы он различает голоса жизни. Прогулка в сумерках на горе Мтацминда пробуждает в душе поэта множество воспоминаний. Он вспоминает время, когда, печальный, он прохаживался по склонам Мтацминда, и тихий ветер овеивал его, грустный и одинокий, как он сам. Он обращается к Мтацминде, «то смеющейся, то плачущей, к другу замкнутых сердец», а увидит её, тотчас же почувствует облегчение от своих скорбей. Н. Бараташвили наделял природу своей собственной мечтательной душой, находил в природе отражение каждого своего чувства.

В творчестве Н. Бараташвили мы не находим антиобщественного бегства из мира реальной мечты в иррациональную область «невыразимых глубин духа». Главное в лирике Бараташвили—не антитеза «земли и неба», а противопоставление личности с её передовыми идеями затхлой общественной атмосфере. Говоря о себе, о своём «я», Н. Бараташвили, по существу, говорит обо всём обществе, ибо в его личности дано всё то, чем живёт общество. По существу, в течение всего своего творческого пути Н. Бараташвили пытается разрешить проблему взаимоотношения личности и общества.

Н. Бараташвили не представляет себе жизни помимо общества. Жизнь как арена действия людей составляет предмет его мыслей. Основную проблемой для него является объяснение тайны бытия и искание счастья в этом мире. Он понимал, что остановить развитие прогресса не может никакая сила. Он борется с жизнью такою, как она сложилась, не для отрицания её, а для того, чтобы создать приемлемое взаимоотношение между нею и человеком. Поэтому мечта о лучшем будущем возникает у него на основе преодоления царящих в жизни противоречий. Н. Бараташвили борется, чтобы обрести счастливую, свободную жизнь, стремится быть предтечей рассвета. Ожидание солнечного утра облегчало его скорбь и было утешением опечаленному сердцу:

Не плачь. За ночью день настанет.
И солнце вновь взойдёт. И свет разгонит мрак.

(«Сумерки на Мтацминде». Пер. Б. Пастернака.)

Н. Бараташвили лучше всех своих поэтов-современников сумел осознать непрерывность, последовательность хода исторического развития и составить себе представление о будущем. Не случайно поэтому, что в своём гениальном стихотворении «Мерани» (1842) он даёт апологию искания, борьбы и движения вперёд.

«Мерани»—изображение противоречия, конфликта между благородными стремлениями человека и средой. Основная мысль произведения—отказ примириться с горькой судьбой, объявление борьбы не на жизнь, а на смерть тёмным силам действительности. Герой «Мерани» удаляется от жизни, от действительности не из отчаяния или узколичных соображений, а ради высокоморальных гражданских

принципов; стремление его благородно, так как он проникнут мыслью о служении людям и обществу. Желание обрести свободу для человека, возвысить его достоинство движет им. Этому исключительно благородному герою приходится преодолевать огромные препятствия: его неотступно сопровождает «роковой чёрный ворон», «злой дух», олицетворение тёмных сил, символ жестокой, страшной действительности. «Мерани»— произведение с гуманистическим содержанием, выражающее любовь к жизни и веру в её обновление, прогресс и свободу. Поэт прямо объявляет, что проложенный им след облегчит будущему собрату трудный путь:

Нет, не исчезнет душевный трепет того, кто ведал, что обречён,
И в диких высях твой след, Мерани, пребудет вечно для всех времён:
Твоей дорогой мой брат грядущий проскачет, смелый, быстрее меня
И, поровнявшись с судьбиной чёрной, смеясь, обгонит её коня.

(«Мерани». Пер. М. Лозинского.)

Отрицательно настроенный по отношению к своей современности, поэт верит в лучшее будущее и поэтому назначение человека, путь его в жизни рассматриваются им оптимистически. Творец, созидатель, жертвующий собой во имя всего мира, мечтает о всеобщем счастье. «Мерани»—поэтическое произведение, ярко выражающее благородное стремление поэта.

Глубокий патриотизм является отличительным качеством грузинских прогрессивных романтиков. Это благородное чувство играет основную роль в их творчестве. Поэтому совершенно естественно, что Бараташвили отвёл патриотической, национальной проблеме значительное место в своих произведениях.

В многовековой истории грузинского народа Крцанисская битва представляет собой один из самых критических моментов. Дикие орды персов во главе с Ага Магомед-ханом напали на Грузию. Битва, разыгравшаяся 11 сентября 1795 г. на Крцанисском поле, близ Тбилиси, была очень трагична для грузинского народа. Сражение это примечательно по своим политическим последствиям. Начиная с XVI в., Грузия все свои силы тратила на борьбу с агрессией Турции и Персии, в этой борьбе она устала, обессилела. И без того небольшое по величине государство распалось на мелкие царства и княжества. Передовые грузинские деятели старались вывести свою родину из этого состояния и, прибегнув к помощи России, обеспечить ей лучшее будущее. Грузинский царь Ираклий II твёрдо встал на этот путь.

Эту большую проблему трактует замечательная поэма Н. Бараташвили «Судьба Грузии» (1839).

В первой части поэмы автор рисует героическую борьбу грузин за свободу и независимость своей родной страны. Но в этой неравной борьбе грузины потерпели поражение. Во второй части поэмы беседа царя Ираклия с его канцлером Соломоном Леонидзе рассказывает нам об обстоятельствах, связанных с «судьбой Грузии».

В этой беседе сталкиваются два мнения, две тенденции. Царь Ираклий ясно представляет себе настоящее и будущее страны. В течение долгих лет своего царствования он не переставая сражался против врагов, желавших покорить или уничтожить Грузию, и всё же, ввиду сложной обстановки, не смог обеспечить стране и народу мирное существование. Последнее вторжение Ага Магомед-хана привело Грузию на край гибели. Царь Ираклий чувствует, что пример Персии будет подхвачен Турцией, лезгинами и другими жестокими врагами Грузии. К бесчинствам внешних врагов добавляется тяжёлое внутреннее положение страны.

В высших слоях общества, среди феодалов, чувство гражданского долга, обязанностей перед страной ослабело и расшаталось. Старания царя Ираклия спясть всех грузин в едином деле служения родине остались бесплодны. В критическую минуту

войны с Ага Магомед-ханом ему изменили даже сыновья. Всё это весьма озабочивает престарелого царя. Ясное представление о положении страны приводит его в конце концов к мысли, что Грузия не может более существовать самостоятельно, что внутренние и внешние враги скоро полностью уничтожат её. По убеждению Ираклия, обессилевшая Грузия, для того чтобы сохранить самое существование, должна искать союзника, покровителя. Единоверная Россия обещает быть именно таким покровителем и союзником для Грузии. Эту свою мысль царь Ираклий в поэме Бараташвили сообщает Соломону Леонидзе. Царь Ираклий говорит:

Ты подумай, сын, как подумал я,
Имя русское славят все давно...

Но Леонидзе крайне изумлён. Он не верит, что в мыслях Ираклия произошла подобная перемена.

В этой замечательной беседе Н. Бараташвили высказал устами своих персонажей различные взгляды по вопросу об участии страны, имевшие хождение в то время среди влиятельных деятелей Грузии. Так сталкивает он в своей поэме два политических мировоззрения. Создаётся впечатление, что сам поэт совершенно объективен при передаче этой беседы и не выражает ясного сочувствия ни одному из спорящих. Однако это не так. Свобода и независимость страны представляются ему наивысшим благом, но в то же время он хорошо понимает необходимость шага, предпринятого царём Ираклием, обусловленность этого решения исторически сложившимися обстоятельствами. «Но всё было раньше решено, ибо сердце царское давно твёрдо судьбы Грузии решило»,—пишет он.

Поэма «Судьба Грузии» представляет собой замечательное произведение и с других точек зрения. Те реалистические тенденции, которые проявились уже в более ранних произведениях Н. Бараташвили («Ночь на Кабахи» и др.), здесь представлены особенно ярко и отчётливо. Многие пассажи этой поэмы дают нам право считать Н. Бараташвили зачинателем реализма в грузинской поэзии XIX в. Действие поэмы развивается согласно конкретно-историческим данным. Правда, в одном случае автор переставляет последовательность исторических событий (известно, что Ага Магомед-хан взял Тбилиси в 1795 г., а трактат о союзе с Россией был заключён в 1783 г., так что после Крцанисской битвы решение Ираклия не должно уже быть новостью для Соломона Леонидзе), но это обстоятельство отнюдь не говорит о «романтическом» подходе к прошлому. Каждый элемент произведения отмечен печатью реализма. В образах Ираклия и Соломона мы узнаём исторически засвидетельствованные черты этих государственных деятелей XVIII в. Описания битв также не отклоняются от исторических данных. Пластические картины природы дают нам представление о хорошо известной географической среде, язык произведения точный и выразительный.

С идеей поэмы «Судьба Грузии» тесно связано более позднее стихотворение Н. Бараташвили «Могила царя Ираклия». В этом произведении поэт ещё более решительно оправдывает политический шаг грузинского царя. Он отмечает положительные последствия, которые принесло Грузии решение Ираклия отдаться под покровительство России. Страна отдохнула от длительных кровавых и разорительных войн, стала возрождаться: «Сыны, в безвременье покинувшие край, спешат назад, неся отчизне просвещение»; «Где ранее мечом власть утверждал грузин, теперь видна рука гражданского порядка». Ввиду всего этого политический шаг Ираклия II представлялся Н. Бараташвили необходимым условием прогресса и развития родной страны.

С точки зрения жанрового разнообразия грузинский романтизм был более ограничен, нежели соответствующие литературные течения в России и на Западе. Зато в лирическом жанре грузинские романтики достигли исключительно высоких ступеней художественной культуры. Вся эта большая работа была проведена главным образом Н.

Бараташвили. Мы вправе сказать, что именно в его творчестве максимально проявилась поэтическая сила грузинского романтизма.

Романтики отнюдь не были оторваны от общей линии исторического развития грузинской поэзии. Это в особенности относится к Н. Бараташвили. Он напоминает «море», которое вобрало в себя «все реки и потоки» предшествовавшего литературного развития. Творчество Н. Бараташвили продолжает магистральную линию грузинской поэтической культуры.

Н. Бараташвили принципиально отверг поэтический стиль ашугов с их мухамбазами. Влияние этого поэтического стиля почти не наблюдается в его стихах. Многие его стихотворения написаны в стиле народной поэзии.

Сила лирики Н. Бараташвили в высоком и своеобразном мастерстве. Излюбленная его форма—краткое стихотворение, которое с исключительной глубиной и остротой передаёт ту или иную мысль, то или иное настроение. Отсюда в стихах автора «Мерани» типичные для него восклицательные и вопросительные интонации.

Своеобразен поэтический язык Н. Бараташвили. Подбор слов, их расположение и грамматическое оформление в его поэзии носят чрезвычайно индивидуальный характер. В своих стихах он всегда ясен, чётко, остёр, выразителен. Многие его стихи представляют собой сжатый разговор, построенный на афористической, музыкальной или ораторской выразительности.

ВАХТАНГ ОРБЕЛИАНИ

Биография. Вахтанг Орбелиани родился 5 апреля 1812 г. Отец его—полковник Вахтанг Димитриевич Орбелиани—был убит восставшими кахетинскими крестьянами за два месяца до рождения будущего поэта. В память отца сына назвали Вахтангом. Мать Вахтанга Орбелиани Текле была младшей любимой дочерью царя Ираклия.

Маленький Вахтанг до тринадцати лет рос под руководством матери. Она обучила его грамоте, под её влиянием сложилось и мировоззрение Вахтанга. В 1825 г. мальчика определили в тбилисское «Благородное училище», а через три года отправили в Петербург и отдали для продолжения образования в Пажеский корпус. Но петербургский климат оказался вредным для юноши, и через два года он вернулся в Грузию. В 1830—1832 гг. Орбелиани ждаёт в родной семье и занимается самообразованием, успешно овладевает русским и французским языками. В эти годы он основательно знакомится с произведениями многих выдающихся представителей русской и западноевропейской литературы: с Шекспиром, Пушкиным, Гёте, Шиллером, Гюго. Впоследствии влияние Пушкина отразилось на произведениях грузинского поэта.

В эти же годы В. Орбелиани сблизился с грузинской молодёжью того времени, в частности с Соломоном Додашвили, который стал вдохновителем его поэтических созданий. Вахтанг Орбелиани принял участие в дворянском заговоре 1832 г.

Как один из главных участников заговора он был присуждён к смертной казни, которая впоследствии была заменена высылкой из Грузии в Калугу.

Четыре года спустя, в 1837 г., отбыв наказание, Вахтанг Орбелиани возвращается в Грузию. В 1838 г. его принимают на военную службу. Ему пришлось участвовать во многих войнах и походах. Одно время он был правителем Кубанской области. В 1860 г. получил чин генерал-майора, а в 1864 г. был переведён в Закавказскую армию. В том же году В. Орбелиани был назначен членом Присутствия по крестьянским делам, в разное время занимал должность мирового посредника.

Умер В. Орбелиани 29 сентября (ст. ст.) 1890 г. в Тбилиси.

Мотивы творчества. В. Орбелиани в стихотворении «Поэту» высказал свою творческую исповедь. Он смотрит на назначение поэта и поэзии несколько иначе, чем поэты А. Чавчавадзе и Г. Орбелиани. Основным в его эстетических взглядах является борьба против влияния восточно-персидской поэзии на грузинскую. В Орбелиани влекут

руставелевские образы. «Распустившийся сверкающий цветок, чистый, словно горный ручеек, и текущий плавно, как речной поток»,—так характеризует он поэзию Руставели.

В. Орбелиани перечисляет всё, что должен отображать поэт. Он должен раскрыть природу во всём её многообразии. Ему надо уметь изображать исторических героев, жертвы, приносимые родине самоотверженными патриотами, их тяжёлую и нескончаемую борьбу с препятствиями. Поэт обязан оказать особое внимание бессмертной теме художественной литературы—любви к женщине, показать образы влюблённых с обаятельными и чистыми сердцами. Поэт обязан изучить жизнь крестьян, показать, что радует народ и что огорчает. Поэт должен клеймить презрением ростовщиков, разоблачать жестокость дворянства, его леность и невежество. Так определяет В. Орбелиани общественный долг и назначение поэта. Но в творчестве В. Орбелиани недостаточно отображено это поэтическое кредо. Мотивами его произведений является главным образом историческое прошлое Грузии и её герои. При этом оно идеализировано и дано в романтической форме.

Семья Орбелиани, по своему общественному положению, родственным отношениям и по своей психологии была тесно связана со старой Грузией. Эта семья была в сильнейшей степени задета теми политическими изменениями, которые произошли в Грузии в начале XIX в. Поэтому главный мотив творчества В. Орбелиани—прошлое Грузии.

Величие родной страны он видел только в её славном прошлом, и поэт был увлечён изучением «великой рукописи». История Грузии, её прошлое были для него животворящим источником.

В. Орбелиани вдохновляют подвиги героев старой Грузии:

Твои герои в прошлом бились храбро, не отступая,
погибали здесь!

По словам поэта, в давние времена грузины одной рукой строили храмы и палаты, а другой сражались с бесчисленными врагами. В воображении поэта проходят Давид Строитель, царица Тамара, Ираклий II и образы и дела других исторических лиц. Он создаёт своего рода культ царя Ираклия. В. Орбелиани использует всевозможные поэтические приёмы, рассказывая о заслугах Ираклия перед страной. Этот образ неразлучен с поэтом. Он отмечает, что Ираклию пришлось царствовать в тяжёлое время. Родину терзали внешние и внутренние враги. Всю свою жизнь Ираклий посвятил борьбе с этими врагами. Царь показал при этом исключительное геройство и государственный разум. Ираклий заслужил того, чтобы Грузия прославляла его.

Прошлое и настоящее Грузии, старое и новое, В. Орбелиани рисует в виде двух зданий. Новое здание привлекает взоры своей красотой. Стены этого здания и внутри и снаружи богато украшены и напоминают красавицу-девушку, обряженную к венцу. Но в этом здании нет ни силы, ни мощи. Совершенно иного рода другое здание—«остаток жилища древних предков». Хотя это здание полуразрушено и опустошено руками врагов, хотя его каменные глыбы покрывают мхи, оно всё же высится, как титан, построенное руками героев. У первого, нового здания нет качеств, необходимых для того, чтобы оно уцелело. Оно легко может быть разрушено ураганами и градом. Его развалины будут стёрты с лица земли, исчезнет и само воспоминание о нём. У этого нового здания нет прошлого и не будет будущего. А у второго здания «старца, пережившего семь столетий», нет страха перед ходом времени, перед ураганами. Если даже стены его когда-нибудь рухнут, развалины его всё же останутся навеки, вечным будет и воспоминание о нём.

Конечно, изображение прошлого имеет свои положительные стороны. Этим путём люди хотят понять, изучить и осмыслить историю своей страны и своего народа. Это имеет, разумеется, большое значение для пробуждения и укрепления национального самосознания. Но В. Орбелиани целиком замкнулся в это прошлое, и даже если поэт и

касаясь в виде исключения современной темы, он переносил её в прошлое. Объяснение этому надо искать в классово-аристократическом сознании автора.

Прогрессивные, революционные романтики стремились к преобразованию действительности, к созданию более гуманных общественных отношений; другие же—консервативные, реакционные романтики—уходили в далёкое прошлое и там искали свой идеал. Любовь к старине, к средневековью была для консервативных романтиков не только творческой потребностью, но и органическим исканием связи с прошлым. Они пытались заменить реальную действительность абстрактной мечтой, шли в разрез с процессом исторического развития. Творчество В. Орбелиани обращено к прошлому. В его поэзии преобладают созерцательные настроения и реакционно-феодалные взгляды.

ГЕОРГИЙ ЭРИСТАВИ

С именем Георгия Эристави связаны явления выдающегося значения в истории грузинской культуры и литературы. В 50-е годы XIX столетия он становится главой культурно-общественного движения своего времени и руководит им.

Г. Эристави возродил в Грузии новый жанр художественного творчества—драматургию, которая впоследствии значительно развилась и выросла; он по праву считается одним из основоположников грузинского национального театра. Значение комедий Г. Эристави в развитии грузинского драматического искусства велико. В этих комедиях выявилось новое литературное направление—реализм. Разумеется, Г. Эристави не сразу стал на этот путь, ему предшествовали продолжительные и серьёзные искания. В первое время он ещё отдавал большую дань романтизму, что и отразилось на его раннем творчестве.

Г. Эристави определил своими комедиями развитие грузинской драматургии на довольно продолжительное время. Комедийные традиции Г. Эристави на длительный срок укоренились в Грузии. Под их знаком в сущности развивалась грузинская комедия с 50-х годов XIX в. до победы советской власти в Грузии.

Жизнь писателя. Георгий Эристави родился в 1811 г. Отец его, Давид, был картлийским владетельным князем, мать, Мария, была для своего времени женщина образованная и пользовалась всеобщим уважением.

Первоначальное образование Г. Эристави получил в родной семье главным образом с помощью матери. Когда будущему писателю исполнилось восемь лет, его привезли в Тбилиси и определили в «Благородное училище». Но это училище Г. Эристави не окончил; перешедшего в V класс Г. Эристави отправляют вместе с двоюродным братом Эстатэ в Москву и отдают в частный пансион. Г. Эристави не кончил и этого пансиона. Через полгода Эстатэ заболел, и врачи посоветовали ему вернуться в Грузию. Г. Эристави вернулся на родину вместе с двоюродным братом. Спустя некоторое время, Г. Эристави поступил на службу в канцелярию тбилисского губернатора Стрекалова. Когда же главноначальствующим Кавказа был назначен барон Розен, Г. Эристави перешёл в его свиту.

В 1832 г. вместе с другими участниками дворянского заговора был арестован и Г. Эристави, который после суда был выслан в Вильно.

Пребывание в Польше и Литве имело большое значение для Г. Эристави: здесь он познакомился с западноевропейской и, особенно хорошо, с русской и польской литературой, изучил польский язык и полюбил произведения (некоторые из них перевёл на грузинский язык) великого польского писателя Адама Мицкевича. Пробыв в ссылке четыре года и семь месяцев, Г. Эристави возвращается в Грузию и живёт большей частью в селе Хидистави и только изредка приезжает в Тбилиси. Г. Эристави женится на дочери Алиханова Елизавете, от которой родился сын Давид, ставший впоследствии также известным драматургом и общественным деятелем.

В 1850 г. Г. Эристави восстанавливает грузинский театр. Некоторое время Г. Эристави руководит этим театром, пишет пьесы, работает с актёрами и ставит спектакли. В 50-е годы он—душа и сердце грузинского театра.

В 1852 г. Г. Эристави начал издавать журнал «Цискари» («Заря»). Этот журнал выходил под его редакцией в продолжение двух лет и в своё время сыграл значительную роль в развитии грузинской культуры. В 1857—1875 гг. «Цискари» издавался под редакцией И. Кереселидзе.

9 сентября 1864 г. Г. Эристави умер в г. Гори, погребён в селе Икорта на фамильном кладбище.

Творчество Г. Эристави. Первые черты реализма обнаруживаются у Г. Эристави уже в стихотворениях «Мать и женщина» и «Дума молодой женщины». В этих стихотворениях Г. Эристави характеризует семейно-бытовые условия, которые сложились в дворянской среде в период развития капитализма.

С распадом феодально-крепостнических отношений связаны основные проблемы, которые волнуют Г. Эристави. Его пьесы рисуют развал натурального хозяйства, разложение дворянства и процессы развития торгового капитала. Г. Эристави показал в своих произведениях помещиков, которые ещё не порвали связи с крепостническими устоями и, всячески эксплуатируя крестьянство, всё же идут к разорению. В пьесах Г. Эристави ярко изображено крушение основ отсталого хозяйства и патриархального быта.

Больше всего материала для характеристики феодально-помещичьего быта дают комедии «Тяжба, или точка и запятая» (1840) и «Раздел» (1849). В этих комедиях разложение дворянства показано в живых, реальных образах. Общество, описанное в комедиях Г. Эристави, это—общество первой половины XIX в.

Действующие лица «Тяжбы» Амириндо и Онофре—старые князья. Эти люди оторваны от новой действительности, большие вопросы жизни им органически чужды. Они смотрят равнодушно на всё, что не связано тесно с их бытом, что непосредственно не касается их образа жизни. Амириндо и Онофре уже потеряли способность воспринимать живую действительность, весь смысл их существования сведён к борьбе за клочок земли. По представлениям Амириндо, образованным человеком можно считать того, кто умеет составить хорошую жалобу. Идеал Амириндо—чтобы и его сын умел составлять жалобы.

В «Тяжбе», помимо двух вышеупомянутых образов, мы встречаем и других представителей провинциального дворянства: Иаиа Чиорели, друга Амириндо, и имеретинского дворянина Ломина Годабрелидзе.

Характерной чертой Амириндо, Онофре, Чиорели и Годабрелидзе является то, что в их жизни отсутствуют сколько-нибудь глубокие внутренние переживания, они только резонёрствуют. Эмоции, которые они обнаруживают, весьма примитивны (страх и гнев). Да и само выражение этих эмоций носит сугубо шаблонный характер.

Андукапар и Павел («Раздел»)—сторонники патриархального быта, они равнодушно относятся к улучшению хозяйства.

Для Андукапаров и Павлов характерно жестокое обращение с крепостными, духовная и моральная деградация. Но это не следствие их индивидуального уродства—эта деградация является следствием их принадлежности к эксплуататорскому деградирующему классу. Дворянство, лишённое всякой творческой потенции, обленилось и стало внутренне опустошённым. Жизнь дворянства, лишённая серьёзных интересов, превратилась в бессмысленное и бессодержательное существование.

Андукапар, Онофре, Амириндо, Павел и другие персонажи комедий Г. Эристави являются представителями старого поколения дворянства, «отцов». Но дворянство не состояло только из них, были также «сыновья», новое поколение, в какой-то мере отличавшееся от старого поколения, от «отцов». Это—Беглар, Михаил («Тяжба») и Иван («Раздел»). Они получили образование в России, у них широкие замыслы, но ни в каком общественно-полезном деле они не способны использовать свои знания. У них слабая

воля, они непригодны для практической жизни и не в состоянии участвовать в каком-либо большом деле.

Дворянская жизнь в произведениях Г. Эристави—это яркая картина падения отживающего свой век класса. Г. Эристави показал нам дворянство как класс, лишённый внутренней силы и жизненной энергии. Все эти Андукпары-Амириндо были не случайными курьёзными явлениями, а типичным олицетворением дворянского сословия.

Для Г. Эристави характерны гуманистические идеи, он является противником всякого угнетения и порабощения человека. Драматург с предельной искренностью рисует людей, вышедших из народной среды, осуждает разорение крепостных («Раздел»), показывает трудовой народ носителем несравненно более высокой морали, чем у представителей привилегированных слоев. Г. Эристави высоко расценивает нравственную силу женщины-крестьянки и её супружескую верность («Кваркваре Атабаг»).

В новой экономической обстановке деньги стали всемогущей силой. Буржуазия постепенно завоевала передовые экономические и политические позиции, она сумела ловко отобрать у привыкшего к безделью и лени дворянства его богатства. Г. Эристави чётко обрисовал растущую силу денежного хозяйства в образах представителей новой ростовщической буржуазии, которые действовали, руководствуясь определённой практической «философией», отражавшей новый «дух времени». Это—Микиртум Трдатов, Карапет Дабагов, Мартирос Рыбников, Иван Минасов и другие. Первое время они удовлетворяются мелкими делами, дают деньги на проценты, стараются установить добрые взаимоотношения с влиятельным дворянством.

Микиртум Трдатов («Раздел») стремится выдать замуж свою дочь Шушану за князя Дидебулидзе для того, чтобы её величали «княгиней Шушаной», но вместе с тем Микиртум убеждён, что одно лишь происхождение и родовитость не дают ничего. По его словам, «этот мир всё сводит к деньгам и деньгам, а остальное—ерунда». Благодаря деньгам он ставит в зависимость от себя семью Дидебулидзе. Если раньше Микиртум и ему подобные побаивались дворянства и заискивали перед ним, то сейчас положение их резко меняется и во многих дворянских семьях они становятся уже «своими людьми». Располагая деньгами, Микиртуму удаётся породниться с семьёй Дидебулидзе (путём выдачи своей дочери замуж за Ивана Дидебулидзе).

На первом плане у этих людей жажда обогащения, она становится целью их жизни, деньги определяют их поведение и взгляды. В деньгах заключено могущество, дающее влияние, с их помощью можно добиться всего на свете. Такой взгляд подсказывает Трдатовым и Дабаговым природа самого капитала.

Образ Карапета Дабагова («Скупой») представляет олицетворение всех отрицательных черт, которые характеризуют буржуазию. Реальную силу богатства Карапет ощущал не в зависимости от результатов, которые оно даёт, а в той, по его мнению, таинственной силе, которая заключена в золотом тельце. Карапет боготворил металл, превращенный им в какой-то фетиш. Скупость—характерная черта Карапета, она превратила его буквально в маниака, убила в нём все человеческие чувства; живёт Карапет как аскет, перебиваясь на хлебе и воде, поскольку всякая лишняя покупка требует траты денег.

Г. Эристави в своих комедиях не обошёл и представителей правительственных царских учреждений—бездушных чиновников, наглых взяточников и вымогателей, бессовестных пройдох. В «Тяжбе» ярко нарисована сцена, в которой показано, какой открытый характер носило взяточничество. Тяжбу между Амириндо и Онофре чиновники превратили в источник своих доходов. Переводчик при суде—Саркис Кумухелов—бракует написанную для Амириндо жалобу, так как в ней нехватает точек и запятых; он утверждает, что это лишает жалобу всякого смысла. За её переписку Кумухелов берёт с Амириндо столько червонцев, сколько точек и запятых недостаёт в жалобе. В драматургии Г. Эристави комические положения построены не на игре слов (анекдоте или шутке), а основаны на типических взаимоотношениях персонажей, вытекающих из общей

ситуации. В своих комедиях Г. Эристави в известной мере использует народный язык. Видными последователями Г. Эристави были З. Антонов и А. Цагарели.

ЛАВРЕНТИЙ АРДАЗИАНИ

В 50-е годы XIX в. Лаврентий Ардазиани вместе с Даниилом Чонкадзе заложили в грузинской литературе основы реалистической художественной прозы.

Лаврентий Ардазиани, сын священника Петра Ардазиани, родился в Тбилиси в 1815 г. и получил образование в духовной семинарии. По окончании семинарии служил в Казённой палате, одновременно занимался и литературной деятельностью. Скончался Л. Ардазиани 13 января 1870 г.

Литературное имя Л. Ардазиани связано с его романом «Соломон Исакич Меджгануашвили» (1860), идейно-художественная ценность которого заключается в изображении новых социально-экономических явлений и новых типов. В романе даётся картина первоначального накопления капитала.

Герой романа родился в бедной семье и рос в большой нужде. Но благодаря ловкости, твёрдой воле и исключительной расчётливости он сумел подняться со дна жизни и разбогатеть. Появление Соломона Меджгануашвили на общественной арене— результат сформировавшихся буржуазных отношений. Шестнадцати лет Меджгануашвили уже приходится рассчитывать только на самого себя и самому добывать средства для существования. Он постепенно расширяет свои торговые дела, обогащение становится смыслом его жизни. Он говорит: «Я весь был поглощён мыслью о деньгах. Душа моя знала только одну страсть—к деньгам. Страсть эта так овладела мною, что я часто не покупал даже чёрствого хлеба, жалея каждый грош. Бывало, словно монах-отшельник, я оставался без пищи в продолжение, двадцати четырёх часов, иногда даже—двух суток. Но от монаха отличался я тем, что он не ест, если даже перед ним положат гору еды, а я искал случая поесть на чужой счёт, за столом какого-нибудь щедрого хозяина. Я стал нечувствителен к усталости, голоду, холоду и жаре. Я испытывал неприятное чувство лишь тогда, когда мне приходилось говорить неправду и давать ложные клятвы; но вскоре я привык и к этому, и лживые клятвы стали для меня самым привычным делом, так как, не прибегая к ним, я не мог бы наживать деньги». Постепенно Меджгануашвили начинает отдавать свои растущие сбережения взаймы крестьянам; он не щадит никого и ничем не брезгует: так, в качестве процентов он получает зерно, которое быстро превращает в деньги.

Деньги создали Соломону Меджгануашвили положение в обществе, он стал заметным, преуспевающим представителем отечественной буржуазии. Но Меджгануашвили были лишь своего рода кустари в делах денежного накопления, подобные люди являлись всего лишь собирателями денег, и решающее значение для них имело именно накопление золота; использование же этого золота для общественно-полезных целей их ничуть не интересовало.

Меджгануашвили ещё не свободны от преклонения перед феодальной аристократией, поэтому им нисколько не чуждо стремление попасть в этот круг: едва почувствовав почву под ногами, они старались превратиться в аристократов. И для Соломона Меджгануашвили заветным стремлением было породниться с этим сословием.

Соломону Исакичу Меджгануашвили Л. Ардазиани противопоставил образованного человека, князя Александра Раиндидзе, который не желает отрешиться от сословных привилегий. Раиндидзе не является сторонником отмены крепостного права и требует всего только «гуманного» отношения к крепостным, что, по его мнению, станет основой для процветания труда и установления между помещиками и крестьянами добродетельных отношений. Раиндидзе стремится к сохранению отмирающих социальных институтов. Этот ложный и реакционный взгляд, выражающий точку зрения автора, шёл вразрез с историческим развитием общественных отношений.

В романе «Соломон Исакич Меджгануашвили» ясно выступают характерные особенности мировоззрения Л. Ардазиани, который видит положительные явления как в старых, так и в новых социальных взаимоотношениях, сочувствует как буржуазии, так и дворянству. Можно сказать, что Л. Ардазиани хотел примирить два сословия, думая, что наряду с капиталистическим хозяйством допустимо существование помещичьего хозяйства и возможно их объединение. Это, по его мнению, было бы выгодно для обеих сторон. В романе, таким образом, отчётливо выдвинута идея классовой гармонии, которой автор явно сочувствует.

Грузинская литературная критика не раз отмечала мастерство Л. Ардазиани в изображении быта. Он с большим искусством умел рисовать яркими красками ту или иную сторону жизни, что даёт возможность читателю не только со стороны наблюдать этот быт, но и непосредственно почувствовать его. Сюжет романа Л. Ардазиани ясен и развивается совершенно естественно, язык произведения народен и колоритен.

Историко-литературное значение «Соломона Исакича Меджгануашвили» заключается в реалистической тенденции романа. Это в дальнейшем дало мощный толчок развитию грузинской прозы.

ДАНИИЛ ЧОНКАДЗЕ

В грузинской литературе 50-х годов XIX столетия Даниил Чонкадзе является писателем, который сумел со всей прямотой поставить в повести «Сурамская крепость» эпохиальную проблему и разрешил её в прогрессивном, революционном духе. Это небольшое произведение проникнуто духом протеста, в нём ясно выражено осуждение крепостничества, проводится мысль о неизбежности его крушения.

Биография. Даниил Чонкадзе родился в 1830 г. в селе Квавили, недалеко от г. Душета, в семье священника-миссионера Северной Осетии. Хотя будущий писатель и числился в духовном сословии, но он всё же считал себя крестьянином.

Д. Чонкадзе до восьми лет жил в родном селе; его воспитанием руководила мать, она же научила сына грамоте. В 1837 г. отец Д. Чонкадзе перевёз семью во Владикавказ, где маленького Даниила отдали в 1839 г. в духовное училище. По окончании его в 1845 г. для продолжения учёбы мальчик был отдан в Тбилисскую духовную семинарию, в которой он пробыл шесть лет.

После успешного окончания курса семинарии (1851) Д. Чонкадзе был назначен в ставропольское духовное училище преподавателем осетинского языка, несколько позже был переведён в Тбилисскую духовную семинарию. В Ставрополе Д. Чонкадзе женился на русской девушке. Вскоре после переезда в Тбилиси молодая женщина умерла; смерть горячо любимой жены тяжело отразилась на восприимчивой натуре Д. Чонкадзе.

В 1857 г. молодёжь организовала в Тбилиси кружок для самообразования, в него входили Д. Чонкадзе, Л. Ардазиани, Н. Бердзенов и другие. Члены кружка живо интересовались социально-политическими вопросами, особенно вопросом освобождения крестьян, с увлечением изучали произведения передовых представителей русской общественной мысли и литературы—Герцена, Чернышевского. Можно с уверенностью сказать, что «Сурамская крепость» (1859) была создана в результате активного участия автора в названном кружке. Д. Чонкадзе хорошо знал жизнь народа, изнемогавшего в условиях крепостной системы. Сам он почти всю жизнь испытывал материальную нужду, так как учительский труд оплачивался весьма скудно. В 1859 г. Д. Чонкадзе был назначен столоначальником синодальной конторы, причём продолжал и педагогическую деятельность. Им был составлен словарь осетинского языка.

Д. Чонкадзе умер 16 июня 1860 г.

Творчество Д. Чонкадзе. Темой повести «Сурамская крепость» является изображение тех взаимоотношений, которые существовали между господами и крепостными крестьянами. Было бы правильнее сказать, что со страниц этой книги звучит

голос борьбы и непримиримого классового сопротивления. Это и является основной идеей произведения, и это ясно почувствовали в своё время эксплуататорские классы.

Отмена крепостного права была той основной общественной проблемой, отношением к которой определялось в ту эпоху мировоззрение писателя. Д. Чонкадзе глубоко знаком с действительностью, о которой он пишет. Писатель дал широкую картину народной жизни, он сознательно перенёс действие в своей повести в средние века, чтобы цензура не помешала её опубликованию. Автор, используя старинную легенду, резко осудил крепостнические отношения своего времени.

В «Сурамской крепости» крепостничество представлено как страшное царство тьмы, грубого насилия и безграничного своеволия. У крестьян были отняты все права; князья, эти существа с холодными сердцами, не считали их людьми. «Они думают, что мы не люди, что мы неспособны любить и ненавидеть. Они думают, что мы лишены сердца, лишены способности рассуждать».

Крепостная система развратила до мозга костей привилегированное сословие, представители его были лишены всяких человеческих черт и проникнуты только животными инстинктами.

Весьма удачно используя напряжённые драматические ситуации, Д. Чонкадзе рисует тяжёлую жизнь грузинского крепостного крестьянства. Семью имеретинского князя Церетели обслуживала красивая крепостная девушка; она приглянулась княжескому сынку, который в конце концов овладел ею, и у неё родился ребёнок, которого назвали Дурмишханом. Его считали бесправным крепостным мальчиком. Как-то к князю Церетели приехал в гости Мухран-Батони (владелец Мухран); на второй день Дурмишхана посадили на коня и увезли. Мать Дурмишхана не вынесла потери сына и вскоре умерла.

У нового владельца Дурмишхан испытал голод, холод, побои и насмешки; кто бы ни провинился, держать ответ приходилось ему. Дурмишхан понимает, что «пока мы крепостные, от нашего господина нам не достанется счастья». Эти слова были истиной, отзвуком мучительной жизни крепостного.

Но сумев с помощью своей возлюбленной Гулисварди освободиться от положения крепостного, Дурмишхан охвачен одним желанием—стать богатым человеком. В этом стремлении Дурмишхана чувствуется уже черта нового времени—тенденция, характеризующая капиталистическую эпоху. Для того чтобы достигнуть своей цели, Дурмишхан готов всё принести ей в жертву; он превратился в человека с холодным сердцем, для него перестают существовать какие-либо нормы морали. Разбогатевший Дурмишхан отверг любовь Гулисварды и женился по расчёту на другой девушке. Он всячески добивается того, чтобы стать «своим человеком» в дворянском кругу, завязать родство с представителями этого сословия, стать дворянином. Его сына Зураба крестит князь Абашидзе. Дурмишхан отмежевывается от социальной среды, из которой вышел, и смотрит на неё уже сверху вниз; но неожиданная трагическая гибель единственного сына разбивает его жизнь.

Ещё более страшную историю крепостного в том же произведении раскрывает нам жизнь Османа-Аги. После смерти отца и он, и вся семья оказались в большой беде. Князь прежде всего отобрал у них виноградник и «это,—рассказывает Осман-Ага,—он сделал на том основании, что мы после смерти отца якобы не в силах его обрабатывать; затем забрал одного за другим всех волов и, наконец, приказал моей матери переселиться к нему в дом в качестве дворовой женщины. Моя мать вынуждена была печь хлеб». Осман-Ага, которого тогда ещё называли Нодаром, стал обслуживать князя и княгиню. Работать им приходилось с утра до вечера, но они постепенно свыклись со своим тяжёлым положением. Так прошло пять лет. Как-то князя посетил священник, потом выяснилось, что князь продал ему Нодара и его сестру. Узнав об этом, мать «упала к ногам князя и начала его умолять так, как способна молить мать, которая навсегда теряет детей. Князь приказал слугам выгнать её». Мать не могла примириться с потерей детей и решила бежать вместе с детьми и найти пристанище в Тбилиси. Они голодали и жили в

страшной нужде, мать изменила своё имя и переименовала имена детей. В таких лишениях семья прожила пять лет. «Ни я, ни моя мать ни разу за эти пять лет не причащались. Раз, в великой пост, мать объявила мне, что она должна причаститься во что бы то ни стало. Я попросил её не говорить священнику во время исповеди, откуда она родом. Мать обещала мне это, но, видимо, чувствуя угрызения совести, нарушила обещание и всё рассказала священнику. В тот же день как она исповедалась, какие-то неизвестные люди напали на нас, связали нам руки и увели. Нас привели к князю, который прежде всего наказал нас розгами, а затем велел запрячь в плуг вместо волов. Нас заставили продеть шею в ярмо и тянуть его рядом с волами. Однако князь решил, что этого для нас мало, так как волы тянули плуг медленно, и мы уставали не так сильно. На другой день он придумал запрячь нас в ярмо на гумне, сам он сел на повозку и начал погонять. Стоило нам немного замедлить шаг, чтобы передохнуть, как нас ожидал удар кнутом. Нетрудно понять, сколько может пробежать человек таким образом, в особенности такое слабое существо, каким была моя мать. Она сделала, однако, десять кругов, не испустив ни одного стога. Но когда мы начинали одиннадцатый круг, она вдруг зашаталась, упала и больше не встала. Бедной матери не дали даже спокойно умереть: князь подумал, что она притворяется и принялся бить её кнутом, чтобы заставить встать. Так под кнутом она испустила дух».

Прошло три года, и князь примирился с Нодаром, так как убедился, что в его лице он имеет «полезную вещь», и поверил, что Нодар является его преданным слугой.

В жизни Нодара, который уже возмужал, произошло значительное событие: он полюбил прислугу княгини—Нато, но в то время крепостные не имели права ни жениться по своему выбору, ни свободно выйти замуж. «Прошло немало времени после нашего объяснения, когда в один прекрасный день, улучив время, я попросил князя позволить мне жениться. «Убирайся вон. Не бывать этому! Я не отпущу дворовую девку, да и тебе не позволю жениться, ты мне нужен здесь». Холодное сердце князя не могли растопить никакие просьбы и мольбы.

Это столкновение стало причиной новых несчастий Нодара и Нато: князь начал сам интересоваться Нато и, чтобы избавиться от Нодара, отправил его в город. Изведённая приставанием князя, девушка бросилась в реку. Нодар решил мстить князю. Он кинулся на него с кинжалом. «Помогите, убивают!»—закричал князь. Это были его последние слова. На крики выбежала его жена и, увидев происшедшее, взвизгнула и бросилась обратно. Её визг напомнил мне, что есть ещё кому мстить. Я бросился за ней. Потом кинулся во двор, вскочил на коня и ускакал.» На чужбине Нодар отрёкся от православия и принял мусульманство. Он поступил в янычары и прославился храбростью; затем он занялся торговлей и разбогател, но не нашёл счастья и в богатстве. Сладкими воспоминаниями были для него годы детства, когда он пел «Оровелу», идя за плугом.

Дурмишхан и Осман-Ага—реальные образы, взятые из действительности того времени, и они чётко запечатлеваются в сознании читателя; в изображении как Осман-Аги, так и Дурмишхана, не чувствуется никакой искусственности. Глубокое проникновение в человеческую душу Д. Чонкадзе обнаруживает и при обрисовке характеров других действующих лиц. Нежной, скромной, глубоко любящей девушкой показана Гулисварди в начале повести. Но коварство и измена Дурмишхана вызвали в ней злобу и превратили в существо недоверчивое, жестокое и мстительное.

«Сурамская крепость»—произведение, чётко и ярко отображающее социальные отношения при крепостничестве. В нём решительно разоблачается, осуждается крепостничество. Д. Чонкадзе выступает как выразитель подлинного гуманизма.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРА 60—70 гг. XIX в.

Шестидесятые и семидесятые годы являются периодом консолидации и политико-экономического объединения отдельных провинций Грузии. «Грузины дореформенных времён жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок»²⁴.

Товарищ Сталин указывает далее: «Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое»²⁵.

Эпоха формирования Грузии в одно национальное целое совпадает с периодом литературно-общественной деятельности нового, прогрессивно-демократического поколения. Именно в эти знаменательные годы выступили на общественно-литературном поприще Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Георгий Церетели, Нико Николадзе (1843—1928), Кирилл Лордкипанидзе (1839—1919)—лучшие представители прогрессивной интеллигенции, впоследствии названные «Тергдалеули», что означает «испившие воды Терека», т. е. переступившие историческую границу Грузии и отправившиеся в Россию за получением высшего образования. Им пришлось быть в Петербурге в замечательную эпоху 60-х годов, годов великого общественного движения и перелома.

В середине 50-х годов с огромной силой выявился глубокий кризис феодально-крепостнического строя, его разложение. Весь ход экономического развития России требовал уничтожения крепостного права. Россия вступила на путь капиталистического развития. «Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить **сверху**, чем ждать, пока свергнут снизу»²⁶.

Наступает период острой классовой борьбы по вопросу о крепостном праве, начинаются ожесточённые споры о путях дальнейшего экономического и политического развития.

Борьбу за освобождение крестьян вели в то время лучшие представители русской интеллигенции. Во главе революционных демократов стоял великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский, который решительно боролся против полицейско-помещичьего режима, за крестьянскую революцию. Он назвал мерзостью официальную «крестьянскую реформу» и в своём обращении «К крепостным крестьянам» призывал их к восстанию. Чернышевский требовал для народных масс социальной и политической свободы.

В этот период находившиеся в Петербурге грузинские студенты были вовлечены в то новое, передовое идейное течение, вдохновителями и руководителями которого были лучшие русские люди. Чернышевский, Добролюбов и вся революционно-демократическая группа «Современника» явились тем родником, откуда грузинская интеллигенция молодого поколения 60-х годов черпала духовную пищу. Грузинское студенчество с увлечением воспринимало революционно-демократические идеи русских шестидесятников. Известный грузинский шестидесятник, критик и публицист, друг Чернышевского, Н. Николадзе в одной своей статье описал то влияние, какое имели на грузинскую молодёжь 60-х годов Чернышевский, Добролюбов и «Современник». Н. Николадзе писал: «Если б ты знал, читатель, какое тогда было время, с каким нетерпением

²⁴ И. С т а л и н , Соч., т. 2, стр. 295.

²⁵ Т а м ж е .

²⁶ В. И. Л е н и н , Соч., т. 17, изд. 4-е, стр. 95.

и жадной ждали мы, молодёжь, того счастливого дня, когда выходила книжка любимого журнала («Современника».—Ш. Р.), с какой поспешностью и восторгом, с какой жадностью и безустали принимались мы за чтение... Сколько длинных, бесконечных северных ночей проводили мы за чтением журнала, в разборе его мыслей, в обсуждении и споре вокруг них... Кто поймёт восторг радости и потуги ума и кто может забыть навсегда оставшегося в сердце следа...» Многие представители грузинских шестидесятников имели личное знакомство и связи с величайшим представителем и вождём русских революционеров-демократов Н. Г. Чернышевским.

Учившаяся в Петербурге в 60-е годы грузинская молодёжь принимала горячее участие в общественных выступлениях. Так, в 1861 г. участвовали в студенческих выступлениях Н. Николадзе, К. Лордкипанидзе, Г. Церетели, В. Гогоберидзе и др. Они были арестованы и сидели сначала в Петропавловской, а затем в Кронштадтской крепости.

Пребывание и учёба в России глубоко отразились на формировании взглядов грузинских шестидесятников. По существу их мировоззрение и общественные взгляды сложились под влиянием передовых русских идей и общественного движения 60-х годов. Под влиянием Н. Чернышевского и Н. Добролюбова в грузинской критической и художественной литературе утвердился принцип новой реалистической эстетики. Кроме Н. Чернышевского и Н. Добролюбова, грузинские деятели 60-х годов в вопросах эстетики и литературы особенно обязаны В. Белинскому. Но Илья Чавчавадзе и возглавляемая им плеяда «Тергдалеули» не переносили механически идеи русских шестидесятников на грузинскую почву. Будучи воспитанными на лучших традициях грузинской национальной культуры и теснейшим образом связанными с жизнью грузинского народа, они выработали своё мировоззрение, отвечающее насущным вопросам грузинского народа.

Не случайно, что И. Чавчавадзе поставил вопрос о борьбе, активности и необходимости преодоления противоречий жизни; в движении, в действии видел он смысл и значение жизни. В своём произведении «Записки проезжего» И. Чавчавадзе величие Казбека сравнивает с суровым и вечно подвижным Терekom, и в этом сравнении видны характер и настроения поэта. Ему больше нравится бурный Терек, так как он представляет символ движения, жизнь пробуждённого человека; неутомимый Терек напоминает ему непрерывную борьбу, которая наполняет жизнь и не даёт ей превратиться в болото. Наоборот, величественный и грозный Казбек, вместе с тем неподвижный, холодный и неприветливый, символизирует уход от противоречий жизни. Писатель представлял общественное развитие как борьбу противоречий, как борьбу сил оживающих с новыми, нарождающимися.

Вооружённая идеями борьбы за свободу вернулась прогрессивная молодёжь на родину. И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Николадзе, Г. Церетели, К. Лордкипанидзе и другие начали борьбу, чтобы нарушить веками установившийся крепостнический общественный порядок. Этой борьбой открывается новый период в истории грузинской общественной мысли, одна из славнейших страниц истории Грузии. Борьба эта явилась целой исторической ступенью в жизни грузинского народа.

Новое поколение воочию увидело, что вековые устои социально-экономической жизни под влиянием новых факторов безостановочно разрушаются и зарождаются новые отношения. Столкновение происходило не только в экономической сфере, но и в сфере идеологии и быта. Кризис феодально-крепостнических отношений в Грузии чувствовался ещё в начале XIX в., и чем дальше, тем больше кризис этот принимал всё более острые формы. «Тергдалеули» чувствовали необходимость внедрения новых общественных отношений и в соответствии с этим принялись за разработку программы своей деятельности и борьбы за переделку общественной жизни, за уничтожение крепостного строя.

Вскоре после возвращения в Грузию И. Чавчавадзе, А. Церетели и другим пришлось столкнуться с теми представителями старого поколения, которые

группировались вокруг журнала «Цискари» («Заря»). Молодёжь из группы «Тергдалеули» выражала недовольство отсталостью и бессодержательностью этого журнала, но за отсутствием другого вынуждена была печататься в этом же органе.

В 1861 г. в «Цискари» И. Чавчавадзе опубликовал статью «Несколько слов по поводу перевода «Безумный» Козлова князем Ревазом Шалвовичем Эристави». И. Чавчавадзе как представителя нового поколения не удовлетворяли взгляды на язык и литературу писателей старого поколения, воспитанных на схоластически-архаических «категориях»; он объявляет непримиримую борьбу старому консервативному поколению. В статье «Несколько слов...» И. Чавчавадзе выдвинул и рассмотрел весьма важные вопросы культурного развития Грузии, в первую очередь языка. Язык «рождается и развивается с рождением и развитием общества» (И. Сталин). И. Чавчавадзе выдвинул положение о крайней необходимости расчистки грузинского языка, его упрощения и изгнания устарелых форм правописания, отверг псевдоклассическое направление в литературе. Критическая статья И. Чавчавадзе вызвала большой отклик в грузинской литературе того времени. Против взглядов И. Чавчавадзе, как один человек, встало всё старое, консервативно-реакционное поколение. Так началась и закипела борьба между двумя поколениями. Первоначальным поводом для этой борьбы явились вопросы языка и эстетики. Борьба приняла острые формы, неподвижная общественная жизнь пришла в движение.

Вторая статья И. Чавчавадзе «Ответ» ещё более всколыхнула атмосферу застоя среди консервативно-реакционного поколения. В начале статьи И. Чавчавадзе в качестве эпиграфа приводил известные слова Белинского: «Из нашей литературы хотят устроить бальную залу, и уже зазывают в неё дам; из наших литераторов хотят сделать светских людей в модных фраках и белых перчатках, энергию хотят заменить вежливостью, чувства—приличием, мысль—модною фразою, изящество—щеголеватостью, критику—комплиментами». Такой эпиграф был своевременным и как раз кстати, он полностью отражал тогдашнюю грузинскую общественно-литературную атмосферу.

На выдвинутое «отцами» положение о том, что формы языка постоянны и нерушимы вовек, И. Чавчавадзе отвечал, что язык также подчинён законам развития, как все явления природы. И. Чавчавадзе выдвигает положение, что законодателем языка является сам народ. Поэт хорошо понимал, что зарождение и развитие языка теснейшим образом связаны с развитием общества. С начала 60-х годов борьба между старым реакционным и новым прогрессивным направлениями принимала всё более и более острый характер; она возросла и углубилась с выходом в свет органа нового поколения «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»). В 1874 г. на страницах «Цискари» появилось стихотворение одного из главарей «отцов», Г. Орбелиани, «Ответ детям». В этом стихотворении автор высказывал недовольство новым поколением, нападая на «детей» за то, что они забывают родной язык, что они безбожники, и т. п. И. Чавчавадзе на это стихотворение ответил своим известным стихотворением «Ответ на ответ», в котором разоблачил «отцов» как недругов грузинского народа, за чины и ордена продававших свою родину.

Так по вопросам языка и литературы сразились в 60-х годах старое и новое поколения. Воспитанное на догмах классицизма, старое поколение не могло примириться с тем демократическим и реалистическим воззрением, которое выдвигалось молодым поколением в качестве необходимого условия для дальнейшего развития грузинского языка и литературы. На самом деле вопросы языка и литературы явились лишь поводом для развернувшейся борьбы. Впоследствии борьба эта постепенно углублялась и коснулась основных вопросов общественно-политических отношений. В этой борьбе ярко выказалось существовавшее противоречие между отжившим, уходящим, реакционным поколением и новым, прогрессивным поколением. Это была борьба, с одной стороны, защитников и проповедников отжившего, замкнутого, патриархально-крепостного быта, а с другой стороны, представителей новой общественной жизни.

Борьба старого и нового поколений окончилась победой нового поколения.

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Среди грузинских писателей второй половины XIX в. Илье Чавчавадзе принадлежит исключительное место. Поэт и беллетрист, драматург и редактор, учёный и руководитель различных культурно-просветительных учреждений, он поистине являлся центральной фигурой в литературной и общественной жизни своего времени.

И. Чавчавадзе был выразителем самосознания передовых кругов грузинского общества, неутомимо выступал против крепостничества и бюрократизма, за национальные и социальные права грузинского народа. И это сделало его одним из наиболее популярных деятелей национально-освободительного движения в Грузии.

Вместе с Акакием Церетели И. Чавчавадзе положил начало новому грузинскому литературному языку, он обогатил грузинскую литературу подлинными шедеврами художественного творчества, оказал огромное влияние на всё последующее её развитие.

Жизненный путь. Илья Чавчавадзе родился 27 октября 1837 г. в Кварели, в семье среднепоместного дворянина. Его отец Григорий Чавчавадзе служил в нижегородском драгунском полку, в чине поручика вышел в отставку. Мать Ильи Чавчавадзе Мария была просвещённой женщиной своего времени.

До десяти лет И. Чавчавадзе воспитывался в деревне, у дядька, затем его определили в один из частных пансионов Тбилиси.

Через два года И. Чавчавадзе поступил в Тбилисскую гимназию и в 1856 г. окончил её. Спустя год он отправился в Петербург для получения высшего образования.

Учиться в Петербурге И. Чавчавадзе пришлось в весьма примечательное время 60-х годов. Молодое поколение грузин, которое обучалось в 60-е годы в России, принимало горячее участие в различных общественно-политических выступлениях. Грузинское студенчество имело в Петербурге собственный кружок, главой и руководителем которого очень скоро стал И. Чавчавадзе.

Молодой И. Чавчавадзе не был человеком, увлечённым только изучением университетских дисциплин,—он знакомился с трудами по философии, социологии, политэкономии и эстетике.

В 1861 г. царское правительство устанавливает в университете суровый режим; в знак протеста против этого режима радикально настроенное студенчество объявляет забастовку. И. Чавчавадзе был в рядах этого передового студенчества.

Будучи студентом четвёртого курса (1861 г.), И. Чавчавадзе, как он пишет в «Автобиографии», оставляет высшую школу «из-за университетских беспорядков того времени» и уезжает в Грузию.

Проведённые в России годы имели определяющее значение в дальнейшей жизни И. Чавчавадзе. В основном, его мировоззрение и общественные взгляды сложились под влиянием идей русского передового общества и революционно-демократического движения 60-х годов.

Первые стихи И. Чавчавадзе были напечатаны в грузинском журнале «Цискари» в 1857 г. В 60-е годы общественно-творческая работа И. Чавчавадзе была особенно продуктивна. В произведениях этого периода ясно вырисовываются основные элементы мировоззрения И. Чавчавадзе как борца за социальное и национальное освобождение. В эти годы он написал свои лучшие произведения, но большинство их по цензурным условиям были напечатаны только отрывками, в рукописях же они и тогда распространялись среди читающей публики.

В 1863 г. И. Чавчавадзе женился на Ольге Тадеозовне Гурамишвили. С 1864 г. И. Чавчавадзе служил на разных должностях, был в Кутаиси членом комиссии, которая в связи с крестьянской реформой выясняла взаимоотношения между дворянами и крестьянами; служил в Душети мировым посредником, а после судебной реформы там же

был судьёй. На последней должности И. Чавчавадзе прослужил до 1874 г., затем переехал в Тбилиси и стал руководить дворянским банком вплоть до 1905 г.

На протяжении почти полувека не было в жизни грузинского народа такого вопроса, которого не коснулся бы И. Чавчавадзе и на который не ответил бы он с большим знанием дела.

И. Чавчавадзе оставил глубокий след во всех сферах духовной жизни Грузии. Многие годы он был председателем и активным деятелем Общества распространения грамотности среди грузин; в своё время это общество сыграло большую культурную роль в жизни грузинского народа. В 1879 г., когда был восстановлен профессиональный грузинский театр, И. Чавчавадзе несколько раз избирался председателем драматического общества. С 1877 г. под редакцией И. Чавчавадзе выходил журнал, а потом газета «Иверия».

В 1906 г. И. Чавчавадзе был избран членом Государственного совета и поэтому некоторое время жил в Петербурге. В Государственном совете он примыкал к так называемой «академической» группе, состоявшей, главным образом, из буржуазно-прогрессивных деятелей.

Как борец против социального и колониального гнёта И. Чавчавадзе долгое время был под надзором царской полиции. По наущению царских агентов в 1907 г. И. Чавчавадзе был убит. Похоронен в пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии—Мтацминда.

Творческий путь. С самого начала своей литературной деятельности И. Чавчавадзе старался уяснить себе, в чём состоит сущность искусства, его место в жизни, каким должно быть художественное произведение, чтобы оно могло оказать наиболее сильное влияние на читателя. Этот интерес к литературно-эстетическим проблемам не ослабевал у И. Чавчавадзе на протяжении всей его деятельности. Поэтому-то ни у одного из грузинских писателей проблемы литературы не были поставлены так широко, как у И. Чавчавадзе.

Развитие новых общественных взаимоотношений властно требовало художественной литературы широкого социального содержания, литературы, которая помогла бы разбираться в действительности. А такой литературой могла стать только реалистическая идейная литература. Не удивительно поэтому, что «испившие воды Терека» начертали на своём знамени борьбу за реалистическое искусство.

По мысли И. Чавчавадзе, художественная литература представляет собою одну из форм познания действительности. Поэтому основным вопросом в системе литературно-эстетических взглядов И. Чавчавадзе стал вопрос о взаимоотношениях литературы и искусства с жизнью, с общественным развитием. И. Чавчавадзе выдвигает тезис, что поэзия и искусство создаются на основе жизни.

«Поэзия есть воплощение истины, жизни». Красота есть свойство действительности, а не нечто, привнесённое извне. В данном случае И. Чавчавадзе исходил из основного эстетического тезиса Чернышевского, что прекрасна сама жизнь. Искусство есть часть жизни, один из видов творческой деятельности человека, поэтому, изображая действительность, искусство в своём развитии подчиняется тем же законам, что и сама действительность. Искусство, литература прекрасны, когда они согласованы с «естественным устремлением» жизни. И. Чавчавадзе часто и настойчиво повторяет, что не жизнь следует за литературными теориями, а литература и искусство меняются в зависимости от изменений самой жизни.

Тесную связь с жизнью, изучение жизни И. Чавчавадзе считал основным моментом процесса художественного творчества. Именно этот принцип становится руководящим во всей его творческой деятельности. Решительный противник теории «искусства для искусства», он требует, чтобы искусство было явлением общественным, идейным и, как и наука, служило средством для улучшения жизни народной.

Подчёркивая, что жизнь является основой науки и искусства, И. Чавчавадзе в то же время отмечает, что последние, в свою очередь, оказывают большое влияние на жизнь: «Жизнь есть корень, а наука и искусство—стебли, выросшие на нём. Подобно тому как выросшие из земли растения дают плоды и возвращают земле семена, чтобы произвести новые корни, которые выпустят новые стебли, так и произрастающие из жизни наука и искусство дают плоды жизни и возвращают жизни семена, для того чтобы зародилась новая жизнь. Таковы взаимоотношения сознания с жизнью и жизни с сознанием».

Когда И. Чавчавадзе говорит, что писатель должен отображать действительность, он имеет в виду не простое фотографирование её. Писатель должен постигнуть внутренние законы общественной жизни, он должен найти и определить, что является в событии главным, органическим и что в нём временное, случайное, несущественное.

В реалистическом искусстве главным является создание человеческих характеров, имеющих широкое общественное значение.

В каждом частном явлении надо видеть общее, типическое. Реализм вовсе не требует изображения каждой мелочи, фотографирования каждой детали. Писатель должен произвести некий отбор, остановить своё внимание на таком явлении или предмете, которые являются характерными среди многих явлений и предметов.

В подлинно художественном произведении идея и форма органически слиты. Ни форма не может быть ниже содержания, ни содержание ниже формы. Искусственное отделение их друг от друга есть уничтожение прекрасного; полное соответствие содержания и формы является основой подлинно реалистического искусства.

Реализм в художественном творчестве И. Чавчавадзе органически связывает с проблемой народности. Он глубоко верил в то, что народность—необходимейшее условие всякого большого искусства.

Художественное творчество И. Чавчавадзе явилось выражением его общественно-эстетических взглядов.

И. Чавчавадзе критически относился к обществу, среди которого он жил, не был апологетом ни современного ему общественного строя, ни, тем более, строя прошлых времён. На литературное поприще он выступил, когда крепостнический уклад в Грузии уже стоял на пути упадка, хотя ещё и сохранял свою силу. Крепостничество задерживало развитие общественной жизни, все прогрессивные силы вели борьбу за его ликвидацию.

Изображению жизни в крепостнических условиях во всех её проявлениях И. Чавчавадзе посвятил большую часть своих литературно-художественных произведений. Внимательный и чуткий наблюдатель жизни, он на широких полотнах, в художественных образах сумел показать процесс разложения крепостнического уклада и его падение. Внимание писателя привлекала не жизнь дворянского сословия сама по себе, не конфликт между крепостническим хозяйством и нарождающимся капиталистическим рынком, а взаимоотношения между помещиками и крепостными крестьянами. Тем самым писатель останавливал внимание читателей на основных классовых противоречиях.

«Видение» (1859), «Рассказ нищего» (1859), «Пахарь» (1858) и некоторые другие произведения И. Чавчавадзе посвящены разоблачению своеволия и деспотизма крепостников.

В поэме «Видение», выражающей мировоззрение писателя, использована символическая форма в целях возможно глубже и многосторонней передать основной замысел автора.

Увлечённый мечтой, поэт, устремив взор к Кавказскому хребту (Казбеги) видит «стоящего на ледниках старца», символизирующего собой Грузию. Между поэтом и старцем возникает разговор о прошлом Грузии, её настоящем и будущем. В словах старца с огромной силой сказывается критическая тенденция, особенно в отношении крепостнического уклада. Помещик пользуется бесправным положением крестьянина и отнимает у него плоды его труда. Крестьянину ничего не остаётся, как лишь выразить в горьких жалобах всё, что его мучает:

Горе мне! За что теперь мне взяться,
Чтобы не дать домашним умереть?
Я трудился—хлеб у тунеядца,
Где же правда? Господи, ответь!..

(«Видение» Пер. Г. Цагарели.)

Помимо того, что крепостное крестьянство было крайне угнетено экономически, оно подвергалось и невероятным моральным унижениям. С крепостными обращались, как со скотом:

Человеком кто тебя считает?
От груди младенца отрывают,—
Продадут, ворвутся в твой приют...
Грязными руками изомнут
Материнские святые чувства,
Назовут любовь твою распутством.
Если бог даст дочери твоей
Красоту, пленительную внешность,
Раб несчастный, много горьких дней
Проведёшь ты в горе безутешном!

(«Видение». Пер. Г. Цагарели.)

Необузданный произвол помещиков приводил крепостных в отчаяние. И. Чавчавадзе ищет причину ужасающей несправедливости и находит её в том, что «труд в этом мире находится в подневольном плену у грабежа». Глубоко мыслящему поэту положение «злосчастных угнетённых» внушает горькие мысли, но он не впадает в отчаяние, так как твёрдо верит, что будущее принадлежит трудовому народу.

В творчестве И. Чавчавадзе идея свободы личности занимает исключительное место. В своих произведениях поэт в различных формах выражает искренние симпатии свободной, полноценной личности. Показать творческие силы человека для него было равноценно показу богатства мира, но поэт никогда не ограничивал себя границами абстрактного признания ценности человеческой личности самой по себе.

И. Чавчавадзе был чутким писателем, остро чувствующим социальные процессы и противоречия своей эпохи. В поисках новых общественных отношений и возникла в его поэтических созданиях резкая критика крепостного строя. Поэт указывает, что существующий строй является пагубным фактором, тормозящим развитие общественной жизни. И он выдвигает идею «освобождения труда»:

Труд свободный—вот задача в чём
Нашего спасительного века,
Вот к чему стремится горячо
Пламенная воля человека.
Одряхлевший мир не устоит
Перед ураганом обновленья,
Будет мир насилия разбит
В этой битве за освобожденье.
Скинут цепи рабского труда,
Твоему мешающие росту,
На земле воспрянувшей тогда
Новой жизни ты увидишь поступь!

(«Видение». Пер. Г. Цагарели.)

Труд—основа жизни, но в условиях помещичье-феодалного строя он является рабским, «пленённым», поэтому встаёт острейшая необходимость уничтожить этот строй, чтобы труд стал свободным.

В мире должно утвердиться «господство труда», но вместе с тем народ должен рассчитывать на собственные силы: у «господ в груди не сердце, а камень», и добровольно они ничего не уступят. Они «не пожелают благополучия подневольных людей», так как этой кучке общества «выгодно их угнетение». Никогда она не «вступит в борьбу со злом», так как только «благодаря ему сама остаётся в силе».

Таким образом, по И. Чавчавадзе, не рабской покорностью и холопством, а путём борьбы могут быть уничтожены несправедливость и рабство на земле. К этой борьбе и призывает И. Чавчавадзе.

Тяжесть крепостного права, дикий произвол помещиков вынуждали крестьян бросать свою землю, дом и семью. Такими жертвами крепостнического строя становятся Како и Закро, герои произведения И. Чавчавадзе «Несколько картин, или случай из жизни разбойника» (1860). В лунную ночь на берегу Алазани скрипела тяжёлая арба, пел грустную песню аробщик. Выехавший неожиданно из лесу всадник спросил у аробщика дорогу на Куди-Гора. Указав её, аробщик предупредил, что она ведёт к месту, где укрывается разбойник Како. Незнакомец ответил, что именно к Како он и направляется.

Беседа Како и Закро раскрывает весь ужас помещичьих «порядков», вынуждавших крепостных бежать в лес, где их ожидала жизнь без крова, страх, голод, постоянное бдение с оружием в руках. Хотя жизнь в лесу горька, но

Всё же легче бремя жизни трудной
Там, где мы хозяева себе.

(«Несколько картин...». Пер. А. Тарковского.)

Закро рассказывает Како о своей жизни:

Слушай. Горе с детства мне знакомо.
Было мне двенадцать лет, когда
Оторвал меня наш князь от дома
И послал пасти стада.

(«Несколько картин...». Пер. А. Тарковского.)

С детских лет Закро познал тяжёлую долю, его глаза не высохали от слёз. Потом он постепенно привык, со своими сверстниками вместе пас стадо, а по ночам мальчики разводили на опушке леса костёр, сидели вокруг него и рассказывали друг другу всякие истории и сказки, пели песни.

Отец Закро, состарившись и уже не имея возможности прокормить семью, обратился к помещику с просьбой освободить от барщины сына. Но «князь был не лучше зверя—грубый, с каменным сердцем, невежда, с нечеловеческой душой. Чего мне продолжать рассказ? Что собой представляет «хороший» князь и каким может быть плохой?» Князь не пожалел старика и отказался вернуть ему сына, ударил его чубуком и приказал своим людям избить старика. Присутствовавший тут же Закро не мог снести унижения родного отца. Закро навёл на князя ружьё и убил его. После этого Закро оставалось только одно—бежать к Како и стать «разбойником». Характерно, что эта поэма написана под определённым влиянием известного памятника грузинского

народного эпоса XIX века «Песнь об Арсене». Герой этого произведения Арсен, любовно воспетый народом за его самоотверженную борьбу против феодальной тирании, явился прототипом положительных персонажей поэмы И. Чавчавадзе—Како и Закро.

И. Чавчавадзе ясно ощущал неизбежность ликвидации крепостнических отношений и жаждал этого, хотя и не был сторонником революции. Во всей грузинской художественной литературе XIX в. немного можно встретить произведений, в которых сословно-классовые противоречия были бы вскрыты с такой силой и остротой, как в поэме «Несколько картин, или случай из жизни разбойника».

Писатель показывает, что большей части общества—честным труженикам, поработанным крестьянам, людям бесправным, противопоставит паразитическое меньшинство этого общества—праздные и жестокие помещики; общественное положение, интересы этих двух классов резко противостоят друг другу.

Рассказывая о жизни и людях своей эпохи, И. Чавчавадзе показал, как крепостническая система уродовала, развращала и самих помещиков, превращая их в социальный балласт, в злобных и жестоких людей, бесполезных для общества. Княжеские права Датико («Рассказ нищего») привели к развитию в нём, главным образом, животных инстинктов, в жертву которым приносится всё. Морально павший Датико неспособен к истинной любви; ради удовлетворения своих низких побуждений, он не останавливается даже перед гибелью целой семьи, ибо человеческая личность для него не имеет никакой цены. Узнав о любви своего крепостного Габро к Тамро, Датико становится на его пути. Тщетно Габро пытается разбудить в Датико человеческое чувство, смягчить его сердце. Датико беспощадно разбивает любовь Габро, губит его, губит отца Тамро. Слова умирающего Габро ярко рисуют истинный характер существовавших между помещиками и крепостными взаимоотношений: «Мог ли я знать, дурень, что любовь между неимущими и бесправными всего только сон? Мог ли я знать, что между господами и крепостными невозможно перекинуть мост?» Эти слова со всей глубиной и правдивостью говорили о том, что вслед за экономическим и правовым порабощением крестьян следовало оскорбление и унижение их человеческих чувств.

В «Рассказе нищего» И. Чавчавадзе даёт неприкрашенную картину насилий, творимых помещиками. Вообще критика крепостного строя во всех его уродливых проявлениях, разоблачение произвола князей—одно из важных достоинств художественных произведений И. Чавчавадзе.

В повести «И это человек?» (1859—1863) И. Чавчавадзе со всей полнотой показал лишённое какого-либо духовного содержания, чисто животное существование феодалов-помещиков.

Повесть начинается описанием усадьбы Луарсаба Таткаридзе, затем рисуется жизнь семьи Таткаридзе. У Луарсаба единственный интерес в жизни—вкусно поесть, весь смысл существования исчерпывается для него удовлетворением потребностей желудка. Едва Луарсаб с женой Дареджан кончают обед или ужин, как тотчас же начинаются заботы о том, чем ублажить утробу в следующий раз. «Вот и ужин с божьей помощью одолели. Теперь подумаем о завтрашнем дне. Завтра ведь тоже кушать надо,—так уже создал человека благословенный господь! Чего бы нам завтра поесть? И увлечённые супруги долго спорят о том, что лучше: чихиртма или бозбаши... Иногда они наблюдали за сидящими на потолке мухами и держали пари, кто правильной их подсчитает...»

Дареджан как будто была одарена более «острым» умом, чем Луарсаб, но и её ум стоил немного. Она часто распекала крепостных, сама не зная за что, проклинала их, бранила, унижала, а потом этим похвалялась перед мужем. Сам Луарсаб тоже любил «устраивать разнос» крепостных крестьян, считая это занятие полезным для хозяйства.

Образования Луарсаб не получил никакого и к тем, кто его получил, не имел даже малейшего почтения. Он говорит: «С той самой поры, как завелись у нас эти чортовы школы, грузины навек утратили своё благополучие. И на что стали похожи: ни поесть, ни попить толком уже не умеют, разве это люди? Грамоту знают? А вот ежели я

грамоты не знаю, не человек я, что ли, и шапки нет у меня на голове? Как бы не так! И в теле я, и румянцем бог не обидел. Ну, пристало ли мужчине возиться с книгой? Это женское дело!» В Луарсабе твёрдо укоренилось убеждение, что крепостное право неизменно должно существовать, что крепостничество—вечно; в этом он старается убедить всех и особенно своих дворовых.

Жизнь Луарсаба и Дареджан—тупое, животное существование, лишённое каких-либо человеческих чувств и переживаний. И только смерть кладёт конец их скотскому прозябанию. Автор заключает:

«Стёрлись с лица земли следы пребывания этих двух существ. Для чего они приходили, зачем ушли? Неужели они прожили полвека для того, чтобы обрести три аршина земли и четыре сосновых доски? Или, быть может, ради того, чтобы на могильном камне было запечатлено: «Князь Луарсаб Таткаридзе и супруга его княгиня Дареджан жили до 18... года, а потом скончались»? Ведь никаких других свидетельств не осталось о том, что они существовали и жили на этом свете!»

Луарсаб Таткаридзе не был случайным явлением крепостного уклада; он был типичен для помещиков-феодалов бездеятельных, невежественных, развращённых и доведённых крепостными порядками до животного состояния.

И. Чавчавадзе органически было присуще чувство комического, но он никогда не смеялся по пустякам или бесцельно. Когда он сталкивался с явлениями отрицательными, уродливыми, достойными осуждения, смех его становился поистине уничтожающим. Это качество писателя в полной мере проявилось в повести «И это человек?»

Для мировоззрения И. Чавчавадзе характерно широкое и глубокое восприятие жизни. Те проблемы, которых он касался в своём художественном творчестве, почти всегда имели актуальное, жизненно-важное значение. Основной мыслью, которая волновала передовых людей той эпохи, была мысль о свободе и счастье человека, поэтому величайшее значение для И. Чавчавадзе имело чёткое осознание действительности и перспектив дальнейшего развития.

Его отличали глубокий интерес к социальным движениям эпохи, непрерывное творческое искание, пафос утверждения новых основ жизни.

Весьма характерно письмо И. Чавчавадзе грузинскому драматургу Давиду Эристави. И. Чавчавадзе писал: «Это «Видение» буквально опустошило меня. После исторической части я не могу сделать и шага вперёд. Что делать? Часто думаю, не оставить ли его? Проклятая у нас история—история войн и царей. Народа нигде не видно. А я человек такого склада, что войны и цари меня не привлекают. Основное—народ, а народа в нашей истории не видно...» Вниманием к народу, заботой о нём, служением ему проникнуты общественные взгляды поэта, вся его художественная деятельность, и в этом его величайшая заслуга перед родиной. Гуманизм, которым проникнуто всё творчество И. Чавчавадзе, как завет был передан грузинской литературе последующего периода. Поэтому совсем не случаен его отклик на события, связанные с Парижской Коммуной, с такой силой выраженный в стихотворении «23 мая 1871 года» (1871).

В условиях колониальной политики царизма, когда всё национальное в Грузии беспощадно преследовалось и угнеталось, И. Чавчавадзе выступил с национальной программой, имевшей глубокое содержание.

И. Чавчавадзе стремился к возрождению национальной жизни; именно на этой почве поэт боролся с колониально-империалистической политикой самодержавия.

В стихах, поэмах и рассказах И. Чавчавадзе ясно обнаруживаются его национальные чувства, любовь к родине. «Судьба Грузии»—вот главная тема его творчества. И. Чавчавадзе посвятил национальному вопросу первое своё беллетристическое произведение «Записки проезжего» (1861); расцвету отчизны наступлению её весны поэт посвятил свои лучшие, проникнутые сыновней любовью к отчизне произведения. «С тех пор как я познал любовь к тебе, о родина, тревожны сон и

счастье моё!»—говорит он в одном из стихотворений. Ещё в молодости, уезжая в Россию для получения высшего образования, поэт обращался к горам родной страны:

Горы Кварели, покинув родные селенья,
Может ли сердце о вас вспоминать без волнения?
Где бы я ни был, со мною вы, горы, повсюду.
Сын ваш мятежный, ужели я вас позабуду!

(«Горам Кварели». Пер. Н. Заболоцкого.)

В России И. Чавчавадзе всегда думал о родине, вспоминая её «небо, совершенно иначе освещенное и совершенно иначе украшенное».

Национальное чувство поэта настолько обострено, что каждая картина природы вызывала в нём воспоминание, образ родной Грузии. Пробуждение природы, солнечная весна наводят его на мысль о родине:

Лес расцветает нарядный,
Ласточки в небе поют,
Листья лозы виноградной
Слёзы весенние льют
Горы всё краше и краше,
Луг—разноцветный пригож,
Милая родина наша,
Ты-то когда расцветёшь?

(«Весна». Пер. Н. Заболоцкого.)

Аналогичной мыслью проникнута его «Элегия» (1859), в которой перед читателем предстаёт широкая картина природы. Яркими поэтическими красками рисует автор ночной лунный пейзаж и в эту идиллическую картину вносит своеобразный диссонанс—жалобу. Стихотворение заканчивается следующими строками:

Стою один... И тень от горных кряжей
Лежит внизу, печальна и темна.
О господи! Всё сон да сон... Когда же,
Когда же мы воспрянем ото сна?

(«Элегия». Пер. Н. Заболоцкого.)

И. Чавчавадзе прекрасно понимал, что национальному возрождению никакой пользы не мог принести «романтический» плач о прошлом, поэтому всё своё внимание он обращает к будущему. В стихотворении «Мать-грузинка» (1858) он говорит о бессмысленности жалоб на утрату былого величия и о необходимости забот о будущем родины. Правда, настоящее Грузии тяжело, она унижена, угнетена, но так будет не всегда, светлое будущее ждёт её. Поэт глубоко этому верил. Это чувство, это сознание воодушевляют И. Чавчавадзе как поэта и общественного деятеля. В стихотворении «Базалетское озеро» будущее Грузии изображено в виде легендарного младенца, который спит в колыбели на дне озера.

Своим долгом поэт считал воспитание в народе благороднейшего чувства патриотизма. И. Чавчавадзе смело боролся против русификаторской политики царизма и против всякого рода угнетателей, которые старались унижить грузинский язык, грузинскую школу, грузинский народ вообще.

В 1887 г. И. Чавчавадзе написал повесть «Вдова из дома Отарова». В этой повести автор хотел дать ответ на важный и большой для общественной жизни Грузии вопрос о взаимоотношениях между крестьянами и помещиками после упразднения крепостного строя.

Действующие лица повести—Арчил, Кесо, Отарова вдова и Георгий—представители различных социальных слоев.

Отарова вдова никому не позволяет себя унижить, она не побоялась дать отпор деревенскому стражнику, который попробовал несправедливо, грубо притеснить её.

Чувство справедливости так сильно в Отаровой вдове и её сыне Георгии, что часто приводит их к столкновениям с соседями. «Какое вам дело?»—говорили соседи, когда вдова или её сын вмешивались в чужие дела, чтобы добиться правды. Из-за своего острого языка вдова могла показаться жестоким человеком, однако характер её раскрывается в её же словах: «К чему сладкие речи? Разве есть что сладкое в этой горькой жизни, чтобы слову быть сладким? Чего стоят сладкие речи? Ложь и обман—ничего больше! Сладкая речь тешит, да чешет за одно человеческое сердце. Сердце чесать?—ещё чего придумали!..» Отарова вдова безгранично любит сына, но ни разу не приласкала его; даже при виде умирающего Георгия она сдерживает себя, не желая, чтобы кто-нибудь видел её слезы. Твёрдость характера, самолюбие, нежелание ни перед кем гнуть спину, любовь к справедливости, сочувствие к ближним—всё это делает Отарову вдову цельной личностью. Характеризуя её, автор прибегает порой даже к гиперболизации.

Сын Отаровой вдовы Георгий—честный, искренний юноша, который не может мириться с несправедливостью и всегда ведёт с ней борьбу. «Он, подобно матери, не давал спуска никому, ни своему, ни чужому, если замечал за ним что-нибудь дурное». Георгий становится слугой Арчила и Кесо не потому, что нуждается, а из-за любви к Кесо. Он не смеет признаться дочери князя в любви и рассчитывает только на то, что сможет чаще видеть её.

Такие герои И. Чавчавадзе, как Како, Закро, Габро и другие, воодушевлённые жаждой борьбы, стали непримиримыми врагами помещиков, крепостничества. Георгий не пошёл этим путём, хотя и после «упразднения» крепостного права князья и дворяне в правовом отношении оставались ещё сильными.

Вместо враждебного отношения к господам Георгий обнаруживает «романтические» чувства: он вошёл в семью князя, вошёл с любовью, но это чувство было встречено «сердцем слепым—за девятью замками родовитости».

Правда, предмет любви Георгия, Кесо, женщина образованная, но в духовном отношении это существо бесцветное и бесчувственное. Такое же незначительное существо и её брат Арчил; он жил в деревне вместе с сестрой и сам управлял имением, затем, получив образование в России, вернулся обратно. Он считал, что нельзя обходиться без книги, но нельзя и смотреть на всё «по-книжному», верил, что «каждый разумный человек, хотя бы и без книг, может быть образцом и для человека книжного».

Но образование не мешало Арчилу смотреть на крестьян свысока, по-княжески, вообще же Арчил, как и Кесо, был человеком пышной фразы, слова о гуманности служили для него и ему подобных только вывеской. Хотя они и пытаются установить добрые отношения с крестьянами, однако пропасть между ними остаётся непреодолимая. Арчил говорит: «Мост между нами рухнул, они остались по ту сторону, мы по эту. Мы далеки друг от друга—так далеки, что глаза наши уже ничего не видят в правильном, настоящем свете».

Когда влюблённый Георгий неожиданно погиб, Арчил и Кесо похоронили его с большим почётом, но к сердцу народа дороги себе всё же не проложили. «Чего мы им? Кто мы и кто они? Мы принадлежим к разным мирам. Я сказал уже, что мы далеки друг от друга... Мы лишены возможности встретиться, соприкоснуться сердцами. И можно ли удивляться, что ни они нас, ни мы их уже не понимаем?» В этих словах Арчила подчёркивается отчуждённость, которая существовала между двумя сословиями,

раскрываются непримиримые противоречия, сохранившиеся и после «отмены» крепостного права.

И. Чавчавадзе хорошо показал вырождение и нравственное падение помещиков и князей, с одной стороны, и, с другой стороны, мощь, жизненную силу здорового трудового крестьянства. Писатель устами Арчила говорит о крестьянах: «У них кипит кровь, в них бьётся пульс жизни. Хлеб такого качества (хлеб семьи Отаровой.—Ш.Р.) можно испечь только в их тонэ. Наше же тонэ выпекает недопечённые лепёшки, вроде нас с тобою. Мы не умеем даже видеть и слышать, у нас на это не достаёт сил, а там! Какая там таится созидательная сила!..»

Надежды на будущее И. Чавчавадзе основывает на народе-труженике, в нём он чувствует неисчерпаемую силу, неодолимую мощь.

И. Чавчавадзе видел и понимал, что и после так называемой реформы бездна между дворянами и крестьянством осталась, что это два различных мира и что мост между ними разрушен навечно.

И. Чавчавадзе не разделял, как это ошибочно ему приписывали, принципов просветительной философии относительно того, будто просвещение является силой, могущей преодолеть социальные преграды и сблизить богатого и бедного, господина и крепостного, князя и крестьянина. «Мост» может быть построен на почве совершенно новых общественных взаимоотношений.

Таким образом, И. Чавчавадзе предстаёт перед нами как поборник социальных реформ.

Среди произведений И. Чавчавадзе исключительное место занимает насыщенная народными сказаниями поэма «Отшельник» (1883), произведение глубокого философского смысла. Поэт показал в ней борьбу между принятием жизни и отрицанием жизни, столкновение идей притяжения действительности и бегства от неё. Образы пастушки и отшельника—конкретные носители этих идей.

Произведения И. Чавчавадзе имеют глубокие корни в грузинском народном творчестве, но он никогда не шёл путём подражания, не пользовался материалом народного творчества без его коренной переработки. Мотивы грузинских народных сказаний, пословиц, поговорок, басен входят в поэзию и прозу И. Чавчавадзе так органически, что их трудно выделить. Используя произведения устного народного творчества, И. Чавчавадзе проявлял большое своеобразие и независимость.

В основу поэмы «Отшельник» легло известное сказание, которое автор, видимо, слышал в народе; но сходство народного сказания и сюжета поэмы ограничивается лишь общими чертами. Народное сказание использовано поэтом исключительно для выражения философско-социальной идеи.

Ушедший от общества пустынный поселился в пещере-келье, высеченной в скале, покрытой вечным снегом. Он изгнал из сердца все «мирские мысли», «побуждения и желания» и, молясь днём и ночью, «мучит тело ради души». Однажды в страшную бурю он слышит человеческий голос; спустив из кельи цепь, отшельник помогает незнакомцу подняться и вводит его к себе. Перед ним пастушка, она пасла в горах отару овец, когда неожиданный гнев природы—буря—отрезала ей все пути и угрожала гибелью. И вот она набрела на пещеру и решила в ней укрыться.

Отшельника охватила тревога: «Неужели судьба посылает ему испытание в образе женщины?» Когда был зажжён очаг и огонь осветил келью, отшельник увидел перед собой красивую девушку. Пастушка как бы олицетворяет всю полноту жизни, будит в отшельнике, казалось, умершие уже чувства, зовёт его обратно к жизни. Охваченный душевным смятением, отшельник направляется к иконе богородицы, чтобы помолиться, но вместо неё видит ту же пастушку. Девушка завладела его сознанием, нарушила его душевный покой. Так вновь пробуждается в нём жажда жизни.

Замечательна беседа пастушки с отшельником о человеческой жизни. «Неужели,—спрашивает пастушка,—нет у тебя никого в мире—ни брата, ни сестры, ни

родственника?»—«Были,—отвечает отшельник,—но я удалился от них сюда и посвятил себя богу».

Удивлённая пастушка говорит:

Ужели бог утехам жизни милой,
Которые он создал сам, не рад?
Зачем же он украсил мир цветущий
Сияньем вод и трепетом светил?
Не для того ль, чтоб человек живущий
Отверг его и в сердце схоронил?
Как? От всего на свете отрешиться—
От радостей, от близких, от друзей?
Но разве я сама себе убийца?
Нет, не ужиться б в келье мне твоей!
Ужели круг семьи своей любимой
Покинул ты без горя и без слёз?
Ужель тоску души неукротимой
О ком-нибудь из мира не унёс?
Ужели так легка тебе разлука?
Отца и мать неужто ты забыл?
Неужто ты навек покинул друга,
С которым вместе плакал и любил?

(«Отшельник». Пер. Н. Заболоцкого.)

Отшельник не может дать ответа на вопросы пастушки, не в силах ничего противопоставить им. Человек так связан с жизнью, что подавить в нём чувство жизни невозможно, и если всё же человек бежит от жизни и достигает успокоения, то лишь на короткое время. Мысли о жизни никогда не покинут его, вечно животворящая природа при первом же случае властно потребует своего.

Жизнь отшельника—оторванное от действительности, бессодержательное, лишённое смысла существование. Человек должен оставаться в обществе, жить и бороться, и тот, кто бежит от жизни, неизбежно терпит поражение.

В поэме «Отшельник» И. Чавчавадзе с исключительным мастерством рисует величественную картину Кавказских гор. Картина эта органически связана с сюжетным развитием поэмы.

Самые сильные стороны своего творчества И. Чавчавадзе показал в произведениях критического реалистического характера. И. Чавчавадзе в своё время произвёл настоящий переворот не только в художественной литературе—поэзии и прозе, но и в господствовавших до него эстетических воззрениях. Он возглавил передовое направление в грузинской литературе XIX в.

И. Чавчавадзе стремился отобразить конкретную действительность, придать своим образам типические черты; он был великим мастером изображения характеров. Как художник-реалист И. Чавчавадзе брал сюжеты и темы своих произведений в основном из современной ему действительности, оттого действующие в его поэмах и рассказах лица так жизненны и убедительны.

Даже в лирических произведениях он рисует переживания, имеющие глубокий общественный смысл, и это делает их понятными, близкими и волнующими широкий круг читателей.

И. Чавчавадзе обогатил грузинский литературный язык, сблизив его с народным. Он отстаивал взгляд, что как бы поэт ни был талантлив, он ничего из сердца не выжмет, если заперся в своём кабинете и отвернулся от подлинной жизни. По утверждению И.

Чавчавадзе, язык—«выражение духа и сердца народа»; он обращал исключительное внимание на всё, что имело отношение к языку,—к словам, подбору слов, грамматическим формам. Он долго работал над каждым словом, фразой, отдельным выражением, стремясь страницу сжать до фразы, а фразу—до слова. Отсюда—исключительная чёткость, сила и острота языка И. Чавчавадзе.

Значение И. Чавчавадзе в истории развития грузинской литературы и общественной мысли исключительно велико. Своим творчеством поэт ответил на основные прогрессивные требования эпохи. Его стихи, поэмы и рассказы проникнуты глубокими общественными интересами. Вышедший из дворянско-княжеской среды И. Чавчавадзе сумел в большой мере преодолеть свою классовую ограниченность и объективно выразил демократические тенденции своей эпохи.

АКАКИЙ ЦЕРТЕЛИ

Акакий Цертели является одним из крупных общественно-политических деятелей шестидесятых годов XIX столетия. Литературное наследие А. Цертели, кроме многочисленных стихов и поэм, содержит рассказы, повести, комедии и драмы, мемуары и фельетоны, публицистические и критические статьи. На протяжении всей своей писательской деятельности А. Цертели всегда откликался на злободневные, животрепещущие вопросы, никогда не проходил мимо какого-либо значительного общественного явления. Это придавало чрезвычайную актуальность его творчеству.

А. Цертели был достойным представителем молодого поколения грузинских шестидесятников и вместе с ним повёл борьбу против старого консервативного лагеря, враждебно и отрицательно относившегося ко всему новому, прогрессивному. Мировоззрение его отображало взгляды и устремления передовых людей современного ему грузинского общества. Вместе с Ильёй Чавчавадзе А. Цертели выступил в отсталой, крепостнической, порабощенной царизмом Грузии как поборник идей социальной свободы, как глашатай национально-освободительной борьбы.

Жизненный путь. А. Цертели принадлежал по происхождению к знатному княжескому роду. Его отец, Ростом Цертели, был типичным феодалом, мать, Екатерина, принадлежала к фамилии Абашидзе.

Родился А. Цертели в деревне Схвители (Западная Грузия) 9 июня 1840 г. По старинному обычаю его отдали на воспитание крестьянке-кормилице. «Обычай отдавать детей на воспитание в деревню, в семью кормилицы,—писал А. Цертели,—издавна завёлся в Грузии: царские дети и дети владетельных князей росли и воспитывались в семьях эриставов; эристави и князья отдавали детей дворянам; дворяне—крестьянам; впрочем, и княжеские дети чаще всего росли в крестьянских семьях». В Саване, куда его отдали кормилице, он рос в тех же условиях, что и крестьянские дети. «Я должен сознаться,—продолжал А. Цертели,—если во мне сохранилось что-либо доброе и хорошее, то, главным образом, благодаря тому, что меня отдали в деревню и мне пришлось расти вместе с крестьянскими ребятами». Маленький Акакий целые дни проводил на лоне природы с крестьянскими детьми. Жизнь в деревне, в крестьянском очаге, как указывал сам поэт, для него была прекрасной школой познания жизни. Он видел тяжёлый крепостнический труд крестьян.

После шести лет, проведённых в Саване, А. Цертели снова взяли к себе родители. В первое время ему трудно было привыкнуть к новой обстановке и порядкам барского дома.

В 1852 г. А. Цертели поступил в кутаисскую гимназию. В автобиографическом художественном произведении «Пережитое» (1894—1908), воссоздающем один из важнейших периодов общественной жизни грузинского народа, А. Цертели подробно описывает старую школу, рассказывает о телесных наказаниях детей и о тупых воспитателях. Он писал: «Пороть ученика имели право все—от директора до сторожа, при

этом никто не разбирался, виновен ребёнок или нет. Кто знает, сколько детей было искалечено на всю жизнь нравственно и физически!.. Часто случалось, что одного и того же ученика пороли в продолжение дня по несколько раз... У одного мальчика были большие уши. Все, от мала до велика, дёрпали его за них. Однажды надзиратель, рассвирепев, оторвал ему ухо до половины... Другому ученику ударом линейки рассекли череп, кровь хлынула струёй, его унесли домой без сознания. Но кто обращал на это внимание? Подобные дела считались в порядке вещей». В стенах гимназии ученикам было запрещено разговаривать на своём родном языке, по-грузински. «В ту пору,—пишет поэт,—в школах были повсюду введены жестяные жетоны, так называемые «марки». «Марку» совали в руки тому, кто говорит по-грузински, виноватого били по ладони линейкой. Уличённый в этом «преступлении» ученик всячески старался всучить «марку» товарищу и, передавая её, в свою очередь бил его линейкой по ладони. Так этот злосчастный жетон переходил из рук в руки. Ученик, не успевший отделаться от «марки», в конце занятий оставался в школе на весь день без обеда». Сам А. Церетели испытал не раз жестокость тех порядков, которые царили в гимназии.

Вообще вопросам воспитания А. Церетели в своём творчестве уделял большое внимание. В поэме «Воспитатель» он использовал народное предание, освещающее проблему высокой морали, чувства дружбы и братства.

В 1859 г. А. Церетели оставляет гимназию за четыре месяца до её окончания и уезжает в Петербург. Вначале он думал поступить в военное училище, но по совету друзей поступил на факультет восточных языков по армяно-грузинскому отделению. Студенческие годы сыграли решающую роль в формировании мировоззрения А. Церетели, складывавшегося под влиянием русских революционных демократов.

В эти годы начал А. Церетели активную поэтическую деятельность. Известно, что первые произведения его появились в печати, когда он был ещё в VI классе гимназии. Он перевёл на грузинский язык известное стихотворение Лермонтова «Ветка Палестины» (перевод был напечатан в 1858 г. в грузинском журнале «Цискари»). В 1860 г. в январском номере «Цискари» появилось его оригинальное стихотворение «Тайное послание», сразу же завоевавшее популярность среди читающей публики. Написано оно было на народном грузинском языке, что не понравилось защитникам церковно-архаического языка. Поэт по поводу этого произведения получил несколько писем, одно из них от протоиерея Ефрема, который писал: «Благославляю твой поэтический дар и одновременно прошу, заклинаю, как сына, не пиши таких стихов языком простонародья. Здесь нужен высокий стиль, а ты пользуешься каким-то деревенским языком. Это тем более опасно, что твои стихи западают в сердца всех. Едва успели они появиться, их тотчас же стали петь как песню. В особенности женщины поют её, и что ж получится, если они усвоят этот твой язык и забудут старинный грузинский высокий склад». Но А. Церетели пошёл своим путём, всегда прислушиваясь к голосу народа, борясь за народность поэзии.

К этому времени относится одно значительное событие в жизни молодого поэта—встреча и знакомство с Тарасом Шевченко. Великий кобзарь оставил неизгладимый след в памяти будущего великого грузинского поэта.

В 1862 г. А. Церетели сдал последние экзамены и получил право представить кандидатскую работу на тему «К вопросу об оригинальности «Витязя в тигровой шкуре» Руставели». Факультет одобрил кандидатскую работу А. Церетели, но диплома ему не выдали, так как он не имел аттестата об окончании гимназии. В том же году А. Церетели уехал в Грузию. Вскоре он женился на Наталии Петровне Базилевской.

А. Церетели был одним из организаторов многих культурных начинаний. Он интересовался собиранием памятников устной народной словесности. Начиная с 60-х годов XIX в. в Грузии не выходил ни один журнал или газета, в которой А. Церетели не принимал бы участие. С 1897 г. он основал собственный журнал «Ежемесячный сборник Акакия», просуществовавший до 1900 г.

1 марта 1881 г., как известно, в Петербурге был убит народовольцами император Александр II. А. Церетели по получении этого известия написал стихотворение «Весна», которое было напечатано в грузинской газете «Дроеба» («Время»). Поэт с радостью встретил убийство деспота:

Сегодня ласточка окна
Своими крыльями коснулась.
Под птичий гам: «Весна! Весна!»
Надежда в сердце встрепенулась:
Я подошёл к окну... Иным
В природе всё мне предстало.
Надежда взлётом молодым
Сказала сердцу: вот начало.
Пришла с дыханием весны
Ко мне неведомая сила.
Сказал я: «Воплотятся сны!»
Трудящее заговорило...

(«Весна». Пер. А. Гатова.)

«Весна» сразу же распространилась по всей Грузии и приобрела большую популярность. Цензурный комитет с опозданием спохватился и возбудил против автора дело.

В период первой русской революции А. Церетели на грузинский язык перевёл текст «Интернационала», который был напечатан в 1906 г. на страницах «Патара газета» («Маленькая газета»).

Газета была немедленно закрыта правительством за напечатание этого гимна, цензурный комитет возбудил дело против переводчика стихотворения и редактора газеты.

В 1908 г. Грузия широко отпраздновала 50-летие писательской деятельности А. Церетели.

В ноябре 1912 г. А. Церетели совершает поездку в Петербург и Москву, где ему был устроен исключительно тёплый приём. Русские газеты сообщили биографические данные о А. Церетели, напечатали статьи о его творчестве, описывали встречу, которую устроила передовая русская интеллигенция. «Грузинский поэт Церетели,—писала одна из московских газет,—находится в настоящее время в нашей гостеприимной Москве. Долг передового русского общества приветствовать его как представителя благородного народа и сказать ему, что русский народ искренно стремится к единению «двух сестёр», основанному на взаимном доверии и свободе». Поэту большую радость доставляли встречи с представителями передовой русской интеллигенции. Он всегда чувствовал свою близость и любовь к великому русскому народу.

В декабре 1914 г. поэт, живя в своей родной деревне Схвители, заболел. 26 января 1915 г. А. Церетели умер. Прах поэта перевезли в Тбилиси и похоронили в пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии—Мтацминда.

Творческий путь. А. Церетели провозгласил новое понимание искусства и литературы, он создал новые эстетические принципы. А. Церетели вместе с И. Чавчавадзе утвердил критический реализм и тем самым определил дальнейшее развитие всей грузинской литературы. О том, как складывалось его мировоззрение, А. Церетели рассказывал впоследствии: «В 60-х годах, когда искусство так увлекло русских писателей, что лучшие и способнейшие его представители не ступали по земле, а парили в небесах, оторванные от жизни, тогдашний выдающийся писатель Чернышевский заметил им, что искусство должно быть не для бесплодного искусства, а должно служить жизни». Вслед за Чернышевским А. Церетели предметом искусства объявил подлинную жизнь людей,

отображение их дум и чаяний. Не случайно А. Церетели разделял и ценил также взгляды Белинского, называя его «замечательным критиком», и сожалел, что у нас в Грузии «пока ещё не появился собственный Белинский».

А. Церетели считал литературу острым оружием в борьбе с социальным злом и в этом видел её главное назначение. Он ратовал за реалистическое направление в литературе, за литературу, которая должна отображать жизнь во всём её многообразии, во всех её противоречиях. О назначении писателя и литературы А. Церетели говорил: «Литература—нравственное и умственное зеркало. В литературе, как в зеркале, должна получить ясное отображение современность писателя со всеми её зигзагами, с тем чтобы будущие поколения изучали по литературным произведениям своё прошлое, развитие общества. Как в зеркале отображается то, что находится перед ним, точно так же в произведении писателя мы должны видеть то, что попало в сердце поэта. Следовательно, писатель не может избегать повседневных явлений, как бы они ни были мелочны. Чем способнее поэт, тем сильнее он подчиняется упомянутым условиям». Реалистические взгляды А. Церетели о назначении писателя и литературы укрепились в результате пытливого внимания к окружающей действительности.

По мысли А. Церетели, поэт должен отображать правдиво действительность, служить выражением мыслей и стремлений народа:

Сердце—зеркало. И в нём
С силой, данной природой мне,
Вижу образ только того,
Что оно отразит извне,
Мой язык лишь вещатель дум,
Что и слышал в словах людей,
Что и глаз охватил, и ум
Смерил, взвесил в глуби своей.

А. Церетели утверждал, что осмысленное, идейное отношение к явлениям действительности является необходимым условием для поэта. Он говорил, что «поэт—глашатай современности», «чонгури» нужен ему для того, чтобы «служил правде», укреплял «святую мысль», «согревал сердце»; пение поэта должно «осушить слёзы угнетённых, копьём пронизывать сердце угнетателей».

Существенным моментом, определяющим литературно-эстетические взгляды А. Церетели, является выдвинутое им требование содержательности искусства. Признавая предметом поэзии «настоящую жизнь», А. Церетели тем самым боролся за идейно-насыщенное искусство. «Подлинное мастерство,—говорил он,—в понимании изображаемого, будь это настоящая жизнь или событие, давно прошедшее».

А. Церетели боролся против примитивного изображения действительности, против «фактографии» в искусстве и литературе. «Некоторые» вообще того мнения,—говорил он,—что реализм в литературе требует только протокольного описания, ни больше, ни меньше, того, что видит и слышит писатель, ничего от себя не добавляя. Например, желаешь описать сельскую жизнь,—точно передай её, и это, дескать, будет настоящее искусство. Если б это было так, то ведь тогда фотографические снимки имели бы преимущество перед мастерством художника и, значит, рядовой фотограф стоял бы выше Рафаэля. Однако это не так. Правда, фотограф правильно, в мельчайших деталях может передать всё, но он не в силах вложить в изображаемое живую душу. Художник же отметит в предмете характерный признак, подберёт момент, отображающий мысли и чувства, одушевит и оживит предмет изображения. В этом заключается чудодейственная сила творчества истинного художника, до которого никогда не возвысится бездушная фотография. То же самое нужно сказать и о писателях. Талантливый писатель не стенографически должен передавать всё, что он видел и слышал; нет, из сотен и тысяч

слов и фраз он должен подобрать такой материал, который после творческой работы над ним будет живо характеризовать тот или иной предмет». Критикуя натуралистическую фактографию и формалистическое фокусничество, А. Церетели считал характерной чертой настоящего искусства правдивость, ясность, демократичность. С указанными признаками художественного произведения он связывает и художественную точность. Каждое слово в произведении должно иметь определённое назначение, каждый его элемент должен выполнять необходимую для него определённую функцию.

Эстетические взгляды А. Церетели, его критические выступления проникнуты требованиями народности. Для создания подлинной передовой литературы А. Церетели считает обязательным тесную связь с истоками народной поэзии. Народное творчество, по его мнению, должно являться не только истоком художественного произведения, но и основой его содержания.

А. Церетели смотрел на художественную литературу как на могучее средство воспитания народа, как на действенное оружие, побуждающее народ к борьбе за лучшие идеалы, за завоевание свободной жизни.

А. Церетели—писатель, глубоко и реально отобразивший в своём творчестве жизнь различных слоев грузинского общества. В его произведениях действительность показана во всём своём многообразии. Но вместе с тем А. Церетели из многих общественных вопросов всегда выделял существенное. Всю свою творческую жизнь он посвятил борьбе за освобождение грузинского народа от социального рабства и от тяготевавшего над ним гнёта колониальной политики русского царизма, он выступал как глашатай народной правды, как борец-демократ за лучшие идеалы своего народа.

Ведущим жанром творчества А. Церетели была лирика, создавшая ему славу великого народного поэта. Особенностью лирических стихов А. Церетели является исключительная музыкальность, богатство образов, идейная насыщенность, подлинная народность. Лирические стихотворения А. Церетели «Сулико» (1895), «Светлячок» (1871), «Моя головушка» распеваются не только на родине поэта, но и во всём Советском Союзе.

В годы, когда А. Церетели выступил на литературном поприще, крестьянство находилось в невыносимых условиях, оно стонало под тяжёлым ярмом крепостничества. А. Церетели, как передовой боец и гуманист, не мог примириться с ужасным положением крестьян. В своих произведениях он выступал в защиту народа. В стихотворении «Трудовая песня», написанном в 1861 г., поэт выразил думы крестьян, описал их подневольный труд:

Будем мотыжить мы поле,
Песню рабочую грянем,
Чтоб разлучиться нам с болью,
Вечной нуждой и страданьем.
Не для крестьян с этих пашен
Будет снята кукуруза.
Барин покинутым страшен,
Барин несчастным обуза.
Жалобам нашим не внемля,
Давят свои и чужие.
Потом горячую землю
Нам орошать не впервые,
Сеём мы в пахоту семя,
Чтобы кормить тунеядца,
С голоду мрут наши семьи.
Чтоб богачам насыщаться.

В своих произведениях А. Церетели выступал как защитник трудового народа. Отмежевываясь от породившего его класса, А. Церетели возвысился до уровня прогрессивных идей своей эпохи, став на сторону трудового народа.

В другом стихотворении крестьянин обращается к помещику:

Источник терзаний моих,
Ты сделался раной моею.
Затем головой я поник,
Чтоб ты уселся на шею.

(«Исповедь крестьянина». Пер. Ю. Верховского.)

Труд крестьянина в творчестве А. Церетели показан как основа общественного блага. Поэт восхваляет честный труд.

А. Церетели вначале радостно встретил отмену крепостного права, хотя хорошо понимал, что формальное упразднение крепостничества по существу вовсе не улучшало положение крестьян. Эпоха «реформы», как известно, не принесла облегчения многомиллионному крестьянству бывшей царской России. Это «освобождение», по словам В. И. Ленина, «было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними... Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве»²⁷. Тяжёлое положение крестьянства ещё больше усугублялось в окраинных губерниях.

Впоследствии А. Церетели с печалью вспоминал это время: «Проводились реформы, но то, чего мы так страстно ждали, осуществлялось не так, как мы бы хотели. Формально-то было хорошо, но на деле многое никуда не годилось». А. Церетели понял, что отмена крепостного права фактически жизнь крестьян сделала ещё тяжелее.

А. Церетели ясно видел, что в современном ему дворянско-буржуазном обществе царствует лицемерие, зависть, зло, что «человек душил своего близкого». Поэт нападал на дворянство, угнетавшее народ и продававшее родину за почести; он беспощадно бичевал буржуазию, бессовестно грабившую народ, её хищнически-эгоистические стремления. А. Церетели не оставляет без внимания лицемерие и проделки духовенства. Его острая сатира была направлена против всех эксплуататоров, которые ждут удобного случая, чтобы «задушить», содрать несколько шкур с крестьян и рабочих. Много стихов написано им и о коварстве чиновников, представителей изблещавшейся им бюрократической государственной системы. А. Церетели не оставил ни одного уголка дворянско-буржуазного строя, куда бы он ни направил остриё своей сатиры.

Революционно-освободительные идеи в творчестве А. Церетели достигают наивысшего развития в период буржуазно-демократической революции 1905 г.; он с большим энтузиазмом встречает её громовые раскаты. А. Церетели создаёт ряд восторженных стихотворений на революционные темы:

О, совершается, чего ждали мы,
И с надеждою я смотрю вперёд.
Я состарился—полувек прошёл,
Так давно желал, чтоб восстал народ.

(«Молодёжи».)

²⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 17, изд. 4-е, стр. 94—95.

Могучий подъём революционного движения всё более воодушевлял А. Церетели. Он призывал народ к свержению самодержавия:

Долой правительство бесчестья!
Нуждой измученные злой,
Мы голоса сливаем вместе,
Долой правительство, долой!

(«Долой».)

Престарелый поэт глубоко проникся презрением и ненавистью к самодержавию. Он пишет, что мечтает окрасить свою седину кровью врага.

В основе восторженных откликов поэта на революцию 1905 г. лежит его вера в социальное и национальное освобождение народа. Родине А. Церетели посвящает свои лучшие произведения. Он самого себя представляет любящим сыном своей страны, готов пожертвовать жизнью ради счастья родины. Поэт часто повторяет, что у него такое чувство любви к родине, что по-настоящему его даже нельзя выразить словами. Служение родине является стимулом всех его действий и дум, беззаветная любовь к родине освещала ему путь во всей жизни. Поэтому вся поэзия А. Церетели отмечена глубоким и благородным чувством патриотизма:

Бирюзовый, изумрудный,
Край, которым я дышу,
Твой я, за тебя умру я,
О тебе и скорбь ношу!

(«Рассвет». Пер. С. Шервинского.)

Не случайно, что А. Церетели свои лучшие произведения посвятил родине. В борьбе за свободу и счастье родины видел он своё назначение. Известно, что измученный грузинский народ стонал и от гнёта царских сатрапов-колонизаторов и от грузинских князей и помещиков. Опираясь на реакционное грузинское дворянство, русское самодержавие утверждало в Грузии своё господство. В этой атмосфере сложилась мечта А. Церетели о национальном возрождении своей страны. Поэт открыто говорил о том национальном угнетении, которое испытывал грузинский народ во времена полицейско-бюрократического строя. А. Церетели призывает народ к борьбе, к освобождению от цепей рабства.

Идея национального освобождения являлась главным стержнем творчества и мировоззрения А. Церетели. Каждая строка А. Церетели насквозь проникнута духом национально-освободительного движения. С вдохновенной силой, с проникновенной любовью воплотил А. Церетели в своём творчестве идеал родного народа. В своей богатой лирике поэт часто изображал родину в аллегорических образах. Она представлялась ему то прикованным к кавказскому хребту Амираном (Прометеем), которого окружили вороны и терзают ему сердце; то больным, находящимся во власти летаргического сна; то пленной возлюбленной, для спасения которой он ищет и призывает героев.

А. Церетели не только внедрял в сознание своего народа чувство ненависти к поработителям, но вселял в него веру в грядущее освобождение. Проникнутый глубокой верой в светлое будущее своей родины, поэт верил в её освобождение от гнёта самодержавия. «Не умерла! Она лишь спит, настанет время и пробудится!» Он твёрдо верил, что настанет день, и родина сбросит ярмо рабства, развернёт свои силы и пышно расцветёт:

Пускай эти волосы седы!
Надежду не сломит судьба!
Героев грядущей победы
Зовёт боевая труба.

(«Седина». Пер. В. Эристави.)

Дело освобождения родины, создания счастливой жизни А. Церетели связывает с трудовым народом, в котором он славит неиссякаемую силу и энергию. Но поэт хорошо знает, что счастливое будущее само собой не наступит, свободу надо завоевать героической борьбой, и он призывает героев, которые должны выйти из недр народа и пойти на самопожертвование за общее народное дело.

Свои национально-освободительные идеи А. Церетели с особой полнотой выразил в поэмах. Рисуя эпизоды из истории Грузии, поэт ставил перед собой задачу воспитать народ на образцах мужества и геройства, показать, как в прошлом самоотверженно защищали наши предки свободу и независимость родины. Большинство действующих лиц эпических произведений А. Церетели являются историческими деятелями.

В поэме «Торнике Эристави» показана Грузия в X в. В ней описывается исторический факт военной помощи Грузии Византийскому императору Василию.

Главный герой поэмы—Торнике Эристави— всю свою жизнь посвятил служению родине, был военачальником, и под его руководством грузины героически сражались против завоевателей. На старости лет Торнике Эристави уходит в монастырь. Однако при первом же зове родины он снова берётся за оружие, добивается победы над врагами.

«Торнике Эристави»—произведение большого художественного значения. Поэт мастерски рисует батальные сцены, ярко и в многообразии показывает пейзаж. Отдельные места поэмы, как, например, вступление, песня о прикованном Амиране (Прометее) и другие, широко известны в Грузии и пользуются большой популярностью, распеваются как самостоятельно сложенные песни.

В поэме «Натела» отображена борьба верных сынов Грузии, поставивших себе целью свергнуть иго монгольского господства. Главные герои поэмы—Натела и Цотне— проникнуты идеей освобождения родины от гнёта монголов. Натела—идеальный образ грузинки, в которой гармонически сочетаются внешняя красота и духовное благородство. Многих юношей пленила она, но сердце её может покорить только тот, кто сумеет окрасить вражеской кровью сшитую ею белую чоху и доставит ей сто двадцать вражеских голов. Таким рыцарем оказывается Цотне Дадиани. Натела дарит его своей любовью. Их объединяет беззаветная любовь к родине, готовность к самопожертвованию ради неё. Для спасения очутившегося в беде Цотне Натела бесстрашно предстаёт перед свирепым врагом. Её смелость столь необычайна, что даже враг вынужден преклониться перед ней. По мнению А. Церетели, чувством патриотизма в прошлом были проникнуты не только мужчины, но и женщины. Такой была и героиня этой поэмы Натела.

Исторический рассказ «Баши-Ачуки»—крупное достижение в развитии грузинской прозы. В нём писатель с исключительным мастерством показывает драматическую ситуацию Грузии XVII в. и непреклонную борьбу грузин с жестоким иранским властителем Шах-Абасом. Главные персонажи произведения—Бидзина Чолокашвили, Элизбар и Шалва Эристави, однако вышедший из народа Баши-Ачуки является главным вдохновителем сил, борющихся за освобождение своей родины от иранских завоевателей.

На исторические темы А. Церетели написал также и драматические произведения. Из них особенно выделяется пьеса «Патара Кахи» («Маленький кахетинец»). Драма «Патара Кахи» начинается с показа скорби лучших представителей народа по несчастной доле Грузии, ставшей постоянной ареной набегов диких орд.

Семнадцатилетний царевич Ираклий ставит себе целью избавить родину от гнёта врагов. Но как главную силу А. Церетели показывает народ, который беззаветно служит родине. Слепой старик Гела со своей дочерью ходит от селения к селению и призывает народ для борьбы против врагов за освобождение родины. Таким образом, в своих художественных произведениях А. Церетели нарисовал целую галерею исторических героев. Овеянные ореолом неуязвимой славы, они вызвали в сердцах поработанного народа стремление к героическим подвигам. А. Церетели так же, как и И. Чавчавадзе, хотел примерами прошлого указать путь в настоящем и будущем.

Характерным для понимания патриотического чувства А. Церетели являются его следующие слова: «Прежде всего я грузин, так как я рождён грузином, но это не означает того, чтобы я был шовинистом, чтобы я стремился построить счастье моего народа на несчастье другого народа. Моей мечтой является всеобщее счастье всех народов, основанное на взаимной дружбе». Такое понимание патриотизма было руководящим во всей деятельности А. Церетели.

С огромным уважением А. Церетели относился к великому русскому народу, к его культуре, литературе. Он ясно понимал, что вместе с другими народами стонал в цепях царизма и русский трудовой народ. А. Церетели чрезвычайно ценил знаменитых русских писателей: Крылова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Герцена, Чернышевского, Некрасова, Льва Толстого. Не случайно, что А. Церетели во многом следовал по путям русских писателей-демократов. А. Церетели с таким же уважением относился и к передовым представителям других народов. Мы уже говорили об его знакомстве с Тарасом Шевченко. Об этом знакомстве он опубликовал воспоминания, в которых с большой любовью охарактеризовал Тараса Шевченко. В 1914 г., когда повсеместно по всей Российской империи запрещалось чествование памяти Шевченко, А. Церетели не только принял участие в шевченковском вечере, устроенном украинцами в Тифлисе, но и демонстративно, на глазах полиции, преклонил колена перед бюстом великого кобзаря. А. Церетели был связан долготелней близкой дружбой со знаменитым армянским драматургом Габриэлом Сундукяном, которому посвятил несколько стихотворений. С немалым уважением относился великий грузинский поэт к азербайджанскому писателю Мирза-Фатали-Ахундову. А. Церетели в истории грузинской литературы занимает особое место, его художественное творчество отвечало прогрессивным запросам своего времени. Его стихи, поэмы, повести, драмы проникнуты глубокими общественными интересами и всегда пробуждали в читателе сознание необходимости движения вперёд. А. Церетели упрекал современных ему писателей в том, что они отдаляются от народа: «Мы не с народом»,—говорил он. Но этого нельзя сказать о самом А. Церетели. Он всегда был с народом, всегда пользовался особенной популярностью у народа, его любовью. Народ пел и поёт много песен на слова поэта. Поэзия А. Церетели отличается глубокой реалистичностью, народностью и доступностью формы, он создал новые ритмы и интонации поэтической речи, отмежёвываясь от дворянско-аристократического взгляда на поэзию. А. Церетели внёс неоценимый вклад в богатейший литературный язык, широко пользуясь золотой сокровищницей народного творчества.

Основываясь на реалистических принципах, А. Церетели вместе с И. Чавчавадзе смело обновлял литературный язык народными словами и выражениями. А. Церетели считал, что поэт, обращаясь к народному языку, освобождается от искусственности, от аристократического «фокусничанья», учится писать содержательно и понятно для всех.

Можно смело сказать, что в великом национальном деле утверждения нового литературного языка решающую роль сыграли крупнейшие деятели литературы и вдохновители национально-освободительного движения грузинского народа И. Чавчавадзе и А. Церетели, а также выдающийся педагог Я. Гогешавили.

После опубликования произведений И. Чавчавадзе «Человек ли он?», «Рассказ нищего», «Разбойник Како», «Отарова вдова», а также произведений А. Церетели «Баши-Ачуки» и других, новый язык полностью вытеснил искусственно поддерживавшийся

феодално-аристократическими литераторами отживший архаический язык. Для распространения и утверждения общенационального литературного языка во всех уголках Грузии огромное значение имели учебники Я. Гогешашвили по родному языку. На самом деле, вместе с И. Чавчавадзе и Я. Гогешашвили, А. Церетели заговорил в грузинской литературе настоящим, подлинно народным языком. После него стал невозможен возврат к старому церковно-схоластическому языку. Борьбу за народность литературного языка А. Церетели связывал с борьбой за ту высокую идейную литературу, которая, по его мнению, могла бы воспитать и просветить народ.

ГЕОРГИЙ ЦЕРЕТЕЛИ

Георгий Церетели является одним из лучших представителей нового поколения 60—70-х годов XIX в. Мыслитель, сильный и оригинальный художник, один из руководителей национально-освободительного движения, боевой публицист,—такой многогранной была эта выдающаяся личность. Не было ни одной области общественной жизни Грузии, в которой Г. Церетели не принимал бы активного участия и не оставил бы там своего следа. Он писал стихотворения, рассказы, романы, фельетоны, драмы, статьи по истории и естествознанию, исследования по филологии и археологии. Его многочисленные произведения, все его труды носят печать подлинного таланта. Особенно глубокий след оставил Г. Церетели в художественной литературе. Его творчество было сильно тем, что он глубоко и хорошо знал жизнь Грузии XIX в. В историю грузинской литературы Г. Церетели вписал замечательные страницы, дав реалистическую картину всех слоев грузинского общества на протяжении целого полувека.

В его художественных произведениях отображены типичные явления, социальные силы, действующие на общественном поприще. Творчество Г. Церетели отличается широким развитием тем и многообразием сюжетов.

Биография. Г. Церетели родился в 1842 г. в деревне Гориса (Западная Грузия). Он был ещё малолетним, когда скончалась мать. Его отец, Ефимий Церетели, получил хорошее домашнее образование, прекрасно знал древнюю грузинскую литературу и историю.

В известных литературных дискуссиях, возникших в 60-е годы XIX в. между старым и новым поколениями, он выступал как активный представитель старого поколения.

Г. Церетели было девять лет, когда его определили в кутаисскую гимназию.

Тяжёлые условия воспитания в старой школе произвели на него гнетущее впечатление. Впоследствии это получило отображение в его известном произведении «Цветок нашей жизни». Образ главного героя этого рассказа Дито Квеладзе навеян автобиографическими моментами из жизни писателя. Проблема, которой интересуется писатель в «Цветке нашей жизни»,—воспитание ребёнка в семье и школе. Он резко критикует старую систему воспитания, уродующую ребёнка.

В 1860 г. Г. Церетели окончил кутаисскую гимназию, после чего поступил в Петербургский университет на факультет естествознания. В эту эпоху передовая, в том числе и грузинская, молодёжь принимала участие в революционном движении, выступая против самодержавия и крепостничества. Как известно, в 1861 г. петербургское студенчество организовало политическую демонстрацию. Царское правительство арестовало наиболее активных участников этой демонстрации, среди которых был и Георгий Церетели. Он вместе с другими сидел в Кронштадтской крепости.

Г. Церетели выступил на литературном поприще ещё в студенческие годы. Он включился в борьбу, возникшую в 60-е годы между старым и новым поколениями. Одна из трёх статей, напечатанных против «отцов» в грузинском журнале «Цискари» под псевдонимом «Тергдалеули», принадлежала перу Г. Церетели. В этой статье Г. Церетели

пришлось полемизировать против своего отца Ефимия Церетели, выступавшего защитником позиций старого поколения.

К концу 1863 г. Г. Церетели вернулся из России в Грузию и жил в своей родной деревне. В 1864 г. переехал в Тбилиси. В 70-е годы Г. Церетели является уже выдающимся деятелем грузинской периодической прессы, в 1866 г. основавшим газету «Дроеба» («Время»).

В результате последующего развития и осложнения общественной жизни, происшедшей перегруппировки социальных сил и ещё большего обострения классовых противоречий, в 70-е годы среди деятелей нового поколения, поколения «Тергдалеули», обнаруживаются идейные расхождения.

Если в 60-е годы эта молодёжь единым фронтом выступала против крепостного права, за его уничтожение, то теперь раскол среди них был вызван вопросом, возникшим после отмены крепостничества: каким путём должно идти дальнейшее развитие общественной жизни? В 1869 г. была организована «Меоре-даси» (вторая группа), или «Группа новой молодёжи», руководимая Георгием Церетели и Нико Николадзе. Эта группа уже не удовлетворялась программой «Тергдалеули» («Пирвели-даси», первой группы).

Программа «Меоре-даси» имела определённо выраженный буржуазный характер, она отстаивала необходимость капиталистического развития в стране. В своих изданиях группа Церетели—Николадзе знакомит грузинское общество с учением западноевропейских утопистов-социалистов (Фурье, Оуэна, Сен-Симона, Луи Блана, Бабефа) и проповедует идеи буржуазного национализма и республиканизма. Эта группа буржуазной интеллигенции стояла за развитие промышленных банков, сельского и городского кредита, торговли, железных дорог и промышленности. В развитии торговли и промышленности она видела средство национального возрождения страны. Она призывала энергично развивать просвещение, науку и следовать по пути капиталистического прогресса.

Эти буржуазные взгляды давали направление всей деятельности Г. Церетели.

Жена Г. Церетели, Анастасия Михайловна Туманишвили, детская писательница, руководила изданием журнала «Джеджили» («Нива»). С 1893 г., как приложение к «Джеджили», выходил еженедельный журнал «Квали», который в течение четырёх лет редактировал Г. Церетели. С 1897 г. журнал перешёл в руки большинства «Месаме-даси» (третьей группы) и сделался органом «легальных марксистов».

12 января 1900 г. после продолжительной болезни Г. Церетели скончался.

Творчество писателя. Г. Церетели в грузинской литературе выступил защитником критического реализма. Этот творческий метод он положил в основу своей художественной практики. В художественных произведениях Г. Церетели даны широкие картины современной ему социальной жизни. Он со всей полнотой предусмотрел пути исторического развития общественной жизни Грузии в XIX в. и с ними увязал своё творчество. Его произведения откликаются на актуальные вопросы своего времени. Крепостнический быт и его разложение, развитие капиталистических взаимоотношений, классовая дифференциация и борьба крестьянства против дворянства, усиление буржуазии, новое поколение интеллигенции и её деятельность—вот явления, отображённые Г. Церетели в его романах, повестях и рассказах.

Г. Церетели в основу своих художественных произведений кладёт реальные жизненные факты. «Книга путешественника», «Гулкани», «Первый шаг», «Цветок нашей жизни», «Серый волк», «Тётя Асмати», «Едишер Калбакиани» и другие произведения построены на конкретных фактах, и большинство выведенных в них персонажей имеют своих прототипов в жизни. Во всех этих произведениях чувствуется зоркий, наблюдательный глаз выдающегося писателя, глубоко проникающего в сущность жизни, выявляющего новые типы и характеры.

В романе «Гулкани» показана межа двух эпох, двух общественных формаций— феодально-крепостнической и буржуазной. Писатель видит наряду с уходящей общественной системой новую силу, которая постепенно усиливается и занимает высоты в социально-экономической жизни Грузии. Автор на основе этого становится на сторону буржуазных взаимоотношений и постоянно в соответствующих местах старается показать негодность феодального строя.

«Первый шаг»—один из лучших социальных романов в грузинской литературе. Главные действующие лица романа Бахва Пулава и Еремия Царба изображены сильно и правдиво, хорошо изображена социальная жизнь и жизненные контрасты. Этот роман интересен не только показом новых социальных сил, новых экономических взаимоотношений, но и как прекрасное художественное произведение, в котором действующие лица даны с особенной психологической напряжённостью и драматизмом. Широкий социальный фон и целая галерея типов—результат глубокого знания жизни автором; развитие сюжета в романе идёт с большой динамичностью; характер поступков действующих лиц мотивирован.

В романе «Первый шаг» изображён процесс социальной дифференциации, который со второй половины XIX в. в Грузии принимает широкий размах. В произведении показано развитие капитализма, выступление на общественном поприще торговой буржуазии (Бахва Пулава), её усиление и конфликт представителей нового класса со старой жизнью (Еремия Царба).

Особое место в творчестве Г. Церетели занимают колоритные рассказы «Тётя Асмати» и «Серый волк». В этих произведениях изображён быт деградирующего имеретинского дворянства, для которого наступление капитала создавало ещё большие внутри-сословные противоречия. Обедневшее мелкопоместное дворянство из-за личного экономического благополучия разрушает веками выработанные традиции родственных отношений. Вдова и бездетная Асмати из-за личных интересов предаёт своего брата Росапа. Асмати взяла на воспитание осиротевшую племянницу Нателу, но опекуном этой девочки считался брат Росап, в его же руках было имение сироты. Тётя Асмати воспитывала Нателу с таким намерением, чтобы по выходе её замуж имение перешло бы в собственность её, Асмати. Эта проворная старуха ясно чувствовала, каким препятствием был для неё брат. Поэтому сестра возбуждает дело против брата и возводит на него всевозможную клевету, обвиняет его в воровстве казённых денег. Асмати прибегает к страшной мести и, при помощи обанкротившегося подкупленного дворянина Отара, убивает крестьян, которые работали в имении, принадлежащем Нателе, и сжигает дом Росапа. Тётя Асмати безжалостный человек, её поступками руководит только личная выгода; чтобы достичь своей цели, она никого не жалеет. Своей сестре не уступает и Росап: он также забывает родственное чувство; не лишён и он коварства, и умело может одурачивать Асмати.

В рассказе «Серый волк» тоже дана картина борьбы и противоречий внутри дворянства. Автандил Квиматадзе своей тупой саблей в горах Сациоке, на деревьях, отмеченных другими, сделал и свои метки, чтобы таким путём присвоить эти деревья. За такие деяния народ прозвал его «серым волком». Автандил Квиматадзе вместе с Самсоном Джибиашвили сделался притеснителем народа. Рассказ показывает, как напряжены и осложнены экономические противоречия в обедневшем дворянстве; вероломство—характерная черта этих дворян.

В своих произведениях Г. Церетели показывает, как определяются действия людей взаимоотношениями с окружающей средой. Читатель имеет возможность проследить, как вместе с ходом развития сюжета постепенно, мотивированно идёт развитие характеров. Задача писателя-реалиста и заключается в том, чтобы показать эволюцию характеров под влиянием среды, показать действия человека в зависимости от впечатлений, полученных извне. Известно, что писатели-реалисты, показывая действия и поступки своих персонажей как реакцию на полученные извне впечатления, стремились

определить и показать причину и закономерность, направляющую действия их героев. Это обстоятельство приводило их к значительным достижениям. Обстановка, в которой протекает интрига, представляет не только простой фон, который можно было бы изменить или исключить без ущерба произведению, но является существенным неотъемлемым элементом. В таких произведениях изображение природы, быта, социальной обстановки делается необходимым моментом, так как воздействие каждого из них определяет систему действия персонажей. Необыкновенная наблюдательность, знание жизненных явлений, точность деталей являются характерными для Г. Церетели.

Творчество Г. Церетели воссоздаёт в замечательно художественной форме историю жизни Грузии XIX в. Оно занимает почётное место в развитии новой грузинской литературы.

РАФАИЛ ЭРИСТАВИ

Видной фигурой в истории грузинской литературы XIX в. является Рафаил Эристави. Его общественная и писательская деятельность продолжалась почти шестьдесят лет, с 40-х годов прошлого века до начала XX в.

Биографические сведения. Рафаил Эристави родился в 1824 г. в селе Кистаури (Восточная Грузия). Мать научила его грамоте в семилетнем возрасте. В 1834 г. мальчика отдали в телавское уездное училище. В 1839 г. Р. Эристави поступает в Тбилискую гимназию, курс которой он с успехом заканчивает в 1845 г.

По окончании гимназии Р. Эристави служит в Тушино-пшав-хевсурском областном управлении, в канцелярии совета главноначальствующего на Кавказе, а затем чиновником особых поручений при кутаисском губернаторе, членом комитета по проведению крестьянской реформы в Мингрелии. С 1889 г. он работал в цензурном комитете в Тбилиси.

Умер Р. Эристави 19 февраля 1901 г.

Мотивы творчества. Мировоззрение Р. Эристави складывалось в те годы, когда в грузинской литературе господствующим направлением был романтизм. Но от романтической поэзии Р. Эристави заимствовал лишь ограниченное количество тем и мотивов. Он предстаёт перед нами как последователь А. Чавчавадзе и занят главным образом любовной тематикой. Но с 60-х годов быт народа, его тяжёлое положение становятся ведущей темой творчества Р. Эристави. Он рассказывает главным образом о жизни беднейшего крестьянства, и причислить его к выдающимся поэтам можно именно благодаря произведениям этого рода.

Р. Эристави показывал, говоря словами русского поэта Никитина, «бедность несмелую, бедность забитую». Жизнь крестьян, изображённая Р. Эристави, была невероятно мрачна, труд тяжёл и безрадостен. Владеть землёй—это предмет мечтаний бедняка, но он видит, что земля принадлежит помещику, плоды крестьянского труда достаются, тоже помещику. Поэт не вскрывает тех социальных причин, которые ставят в такое невыносимое положение крестьянство. Он не видит, в какой связи находятся тяжёлые условия жизни крестьян с эксплуататорской государственной системой того времени.

На эксплуатации трудового народа строят своё благополучие господствующие классы. Это была целая армия паразитов, и в ней немалое место занимали представители администрации того времени. Администрация висела на шее крестьянства и всячески угнетала его, и это угнетение было действительно велико. За урядником и «крёстным отцом»—старшиной—следовал купец, взыскивавший с крестьянина вторично уже взысканный долг. В сельскую патриархальную жизнь вмешался купец-ростовщик, который в ловко расставленные им сети запутал крестьянина. Эту картину ярко изображает поэт в стихотворении «Жалоба Димитрия». Димитрий хорошо видит всю подлость и ненасытность купца. Он своевременно уплатил ему взятую займы сумму и

проценты, но купец всё же не даёт ему покоя, пытаясь вторично взыскать долг. В этом стихотворении поэт в убедительных образах даёт яркую картину тех жульнических проделок, с помощью которых купец старается обойти крестьянина, превратить его в дойную корову. Эта жестокая эксплуатация становится особенно заметной после крестьянской «реформы», когда представители торгового капитала получили возможность беспрепятственно выжимать последние соки у «освобождённого» крестьянина.

Р. Эристави не был писателем-борцом, он придерживался примирительных тенденций. Основной чертой его поэтического творчества является гармония чувств и уравновешенность душевных настроений. Всегда и всюду, даже там, где с первого же взгляда видно зло, он всё же ищет добро. Поэтому Р. Эристави часто приукрашивает тяжёлое положение крестьянина («Картина», «Чего ты смотришь на меня, братец?»). Он ценит в крестьянине не силу протеста и стремление к свободе, а терпение, покорность и способность удовлетворяться самым малым.

В поэзии Р. Эристави значительное место уделено идее патриотизма. Разрабатывая эту тему, он следует заветам деятелей национально-освободительного движения.

Вдохновенными, горячими патриотами представляются поэту славные сыны грузинского народа, которые с радостью встречают призыв идти на защиту родины. Они готовы самоотверженно отстоять её свободу и независимость. В такое время нет места скорби и раздумью: сын обязан прославить своим мужеством родную мать и защитить родину. Р. Эристави даёт нам картины того, как сражались грузины «за отчизну и веру», как они переносили пытки «во имя свободы». Мужчины, женщины и дети—все защищали родину.

Патриотические произведения Р. Эристави венчает «Родина хевсура». В этом стихотворении патриотическое чувство выражено необычайно сильно. Чёткие поэтические образы, художественные сравнения и непосредственность наряду с глубокими переживаниями, ярко очерченная идея любви к родине производят глубокое впечатление. Этим объясняется та высокая оценка, которую получило это стихотворение в грузинской поэзии. «Родиной хевсура» восхищались И. Чавчавадзе и Важа Пшавела. И в наши дни со всей силой, подобно боевому призыву, звучат слова этого прекрасного произведения:

Матери грудь человеку не для промена дана,
Так и отчизна. Милее глаз мне обеих она...
Даже бессмертия древо не предпочту я скалам.
Даже за рай на чужбине родину я не отдам!

(«Родина хевсура»).

Такими вдохновенными словами высказал Р. Эристави свое высокое патриотическое чувство.

Р. Эристави перевёл на грузинский язык большое количество произведений Крылова и сам писал оригинальные басни. Несмотря на наличие некоторых слабых сторон в творчестве поэта, мы должны признать, что Р. Эристави как автор басен занимает в грузинской литературе почётное место после Сулхан-Саба Орбелиани и А. Церетели.

Живой и подлинно народный язык представляет большое достоинство поэтических произведений Р. Эристави. Он внёс в свои стихи немало народных выражений и слов, обогатив этим литературный язык. Поэт сознательно уклонялся от использования сложных синтаксических оборотов и отстаивал благородную простоту языка. В лучших своих произведениях поэт следует высоким традициям народной поэзии, вкладывая в свои творения глубокое содержание, эмоциональность и ясность художественных образов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛИТЕРАТУРА 80 гг. XIX в

В 80-х годах XIX столетия ещё сильнее развиваются и углубляются в социально-политической жизни Грузии те процессы, которые выявились уже в общественных отношениях после крестьянской реформы. Сельское хозяйство и промышленность принимают ясно выраженный капиталистический характер. Ускоренным темпом идёт дифференциация среди крестьян, подавляющее большинство которых становится на путь пролетаризации. Между буржуазией и пролетариатом возникают непримиримые классовые противоречия.

Грузинская литература сохраняет и в эти годы значение активного фактора общественной жизни. Но правильно понять характер грузинской литературы 80-х годов XIX в. невозможно без учёта и оценки социально-политической жизни того времени.

В эти годы на арене общественной жизни активно действовали народники. Народничество распространяется в Грузии с 70-х годов XIX в., но в политическое течение с определённым мировоззрением оно складывается только лишь в начале 80-х годов. Свои идеи грузинские народники вырабатывали под влиянием русских народников.

У грузинских народников, как и у русских, было ошибочное, метафизическое представление об обществе и о законах его развития. Взгляды грузинских народников возникли на основе полного пренебрежения важнейшими фактами действительности. Народники представляли себе общественную жизнь застывшей на одной точке, они считали крестьянство основным классом, который сумеет переделать всю жизнь. Основную ячейку будущего социалистического общества народники видели в общине. Поэтому народники идеализировали крестьянскую патриархальную общину, они утверждали, что общественная жизнь в Грузии может развиваться к социализму, минуя капиталистическую ступень развития.

Считая средством спасения от всякого рода трудностей крестьянскую общину, народники стремились во что бы то ни стало противопоставить её капиталистическим формам общественного строя. Но экономическое развитие Грузии совершенно не отвечало народническим теориям. Взгляд народников на крестьянскую общину был ошибочным, являлся мелкобуржуазной утопией; вообще же народничество выражало идеологию мелкой буржуазии.

Ленин разоблачил утверждение народников, будто общинный строй представляет собой какой-то исключительный строй, так называемое «народное производство»²⁸.

Считая развитие капитализма регрессом, народники не понимали, что капитализм связан не только с возникновением эксплуататорского класса—буржуазии, но и, самое главное, с тем, что он способствует образованию класса пролетариев, который явится могильщиком капитализма. Народники не сумели оценить силу рабочего класса и его роль в социальной борьбе.

Первые активные шаги грузинских народников («хождение в народ») не остались незамеченными для царского правительства, которое приняло в отношении народников жестокие меры и арестовало наиболее видных членов этой группы. Народ, идеализированный народниками, остался глух к их призывам. Бесплодность работы среди крестьян и страх перед реакцией заставили грузинских народников совершенно отказаться от революционных задач и перейти к проповеди мирной культурной работы, к так называемой теории «малых дел». Занимаясь лишь либерально-культуртрегерской работой, народники, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Имеди» («Надежда»), отрицали существование классов в Грузии и пошли на примирение с самодержавием. В результате

²⁸ В. И. Л е н и н , Соч., т. 3, изд. 4-е, стр. 141.

часть грузинских народников окончательно приняла буржуазную программу, а другая часть превратилась в защитников помещичье-дворянского сословия.

В эти годы в грузинской литературе значительно усилился приток писателей-разночинцев, в основе деятельности которых была идеология народников. Но одновременно следует отметить, что если бы разночинцы в своей литературной деятельности проводили лишь принципы субъективно-идеалистических воззрений народников, ценность их произведений была бы незначительной. Законы изображения жизни в художественной литературе оказывались сильнее их утопических догм.

В своих эстетических воззрениях народники защищали реализм, но в творческой практике зачастую впадали в натурализм. А. Пурцеладзе, Н. Ломоури, С. Мгалоблишвили, Е. Габашвили и другие, избегая обобщений, протокольно изображали действительность, перегружая свои произведения малозначительными деталями.

Литература народнического характера не определяла лицо грузинской литературы 80-х годов XIX столетия. Такие крупные представители критического реализма, как И. Чавчавадзе, А. Церетели и Г. Церетели, создают в те же годы свои значительные произведения. В 80-е годы на поприще грузинской литературы выступают такие самобытные писатели с яркой творческой индивидуальностью, как Александр Казбеги и Важа Пшавела

АНТОН ПУРЦЕЛАДЗЕ

Антон Пурцеладзе свою литературную деятельность начал в 60-х годах XIX столетия. Обладая недюжинным литературным даром и трудоспособностью, он оставил заметный след в грузинской литературе. Деятельность Антона Пурцеладзе многообразна и весьма плодотворна—публицист и критик, социолог и историк, поэт и беллетрист, драматург и экономист.

Биография. Антон Пурцеладзе родился 1 ноября 1839 г в картлийском селении Мерети, с семье мелкого дворянина. До десяти лет он жил в деревне, а затем был отдан в военное училище, находившееся в г. Орле. На третьем году учёбы с ним случилось несчастье: он повредил ногу во время гимнастических упражнений и навсегда остался хромым. А Пурцеладзе вынужден был бросить училище и вернуться на родину. Несколько лет А. Пурцеладзе прожил у себя в деревне, близко знакомился с жизнью крестьянства, здесь же он занимается самообразованием.

Из-за стеснённого материального положения в 1858 г. А. Пурцеладзе оставляет село и поступает на должность писаря в одно из учреждений в Тбилиси. Прослужив три года в этом учреждении, А. Пурцеладзе перешёл в гимназию на должность воспитателя. В этот период он начинает сотрудничать в журнале «Цискари»; впоследствии он становится ближайшим и активным работником этого журнала почти в течение десяти лет.

В 1863 г. А. Пурцеладзе напечатал в журнале «Цискари» критическую статью «Сурамская крепость» Д. Чонкадзе». А. Пурцеладзе писал, что это произведение имеет эпохиальное значение. В «Сурамской крепости», по словам А. Пурцеладзе, со всей правдивостью были показаны взаимоотношения помещиков и крестьян, невыносимое положение крестьянства.

Скончался А. Пурцеладзе 3 ноября 1913 г.

Творчество писателя. В своих эстетических воззрениях А. Пурцеладзе проводил принципы Белинского и Чернышевского, выдающихся деятелей русского революционно-демократического направления.

В художественной прозе А. Пурцеладзе ярко проявилось тяготение писателя к социальным проблемам. Из его рассказов видно, насколько он хорошо знал народную жизнь и как правдиво умел её описывать. Бесправие крестьян и их тяжёлое положение изображены А. Пурцеладзе в рассказе «Марта». Это произведение является, с одной

стороны, обвинительным актом против крепостного права, а с другой,—декларацией прав свободной человеческой личности.

Невыносимое положение угнетённого крестьянства А. Пурцеладзе показал и в романе «Мацц Хвითია». В этом историко-приключенческом романе обрисована жизнь народа в условиях крепостного права. Феодальные распри с особенной остротой отражались на крестьянах, которые в результате борьбы господ теряли имущество и жизнь. Ленивое и развращённое дворянство не хотело заниматься трудом, не уделяло внимания хозяйству и жило только за счёт своих крепостных. В романе показано и то, что народ не склонялся перед угнетателями и оказывал им активное сопротивление.

В произведениях А. Пурцеладзе отражены такие социальные явления, которые обнаружились после упразднения крепостничества: процесс дифференциации крестьянства, возникший на основе развития капитализма. Формальная свобода не принесла крестьянам-беднякам никакого облегчения, они остались бесправными и в той же нужде. Яркая картина безвыходного положения крестьянина показана в рассказе «Китеса». Главные действующие лица этого рассказа Китеса Нацаркверадзе и его жена Маринэ никак не могут выбиться из своего бедственного положения. Они любят труд, но у них нет даже клочка земли для обработки. Кроме владельца земли, их беспощадно грабят и представители государственной власти; облагая семью всевозможными незаконными налогами. Дети этих бедняков мечтают лишь о куске хлеба.

А. Пурцеладзе открыто выступает против социальной несправедливости, не скрывая своего сочувствия угнетённому народу.

В творчестве А. Пурцеладзе большое место уделено и новой интеллигенции, проникнутой передовыми стремлениями. Большая часть этой интеллигенции по своему происхождению связана с дворянством. Но она сумела отойти от своей классовой идеологии и стала на сторону демократии.

Из людей этого нового типа особенно выделяется в произведениях А. Пурцеладзе герой повести «Приключения троих» Симон Бадладзе. Он был сыном состоятельного помещика, но постепенно отошёл от своего круга. Симон Бадладзе уехал учиться в Россию. Он выделяется среди своих товарищей, много читает, его не удовлетворяют знания, получаемые на лекциях. За неподчинение университетскому режиму его исключают. Симон Бадладзе вернулся в родное село, в свою семью. Бадладзе сближается с крестьянством, знакомится с его бытом. Он проводит в деревне четыре года.

В повести «Приключения троих» поставлен вопрос о положении семьи и женщины в условиях буржуазно-дворянского общества. Бадладзе не только провозглашает право женщин на свободную жизнь, но и сам помогает представительнице этой угнетённой части общества добиться свободы и независимости.

Среди грузинских исследователей литературы существует правильное мнение, что в повести «Приключения троих» А. Пурцеладзе заметно влияние романа Чернышевского «Что делать?». Симон Бадладзе—своеобразный двойник героев романа Чернышевского—Рахметова и Кирсанова. Много общего и в целеустремлённости, и в идее романа.

Схожие действующие лица выведены А. Пурцеладзе в рассказах «Конец нашего дела» и «Горе тем, кто прав!» Как утверждают, в последнем рассказе прототипом своего героя А. Пурцеладзе избрал Михаила Кипиани, одного из народников своего времени.

Бесспорно, что А. Пурцеладзе касался в своих рассказах весьма актуальных проблем своего времени. Но автор не обращал внимания на форму своих произведений, на их художественную сторону. Создаётся впечатление, что А. Пурцеладзе не удавалось композиционно развернуть определённый сюжет и передать свой замысел в законченных художественных образах. На примере А. Пурцеладзе можно видеть, насколько в творчестве писателей-народников упрощался язык и насколько их произведения изобиловали всякого рода необработанными бытовыми деталями.

НИКО ЛОМОУРИ

Нико Ломоури является одним из характерных представителей народнической художественной литературы. Сначала он писал стихи, но своё творческое лицо показал в прозе, и именно в этом жанре он был типичным писателем-народником.

Биография. Нико Ломоури родился 19 февраля 1852 г. в средней Картли, в селении Арбо. Отец Н. Ломоури, Иосиф, был священником в этом же селе.

Грамоте научил Нико деревенский дьякон. Затем мальчик был отдан в горийское духовное училище. Он окончил училище в Гори в 1869 г. и затем поступил в Тбилисскую духовную семинарию.

Для получения высшего образования Н. Ломоури поступает в киевскую духовную академию. По возвращении в Грузию Н. Ломоури назначается инспектором Тбилисского дворянского училища. Спустя три года, он переезжает в г. Гори и преподаёт там в гимназии. С тех пор в течение тридцати лет Н. Ломоури занимался педагогической деятельностью.

Н. Ломоури скончался 30 апреля 1915 г.

Творчество. Н. Ломоури отразил в своих произведениях жизнь грузинской деревни 70—80-х годов XIX в. Очувившееся после освобождения от крепостного права под двойным гнётом (капиталистических отношений и пережитков крепостничества), крестьянство показано в произведениях Н. Ломоури во всей его нищете и бесправии. Всякого рода эксплуататоры старались зажать в тиски угнетения бесправный народ. Н. Ломоури изображает бывших помещиков, сельских богатеев-кулаков, купцов-ростовщиков. К этим эксплуататорам присоединяются разнузданные царские чиновники. Вся эта свора создавала невыносимые условия существования для крестьянства. Дворянство и после «реформы» грабило народ.

Бессильное крестьянство становилось лёгкой добычей даже низших чиновников. Н. Ломоури изображает безудержный разгул на селе представителей власти, картины ограбления крестьян. Старшина зол на крестьянина Симона Лукашвили (рассказ «Христиане-лезгины»), так как он отказался дать взятку в том размере, в каком тот от него требовал. Старшина показывает своё «всемогущество» и разоряет всю семью. Чапары врываются в дом Лукашвили и беспощадно избивают его. Лишь с трудом удалось вырвать избитого крестьянина из рук расвирепевших «блюстителей порядка». Но старшине этого мало: он посылает своих людей в дом Лукашвили и отбирает у семьи даже те продукты, которые они, урезывая себя во всём, припасли, чтобы отпраздновать Новый год. Избитого Лукашвили волокут к старшине и привязывают к столбу. «Эта свинья опустила голову,— кричит старшина,—подымите ему голову и привяжите её! Я хочу, чтобы он стоял передо мною навтыжку, как солдат!» Так представители власти издеваются и оскорбляют не только Симона Лукашвили, но и других крестьян. И никто не смеет заступиться за них. Не случайно в качестве подзаголовка этого рассказа автор поставил: «фотографический снимок».

Н. Ломоури показывает нам те социальные противоречия, которые существовали на селе, но не делает из них последовательных радикальных выводов. Он не умеет указать народу верный путь освобождения от такого положения—путь борьбы. Ему чужда мысль, что только революционным штурмом можно уничтожить социальную несправедливость и классовое угнетение.

Крестьянство притесняли не только князь, кулак, старшина и купец-ростовщик. Его угнетали отсталость, темнота, суеверия. Отсталостью и суевериями народа всю пользовались эксплуататоры. В рассказе «Русалка» Н. Ломоури показал полную несчастий и трагизма жизнь крестьянской семьи. Отправившиеся в лес за дровами крестьяне увидели свалившееся в реку бревно и решили, что это место отдыха русалки. При попытке вытащить бревно из воды брат ударяет брата выскользнувшим из рук топором и убивает его. И вот по селу идёт слух, что виновница беды—русалка. В этой же семье появляется

заразная болезнь. Решают, что её наслала русалка. Церковный служитель—дьякон из соображений личной выгоды пугает по ночам растерявшуюся семью и подконец губит её.

Н. Ломоури изображает суеверие, возникшее на почве темноты и невежества, и в рассказе «Каджана». Маленького Симона, которого в шутку прозвали Каджаной, пугает укутавшаяся в шубу сестра при исполнении обряда разведения костров на селе. От пережитого испуга Каджана онемел; семья и всё село приписали несчастье злему духу. «Наваждение злого духа!»—говорили в деревне. Обращались к знахаркам, молились у всех святынь, чтобы спасти Симона, но всё было безрезультатно. Страх и сильное волнение, снова пережитые мальчиком, спасли его, а народ решил, что его «исцелил святой Георгий».

Н. Ломоури наблюдал, как суеверие, которое было результатом темноты и отсталости, угнетало крестьян, превращало их в рабов тёмных сил и делало беспомощными в преодолении даже мелких препятствий. В крестьянском быту прочно угнездились колдовство, вера в «злых духов», ведьм и каджев. Крестьянин не имел никакого представления о связи, существующей между явлениями, он не мог объяснить их причину и отличить причину от следствия. Крестьянин придавал большое значение случайностям и связывал их с религией. Писатель-реалист видел, что в классовом обществе религия и суеверия работали на господствующие классы, что ими пользовались богатеи для подчинения себе бедняков. Н. Ломоури пытается разъяснить одну из причин беспомощности крестьян. Он считает, что вызволить крестьянство из плена тёмных сил и суеверий может только просвещение. Но писатель ошибочно считает, что в деле преодоления общественных противоречий и бесправия народа главную роль должна сыграть наука. По мнению Н. Ломоури, просвещение должно явиться основой лучшей жизни крестьянства, силой, которая может упорядочить общественные отношения, уничтожить угнетение и неравенство. В данном случае Н. Ломоури предстаёт перед нами как типичный просветитель.

На фоне изображённой писателем старой деревни им ярко показаны социальные противоречия и отсталость народа. Но проникнутый мелко-буржуазной идеологией, Н. Ломоури не передаёт эти противоречия со всей их остротой. Н. Ломоури не осознаёт решающей роли классовой борьбы и поэтому не находит верного пути социального освобождения. Он показывает нам противоречия действительности в несколько смягчённых тонах.

У Н. Ломоури свободный, выкристаллизовавшийся богатый литературный язык. В этом отношении он выделяется среди грузинских писателей-народников. Он хорошо владеет диалогом, сюжет в его произведениях развивается естественно и органически. Картины природы, которые Н. Ломоури мастерски изображает, всегда связаны с развитием действия. Всё это придаёт произведениям Н. Ломоури подлинную художественность.

СОПРОМ МГАЛОБЛИШВИЛИ

Биография. Сопром Мгалоблишвили родился 20 июля 1851 г. в картлийском селении Дирбли, в семье священника. Десятилетнего мальчика родители отдали в горийское духовное училище. В 1867 г. С. Мгалоблишвили окончил училище и поступил в тбилисскую духовную семинарию. Годы своей учёбы С. Мгалоблишвили подробно описал в пространном произведении «Из прошлого». В эти годы С. Мгалоблишвили знакомится с идеями русского революционно-демократического движения. Он с увлечением обращается к литературе и публицистике, отстаивающим передовые идеи того времени.

Окончив духовную семинарию в 1873 г., С. Мгалоблишвили занялся преподаванием в г. Гори.

Необходимо указать, что Картли являлась в те годы центром народнического движения в Грузии. С. Мгалоблишвили стал активным деятелем этого политического течения, из-за чего и подвергся репрессиям. Как известно, движение это оказалось беспочвенным, народ не пошёл за народниками. Это обстоятельство отмечает и сам С. Мгалоблишвили: «Народ не хотел слушать нас, особенно крестьянство... Наше стремление оказалось утопическим». Вот почему народническое движение в Грузии скоро заглохло.

Умер С. Мгалоблишвили 30 ноября 1925 г.

Мотивы творчества. В произведениях С. Мгалоблишвили обрисована жизнь старого пореформенного села. В творчестве писателя отражено бесправие крестьян, их нищета и угнетение как результат социально-экономической системы того времени.

По произведениям С. Мгалоблишвили видно, что крестьянская реформа лишь усугубила тяжёлое положение народа. Капиталистические отношения проникли и в село, буржуазные дельцы вместе с помещиками и представителями власти беспощадно эксплуатировали народ. Как для Н. Ломоури, так и для С. Мгалоблишвили было ясно, что положение крестьянства ещё более ухудшалось, что оно находилось в плену суеверий.

Жизнь крестьянской бедноты с особенной остротой обрисована в рассказе С. Мгалоблишвили «Мать Майа». Сын вдовы Майи Сандала Гарибашвили заболевает в поле во время работы. Нищета не даёт Майе возможности лечить сына, семья ожидает спасения от знахарки. Из-за отсутствия настоящего ухода Сандала погибает. В этом рассказе С. Мгалоблишвили даёт скорее внешнее описание явлений жизни, чем их обобщение и художественное раскрытие.

С. Мгалоблишвили понимает, что после отмены крепостного права в крестьянстве произошла глубокая классовая дифференциация. Бедняков-крестьян (Рассказ «Пастух Цецо») начали угнетать кулаки—Фидуа Ешмакурашвили и Исаак Бгунцелашвили. Всё достояние села в их руках. Но народ, во главе которого стоит Цецо Годерзишвили, сопротивляется произволу этих хищников. Цецо—своеобразный боец-протестант. С. Мгалоблишвили часто сопровождает поступки героев. В рассказе «Пастух Цецо» основная проблема произведения раскрывается, главным образом, в диалогах. В этом рассказе автор показывает весьма распространённый в народнических произведениях персонаж, вышедший из дворянской среды, но «сочувствующий» народу. Для читателя остаётся совершенно неясным, откуда происходят «гуманизм» и «любовь» к народу у Миха Гваладзе.

Буржуазия обирает народ. Вдова Нене и ее семья попали в руки ростовщика Казара из-за денег, взятых в займы её мужем Димитрием. Заимодавец всячески оскорбляет несчастную вдову. Но он не удовлетворяется этим и замышляет погубить ее дочь. Доведённая до исступления, Нене убивает топором своего обидчика.

Для творчества С. Мгалоблишвили характерны черты, которыми отмечены вообще произведения писателей-народников: излишняя документальность, натуралистические детали, преобладание диалогов. С. Мгалоблишвили использует в своих произведениях народные выражения, но обращает мало внимания на обработку языка.

ЕКАТЕРИНА ГАБАШВИЛИ

Екатерина Габашвили заметно выделяется творческой индивидуальностью из группы писателей-народников. В своих произведениях она главное внимание обращала на общественные явления, острые проблемы социальной действительности.

Биография. Екатерина Габашвили (Тархнишвили) родилась 16 июня 1851 г. в г. Гори, обучалась в различных учебных заведениях Тбилиси.

В 1870 г. было опубликовано первое произведение Е. Габашвили «Мысли крестьянина о сельской школе». Этот рассказ имел большой успех у читателей. В нем

автор коснулся большого вопроса—о необходимости заняться просвещением народа, чтобы освободить его из плена темноты и суеверий.

В течение шестидесяти лет писательница неустанно вела творческую и культурную работу. Значительны заслуги Е. Габашвили в деле создания грузинской детской литературы. Многие её детские рассказы пользуются популярностью у молодого поколения и в наши дни.

Е. Габашвили была уже в преклонных годах, когда произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. «Из всех писателей моего поколения,—говорила она,—я счастливее всех, так как мне удалось быть свидетельницей такой прекрасной и свободной жизни, о которой я не могла и мечтать в дни молодости. Моя смерть не будет похожа на смерть моих ушедших современников, так как ей не будут сопутствовать печаль и горе. Я вижу мощное развитие жизни моего народа, и сердце мое полнится радостью». Е. Габашвили старалась по мере сил запечатлеть в своих произведениях и новую советскую жизнь.

Умерла Е. Габашвили в 1938 г.

Творчество Е. Габашвили. В своём творчестве особое внимание Е. Габашвили обращала на социальные проблемы. Она является писательницей, реалистически изображающей жизнь, главным образом, жизнь крестьянства. Но вместе с тем она показала и деградацию дворянства, хищническую природу торговой буржуазии и усиление кулацких элементов в деревне.

Характер творчества Е. Габашвили выявился уже в одном из ранних произведений писательницы, в «Романе в Дидихеви». Автор показывает, что после крестьянской реформы на селе появились новые угнетатели. Иваника, сам крестьянин, служивший моуравом у князя Луарсаба Гулмарталадзе,—жестокий и вероломный человек. Как преданный моурав, он принимает все меры к тому, чтобы выжать из крестьян Дидихеви побольше денег. Конечно, при этом он не забывает себя и дерёт семь шкур с односельчан. Вместо шестой части урожая Иваника взимал в два раза больше; вместо использования труда одного погонщика быков он облагал каждый дом десятью рублями. Когда же требовались кони, арбы или люди, они должны были быть готовы в любую минуту, а не то—горе жителям Дидихеви! Плеть и лишение земельных участков были их уделом. Мало того, Иваника открыл духан и начал обирать в нём крестьян. Он торговал вином и водкой, солью, тухлой рыбой, и горько приходилось тому, кто, обходя его духан, шёл за покупками в другое село. Короче говоря, Иваника стал настоящим хозяином деревни и действовал с жестокостью рыси, пьющей кровь своей жертвы. Крестьяне так и говорили: «Иваника—это наш господин и бог. Захочет—может нас облагодетельствовать, а захочет—разорит». В рассказе подчёркнуто то обстоятельство, что между сельским кулаком и крестьянином-бедняком существовали непримиримые противоречия: «Деревня и Иваника объявили друг другу войну». Классовая борьба носила тут жестокий и беспощадный характер.

Но если с грабителями, появившимися на селе, Е. Габашвили расправляется по заслугам, подчёркивая их эксплуататорскую природу, то дворянство она мерит иной мерой: представители этого сословия несколько идеализированы.

В этом рассказе главный сюжетный узел образуют взаимоотношения Маро и Павла. Показав их злоключения, Е. Габашвили нарисовала картину страшного прошлого деревни и силу предрассудков, погубивших эту молодую пару.

Умение глубоко анализировать психологическое состояние героев, непосредственность описываемых чувств, хорошее знание жизни, характеризующие вообще творчество Е. Габашвили, всё это особенно ярко обнаружилось в описании горькой участи Маро и Павла.

Тяжёлые условия жизни крестьян-бедняков с реалистической правдивостью описаны в колоритном рассказе «Гибель Гвинии». Писательница показывает нам, как обманулась в своих новогодних надеждах семья бедняка Ниники. Ниника отправился в

город с арбой, нагруженной дровами для продажи. Жена и дети ожидали всяческих благ, но вместо этого на них обрушилось подлинное несчастье: бык Гвинии изувечил ноги, попав в треснувший лёд. Вместо веселья в новогоднюю ночь в семье Ниники царило горе.

Неприглядная действительность села того времени показана в рассказе «Думы аробщика». Полночь, тишиной объято широкое поле, посреди него чернеет, как муха, арба. Арбу грузят сеном Тедо Цицвиани и его младший брат Сандро. Тедо не дают покоя мрачные мысли: «Осенью мне надо устроить поминки по отцу. Тут пятьюдесятью рублями не обойдёшься. Вряд ли урожай будет такой, чтобы нам хватило на год. Будь она проклята, злосчастная судьба крестьянская. Мне уже двадцать восемь лет, а я, по бедности, не могу жениться... И откуда пошла зараза на скот?! Один бычок уцелел... Но если я не могу купить второго для пары, на кой черт он мне нужен? Купить?! Если я отложу на эту покупку код сорок ячменя, я, пожалуй, смогу купить бычка. Но как отвертеться от оброка и отложить зерно для посева? На всё прочее наплевать! А поп, цирюльник, пастбищный, почтовый сбор!.. Эх, у меня, злосчастливого, нет даже домика! И моя семья, и скот—все мы помещаемся в тёмном хлеве, и это с того самого дня, как я раскрыл глаза и увидел мир». Этот горестный монолог верно отражает настроение крестьян-бедняков. То, о чём с такой горечью говорит Тедо, было типичным явлением народной жизни. Но писательница не делает из всего этого нужных выводов. В её произведениях не отражена борьба угнетённых с социальной несправедливостью. Крестьяне, выведенные автором, лишены духа протеста, связанного с классовым сознанием. Всё это является результатом мелкобуржуазного мировоззрения писательницы.

Е. Габашвили уделяет в своём творчестве большое внимание положению женщины и проблеме любви. Она утверждает, что любовь является благородным, возвышающим чувством; чувством, которое покоряет всех. Но косные традиционные обычаи и религиозные суеверия часто ставят перед чувством любящих непреодолимые препятствия и ведут их к гибели. Быт своих героев, их поведение и злоключения Е. Габашвили связывает с социальными условиями, от которых они зависят. Разорённый неурожаем крестьянин Пётр Ахалкаци («Кона»), оставив вместе с семьёй родное село, переселился в Арашенде. Свою старшую дочь Кону он устроил прислугой в семье князя Тавбурадзе. Кона и молодой князь Леван полюбили друг друга, но между ними—непреодолимые классовые различия. Кону преследуют, унижают за то, что она полюбила князя. Под конец эти преследования становятся для неё невыносимыми, и она кончает жизнь самоубийством.

Жертвами материального неравенства становятся и герои рассказа «Орен и Куче». Полные жизни Орен и Куче любят друг друга до самозабвения. Родители Куче, зажиточные крестьяне, не позволяют своей дочери выйти замуж за бедняка. Куче насильно выдают замуж за вдовца, пожилого человека, имеющего четырёх детей. Но выясняется, что Куче забеременела от Орена. Узнав об этом, муж выгоняет её из дому. Потерявшая всякое самообладание Куче совершает преступление: она кидает с размаха на землю своего ребёнка и убивает его. За это Куче судят. «Все свидетели подтверждают, что Куче действительно убила ребёнка. А о том, как она была доведена до преступления, никто, конечно, не сказал ни слова». Е. Габашвили интересуется именно этот вопрос. В преступлении, совершённом Куче, она обвиняет общество того времени. Это общество и его законы настолько жестоки, что из-за них люди гибнут. В данном случае автор выступает перед нами как протестант против установившейся социальной системы, жертвой которой прежде всего становилась женщина. В произведениях этого рода полнее всего выражен гуманизм автора.

Рассказы Е. Габашвили свободны от риторики и многословия, чем страдала народническая литература. Писательница просто и искренне рассказывает о характерных явлениях жизни.

ИОСИФ ДАВИТАШВИЛИ

Биография. Иосиф Давиташвили родился в 1850 г. в селе Руиси (Картли). Будущему поэту был всего год, когда его отец Симон вместе с семьёй переехал в село Гардатени, где он числился крепостным князя Цицишвили. Женой Симона Давиташвили была жительница г. Гори Майа. В семье Давиташвили было пятеро детей, из них Иосиф был самым младшим.

Иосифу ещё не было двенадцати лет, когда он потерял отца и мать. С этого времени начинается его тяжёлый путь, продолжавшийся вплоть до последних дней его жизни. Об этой безрадостной жизни поэт часто говорит в своих стихотворениях, и можно сказать, что большинство произведений И. Давиташвили носит автобиографический характер.

Грамоте его научила сестра, которая, по словам поэта, готовила ему чернила, «разведя в воде сажу, соскобленную с котла», а бумагой ему служила «бычья лопатка». Изучением грамоты, в сущности, ограничилось всё его обучение. Знания, которые И. Давиташвили получил от сестры, не могли удовлетворить любознательного мальчика. Недостаточность своего образования поэт сознавал в течение всей жизни, и об этом он часто говорит в стихах.

После того как будущий поэт осиротел, его взял к себе в услужение старший брат, но здесь мальчик не нашёл участливого отношения. Некоторое время он был учеником у одного горийского плотника; затем как крепостной попал, в дворню к князю Цицишвили, но брат вскоре выкупил юношу. И. Давиташвили отдали в ученье резчику по камню, но аттестата мастера он не мог получить, так как у него не было необходимых средств. Пришлось искать какую-либо работу, найти же её было нелегко. Позже он работал на фабрике Зейцера. Тяжёлые условия работы вынудили рабочих начать забастовку. Забастовка окончилась их победой, но, обозлённый на И. Давиташвили, владелец фабрики рассчитал его.

В 1886 г. И. Давиташвили живёт в Телави, где местные плотники по его инициативе организовали артель. Несмотря на упорный труд, всё же заработки И. Давиташвили в Телави были скудны. Он продолжал испытывать большую нужду, голодал и жил в подвале. И. Давиташвили простудился, и у него обнаружилось воспаление лёгких. За ним не было никакого ухода, и, проболев пять дней, И. Давиташвили умер 14 марта 1887 г.

Творчество писателя. Литературная деятельность И. Давиташвили продолжалась всего около десяти лет. Первое стихотворение поэта помечено 1878 годом. Несмотря на очень тяжёлые условия своей жизни, он всё же сумел создать ряд значительных поэтических произведений. Тематика его творчества весьма разнообразна, но основными являются социальные проблемы. Поэт, хорошо знакомый с народной жизнью, изображал то, что сам испытал или видел. Поэзия И. Давиташвили подкупает искренностью и непосредственностью. Он хорошо разбирается в причинах тяжёлых условий жизни трудящихся в обстановке буржуазно-помещичьего строя.

Первый период творчества поэта характеризуется изображением главным образом жизни села и крестьянской бедноты. И. Давиташвили показывает нам, какую острую форму приняло классовое расслоение на селе. Помещик, кулак, купец-ростовщик—все беспощадно эксплуатируют крестьян. В классовом обществе крестьянству достаётся только труд, результаты которого присваивают бездельники:

Трудимся и пашем землю,
Доля под ярмом тяжка,
Праздным людям достаются
Хлеб печёный и мука...

(«Четыре времени года». Пер. Г. Цагарели.)

В творчестве И. Давиташвили часто повторяется один и тот же мотив: «труд не приносит нам счастья, и голодаем всегда». Он подчёркивает, что кормильцем страны является трудовой народ, который работает из года в год, согнув спину, потом которого орошены земля, долины и горы, но плодами его труда сыты другие.

Поэт считает, что основой жизни народа является труд, и автор создаёт его культ. В стихотворении «Несчастье» рабочий говорит: «Я рабочий, сладок труд». Это же повторяет поэт и в других стихотворениях. Все люди должны работать, показать свою доблесть в труде. Только труд даёт право на жизнь:

Радует и глаз и сердце
Тот, кто доблестен в труде!

(Пер. Г. Цагарели.)

И. Давиташвили утверждает, что труд не только средство существования, но и источник счастья для людей. Поэт считает себя счастливым, поскольку он добывает средства существования честным трудом, а не обманом и подлостью.

При изображении процессов труда И. Давиташвили обнаруживает большой оптимизм и любовь к жизни. Незабываема картина, которую он нарисовал в своём лучшем и популярнейшем стихотворении «Нива». У грузинского молодого поколения это произведение пользуется большой любовью и сегодня.

В своих стихотворениях И. Давиташвили описывает и тяжёлое положение городского рабочего. Для поэта ясно, что при капитализме жизнь трудящихся всюду невыносима. И. Давиташвили хорошо понимает, что общество разделено на два враждующих лагеря, что в нём царят классовые противоречия. Хищники-капиталисты считают трудящегося существом низшего порядка. Поэт не может примириться с таким отношением к трудящимся. И. Давиташвили в своих стихах утверждает, что рабочий является создателем ценностей, основой жизни.

Рабочий гордо заявляет:

Я тружусь, благословенна
С давних пор моя рука!

Для И. Давиташвили ясен и тот факт, что угнетатели ни при каких обстоятельствах не будут щадить трудящихся, не проявят к ним никакого сочувствия. Он указывает, что когда слепой, состарившийся бедняк просит богача о поддержке, тот, вместо того чтобы оказать ему помощь, ругает слепца и кричит: «Убирайся с глаз моих, нищий бродяга!.. Пусть тебя кормит тот, кто создал». И. Давиташвили видит остроту классовых противоречий. Он не теряет надежды, что взойдёт солнце и народ добьётся свободы:

Всё терплю, не зная страха.
Выйдет солнце, жизнь тая.
И осветятся лучами
Наши мрачные края!

(«Любовь к родине». Пер. Г. Цагарели.)

Эту веру поэта постепенно укрепляло пробуждение самосознания народа и усиление борьбы с самодержавием.

Большое значение поэзии И. Давиташвили состоит в том, что она возникла из глубин народного творчества. Фольклорные темы и мотивы поэт воспринял и критически переработал, исходя из своих поэтических замыслов.

АЛЕКСАНДР КАЗБЕГИ

Биография. Михаил Казбег, отец будущего писателя, после утверждения русской власти в Грузии поступил на государственную службу, сделался генералом и исполнял обязанности начальника Хеви. Есть сведения о том, что когда в 1829 г. великий русский поэт А. С. Пушкин проезжал по Военно-Грузинской дороге, он встречался с Михаилом Казбег. Мать Александра Казбег, Елизавета Евстафьевна Тархнишвили, была знатной дамой, хорошо знакомой с литературой.

Александр Казбег родился 8 января (ст. ст.) 1848 г. Он был единственным сыном своих родителей, имел беспокойный характер и эту черту сохранил до конца жизни. До двенадцатилетнего возраста воспитанием будущего писателя занимались гувернёры. После этого его отвезли в Тбилиси и определили в пансион, а затем в 1863 г. перевели в гимназию. В Тбилиси А. Казбег учился недолго, так как родителям было скучно без единственного сына и они забрали его к себе. Впоследствии Александр Казбег часто сетовал, что из-за родителей не окончил гимназию.

Особенная заслуга в нравственном воспитании А. Казбег принадлежит его няне Нино, которая развивала в ребёнке чувство любви к народу.

В 1866 г. скончался Михаил Казбег. Александр остаётся в Хеви и делается главой семьи. Он мечтает о поездке в Россию для продолжения образования и уже в следующем году поступает в Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию вольнослушателем. А. Казбег на первых порах занимается прилежно, но позднее сильно заболевает. Это заставляет его покинуть Москву и надолго поселиться в Хеви.

Весною 1871 г. А. Казбег делается пастухом и в течение целых семи лет ходит по горным лугам Хеви. Этот период своей жизни он впоследствии вспоминал всегда с удовольствием: в это время он сблизился с народом, изучил быт горцев и, главное, накопил богатый материал для своих художественных произведений.

В 1879 г. А. Казбег оставляет Хеви и переезжает на жительство в Тбилиси, где начинается пора его горячей творческой работы. В продолжение пяти лет (1880—1885) он опубликовал лучшие свои произведения: «Элгуджа», «Отцеубийца», «Отверженный», «Эльбред», «Цико», «Хевисбери Гоча» и др.

В этот промежуток времени он заболевает тяжёлой психической болезнью, и его помещают в больницу для душевнобольных.

А. Казбег скончался в Тбилиси 10 декабря 1893 г., похоронен в родном селе Степанцминда (ныне районный центр Казбег).

Творчество А. Казбег. Подлинная жизнь, особенно жизнь горцев, лежит в основе всего творчества А. Казбег. Большая часть героев в произведениях А. Казбег— это образы реально существовавших людей. Образы этих, взятых из жизни лиц А. Казбег доводит до художественного обобщения, до художественного совершенства изображения. Он хорошо знает, что для того чтобы получить подлинно художественный образ, необходимо основательно осмыслить взятый из жизни материал, привести в нужное соотношение различные черты, отделить существенное от несущественного, определить поведение людей и его закономерности. Прославленные художественные образы всегда были результатом глубокого понимания процесса жизни—общества и классов. Поэтому так убедительны как характеры героев А. Казбег, так и их поведение.

Большое достоинство творчества А. Казбег заключается в том, что он органически связан с сокровищницей народного творчества. А. Казбег со всей силой своего поэтического таланта погрузился в народную стихию и черпал оттуда тот материал, который так прекрасно раскрыт им в романах и рассказах. Не голая стилизация

побуждала его обращаться к фольклору, а цели глубоко общественного и литературного значения. Он пользовался не только фольклорным сюжетом, но и образами, отдельными выражениями, отдельными стихами и включал их в свои произведения. Широта восприятия явлений действительности, типичность образов, реализм— всё, что так остро выражено в прозе А. Казбеги,—показывает, каких больших вершин может достичь писатель, опирающийся в своём творчестве на подлинную народность.

А. Казбеги—большой мастер сюжетного развития и композиции; его композиция остра и динамична, он любит неожиданности в развитии сюжета. Каждый из героев Казбеги живёт своей личной жизнью, но в то же время оттеняет со всей полнотой характер других действующих лиц. Казбеги редкий наблюдатель и знаток человеческой природы, и можно сказать, что из грузинских прозаиков никто не знает так человеческого сердца, никто не мог так подметить характер человеческих переживаний и нарисовать их так драматически, как он это делал. Поступки и действия его героев всегда психологически обоснованы.

А. Казбеги никогда не смотрит на предмет спокойно, его не интересует передача только отдельной картины или эпизода. Он имеет способность входить в любые положения своих положительных героев и, переживая за них, совершенно отойти от своего «я». Писатель выбирает из своих материалов наиболее драматические элементы и неуклонно следит за развитием страстей своих героев.

В творчестве А. Казбеги главное место занимает народ, важнейшие стороны его жизни. Своеобразную действительность горской жизни писатель представляет во всём её содержательном многообразии. Он не даёт её нам как собрание экзотических картин, от его внимания не ускользает ни одна из направляющих и определяющих тенденций горской жизни.

Горца Казбеги рисует преимущественно, как честного, непреклонного, свобододолюбивого и любящего труд человека. Он всегда ставит своих героев в такое положение, чтобы были видны их высокие моральные свойства, энергия, рыцарство, самоотверженность. Они не в состоянии сдержать себя, остро всё воспринимают, но в то же время эти смелые люди знают цену бесподобной дружбы и нерушимого побратимства. Для того чтобы до конца быть верным этим чувствам, они готовы даже пожертвовать собственной жизнью.

Известно, что в прошлом горский, мохевский общественный уклад был построен на общинной основе. Этот уголок Грузии меньше испытывал тяжесть крепостной системы. Внутренние взаимоотношения и управление общиной (теми) имели своеобразную форму. Община избирала хевисбери, который фактически управлял Хеви. Ему вручалось знамя и управление Хеви, в нужных случаях он обязан был собирать войско и предводительствовать им. Верховным органом общины был совет, на котором хевисбери и старейшины фамилий решали общие дела.

Увлекательно рассказывает А. Казбеги о своеобразной жизни патриархальной общины, о любопытных обычаях. Община, объединяя своих членов, возлагала на них определённые моральные обязательства. Подчинение всем установлениям общины вытекало из основных традиций, авторитет общины был непоколебим. Община развивала в своих членах высокие моральные качества: смелость, искренность, честность, верность данному слову, коллективный дух, чувство взаимного уважения.

А. Казбеги ни в одном из своих произведений не упускает случая, чтобы не представить в идеальном виде систему общины. Идеализация общины особенно сильно видна в таких известных произведениях А. Казбеги, как «Хевисбери Гоча» и «Элгуджа». По характеристике, какую даёт А. Казбеги Хевисбери Гоча, в нём сконцентрированы все лучшие качества человека, какие должны быть у члена общины. Его привлекательная внешность по-своему внушительна, но главное, конечно, заключается во внутренних свойствах его природы: он умен, степенен, наблюдателен, правдив и отзывчив. Для него нет интереса выше, чем интересы общины, он всем своим существом любит родину, и это

определяет направление и содержание его жизни. Здесь необходимо отметить, что патриотические чувства—беззаветная и бескорыстная любовь к родине—лежат в основе жизненных интересов большинства героев А. Казбеги. Для защиты свободы и независимости своей родины они готовы на всё, за неё они бьются до последней капли крови и считают величайшим счастьем жертвовать собой ради её блага. Гоча не пожалел своего родного сына, когда узнал, что его сын, оказавшись недостаточно стойким и на миг, забыв свой долг, увлёкся любимой. Гоча своей собственной рукой покарал сына, слабость которого дала возможность страшному врагу Нугзару Эристави осуществить свой злодейский замысел. В любви к родине и в самоотверженных чувствах к ней Гоча не знает никаких компромиссов. В известной мере поступок Гоча напоминает нам Тараса Бульбу, который также неумолим к сыну, изменившему отчизне.

А. Казбеги даёт в ряде мест колоритные эпизоды из жизни общины, рисует своеобразные картины обычаев и законоустановлений. Сход общинного совета в «Элгудже» раскрывается незабываемой, грандиозной эпопеей. В этой и в аналогичных других картинах А. Казбеги предстаёт перед читателем как несравненный мастер массовых сцен; нарисованные им массовые сцены всегда закончены, полны, эффектны.

А. Казбеги хорошо знает и то, что между общиной и отдельной личностью на основе распада общины часто возникали острые противоречия. Личность требовала своих индивидуальных прав; это и вызывало конфликт между общиной и личностью. А. Казбеги почти во всех своих лучших рассказах отображал противоречия между личностью и общиной, он не закрывал глаза на жестокое ограничение личности со стороны патриархальной общины.

Развитие форм общественной жизни постепенно ограничивало темскую систему управления в горах. Проникновение капиталистического уклада разрушало патриархальную политико-экономическую организацию Хеви; начиналось разрушение общины. «Долина» наступает на идиллический, консервативный быт горных ущелий.

А. Казбеги показывает процесс классовой дифференциации внутри общины, зарождение социальной борьбы и на этом фоне—падение авторитета общины. В обстановке упадка общинно-темского порядка в горах появляются до сих пор неизвестные здесь люди, которые в поисках личного счастья пренебрегают интересами народа.

Несмотря на то, что А. Казбеги ограничивался изображением жизни горских племён, он показал борьбу народа против колониальной политики самодержавия, разоблачил царских агентов и бюрократию и тем самым выступил как борец за социальную и национальную свободу.

С презрением рисовал он многоликую свору прислужников русской колонизаторской власти на Кавказе—чиновников и представителей военных властей, возбуждавших своим произволом ненависть народа. Но следует заметить, что Казбеги никогда не отождествлял русский народ с русской самодержавной властью, которая являлась злейшим врагом как всех народов, населявших Россию, так равно и русского народа.

Ненавидя всей душой крепостной строй, стоя на стороне обездоленного крестьянства, Казбеги вместе с представителями передовой русской революционной демократии, вместе с Ильёй Чавчавадзе и другими видными деятелями национально-освободительного движения Грузии выступал разоблачителем лживости и лицемерности крестьянской реформы.

В творчестве А. Казбеги природа дана во всём своём своеобразии и чарующей многокрасочности. Грозную первобытную природу А. Казбеги рисует с поэтической непосредственностью. Гордо возвышающиеся горы, отвесные скалы, непроходимые леса, распростёртые долины, грохочущие реки даны во всём своеобразии их красок. Если глубоко проникновенное изображение природы есть существенный признак подлинной поэзии, то в грузинской литературе А. Казбеги нужно считать непревзойдённым мастером проникать в тайны природы. Нарисованные им картины природы оставляют всегда

впечатление шедевра; он близок к природе, чувствует её «душу», природа полна для него живой энергией, он до конца понимает её ритм, тайный её язык. Природа рисуется А. Казбеги как живой организм.

Исследователи не раз высказывали удивление способностям А. Казбеги рисовать природу в соответствии с драматическим действием. Они отмечали гармонию соотношения природы с судьбой человека. Облик природы всегда отвечает настроению, в котором находится герой произведения. Часто природа как бы заранее чувствует ожидаемое несчастье и старается помочь человеку, облегчить это страдание. Природа в романах А. Казбеги—один из его героев. А. Казбеги живописует природу с таким же волнением, как рисует своих любимых героев. Романы А. Казбеги—настоящая книга природы, царство пейзажа.

В творчестве А. Казбеги большое место занимают вопросы любви. А. Казбеги знает и прекрасно показывает самые потаённые уголки человеческого сердца. Он глубоко познал чувства человека, свободный голос его сердца. По представлению А. Казбеги, никто не может противостоять силе всепобеждающей любви. Непосредственная, стихийная любовь переделывает человека, его характер.

Женщины в произведениях А. Казбеги способны любить беспредельно, они готовы пожертвовать жизнью ради сердца. Из уст влюблённых, как выражение пафоса любви, льются восторженные слова. Это чувство доводит человека до полного самозабвения. Прославленный геройством Онисе («Хевисбери Гоча»), забыв долг перед теми²⁹, целиком погрузился в стихию любви. Любовь, подобно грому, возникает в сердце человека. Любовь, вспыхнувшая при первой встрече, растёт до той роковой минуты, когда герои запечатлевают смертью свою верность друг другу, она основана на глубоком чувстве, она олицетворяет высокие моральные качества этих людей.

С каждым годом романы и рассказы А. Казбеги всё больше и больше завоёвывали любовь народа; эта любовь к писателю особенно выросла в годы советской власти. Его романы и рассказы с увлечением читаются многочисленными советскими читателями, инсценируются в драматических театрах, переводятся на экраны кино.

ВАЖА ПШАВЕЛА

Литературное наследство Важа Пшавела огромно, он оставил произведения не только в стихотворной форме, но и в художественной прозе и драматургии. Весьма любопытны его историко-этнографические очерки, критико-теоретические статьи о литературе, публицистические фельетоны. Но в отличие от своих великих современников—И. Чавчавадзе и А. Церетели—Важа Пшавела черпал материал для своего творчества не из окружавшей его действительности, а почти исключительно из прошлой патриархальной жизни горцев.

Жизненный путь. Отец Важа Пшавела, Павел Разикашвили, научился грамоте, когда в детстве, пастушком, гонял скот, используя для письма гладкие камни. Мать Важа Пшавела грамоты не знала, но она была женщиной больших природных способностей, прекрасной хозяйкой, готовой придти на помощь нуждающемуся и оказать услугу соседу.

Важа Пшавела родился 14 июля 1861 г. в деревне Чаргали (Восточная Грузия). В 1871 г. его отдали в Телавское духовное училище; через шесть лет перевели в двухклассное гражданское училище при Тбилисском учительском институте. Жил он бедно, зимой и летом ходил в одной рубахе.

После окончания курса в училище, в 1879 г., Важа Пшавела поступает для продолжения образования в горийскую учительскую семинарию. Здесь он усиленно занимается самообразованием, в особенности изучением грузинской литературы.

²⁹ Теми—община

Во время пребывания во II классе семинарии Важа Пшавела сближается с горийским кружком народников и становится его активным участником. Большое влияние на него в этом смысле имел учитель грузинского языка в семинарии, известный народник Михаил Кипиани, который объединил и сгруппировал вокруг себя горийскую молодёжь; среди этой молодёжи был и Важа Пшавела. Однако мелкобуржуазные утопические идеи народничества оказались в конечном счёте чуждыми Важа Пшавела.

В июле 1882 г. Важа Пшавела назначается учителем школы Эрцо. Кроме своих прямых учительских обязанностей, он уделяет много внимания вообще нуждам сельского населения и всегда с готовностью приходит на помощь народу. Но вскоре у него обнаруживаются и враги. Сельский священник послал на него донос властям, в котором писал, что «этого учителя нельзя держать здесь, так как он внушает детям антиправительственные мысли». Важа Пшавела был вынужден оставить школу.

Молодой поэт не был удовлетворён знаниями, полученными им в семинарии. Осенью 1883 г. Важа Пшавела отправляется в Петербург, чтобы получить высшее образование. Так как окончившим семинарию не было предоставлено право поступления в университет, поэт зачисляется вольнослушателем на юридический факультет.

По воспоминаниям современников, Важа Пшавела учился прилежно и с охотой, аккуратно посещал лекции. Однако бедность не позволила ему долго оставаться в Петербурге, и в 1884 г. он вернулся на родину.

После возвращения из Петербурга Важа Пшавела некоторое время провёл в своём родном селе Чаргали. Поскольку возможность продолжения образования оказалась исключённой, он решил вновь поступить на службу. Но с чиновничьей дисциплиной официальной службы он не мог примириться и поэтому нашёл себе место домашнего учителя в семье князя Амилахвари, в селе Отарашени. Здесь он полюбил молодую вдову Екатерину Небиеридзе и женился на ней.

В 1896 г. Важа Пшавела получил место учителя в школе села Диди-Тонети и с большим рвением взялся за дело воспитания молодого поколения. Он был близок к трудовому народу, не хотел мириться с произволом сельского начальства и с жадностью землевладельцев. На этой почве у него не раз были столкновения с угнетателями деревни. В конце концов враги добились того, что Важа Пшавела вынужден был оставить и Тонетскую школу. Поэт возвращается в родную деревню, где занимается сельским хозяйством, обрабатывает землю, пашет, сеет и собирает урожай.

Важа Пшавела был человек физически крепкий, но жизнь в бедности и тяжёлый деревенский труд расшатали его здоровье. В начале 1915 г. он перенёс воспаление лёгких, после которого у него развился плеврит. В апреле того же года больной поэт приехал в Тбилиси для лечения, а 14 июня он был помещён в «Грузинский лазарет имени св. Нины». Прикованный к больничной койке поэт стремился к природе, к родным горам, он поминутно вспоминал высокие горы и свежий, пахучий воздух Пшави. В день смерти Важа Пшавела попросил сестру милосердия постлать ему постель на полу и обложить его цветами и ветками, чтобы он мог хотя бы вообразить себе свои родные горы. Ослабевший организм не мог бороться с болезнью, и 27 июня Важа Пшавела скончался. 2 августа он был похоронен в пантеоне грузинских деятелей, в Дидубе. В 1935 г., в день 20-й годовщины со дня смерти, прах его был перенесён в пантеон писателей и общественных деятелей Грузии на горе Давида.

Творческий путь. Важа Пшавела с поразительной поэтичностью передаёт интимнейшие переживания человека, изображая душевное состояние отдельной личности, он создаёт типические, обобщающие образы. Рисуя «внутренний мир», он даёт нам картину и «внешнего мира»—реальной жизни. Границы лирики Важа Пшавела широки, ей свойственна в значительной степени эпичность. Основным приёмом Важа Пшавела является рассказ, сюжетное построение, поэтому стихи его скорее следует признать лирико-эпическими произведениями. Мы вправе утверждать, что в поэтическом мышлении Важа Пшавела эпическое начало вообще имело преимущество перед

лирическим. Он создал в грузинской литературе XIX в. лирику нового типа, широко применяя форму песни. Каждое его стихотворение удивляет редкой пластичностью, умением автора двумя-тремя словами или одним эпитетом передать глубокую мысль.

В эпических произведениях—«Алуда Кетелаури», «Гость и хозяин», «Змеед»—Важа Пшавела использовал народные сказания и легенды. Но на основе простого народного сказания он строил высокое, законченное здание сложной архитектуры.

Героями поэм Важа Пшавела являются обычно люди, живущие в условиях примитивно-патриархальной общины и находящиеся в плену отсталых традиций и обычаев. Основная коллизия этих произведений возникает из противопоставления личности и общины. Правила и обычаи общины неумолимы и суровы, они требуют от личности полного подчинения; община не хочет мириться ни с каким проявлением свободолюбия. В таких условиях противоречие между личностью и общиной достигает трагического напряжения.

Очень рельефно и с большим драматизмом обрисована такая коллизия в поэме «Алуда Кетелаури». Герой этой поэмы нарушает господствующие в его общине нормы поведения, критически относится к правилам, которые община считает своим наивысшим нравственным законом.

В поэме эта ситуация развивается следующим образом. Жители хевсурского селения Шатил получают известие, что кистины (горское племя) напали на хевсурских пастухов и угнали их лошадей. В погоню за разбойниками пускается Алуда Кетелаури, «чьё слово всегда дельно», который «отрубил немало кистинских рук своей франкской саблей». Алуда настигает кистин и убивает одного из них, но с братом убитого, Муцалом, ему приходится выдержать долгую борьбу. Из этой борьбы он выходит победителем; Муцал убит, но мужество Муцала воодушевляет Алуда Кетелаури. Он отступает от правила, принятого в горах, нарушает обычай общины и не отрубает правой руки убитого им Муцала. Община безжалостна к нему и подвергает его суровому наказанию.

Поэма «Гость и хозяин» также является поэтическим изображением конфликта между общиной и личностью. Герои этой поэмы Джохола и его жена Агаза, подобно Алуде Кетелаури, вырываются из узких традиционных предначертаний общины. Так сталкиваются две традиции, два обычая—мести и гостеприимства.

Община требует соблюдения обычая мести, Джохола и Агаза отдают преимущество правилам гостеприимства. Но одни они ничего не могут поделать против всего села. В конце поэмы отвергнутый общиной, изгнанный из неё Джохола погибает в битве против хевсуров, а оставшаяся совершенно одинокой Агаза бросается в реку.

В истории грузинской литературы давно утвердилась мысль, что поэма Важа Пшавела «Змеед»—произведение своеобразной философской мысли.

Основной мыслью этой поэмы является постановка и стремление разрешить извечно волнующую человечество проблему мудрости и всезнания. Герой поэмы Миндия и является олицетворением человеческой мудрости.

Попав в плен к мифологическим существам, каджам, которые заставили его служить им, Миндия после двенадцати лет неволи решает покончить жизнь самоубийством. Он знает, что каджи часто варят змею и едят её. Увидев однажды на огне поставленный каджами котёл, он решает отведать кушанья из него, в надежде, что еда, которая идёт каджам впрок, окажется для него смертельной. Тайно от каджей он ест змеиное мясо. С ним происходит удивительное превращение: он становится совершенно новым человеком. То, что казалось Миндии змеиным мясом, было мудростью («Мудрость в виде змеи ему показали»). Миндия перенял мудрость каджей, и «с ним стали беседовать небо, земля, леса»—он беседует со всей природой. Миндия стал носителем знания («стал крестьянин учёным»). Он понял, что «всё живое и неживое имеет свой язык», познал, как поступать в каждом случае, чтобы победить врага. Если он во-время поспеет к раненому воину, пусть тот не боится смерти—его целительные снадобья могут поставить на ноги рассечённого надвое человека. Природа встречает крестьянина-мудреца всеобщим

торжеством. Только один Миндия понимает «стоны и жалобы» деревьев и цветов; когда он жнёт в поле, колосья тянутся к нему и просят наперебой: «Срежь меня, мой Миндия, не оставляй меня!»—зовёт один. «Нет, меня!»—кричит другой. Третий зовёт ещё громче: «Не отвергай меня!»

Таким образом, для Миндия открыто в книге природы то, что непонятно другим. Он проник в самую суть жизни, полностью овладел тайнами природы. Между Миндией и природой устанавливается непосредственная, органическая связь. Миндия защищает природу, каждый её элемент, как проявление жизни. Он не сочувствует истреблению растений, рубке деревьев, охоте на зверей.

Однако семейная жизнь ставит перед Миндией практические вопросы. В поэме достаточно подробно даны характерные для семейного быта детали. Между Миндией и его женой Мзией возникает острое противоречие. Эти два персонажа являются выражением двух начал социальной действительности. Для Мзии главное—узколичные, семейные интересы, ей непонятно и чуждо всё то, что не имеет прямого отношения к практической жизни. Она требует от Миндии, чтобы тот обеспечил потребности семьи. Так возникает и противоречие между идеалом и социальной средой, жизненными обстоятельствами. Миндия вынужден стать на путь компромисса, поступиться своими принципами.

Изменив своим принципам, Миндия погибает. Суровость неустроенной социальной действительности приводит к гибели даже такого мудрого человека, как Миндия.

Важа Пшавела относится к своему герою с большим сочувствием и симпатией, но, разумеется, не во всём безоговорочно оправдывает его.

Он отмечает в личности Миндии противоречия, даже определённые идеалистические представления. Важа Пшавела хорошо знает, что человек с его жизненными интересами и потребностями не абстракция. Личность, на какой бы ступени сознательности она ни стояла, должна учитывать конкретный характер и потребности действительности и поступать в жизни так, чтобы не оказаться в безвыходном положении.

В поэме «Бахтриони» рассказывается о восстании грузин против иранских захватчиков в 1659 г. и об освобождении крепости Бахтриони.

Главное действующее лицо поэмы—Квирия. Он стоит в самом центре поэмы от момента своего появления до самой своей геройской гибели. Двадцать лет провёл пастух Квирия в скитаниях, не имея своего дома, своего очага. Он особенно остро ощущает несчастье родины. Утешая Санату, потерявшую семерых сыновей, он говорит:

«Не плачь, не жалуйся, мать, бог примет твоих героев. Они сошли в могилу, не опозорив себя». Эти слова ярко рисуют человеческую сущность Квирия, его пламенный патриотизм: пожертвовавшие собой ради отчизны никогда не будут забыты, они прославили себя. Ещё громче слышится хвала герою в словах Квирия:

Мы должны, покуда живы,
Отражать врагов и беды.

И позорной жизни лучше,
Смерть от честного булата!

(«Бахтриони». Пер. В. Державина.)

Эти слова напоминают известную строчку Руставели: «Лучше смерть со славой, чем жизнь в позоре». Квирия видит назначение человека в служении родине, он обладает не только героической душой и негибавшей воинской доблестью, но и недюжинным умом. Квирия решает хитростью проникнуть в крепость, хотя и знает, что этого он достигнет ценой собственной жизни. «Попытаюсь открыть ворота, даже если буду заколот

в дверях»,—говорит Квирия. Он исполняет намерение, но сам гибнет. Героический подвиг поднимает его в глазах современников к вершинам славы.

Своеобразным величием овеян в поэме образ Лухуми. Это—мудрец, человек пронизательный и добрый, любимый предводитель пшавов, непреклонный и спокойный в бою. Образ Лухуми глубоко запечатлевается в памяти читателя. Лухуми тяжело ранен в ожесточённом бою, он лежит в лесу, за ним ходит змей, который зализывает его рану, приносит ему пищу и воду, рассказывает сказку о двух братьях-сиротах.

По мысли Важа Пшавела, доблесть Лухуми покоряет даже такое злобное существо, как змей, который изменяет своей змеиной природе.

Наряду с мужчинами Важа Пшавела рисует и образы героических женщин, которые также самоотверженно служат родине. Незабываем образ старой Саната, описанием материнского подвига которой открывается поэма.

Отдав родине мужа и семерых богатырей-сыновей, «храбрых, как львы», она всё же думает лишь о родине, о её счастье и свободе; она готова обойти пешком всю Пшавию, чтобы призвать народ на защиту родной страны. Саната—олицетворение благородства и твёрдости грузинки-матери.

Замечателен образ Лелы, девушки прекрасной и нежной, но из-за несчастий отчизны обратившейся в «сосуд скорби». Её единственное желание—отомстить врагу и все свои силы отдать родине. Братья Лелы погибли в борьбе против врагов, отец её тяжело ранен и лежит в постели, мать—в плену, в крепости Бахтриони. Эта нежная девушка своим героизмом показывает всем, что она обладает сильной, мужественной душой. Вместе с Квирией она проникает в крепость и открывает ворота перед грузинами.

Таким героям воздаёт хвалу народ, зато трусов и изменников родины всюду встречают с презрением. Так отворачивается народ от Цицолы, который оказался трусом во время битвы.

Важа Пшавела—изумительный поэт и художник природы, поистине поверенный её тайн. По тонкости и богатству ощущения природы мало кто из грузинских поэтов может сравниться с ним. Важа Пшавела горячо любит природу и непосредственно ощущает её красоту. Созданные им картины так же бессмертны, как сама природа. Он совершенно по-новому, оригинально создавал эти картины и образы.

Грандиозный образ природы всегда привлекал к себе внимание Важа Пшавела. Не будет преувеличением, если мы скажем, что он создал блестящую поэзию природы, щедро вводя её в свои произведения. Его пейзажи великолепны в художественном отношении и в то же время реалистически правдивы. Часто он даёт широкую картину при помощи одного только зрительного восприятия. Но внимание его привлекает не только внешняя красота, не только внешнее очарование природы. Он ищет её «душу», её содержание, в каждом явлении природы видит проявление жизни. Природа для него огромное, величественное существо, которое живёт своей тайной жизнью—мыслит, беседует, чувствует; в природе всё наделено жизнью.

Поэзия Важа Пшавела передаёт прекрасное в описываемом предмете. Исключительный талант автора, своеобразие выражений, неожиданность эпитетов придают описываемому поразительную глубину и эффектность. Как эпический поэт, Важа Пшавела выделяется среди грузинских писателей.

Однако освоение творческого наследия Важа Пшавела требует к себе критического подхода и вызывается это серьёзными обстоятельствами. Важа Пшавела стоит несколько особняком в плеяде его старших современников—прогрессивных писателей и общественных деятелей: И. Чавчавадзе, А. Церетели и других. Обладая большим поэтическим даром и незаурядным образованием, он всё же не сумел возвыситься до понимания задач своего времени.

В творчестве и мировоззрении Важа Пшавела имеется ряд слабых сторон, требующих критического отношения со стороны советского читателя.

Известно, например, что в вопросах литературного языка он занял неправильную позицию, выразившуюся в том, что большинство его поэм и стихов написано на пшавском говоре грузинского языка. Такая позиция писателя шла вразрез с борьбой прогрессивных деятелей грузинской культуры за утверждение общенародного грузинского литературного языка.

Великий грузинский поэт Акакий Церетели сурово порицал попытку Важа Пшавела внедрить в грузинскую поэзию пшавский говор.

Вместе с тем тематика многих произведений Важа Пшавела ограничена жизнью горских племен и мифологическими сюжетами.

Однако, благодаря многим своим высокохудожественным произведениям, поэт заслуженно занимает одно из видных мест в истории грузинской литературы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИТЕРАТУРА 90 гг. XIX в.,

ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА И РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-07 гг.

С конца XIX в. начинается новейший период в истории грузинской литературы, непосредственно связанный с процессами развития промышленного капитализма, зарождения и подъема пролетарского революционного движения в Грузии.

В последней четверти прошлого столетия в Грузии, как и во всём Закавказье, стал мощно развиваться капитализм, резко менявший как экономику страны, так и социальный облик и идеологическую жизнь народа. Характеризуя этот процесс, В. И. Ленин писал: «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку...»³⁰

Проведение железнодорожной магистрали Баку—Батуми и постройка в черноморских городах Батуми и Поти крупнейших портов связали Грузию большими торговыми путями с Россией, со странами Запада и Востока. Чиатурский марганец, добывание и экспорт которого к концу 90-х годов уже превышал сорок миллионов пудов, с большой быстротой завоёвывал мировой рынок. Он к этому времени покрывал более половины всего мирового потребления марганцевой руды. Широкий размах получила и угольная промышленность Грузии. Большое воздействие оказывал на промышленное развитие всего Закавказья, и в частности Грузии, стремительный рост бакинской нефтяной промышленности. К началу XX в. бакинская нефть покрывала 50% мирового потребления нефти. В 1900 году была закончена постройка керосинопровода Баку—Батуми, способствовавшего превращению Батуми в портовый город огромного мирового значения. Стали развиваться разные отрасли горной промышленности, в городах Грузии появились крупные фабрики и заводы. Промышленный подъём сопровождался таким же быстрым ростом торговли и товарооборота.

Всё это обуславливало рост городов Грузии, увеличение численности их населения.

Развитие капитализма в корне меняло и облик деревенской жизни, вызывало социальное расслоение крестьянства, образование кулацко-торгашеской буржуазии на селе, пролетаризацию крестьянской бедноты, её массовый уход в город, промышленные центры в поисках заработка.

Такой размах капиталистического развития, естественно, влёл за собою рост промышленного пролетариата, подвергавшегося со стороны капиталистов хищнической

³⁰ В. И. Л е н и н , Соч., т. 3, изд. 4-е, стр. 521.

эксплуатации, усугубляемой колонизаторской политикой царизма. Для характеристики угнетённого состояния рабочего класса в Грузии достаточно отметить, что, например, в Батуми, где к концу 90-х годов прошлого века насчитывалось свыше 11 тыс. рабочих, рабочий день на фабриках и заводах вместе с обязательными сверхурочными работами достигал 16—17 часов, а дневная заработная плата рабочих составляла от 60 копеек до 1 рубля. И эта зарплата фактически значительно снижалась практиковавшимися разными штрафными взысканиями и всевозможными принудительными удержаниями.

Не было никакого социального страхования и медицинской помощи для рабочих. На фабриках и заводах царил полнейший разгул нанимателей, которые всячески притесняли рабочих, попирали их человеческие права и достоинство. Ругань и избиение рабочих были обычными явлениями на предприятиях. Такое положение порождало недовольство среди пролетарских масс и толкало их на борьбу за свои человеческие права и жизненные интересы.

В начале 90-х годов в Тбилиси имел место ряд массовых стачек и забастовок, нашедших отклик и в других промышленных пунктах Грузии.

Хотя борьба рабочего класса пока ещё носила случайный, стихийный, неорганизованный характер, всё же эти выступления свидетельствовали о том, что пролетариат стал активнее защищать свои классовые интересы.

Обострились классовые противоречия и на селе, где аграрные конфликты и нападения до крайности притеснённых крестьян на помещиков и царских сатрапов стали повседневными явлениями. Правительство отвечало на это грозными экзекуциями и карательными экспедициями, разорвавшими целые деревни.

Эти события не могли не оказать воздействия на развитие общественной мысли. Создалась благотворная почва для распространения в Грузии теории научного социализма, для возникновения марксистских социал-демократических организаций, призванных возглавить возрастающее революционное движение народных масс.

Распространение марксистских идей среди рабочего класса и революционно настроенного крестьянства Грузии впервые начали сосланные в Закавказье русские социал-демократы и вернувшиеся из-за границы грузинские легальные марксисты.

В 1893 г. образовалась первая в Грузии марксистская социал-демократическая организация «Месаме-даси». Наименование «Месаме-даси», что в переводе на русский язык означает «Третья группа», было дано появившейся в Грузии группе молодых публицистов и литераторов, начавших проповедовать марксизм в грузинской легальной печати, известным грузинским писателем Георгием Церетели в своей речи, произнесённой в день похорон беллетриста Эгнате Ниношвили—одного из инициаторов и основателей «Месаме-даси». Предлагая такое наименование, Г. Церетели предполагал, что «Месаме-даси» призвана продлить дело двух предыдущих общественно-политических течений. Это были: «Пирвели-даси» (Первая группа)—возглавляемое Ильёй Чавчавадзе—национально-освободительное направление грузинской интеллигенции, и «Меоре-даси» (Вторая группа)—буржуазно-либеральное направление, во главе которого стоял сам Георгий Церетели.

«Месаме-даси» является первой грузинской марксистской социал-демократической организацией, сыгравшей известную положительную роль (в период 1893—1898 гг.) в деле распространения идей марксизма, а также в борьбе с откровенными шовинистическими течениями грузинской дворянской и буржуазной интеллигенции»³¹.

«Месаме-даси» развернула борьбу против представителей дворянской и буржуазно-либеральной идеологии среди грузинской интеллигенции, а также против грузинских народников, отрицавших капиталистическое развитие Грузии, идею классовой борьбы и историческую роль пролетариата в освободительной борьбе народа. В борьбе с этими течениями «Месаме-даси» отстаивала прогрессивность капиталистического

³¹ Л. Б е р я , К вопросу большевистских организаций в Закавказье, Госполитиздат, изд. 8-е, стр. 53.

развития и проповедовала идею классовой дифференциации общества и классовой борьбы. Однако «Месаме-даси» не была однородной организацией. Её большинство, идеологом и главарём которого был Ной Жордания, никогда не доводило идею классовой борьбы до марксистского понимания классовой борьбы пролетариата; оно «представляло оппортунистическое течение—«легальный марксизм», вульгаризировавшее и искажавшее основы революционного марксизма, отрицавшее идею гегемонии пролетариата в революционном движении, политическую революционную борьбу рабочего класса против самодержавия и идею пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Большинство «Месаме-даси» вульгаризировало и приспособляло учение марксизма к интересам буржуазно-капиталистического развития и буржуазного национализма»³².

В 1898 г. в «Месаме-даси» вступил И. В. Сталин. С этого времени внутри этой организации образовалось революционно-марксистское интернационалистическое меньшинство в составе товарища Сталина и его ближайших соратников Владимира (Лад) Кецховели и Александра Цулукидзе. Это меньшинство в целом ряде важнейших вопросов расходилось с большинством «Месаме-даси» и вело непримиримую борьбу против его оппортунистических взглядов. Меньшинство «Месаме-даси» явилось ядром РСДРП ленинско-искровского направления в Грузии и Закавказье. Впоследствии борьба между меньшинством и большинством «Месаме-даси» переросла в борьбу между большевизмом и меньшевизмом. После II съезда РСДРП, с конца 1904 г. и начала 1905 г., большинство «Месаме-даси» определённо заняло меньшевистскую позицию, а меньшинство твёрдо стало на ленинский путь революционной социал-демократии и в конце 1904 г. оформилось как большевистская организация.

«Вся история закавказских большевистских организаций, всё революционное движение Закавказья и Грузии с первых дней его зарождения неразрывно связаны с работой и именем товарища Сталина» (Л. Берия). В революционное движение И. В. Сталин вступил в пятнадцатилетнем возрасте, будучи учеником Тифлисской духовной семинарии. Установив связь с подпольными группами сосланных в Закавказье русских марксистов и ознакомившись с их помощью с нелегальной марксистской литературой, товарищ Сталин в 1896—1897 гг. руководит марксистскими кружками учащихся семинарии и в 1898 г. уже вступает в «Месаме-даси», внося новый, революционно-марксистский дух в жизнь этой первой социал-демократической организации в Грузии. В том же 1898 г. товарищ Сталин начинает руководить нелегальными кружками рабочих тифлиских железнодорожных мастерских, составляет программу для занятий рабочих марксистских кружков.

Так начиналась пламенная революционная деятельность великого вождя и учителя трудящихся. «Я вспоминаю 1898 год,—говорит товарищ Сталин,—когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских... Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое своё боевое революционное крещение. Здесь, в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлиские рабочие»³³.

К этому времени И. В. Сталин уже был знаком с трудами В. И. Ленина, направленными против экономистов и народников, целиком разделяет взгляды Ленина и решительно становится на ленинские позиции. В 1898—1900 гг. товарищ Сталин стоит во главе руководящей центральной группы тифлисской социал-демократической организации, проводящей огромную работу по переключению революционного движения тифлиских рабочих на рельсы сознательной, массовой, организованной политической борьбы против самодержавия и буржуазно-помещичьего строя. Следуя ценнейшему опыту работы ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», тифлисская центральная социал-демократическая группа во главе с товарищем Сталиным организует

³² Л. Б е р и я , К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, Госполитиздат, изд. 8-е, стр. 53.

³³ И. С т а л и н , Соч., т. 8, стр. 174.

ряд крупных политических выступлений тифлисского пролетариата, из которых в эти годы наиболее значительным явилась грандиозная стачка в тифлиских железнодорожных мастерских и депо, имевшая место в августе 1900 г. В этой стачке активное участие принимал проживавший тогда в Тифлисе сосланный из Петербурга М. И. Калинин.

22 апреля 1901 г. товарищ Сталин в центральном районе города Тифлиса организует и руководит грандиозной первомайской рабочей демонстрацией, сыгравшей огромную роль в развитии революционного движения в Грузии и во всём Закавказье. Ленинская «Искра» дала высокую оценку этой демонстрации, исключительной по своему масштабу и политическим последствиям.

По инициативе и под руководством товарища Сталина в сентябре 1901 г. в г. Баку начинает выходить первая грузинская социал-демократическая газета «Брдзола» («Борьба»), явившаяся лучшей после ленинской «Искры» партийной газетой во всей России. Впоследствии за этой газетой стали выходить организуемые товарищем Сталиным издания и других органов социал-демократической печати ленинско-искровского направления: «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата»), «Пролетариатис брдзолис пурцели» («Листок борьбы пролетариата»), «Кавказский рабочий листок», «Ахали цховреба» («Новая жизнь»), «Чвени цховреба» («Наша жизнь»), «Ахали дробеба» («Новое время») и др. Некоторые из этих газет выходили на нескольких языках. На их страницах в годы подготовки и подъёма первой русской революции публиковались замечательные труды товарища Сталина, в которых он с твёрдой последовательностью и гениальной глубиной отстаивал теоретические, организационные и тактические основы большевистской партии.

В ноябре 1901 г. товарищ Сталин был избран в состав первого Тифлисского социал-демократического комитета ленинско-искровского направления. Вскоре после этого, по поручению Тифлисского комитета, И. В. Сталин приезжает в Батуми, который в то время являлся третьим после Баку и Тифлиса промышленным центром в Закавказье. Дав сокрушительный отпор оппортунистам из большинства «Месаме-даси», в Батуми товарищ Сталин развернул большую революционную деятельность, организовал на предприятиях нелегальные рабочие кружки, на базе которых 31 декабря 1901 г. создал первый Батумский социал-демократический комитет, целиком стоявший на ленинско-искровских позициях. Из числа массовых политических демонстраций, проведённых товарищем Сталиным в этот период, особенно грандиозной явилась знаменитая демонстрация батумского пролетариата 9 марта 1902 г., имевшая огромный резонанс во всей России и вошедшая блестящей страницей в историю рабочего революционного движения нашей страны.

Вскоре после этой демонстрации царское правительство арестовывает товарища Сталина, и осенью 1903 г. его высылают в Восточную Сибирь. Находясь в ссылке, товарищ Сталин получает письмо от В. И. Ленина. Именно с этого времени, считает товарищ Сталин, и началось его знакомство с великим Лениным: «Правда, это знакомство,—говорит товарищ Сталин,—было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за всё время моей работы в партии»³⁴.

В начале 1904 г. товарищ Сталин бежит из ссылки и возвращается в Грузию. Он становится во главе Кавказского союзного комитета РСДРП и как ближайший и вернейший соратник Ленина ведёт последовательную борьбу за созыв III съезда партии, за укрепление партийных организаций Грузии и Закавказья на позициях большевизма, за подготовку и проведение вооружённого восстания городского и сельского пролетариата.

В течение всех лет первой русской революции товарищ Сталин находится в Грузии. Он неутомимо разъезжает по важнейшим промышленным центрам Закавказья—Баку, Батуми, Потти, Чиатуры, Кутаиси и другим, создаёт новые партийные организации,

³⁴ И. С т а л и н , Соч., т. 6, стр. 52.

проводит массовые стачки и крупные политические демонстрации рабочих, создаёт нелегальные типографии, организует издание партийных газет, листовок, брошюр, посещает крестьянские районы Грузии, выступает на массовых дискуссиях. Товарищ Сталин ведёт непримиримую борьбу с меньшевиками, анархистами и другими буржуазно-националистическими партиями. Громя всех и всяческих врагов большевизма и пролетарского революционного движения, товарищ Сталин подымал и вооружал трудящиеся массы Закавказья и Грузии на героическую схватку с самодержавием, с властью капиталистов и помещиков. Благодаря созданным и возглавляемым товарищем Сталиным большевистским организациям Закавказья пламя революционной борьбы в Закавказье разгоралось с исключительной силой, охватив не только города, но и крестьянские районы края.

Состоявшийся в Лондоне в апреле 1905 г. III съезд партии уделил особое внимание революционным событиям на Кавказе и дал высокую оценку деятельности большевистских организаций Закавказья. В предложенной Лениным резолюции «По поводу событий на Кавказе», съезд «особо выделил деятельность большевистских организаций Закавказья, как «наиболее боевых организаций нашей партии», и призвал всю партию к оказанию им всемерной поддержки»³⁵.

Эти события, в корне изменившие социальную и идейную жизнь, грузинского народа, определили пути развития грузинской литературы конца XIX—начала XX столетия. В центре литературной жизни стали проблемы социальных взаимоотношений, классовых противоречий. В творчестве грузинских писателей, выступивших на литературном поприще на рубеже двух столетий,—Эгнате Ниношвили, Давида Клдиашвили, Лалиони, Шио Арагвиспирели, Василия Барнова, Иродиона Евдошвили, Анастасии Эристави-Хоштария и других,—ярко отразились социальные процессы, характеризующие этот период исторической жизни грузинского народа.

ЭГНАТЕ НИНОШВИЛИ

В творчестве Э. Ниношвили ярко и многогранно отразилась новая социальная обстановка, создававшаяся в Грузии в последние десятилетия прошлого века, в условиях быстрого развития капитализма, вызвавшего дифференциацию социальных сил и обострение классовых противоречий в городе и на селе.

С большой изобразительной силой изображал писатель дикость и жестокость буржуазно-помещичьего, самодержавного строя, рисовал потрясающие картины эксплуатации и угнетения трудового народа, его беспросветной, тяжёлой жизни, нищеты и несправедливости, воплощал в своём творчестве ненависть и негодование народных масс к господствовавшим паразитическим классам, к уродливому общественно-политическому строю.

«В своих произведениях я стараюсь по мере сил отобразить теневые стороны жизни и раны народа»,—писал Э. Ниношвили, и действительно, весь пафос его творчества и общественной деятельности заключался в гневном ополчении на угнетателей и поработителей народа.

Как жизнью своей, так и мышлением и творчеством Э. Ниношвили был сыном трудового крестьянства, его беднейшей, революционно настроенной части. Он лично испытал на себе всю суровость и бесчеловечность буржуазно-помещичьего уклада жизни. Писателю пришлось провести всю свою недолгую жизнь в условиях крайней нужды и тяжёлого труда, гонений и притеснений. С большой болью жаловался он: «Как же могу я спокойно и с глубоким наблюдением рисовать жизнь народа, когда вынужден беспрестанно скитаться в поисках куска хлеба?» Однако такая нераздельная связь с судьбой трудового народа помогла писателю глубже познать и понять действительность,

³⁵ «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография». Изд. 2-е, стр. 38.

органически приобщиться к чаяниям и устремлениям народа, что и придаёт его произведениям неподдельную искренность и жизненную правдивость, исключительную силу убедительности и воздействия.

Жизненный путь писателя. Э. Ниношвили (Эгнате Фомич Ингорква) родился 18 декабря 1859 г. в Гурии, в селении Чиргвети (ныне Ланчхутского района) в семье бедного крестьянина. Рано осиротевший, он годы детства и отрочества провёл в родной деревне в пастушестве и батрачестве, затем служил в г. Поти, в семье дворянина-лесопромышленника. Шестнадцатилетнего юношу определили в озургетское духовное училище, из которого, несмотря на отличную учёбу, он был исключён (без права поступления в какое-либо учебное заведение) за участие в выступлении передовой части учащихся против деспотических, иезуитских порядков реакционной администрации училища. Сдав экзамен на сельского учителя, Э. Ниношвили некоторое время работал народным учителем в гурийских деревнях.

Но увлечённого прогрессивными социальными идеями эпохи и мечтой о самоотверженном служении народу Э. Ниношвили не удовлетворяет положение учителя начальной сельской школы. Он переезжает в Тбилиси и поступает на работу в типографию в качестве наборщика. В конце 1886 г. ему удаётся выехать за границу с целью получения высшего образования, однако отсутствие средств к существованию скоро принудило его вернуться обратно. «Видал ли ты птицу с подрезанными крыльями, которая жаждет, но не может взлететь высоко? Именно на такую птицу похож я сейчас»,—писал Э. Ниношвили в этот период одному из своих друзей.

Вернувшегося из-за границы Э. Ниношвили пригласил личным секретарём гурийский владетельный князь Гуриели.

Обнаружив в архиве Гуриели богатый документальный материал, он начал писать своё первое художественное произведение—исторический роман «Восстание в Гурии». Однако скоро он был вынужден покинуть дом Гуриели. К этому времени между Гуриели и крестьянством произошёл острый конфликт из-за земли. Э. Ниношвили, верному сыну крестьянской бедноты, было не к лицу в такой обстановке служить личным секретарём князя. Он уезжает в Батуми, где сперва работает грузчиком в порту, а потом поступает на завод крупного нефтепромышленника Ротшильда. Здесь ему приходилось работать в крайне тяжёлых условиях.

Батумский период жизни окончательно подорвал здоровье Э. Ниношвили. В этот же период писатель впервые познакомился с жизнью и бытом промышленного пролетариата, сблизился с революционно настроенными рабочими, среди которых он часто читал свои беллетристические произведения и беседовал на злободневные темы общественно-политической жизни.

В зестафонской конторе марганцепромышленника Гогоберидзе, где Э. Ниношвили работал в качестве весовщика-габельщика, он очутился в не менее тяжёлых условиях жизни. «В Батуми и в этой конторе загубил я своё здоровье. С этого времени одолела меня болезнь, и с тех пор редко бывал здоровым»,—писал Э. Ниношвили.

В Зестафони он связался с революционно настроенной молодёжью, устраивал тайные собрания, на которых читали революционную литературу и обсуждали актуальные политические вопросы.

В 1891 г. Э. Ниношвили участвует в экспедиции по борьбе с филлоксерой. Вместе с этой экспедицией он объехал многие районы Кавказа. В результате этой поездки он опубликовал интересный очерк «Дагестан». В конце этого года он возвращается на работу в Батуми, опять на нефтеперегонные заводы; весной следующего года устраивается в Гомийской конторе марганцевой промышленности. К этому времени он уже является автором многих опубликованных рассказов, пользующихся большой популярностью. Писатель решает отныне всецело заняться литературно-общественной деятельностью и с этой целью переезжает в Тбилиси. Здесь Э. Ниношвили сближается с революционно

настроенными рабочими и молодыми интеллигентами, интенсивно читает и пишет, знакомится с нелегальной марксистской литературой.

К этому периоду относится его встреча с А. М. Горьким, только что начинавшим выступать на литературном поприще.

Знакомство с марксистской литературой убеждает Э. Ниношвили в беспочвенности и вырождении народничества. Писатель становится активным участником в организации первой грузинской социал-демократической организации «Месаме-даси».

Редактируемая Георгием Церетели газета «Квали» в передовой статье, посвященной «Месаме-даси», писала: «Руководителем этого «даси» в области художественной литературы следует считать Э. Ниношвили».

Писатель приступает к активной политической деятельности, публикует на страницах «Квали» серию публицистических статей и готов посвятить все свои силы делу пропаганды научного социализма, делу рабочего революционного движения. Но к этому времени, в результате невыносимо тяжёлых условий жизни, заболевает туберкулёзом. В конце 1893 и в начале 1894 г. он окончательно прикован к постели, не имея даже средств к лечению. Э. Ниношвили умер 12 мая 1894 г. в своей родной деревне в Гурии, где и был похоронен. В день его похорон, у свежей могилы писателя произошло первое официальное выступление «Месаме-даси».

Литературное творчество Э. Ниношвили. Первым художественным произведением Э. Ниношвили явился исторический роман «Восстание в Гурии», отображающий восстание гурийского крестьянства против феодального гнёта и самодержавной тирании, имевшее место в 1841 г. Правдиво изображая взятые за основу романа исторические события, писатель даёт глубоко идейное, целеустремлённое их освещение. В этом романе Э. Ниношвили нарисовал волнующие картины самоотверженной, мужественной борьбы народа за свои права и достоинство, создал богатую галерею образов бесстрашных крестьянских революционеров с их благородными социальными устремлениями и возвышенным моральным обликом, а также показал типичных представителей презренных слуг реакции из лагеря дворянства и царской бюрократии. Особо следует отметить в этом романе образ революционно настроенного интеллигента Георгия. Он учит восставших крестьян, что их основной целью должно быть низвержение крепостного строя, что национально-освободительная идея должна быть подчинена социальной проблеме, ибо национальное освобождение грузинского народа немыслимо в условиях феодально-реакционного строя. Вместе с тем Георгий разъясняет крестьянам, что борьба трудящихся Грузии может завершиться победой лишь в том случае, если она будет увязана с борьбой русского народа против крепостничества и царизма. «Наше крестьянство должно глядеть на Россию... Оно не может стоять в стороне сложа руки в случае восстания русского крестьянства. Грузинское крестьянство должно следовать примеру русских и бороться, чтобы завоевать свободу». В этих словах Георгия, впервые в грузинской художественной литературе, была выражена идея интернационального характера освободительной борьбы трудового народа. Грузинские литературоведы справедливо утверждают, что в Грузии 40-х годов прошлого века едва ли мог находиться интеллигент с такими революционными и интернационалистическими воззрениями, какие высказывает Георгий. Совершенно очевидно, что в уста Георгия Э. Ниношвили вложил слова, выражающие собственные социальные идеалы писателя. Это обстоятельство свидетельствует, что, работая над историческим романом, писатель не просто воспроизводил события прошлого, а использовал исторический материал для художественного воплощения своих революционных взглядов и убеждений.

«Восстание в Гурии»—единственное произведение Э. Ниношвили, построенное на материале исторического прошлого. Однако этот роман как по своей идейной целеустремлённости, так и по своим художественным особенностям находится в

органической связи со всеми остальными произведениями писателя, характеризующимися идейно-тематической актуальностью.

Главным героем своего исторического романа писатель вывел народ, который представлен в типических образах вождей и рядовых участников восстания, и характеризуется непосредственно, в волнующих эпизодах боевых действий крестьянских масс.

Главным героем всех его произведений является грузинская крестьянская беднота, беспощадно угнетаемая и охваченная гневной ненавистью к буржуазно-помещичьему строю, к самодержавному режиму.

Изображение тяжёлой участи обездоленных, бесправных крестьянских масс, глумления и издевательства над ними со стороны царских сатрапов, представителей вырождающегося дворянства и буржуазно-кулацких элементов составляет основное содержание произведений Э. Ниношвили.

В рассказе «Гогиа Уишвили» писатель нарисовал типичный образ грузинского бедного крестьянина, честного и трудолюбивого человека, ставшего жертвой жестокого насилия и издевательства со стороны слуг самодержавия. За попытку защитить свою жену и детей от осквернения со стороны полицейских Гогиа Уишвили подвергся жесточайшему наказанию. Ему связали руки и ноги, уложили на землю и публично высекли розгами. В этой ужасающей картине унижения и угнетения человека Э. Ниношвили с большой обобщающей силой показал положение трудового народа, лишённого всех человеческих прав в условиях буржуазного общества и самодержавного строя. Самолюбивый крестьянин не выдержал такого оскорбления и покончил жизнь самоубийством, вследствие чего погибла и вся его семья.

В таких же суровых, но правдивых красках изображена тяжёлая участь трудового крестьянства в рассказах «Распоряжение» и «Палиастомское озеро». Герой «Распоряжения» Кациа Мунджадзе был раздавлен поездом во время дежурства на полотне железной дороги, куда его насильственно выгнали караулить, чтобы обеспечить безопасный проезд какого-то «большого человека». Герои же «Палиастомского озера», бедные крестьяне, отец и сын—Иван и Нико,—утопились в Палиастомском озере, через которое они были вынуждены в крайне опасную погоду перевозить в Поты заготовленные ими брёвна. В этой повести нарисована редкая по своей силе и впечатляемости картина неравной борьбы человека с расшвырянутой стихией. Природа в этом произведении символизирует враждебные народу паразитические социальные силы.

В этих произведениях Э. Ниношвили с предельной убедительностью показал, что в условиях самодержавного, буржуазно-помещичьего строя исключена всякая возможность улучшения жизни трудового народа и всякие надежды и мечтания трудящихся об облегчении их тяжёлой участи неизбежно разбиваются о суровую и уродливую действительность.

Гогиа Уишвили и его жена Марине твёрдо верили, что честным и неустанным трудом они смогут преодолеть свою крайнюю бедность и нужду и спасут своих детей от голодной и безотрадной жизни. С этой надеждой они работали не покладая рук, не зная отдыха и покоя. Однако действительность жестоко опрокинула их ожидания и мечты. Не случайно, что именно накануне новогоднего праздника обрушилось на Гогиа Уишвили самое большое несчастье, повлекшее за собой гибель всей его семьи. Новогодний праздник, так называемая «каландоба», являлся любимейшим днём крестьянской бедноты. Каждая крестьянская семья, как бы бедна ни была она, особенно готовилась к этому дню, чтобы хоть в этот один день почувствовать радость жизни и возможность счастья. Но именно в канун «каландоба» напали полицейские на семью Уишвили и разорили её за то, что Гогиа не сумел своевременно уплатить налог, возложенный для погашения расходов по содержанию присланной в деревню экзекуции. Не может быть для честного, трудолюбивого крестьянина даже ни одного радостного, светлого и счастливого дня, пока

существует построенный на угнетении и насилии уродливый реакционный строй,—таков смысл рассказа «Гогиа Уишвили».

Герои произведений Э. Ниношвили не мирятся со своей участью. Изображённый в «Гогиа Уишвили» факт нахождения в гурийской деревне правительственной карательной экспедиции свидетельствует о том, что крестьянство уже открыто выражало своё недовольство существовавшим общественно-политическим строем.

Во время своего дежурства на полотне железной дороги Кациа Мунджадзе долго размышляет о нетерпимости положения трудового крестьянства, о царящей в жизни жестокой несправедливости. Он доходит до мысли о том, чтобы не подчиняться распоряжениям властей и даже не бояться ссылки в Сибирь. И в повести «Палиастомское озеро» крестьяне много думают и говорят о превратностях жизни, о нелепости существующих порядков, о необходимости искания выхода из положения.

Так, вся атмосфера пронизана чувством протеста и негодования. Однако Уишвили, Мунджадзе и их собратья не умеют и не могут выразить этот свой протест в формах активной, организованной борьбы за свои человеческие права. Пока ещё они не поднялись на необходимый для такой борьбы уровень сознательности и организованности, потому-то они и становятся жертвой или отчаяния и безверия, доводящих до самоубийства, или собственного невежества и всевозможных стихийных бедствий.

Значительно дальше в этом смысле идёт герой большой повести Э. Ниношвили «Симона». В этом произведении писатель дал тип появившегося на селе в эпоху капиталистического развития представителя буржуазно-кулацкой прослойки, не менее враждебной народу, чем дворянство и царское чиновничество. Типичный представитель этой новоявленной эксплуататорской, хищнической силы Давид Дроидзе без всякого основания придрался к честному труженику Симона Дзаладзе, оклеветал его и добился его ареста и ссылки. А сын Давида, молодой офицер Титико, обесчестил беззащитную жену Симона Дарико, которая в отчаянии покончила жизнь самоубийством. Сбежавший из ссылки Симона убил обоих сыновей Давида, поджёг его дом, а сам ушёл в лес, где и погиб, гонимый и преследуемый слугами царизма.

Так Симона Дзаладзе, в отличие от Гогиа Уишвили, Кациа Мунджадзе и героев «Палиастомского озера», мужественно восстаёт против своего угнетателя и с оружием в руках защищает свою честь и достоинство. Однако этот путь личной мести не может привести Дзаладзе к победе и счастью. Он гибнет в неравном единоборстве с господствующими реакционными силами.

Большое значение повести «Симона» заключается и в том, что она явилась первым произведением в грузинской художественной литературе, показавшим социальное расслоение крестьянства в эпоху капиталистического развития, разоблачившим хищнический, антинародный облик кулачества. Изображённый в повести процесс обогащения Давида Дроидзе, сопряжённый с целым рядом злодеяний и преступлений, отражает типичный путь формирования деревенской буржуазии. Одновременно писатель показал неизбежность гибели этой новоявленной паразитической силы.

Реакционную, антинародную сущность скатившегося на путь вырождения и деградации дворянского сословия Э. Ниношвили показал в образе Тариэла Мклавадзе—героя большой повести «Рыцарь нашей страны». Лишённый всяких положительных качеств, всецело занятый удовлетворением своих низменных инстинктов, Тариэл грубо растоптал честь и достоинство сельского учителя Спиридона Мциришвили—типичного представителя поднимавшейся из недр народа новой трудовой интеллигенции. Тариэл пал жертвой своих преступлений—он умер от руки Спиридона.

Сюжет «Рыцаря нашей страны», как «Симона», построен на столкновении представителей двух противоположных социальных сил. Если в «Симона» такое непримиримое столкновение происходит между кулаком Дроидзе и крестьянином-бедняком Дзаладзе, то в «Рыцаре нашей страны» изображена столь же ожесточённая

схватка не на жизнь, а на смерть между последышем деградированного дворянства Мклавадзе и представителем трудовой интеллигенции Мциришвили.

Тариэл Мклавадзе относится к числу наиболее ярких образов, вышедших из-под пера Э. Ниношвили. Это живое олицетворение давно изжившего себя, но пока ещё держащегося на поверхности социальной жизни дворянского сословия, полное вырождение которого ускорялось всем ходом процесса капиталистического развития. Но отмирающее дворянство не мирилось со своей судьбой. Дворянство упорно цеплялось за свои сословные преимущества, за патриархальные традиции, и чем больше действительность разрушала основы его претензий на привилегии, тем с большим остервенением оно наступало на всякие прогрессивные проявления в общественной жизни. Тариэл Мклавадзе—типичный выразитель этого периода социальной биографии дворянского сословия. Получивши паразитическое воспитание, он ещё с раннего детства отказался от учёбы, от всякой трудовой деятельности и привык кичиться своей внешностью и родовитым происхождением. Находя единственный смысл и оправдание своего существования в бесконечных кутежах и дебошах, он не знал и не терпел никаких преград на пути удовлетворения своих низменных желаний. В своих авантюрных скитаниях Тариэл Мклавадзе столкнулся с верным сыном трудового народа Спиридоном Мциришвили. Этот последний, народный учитель, вместе со своей женой Деспине мечтал посвятить свою жизнь и знания делу избавления трудового народа от вековой тьмы и беспросветной жизни. Спиридон и Деспине были полны решимости беззаветно служить делу счастья народа. Но эта их благородная мечта столкнулась с грубой действительностью самодержавного, буржуазно-дворянского строя, предоставлявшего Тариэлу Мклавадзе права и возможности для преступных действий.

Особое место в творчестве Э. Ниношвили занимает большой рассказ «Христине». Это замечательное произведение, отображающее тяжёлую судьбу прекрасной крестьянской девушки, коварно обманутой развратником-дворянином Ясоном Укмадзе и потом очутившейся на дне городской жизни. «Христине»—первое произведение в грузинской художественной литературе, отображающее аморальность буржуазного общества.

Ясон Укмадзе, как и герой повести «Рыцарь нашей страны» Тариэл Мклавадзе, является типичным представителем вырождающегося, экономически разорённого, умственно и морально опустошённого дворянства. Единственный смысл жизни Ясона заключается в удовлетворении собственных низменных влечений, и он не брезгает на этом пути ничем. Он сумел лицемерными обещаниями и клятвами вскружить голову честной и доверчивой крестьянской девушке Христине. А когда у Христине появился ребёнок, Ясон отвернулся от неё и оставил женщину в тяжёлом положении. Ушла она от жизни одинокая, лишённая сочувствия и сострадания.

Изображая горестную судьбу Христине, писатель предьявлял суровый обвинительный акт деградированному дворянству и безнравственному буржуазному обществу, всему тому уродливому общественно-политическому строю, жертвами дикости и бесчеловечности которого явились тысячи и десятки тысяч Христине. Это произведение имело огромную популярность в Грузии и снискало высокую оценку и в литературной критике.

В рассказе «Писарь Мосе» писатель нарисовал яркий образ, с большой силой передающий антинародную природу царского чиновничества, его характерные черты—лживость, взяточничество и т. п. Этот рассказ, как и все главнейшие свои произведения, Э. Ниношвили написал на основе действительно имевших место событий, конечно, художественно разработанных автором и поднятых до уровня типичных обобщений.

Таким образом, в своём творчестве Э. Ниношвили ярко отразил все основные социальные силы деревни, действовавшие в конце прошлого столетия. Состояние и взаимоотношение этих социальных сил Э. Ниношвили рисовал не с точки зрения нейтрального наблюдателя, а с позиций поборника интересов трудового крестьянства,

выразителя его мыслей и устремлений. Ограничившись, главным образом, изображением деревенской жизни, Э. Ниношвили не показал в своём творчестве сформировавшихся в городе новых социальных взаимоотношений. В частности, он не дал ни одного образа рабочего, представителя промышленного пролетариата. Единственный рассказ «Приют рабочих», который должен был отобразить труд и быт рабочего класса, остался у писателя незаконченным.

Это обстоятельство объясняется тем, что в годы, когда Э. Ниношвили создавал свои беллетристические произведения, он ещё не был знаком с марксистским мировоззрением, с марксистским учением, не был приобщён к нему. Идеиная эволюция писателя от позиций народничества к теории научного социализма к этому времени не была завершена. К концу же своей жизни, когда писатель ознакомился с марксистским учением, он не писал художественных произведений и занимался исключительно публицистикой. К тому же при жизни Э. Ниношвили «Месаме-даси», как известно, стояла на позициях легального марксизма и экономизма.

Учитывая эти обстоятельства, становится понятным, почему в художественном творчестве Э. Ниношвили не изображён революционный пролетариат, не воплощено его классовое мировоззрение. Потому-то в нарисованных писателем остро обличительных картинах социальной действительности мы не находим перспектив переустройства жизни. Все положительные герои Ниношвили гибнут, не найдя правильных методов борьбы за свои права и интересы.

Э. Ниношвили был художником того периода в развитии общественной жизни нашей страны, который непосредственно предшествовал подъёму революционного движения пролетариата. Как писатель он явился одним из ближайших предшественников пролетарской литературы в Грузии.

Исключительная сила воздействия произведений Э. Ниношвили объясняется, в первую очередь, их предельной жизненной правдивостью и идейной целеустремлённостью. Изображая виденные и пережитые им события социальной действительности, писатель освещал эти явления светом своих революционных идеалов, которые он пламенно и страстно воплощал в системе художественных образов.

Слишком кратковременной была творческая жизнь Э. Ниношвили. На протяжении пяти лет создал он все художественные произведения, составляющие его творческое наследие. За эти годы писатель был вынужден выполнять тяжёлый и изнуряющий физический труд для добывания средств к существованию. Можно сказать, что у него не было почти ни одного дня, всецело посвященного творческой деятельности. Если учесть при этом тяжёлую болезнь писателя именно в последние годы жизни, то станет ясным, в каких неблагоприятных условиях приходилось Э. Ниношвили создавать свои произведения. И если при всём этом ему удалось занять видное место среди любимейших писателей грузинского народа и выдержать испытание времени, это надо приписать его большому художественному дарованию, исключительной наблюдательности, его безграничной любви и преданности родине, трудовому народу. Всё это позволило писателю создать произведения, не теряющие со временем силу идейно-эстетического воздействия. Каждое произведение Э. Ниношвили содержит остро драматизированный сюжет, основной конфликт которого в большинстве случаев построен на столкновениях противоположных характеров представителей враждебных друг другу социальных сил. Э. Ниношвили—превосходный мастер типических образов. Персонажи всех его произведений одновременно являются и живыми, полнокровными людьми, ярко выраженными характерами, и собирательными типическими образами. Э. Ниношвили глубоко проникает в духовный мир своих героев и с большой непосредственностью раскрывает его перед читателем.

ДАВИД КЛДИАШВИЛИ

Давид Клдиашвили—выдающийся представитель грузинского критического реализма конца XIX и начала XX в., один из крупнейших мастеров грузинской классической художественной прозы.

В предисловии автобиографического произведения «На моём жизненном пути» Д. Клдиашвили писал: «В этих кратких воспоминаниях не будет ничего приукрашенного. Будет только действительность, действительность, которой я неуклонно служил на всём моём писательском пути». И в самом деле, жизненная правда, виденная и пережитая писателем действительность составляли источник его вдохновения, единственный предмет его изображения, всё содержание его творчества.

Установлено, что нарисованные Давидом Клдиашвили типы являются синтетическими образами людей, которых лично знал писатель, с которыми он непосредственно встречался и общался. Известно также, что сюжеты его лучших произведений построены на основе реальных жизненных событий, переработанных писателем в соответствии со своими творческими устремлениями.

Д. Клдиашвили выступил на литературном поприще в 90-х годах прошлого века и в этот период написал наиболее характерные свои произведения. В сложной социальной обстановке этого времени сформировались общественные идеалы и творческая индивидуальность писателя. Один из основных процессов социальной действительности этого периода привлек преимущественное внимание и творческий интерес Д. Клдиашвили. Это был процесс вырождения и полного разорения дворянского сословия, ставший особенно наглядным и ощутимым в Грузии в конце прошлого века, в период быстрого развития промышленного капитализма. По своему происхождению Д. Клдиашвили принадлежал к дворянскому сословию. Однако, как и его славные предшественники Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Александр Казбеги, Георгий Церетели и другие, писатель вовсе не ограничился мировоззрением и интересами породившего его класса. Наоборот, в своём творчестве Д. Клдиашвили правдиво показал обречённость феодального общества, высмеял духовную опустошённость последних потомков дворянства, выявил ничтожество их мыслей, чувств, интересов. И всё это Д. Клдиашвили изобразил с такой реалистической силой и художественной убедительностью, что его творческое наследие по праву может занимать место в одном ряду с лучшими произведениями русской и европейской литературы, рисующими сумерки феодального мира.

Острый, наблюдательный глаз, с одинаковой силой проникающий в тонкости быта и в тайники человеческой души, умение рисовать яркие, живые человеческие характеры, предельная ясность и чёткость рисунка, естественность повествования характеризуют Д. Клдиашвили, как большого художника-реалиста.

Благородным чувством любви и сострадания к человеку, возвышенным гуманизмом пронизано всё творчество Д. Клдиашвили. С полным правом писатель говорил о себе: «Всё, что я писал, писал из-за любви к человеку».

Жизнь писателя. Давид Самсонович Клдиашвили родился 11 сентября 1862 г. в Западной Грузии, в небольшой деревне Симонети (ныне Чхарского района), в семье обедневшего дворянина. Проведя детские годы в деревне, он с ранних лет был очевидцем разорения «дворянских гнезд». Одновременно познал он и тяжёлую, беспросветную жизнь грузинского крестьянства, подвергавшегося и в послереформенное время двойному гнёту—социальному и национальному. Будущий писатель проникся чувством любви и сострадания к трудовому народу, ненавистью и негодованием к его угнетателям.

Семилетнего Давида взяли на учёбу в Кутаиси. Однако недолго пришлось ему остаться в этом городе. Царское правительство в те времена ежегодно отправляло по 80 детей грузинских дворян в Россию, в военные учебные заведения. Так, в 1872 г. девятилетнего Д. Клдиашвили отправили в Киев и определили в киевскую военную гимназию. Нелегко было оторванному от родной среды и очутившемуся на чужбине мальчику ужиться с удушающим режимом этого учебного заведения. Здесь он сблизился с

обучавшимися в Киевской духовной академии молодыми грузинами, среди которых находился известный грузинский писатель-народник Нико Ломоури. С помощью новых друзей будущий писатель приобщился к передовым общественным и литературным идеям эпохи, проникся стремлением служить делу свободы и счастья народа.

В 1880 г. Д. Клдиашвили окончил Киевскую военную гимназию и был направлен в Московское военное училище, по окончании которого получил назначение на военную службу в г. Батуми.

Д. Клдиашвили был одним из инициаторов организации грузинского драматического театра в Батуми, воскресных школ для рабочих, бесплатных школ для детей городской бедноты, кассы взаимопомощи для рабочих и т. д. Писатель активно участвовал в разгоравшейся вокруг городского самоуправления борьбе, смысл которой заключался в том, чтобы не дать иноземным промышленникам и царским чиновникам полновластно хозяйничать в Батуми.

С начала 80-х годов в грузинской прессе стали появляться корреспонденции Д. Клдиашвили по актуальным вопросам общественной жизни.

На глазах писателя прошёл весь процесс зарождения батумского пролетариата и подъёма его классовой революционной борьбы. Д. Клдиашвили был знаком и дружен со многими передовыми батумскими рабочими и пользовался большой любовью и доверием среди рабочих. В своих мемуарах писатель описывает один из ярчайших эпизодов революционной борьбы грузинского пролетариата—грандиозную политическую демонстрацию батумских рабочих 9 марта 1902 г., организатором и руководителем которой был И. В. Сталин. Д. Клдиашвили не только отказался выставить против рабочих-демонстрантов войсковую часть, которой он командовал, но, наоборот, всеми средствами сопротивлялся кровавой провокации слуг самодержавия, организовавших злодейский расстрел рабочей демонстрации. Учинённая в этот день царскими палачами зверская расправа с революционными рабочими произвела тяжёлое впечатление на писателя.

Выступление батумского пролетариата нашло широкий отклик по всей России, им заинтересовались и широкие круги прогрессивной русской интеллигенции. Д. Клдиашвили выехал в Петербург и участвовал в нелегальном собрании видных передовых представителей революционно-настроенной интеллигенции, посвященном батумским событиям.

В период революции 1905 г. не один участник революционного движения находил убежище на квартире Д. Клдиашвили. Писатель даже снабжал патронами и вооружением рабочих-революционеров. Он открыто принял участие в одной из больших политических демонстраций трудящихся Батуми. Свирепый черносотенец генерал Грязнов вызвал к себе в Тифлис Клдиашвили для личного допроса и жестокого наказания. Писателя спас счастливый случай—убийство генерала Грязнова революционером Арсеном Джорджиашвили, отомстившим царскому палачу за установленный им в Грузии режим кровавого террора. Дело обошлось увольнением Д. Клдиашвили с военной службы. Писатель переехал на жительство в г. Кутаиси и всецело отдался литературной и общественной деятельности.

В 1914 г., в связи с началом империалистической войны, Давида Клдиашвили вновь призвали в армию и направили на русско-турецкий фронт. Находясь под Трапезундом, писатель оказывал активное содействие и покровительство грузинскому населению, проживающему на захваченных турецкими насильниками грузинских землях. На этой почве у Д. Клдиашвили часто возникали острые конфликты с военными властями. Писателя привлекли к суровой военной ответственности. От угрожающей ему смертной казни писателя спасла Февральская революция. С этого времени он навсегда ушёл с военной службы, некоторое время проживал в Кутаиси, а затем поселился в родной деревне Симонети и там, среди любимых соседей-крестьян, провёл последние годы своей жизни, часто приезжая в Тбилиси.

Победу социалистической революции в Грузии Д. Клдиашвили встретил восторженно. В этом событии писатель увидел осуществление своих мечтаний и устремлений, полное освобождение и возрождение своей родины.

В выступлениях на писательских съездах и конференциях и других собраниях он горячо призывал грузинскую интеллигенцию к деятельному сотрудничеству с победившей советской властью и сам давал образцы беззаветного творческого труда на благо советской культуры, молодого Советского государства. Несмотря на старость и болезнь, писатель до последних дней жизни продолжал плодотворную литературную деятельность. За годы советской власти он написал несколько рассказов и большое автобиографическое произведение, являющееся художественной летописью не только жизненного пути писателя, но и развития грузинской культуры и общественной мысли на протяжении полувека.

В 1930 г. грузинская советская общественность ознаменовала 40-летие литературной и общественной деятельности Д. Клдиашвили. Юбилей вылился в подлинное народное торжество. Народ искренно выразил чувство признательности своему любимому писателю. Юбиляру было присвоено высокое звание Народного писателя республики. В взволнованных словах благодарности маститый писатель говорил о великом счастье свободы и возрождения, которое принесла грузинскому народу советская власть. Это было последнее публичное выступление Д. Клдиашвили—достойный апофеоз его славного жизненного пути.

Умер Д. Клдиашвили 24 апреля 1931 г. в родной деревне Симонети. Останки писателя были перевезены в Тбилиси и с большими почестями преданы земле на горе Давида, в Мтацминдском пантеоне грузинских писателей и общественных деятелей.

Творчество Д. Клдиашвили. Стремление к литературному творчеству Д. Клдиашвили проявил ещё в ученические годы. Будучи учеником Киевской военной гимназии, он стал писать рассказы, участвовать в рукописных ученических журналах. В Московском военном училище он уже сам был инициатором рукописного литературного журнала и одним из его активнейших сотрудников. В эти годы он перевёл на русский язык произведения грузинского писателя-народника Н. Ломоури. В печати же впервые Д. Клдиашвили стал выступать с начала 80-х годов, когда в тбилисских газетах появились его корреспонденции из Батуми. Одновременно он начал публиковать свои переводы на грузинский язык ряда произведений русской, французской и немецкой литературы. С начала 90-х годов Д. Клдиашвили выступает в грузинской печати уже с оригинальными художественными произведениями. Писал Д. Клдиашвили с большим воодушевлением и увлечением. «Это была не работа, а высшее удовольствие»,—говорил писатель о своей творческой деятельности этих лет. Литературная критика и общественность с большим интересом встречали появление каждого нового произведения Д. Клдиашвили. Грузинский театр также высоко оценил его драматургические творения и включил их в свой репертуар. Потому-то своё автобиографическое произведение Д. Клдиашвили заканчивает следующими словами: «Это тёплое, любовное отношение сопровождало мою литературную деятельность и никогда не покидало меня. Поэтому свой литературный путь я считаю счастливо пройденным путём».

«Проклятие» и «Жертва»—первые художественные произведения Д. Клдиашвили. Они являются менее характерными для писателя как с точки зрения сугубо своеобразного мира его образов и тем, так и с точки зрения его ярко выраженного индивидуального художественного стиля. В этих произведениях, написанных в начале творческого пути, Д. Клдиашвили, пока ещё следуя традициям писателей-народников, изображал тяжёлую, беспросветную жизнь трудового крестьянства, показывал пагубные последствия невежества, суеверия, патриархальных бытовых традиций, частнособственнического инстинкта, царивших в деревне в условиях помещичье-буржуазного строя.

В рассказе «Проклятие» писатель нарисовал образ крестьянина, ставшего жертвой собственного невежества. Герой рассказа Кацيا Сагунашвили не захотел уступить деревне клочок своей земли, необходимый для проведения новой дороги взамен разрушившейся старой. Никакие просьбы и уговоры соседей не смогли сломить упрямства Сагунашвили. Он не подчинился и постановлению суда, разрешившего спор в пользу деревни. Кация обошёл все судебные инстанции, израсходовался, разорился, лишь бы не уступить соседям. Но когда все эти старания оказались тщетными, рассвирепевший Кация обратился уже к «небесному судье». На глазах всей деревни Кация проклял своего соседа Андрея Чурашвили, которого он считал главным виновником причинённых ему неприятностей. Кация был уверен, что святой Георгий, которого он избрал судьёй между собою и деревней, жестоко накажет Андрея. Но и эта надежда не оправдалась. Тогда Кация восстал и против бога. В один праздничный день, когда вся деревня была собрана в церковь, Кация публично порицал святого Георгия, оказавшегося глухим к его просьбам. Это выступление Сагунашвили возмутило и потрясло всю деревню. Соседи окончательно отошли от него, как от хулителя божества. Оказавшись в полном одиночестве, забытый и отвергнутый всеми, Кация Сагунашвили испытывал тяжёлое душевное состояние. Кроме озлобленности на соседей, им овладел и страх перед богом. Эти волнения и душевные потрясения сломили здоровье Сагунашвили. Он заболел и умер в тяжёлых душевных муках, лишённый сочувствия и утешения с чьей-либо стороны. Крестьяне даже не проводили его в последний путь, боясь разгневать бога. Так погиб человек, находившийся в плену частнособственнических инстинктов, которые веками внедрял и воспитывал в крестьянстве уродливый общественно-политический строй.

Ужасающую картину убогой крестьянской жизни, омрачённой патриархальными предрассудками и суеверием, нарисовал Д. Клдиашвили в рассказе «Жертва». Все основные персонажи этого произведения—представители трудового крестьянства—несчастливые люди, которых угнетают не только нужда и безотрадный труд, но и собственное невежество и тьма, во власть которых брошены эти люди буржуазно-помещичьим, самодержавным строем.

В рассказе писатель показал, до какой дикости и озлобления доводили людей, на какие страдания и несчастье обрекали их царившие в старой деревне патриархальные нравы, невежество и тёмные предрассудки, порождаемые уродливым укладом жизни.

Наряду с острым критическим отношением к современной социальной действительности писатель в этих произведениях проявил высокое мастерство реалистического изображения народного быта и обрисовки ярких человеческих характеров. В рассказе «Жертва» мы уже встречаемся с типичным представителем деградированного дворянства, хотя и скупое, эскизно нарисованное. Это обедневший дворянин Давид Каругделадзе—паразит с опустошённой душой и развращённой моралью.

Умственное и нравственное вырождение дворянского сословия, естественно последовавшее за экономическим разорением этого класса, с огромной художественной силой и правдивостью изобразил Д. Клдиашвили в образе Соломона Морбеладзе, героя одноимённой повести, относящейся к числу лучших произведений писателя.

В летописи художественного отображения упадка и отмирания феодального общества Д. Клдиашвили имел немало предшественников в грузинской классической литературе. Замечательные произведения на эту тему создали выдающиеся грузинские писатели XIX в., начиная от родоначальника грузинского критического реализма Георгия Эристави и кончая замечательным романистом Георгием Церетели. Но в творчестве Д. Клдиашвили эта тема разработана особенно остро и многогранно. Писатель показал положение дворянского сословия уже в эпоху быстро развивающегося промышленного капитализма, когда оно теряло привилегии.

И чем больше люди этого класса ощущали свою историческую обречённость, тем они сильнее ухватывались за свои сословные, родовые привилегии, видя в них единственную свою опору. Так возникало противоречие между реальным положением

людей деградирующего класса и их консервативной психикой, пустым сословным высокомерием. Это противоречие ставило их одновременно в смешное и жалкое положение. Ярким олицетворением деградирующего дворянского сословия является созданный Давидом Клдиашвили образ Соломона Морбеладзе.

Повествуя о судьбе Соломона Морбеладзе, писатель нарисовал яркие картины дворянского быта и галерею типичных представителей этого сословия, показал, до какого духовного опустошения, нравственного упадка и измельчания интересов, чувств и переживаний довело этих людей постигшее их в новых условиях экономическое разорение. Так воплотил писатель в образе Соломона Морбеладзе, нарисованном с большим художественным мастерством, судьбу целого сословия, обречённого историей на неминуемую гибель.

С предельной убедительностью показал Д. Клдиашвили в «Мачехе Саманишвили», как действительность беспощадно опрокидывает и развеивает в прах все беспочвенные надежды, расчёты и ожидания обречённого на гибель класса.

Герой этого произведения Платон Саманишвили такой же обедневший дворянин, как и Соломон Морбеладзе. Но в отличие от него Платон отказался от пустого дворянского высокомерия, взялся за работу и своим тяжёлым трудом прокармливает семью. Нелегко живётся Платону, но он не ропщет на судьбу, а даже доволен ею. На чём же основано это довольство? На том, что он является единственным сыном своего отца Бекины. Отец уже стар, и, следовательно, Платон застрахован от опасности появления брата. Ему не с кем будет делить и без того убогое отцовское хозяйство. Платон и его жена Мелания искренно благодарят бога и за это счастье. Обедневшие дворяне со страхом и ужасом смотрели на появление каждого лишнего человека в их семье. Так представители отмирающего класса восставали против законов жизни и развития человеческого общества, даже против деторождения, ибо нормальный ход истории ускорял гибель обречённого класса. «Плохое застало нас время, очень плохое. И народ размножается. Может быть, война расчистит этот мир»,—говорит Платон одному из своих собеседников, и в этих словах он осязательно выражает душевное состояние не только отмирающего дворянства, но и всякого реакционного класса, охваченного смертельной агонией.

Рождение ребёнка, казалось бы, самое радостное и счастливое событие, принесло только горе и несчастье семье Саманишвили, ибо всё, нормальное и естественное противоречит жизненным интересам отмирающего сословия. Так исчезли довольство и спокойствие Платона Саманишвили, ибо олицетворённому в его образе обречённому классу не суждены счастье и спокойствие.

Художественным утверждением этого извечного закона истории и является замечательное произведение Давида Клдиашвили.

Из всех произведений Д. Клдиашвили «Невзгоды Камушадзе»—самое обширное по объёму, самое сложное по сюжетной композиции, и самое многообразное по типажу. В этой повести Д. Клдиашвили в наиболее сгущённых красках и со всей реалистической правдивостью отобразил процесс экономического обнищания, умственной и нравственной дегенерации, физического вырождения дворянского сословия. Изображая судьбу одной дворянской семьи Камушадзе, писатель показал, с какой беспощадностью разоряет жизнь «дворянские гнёзда», как потерявшие всяческую почву под собою последние потомки феодального класса покидают деревню и уходят в город, где их ждёт не менее тяжёлая участь.

Герой повести Отиа Камушадзе и его мать Еквирине глубоко оскорблены тем, что их сосед Квелидзе отказался выдать свою дочь замуж за Отиа. Для удовлетворения обиженного дворянского самолюбия необходимо найти для Отии такую невесту, которая затмила бы дочь Квелидзе. С помощью одного дальнего родственника, сбежавшего в город обедневшего дворянина Порфирия Биашвили, Отие удалось жениться на городской девушке Соне Джинчарадзе. Отиа и Еквирине торжествуют свою победу. Они устраивают

пышный свадебный пир, продав для этого что попало под руку, влезши в непосильные для их семьи долги. Но отшумела свадьба, разошлись гости, и Соня, думавшая, что выходит замуж за богатого дворянина-помещика, увидела, в какой глуши, в окружении какой нищеты и невежества очутилась она. Женщина с ужасом смотрит на «имение» своего мужа. Кукурузник и винные кувшины пустуют, огород и виноградник заросли травой. Всё кругом отмечено печатью убожества и разорения. Еквирине утешает невестку, рассказывая ей, что здесь в прошлом всего было полно и в изобилии и, вероятно, так же будет и в будущем. Но за этими пустыми словами Соня ясно видит, как бесповоротно кануло в вечность прошлое этих людей и как беспочвенны все их надежды на будущее. Чем ближе знакомится Соня с деревенской жизнью, тем более ужасающие картины раскрываются перед её глазами. Писатель как бы нарочно ввёл постороннего человека, городскую женщину, в этот мир отмирающего дворянства, чтобы через её восприятие ярче воспроизвести картину царившего здесь полного упадка и вырождения.

Захотев познакомиться с близкими родственниками мужа, Соня очутилась в семье Левана Камушадзе—родного дяди Отии. Здесь она видит неопишную нищету и развал. Хозяева постеснялись даже привести невестку в дом; сам Леван, изнурённый голодом старик, предстал перед Соней, как живой труп, наглядное олицетворение состояния всего рода Камушадзе, всего сословия. Но не только имущественное положение этих людей потрясло Соню,—она увидела, до какого озлобления и бешенства довели нужда и безотрадная жизнь этих «осенних дворян». «Осенние дворяне»—так прозвал зажиточный крестьянин Самададзе одного из местных дворян, и Соня скоро узнала смысл этого прозвища. Осенью в деревне жизнь протекала сравнительно оживлённо и весело. Но вот настало лето, и у Отии Камушадзе не стало кукурузы. Пришлось обратиться за помощью к Самададзе—крёстному отцу ребёнка Сони и Отии. Ночью привезли кукурузу от Самададзе, чтобы в деревне не узнали о таком позоре, что дворянин берёт кукурузу у крестьянина. Но на этом невзгоды семьи Камушадзе не кончились. В деревне появился пристав, который собирает государственный налог и у неплательщиков запечатывает амбары. В числе таких оказался и Отиа Камушадзе. Семья оказалась перед угрозой голода.

Каждый новый день всё больше убеждает Соню, что она оказалась в безвыходном положении. Остаться в таком положении невозможно, в деревне не видно никакого спасения. Следовательно, надо сбежать из деревни, уйти в город и там искать какие-либо пути к человеческому существованию. Отиа и Еквирине вначале решительно сопротивлялись такому намерению Сони, они всё же надеялись на что-то, но время проходило, и жизнь наносила всё новые и новые удары их семье. Страх и безнадёжность всё больше овладевают Соней; она присутствовала при смерти Левана Камушадзе и увидела, что человек умер от голода. Соня с ужасом подумала о будущем своего маленького сына, об его горькой судьбе, если во-время не будет найден какой-либо выход из этой мрачной, тяжёлой жизни. Ко всему этому прибавилось моральное угнетение, которое повседневно приходилось переживать Соне среди невежественных, озлобленных и безжалостно травящих друг друга людей. И она окончательно решила покинуть деревню. Отиа больше не мог удерживать её, он был вынужден согласиться с доводами жены. С большой болью в сердце прощался Отиа с родной деревней, собственным очагом, откуда его так беспощадно изгоняла жизнь. Они продали дом, усадьбу, всё имущество и переселились в город.

Нам неизвестно, какая судьба постигла их в городе. В конце повести мы видим Камушадзе в состоянии неопределённых ожиданий и неясных надежд. На этом заканчивается повествование. Городская жизнь семьи Камушадзе не входила в тему этого произведения. Писатель в данном случае хотел показать разорение и конец одной дворянской семьи, олицетворяющей историческую судьбу целого сословия. И эту творческую задачу писатель разрешил блестяще и в совершенстве.

Кроме рассказов и повестей, творческое наследие Д. Клдиашвили содержит три драматургических произведения, относящихся к числу лучших образцов грузинской классической драматургии. Его пьесы «Счастье Ирины», «Тяготы Дариспана» и «Несчастье» по сей день занимают видное место в репертуаре грузинского советского театра. Как по своему идейно-тематическому содержанию, так и по художественному стилю эти произведения находятся в тесной связи с беллетристическим творчеством Д. Клдиашвили. В них изображены те же социальные процессы и выражены те же идеи и общественные устремления, которые составляют содержание всего творчества Д. Клдиашвили.

В «Счастье Ирины» писатель с большой изобличающей силой показал пагубные последствия царивших в дворянской среде патриархальных взглядов и обычаев. Героиню этой пьесы, прекрасную и благородную девушку Ирину, против её желания выдали замуж за Абесалома Саламтадзе только потому, что он был из состоятельной дворянской семьи. Имущественное положение и дворянство Абесалома делали непререкаемыми все его желания и капризы. Ирина искренно любила молодого, умного и трудолюбивого крестьянина Родамашвили, но кто посчитался бы с сердцем женщины, когда кругом царили корысть и раболепное преклонение перед сословными и имущественными привилегиями? Ирина была вынуждена покориться судьбе и стала честной, верной женой Абесалома. Но легкомысленный кутила и балагур, безнравственный Абесалом, скоро остыл к жене и стал по всякому поводу придираться к беззащитной женщине, издеваться над ней без всякого основания, клеветать на неё и оскорблять. Дело дошло до того, что Абесалом чуть не убил Ирину в присутствии её отца и других гостей. В финале пьесы мы видим горько рыдающую Ирину, ставшую жертвой диких патриархальных нравов, царивших в среде деградированного дворянства.

В комедии «Тяготы Дариспана» Д. Клдиашвили нарисовал типичный образ разорившегося дворянина Дариспана Карсадзе. У него четыре взрослых дочери, и ни одну он не может выдать замуж. Женихи расценивают невест не по их личным качествам, а лишь по размеру приданого. А так как у бедного дворянина нет денег, то дочери Дариспана стареют девами, а кроме всего остального, кормить четырёх уже взрослых девушек, одевать их, обувать становится всё труднее. И вот, несчастный Дариспан ходит по свету, водит с собою старшую дочь Карожну и тщетно ищет жениха для неё. Во время путешествия Дариспан попал в семью одной своей дальней родственницы, где ожидали гостя—молодого человека Осико Харабадзе. Дариспан окрылился надеждой,—быть может, этому Харабадзе понравится Карожна, и он женится на ней. Он пустил в ход всё своё красноречие, ловкость, хитрость. Ему пришлось выдержать напряжённую борьбу с дворянкой Пелагией, которая также старалась отвоевать Осико и выдать за него свою дочь Наталию. Обе девушки и их родители из кожи лезут, чтобы завоевать внимание и симпатию жениха. А для Осико существует единственный вопрос: «Сколько у неё приданого?» А когда выясняется, что ни одна невеста не располагает никаким приданым, Осико хладнокровно заявляет, что он уже помолвлен и, следовательно, ни Карожна, ни Наталия его не интересуют. Разочарованный Дариспан, проклиная свою судьбу, вновь пускается в путь, чтобы искать жениха для Карожны. Образы действующих лиц этой комедии, а в особенности Дариспан и Карожна, достигают большой обобщающей силы и относятся к числу наиболее ярких и художественно совершенных образов, созданных в грузинской классической драматургии. Пьеса проникнута острым юмором, характеризующим и лучшие беллетристические произведения Д. Клдиашвили.

Особое место в творческом наследии писателя занимает пьеса «Несчастье». Эту пьесу Д. Клдиашвили писал в годы первой мировой войны, и в ней с глубоким драматизмом отразил атмосферу неисчислимых страданий и мучений, которые обрушили на голову народных масс коварные организаторы разбойничьей империалистической войны.

Перу Д. Клдиашвили принадлежат повести и рассказы «Микела», «В приходе», «Ростом Манвелидзе», «Свиньи Бакулы» и другие и большое автобиографическое произведение.

В своём творчестве Д. Клдиашвили ярко и правдиво, с большой изобличительной силой отобразил определённые стороны социальной действительности конца XIX—начала XX вв. Своими художественными произведениями он обогатил и развил славные реалистические и демократические традиции передовой грузинской литературы и оказал плодотворяющее воздействие на её последующее развитие.

ВАСИЛИЙ БАРНОВ. ШИО АРАГВИСПИРЕЛИ

В девяностых годах прошлого века, одновременно с Эгнате Ниношвили и Давидом Клдиашвили, на литературном поприще выступили Василий Барнов, Шио Арагвиспирели (Дедабришвили), Лалиони (Арсен Мамулайшвили), Анастасия Эристави-Хоштария, Дуту Мегрели (Димитрий Хоштария), Иа Экаладзе (Яков Цинцадзе) и др. Следуя традициям критического реализма, они в своём творчестве отображали разные стороны новой социальной обстановки, создавшейся в стране на рубеже двух столетий, показывали угнетённое положение трудового народа, выявляли уродства и пороки буржуазно-помещичьего самодержавного строя.

Василий Барнов. Василий Барнов родился в 1856 г. в селении Кода, недалеко от Тбилиси, в семье священника. Предки писателя происходили из Месхети—южной провинции Грузии, где они жили в селении Барнави. Отсюда и произошла фамилия Барнавели, которая впоследствии была переделана в Барнова. Детские годы В. Барнов провёл в картлийских и хевсурских деревнях. Обучившись грамоте у матери, привившей будущему писателю любовь к родной литературе и народным сказкам и преданиям, В. Барнов поступил в Тбилисское духовное училище, по окончании которого продолжал учёбу в Тбилисской духовной семинарии. В 1878 г. он поступил на исторический факультет Московской духовной академии, который окончил с магистерским званием в 1882 г.

Вернувшись на родину, он начал педагогическую и общественно-литературную деятельность, которой и посвятил всю свою жизнь.

Умер В. Барнов в 1934 г. Он похоронен в Тбилиси на горе Давида, в Мтацминдском пантеоне грузинских писателей и общественных деятелей.

В многочисленных своих рассказах и повестях В. Барнов в суровых реалистических красках нарисовал хищнический облик появившейся в городе и на селе в эпоху развития капитализма новой эксплуататорской силы—буржуазии. Свою гневную ненависть к буржуазному обществу писатель ярко выразил в рассказе «Торжество змея», в котором капиталистический строй охарактеризован, как торжество ядовитого пресмыкающегося, безжалостно уничтожающего всё доброе, светлое и радостное в жизни, но и самого обречённого на неизбежную гибель. Герой этого рассказа рыжий Петре, ловкий, жадный, хитрый деревенский паренёк со змеиным взглядом, ушёл в город и занялся торговлей. Он скоро разбогател, проявив необходимое для этого умение, не останавливаясь ни перед какими гнусностями и злодеяниями. Ставши богатым купцом, Петре построил себе большой дом в одном из окраинных районов города; с тех пор потеряли покой проживающие по соседству с ним честные труженики.

Стремясь к бесконечному расширению своего имения, Петре начинал приставать то к одному, то к другому соседу и не успокаивался, пока не сгонял их с насиженных мест, пока не овладевал их крошечными двориками. Так изо дня в день росло и расширялось имение Петре за счёт разорения бедных соседей. Параллельно с этим в рассказе изображена аллегорическая картина: на склоне горы, на солнцепёке греются птички. Радостно щебечут они, упиваясь счастьем весны, света, тепла. Но из расщелины скалы выползает огромная змея, она выбирает себе жертву и внезапно нападает на неё,

поглощает несчастную птичку и спокойно возвращается в свою нору, как будто ничего не случилось. Так каждый день охотился презренный гад, он всё жирел, рос, толстел. Но раз на небосклоне появилась туча, поднялась буря, пошёл ливень и посыпался крупный град. И когда прояснилось, люди увидели, как у подножья скалы, вверх брюхом валялась мёртвая змея. Её убило градом и снесло ливнем. «Так случится и с Петре! И его ядовитое существо уничтожит страшная лавина, непреодолимые волны бушующего моря»,— заключает писатель.

Так в этом произведении В. Барнов показал подлинное лицо буржуазии, но он предчувствовал её приближающуюся гибель. Пока же буржуазия торжествовала не только в городе. Она ворвалась и в деревенскую жизнь, где так же беспощадно губила счастье людей, отравляла все возвышенные людские чувства и устремления. Об этом повествует рассказ В. Барнова «Невеста Теберы». Бедный свинопас Тебера и выросшая в нищете и сиротстве крестьянская девушка Эона искренно и глубоко полюбили друг друга. Эта любовь явилась единственным счастьем этих придавленных нуждой и беспросветной жизнью, но честных, благородных, чистосердечных молодых людей. Но к несчастью, Эона понравилась богатому торгашу, развратному духанщику, пожилому вдовцу Тевдоре. И так как преданная своей любви к Тебере девушка не согласилась стать предметом удовлетворения животных инстинктов купца, то Тевдоре решил силой и деньгами овладеть Эоной. Богатого торговца поддержал отчим Эоны—Каклуа, бывший в деревне полицейским. Каклуа безжалостно избил Эону в присутствии гостей за то, что она посмела отказаться от «счастья» быть женой Тевдоре. Потрясённой таким диким насилием девушке показалось, что её душит змея, ибо в горящих от бешенства и блудливой страсти глазах Тевдоре Эона видела змеиный взгляд. Девушка не выдержала этих страданий, тяжело заболела и навсегда лишилась ума. Так загубил счастье и жизнь Эоны и Теберы безнравственный торговец, поддерживаемый полицейским.

Во многих своих произведениях гневно ополчался писатель на угнетателей народа, на представителей буржуазии и царского чиновничества, а с другой стороны с большой любовью и сочувствием рисовал образы городской и деревенской бедноты: крестьян, мелких ремесленников, людей честного физического и умственного труда.

Одновременно В. Барнов разрабатывал исторические сюжеты, отображая разные эпохи многовековой исторической жизни грузинского народа. В его исторических романах «Разрушение Армази», «Поблѣкший нимб», «Мученическая любовь», «Царица Византии», «Георгий Саакадзе», «Заря Исани» и других воспроизводятся значительнейшие события грузинской истории на протяжении почти пятнадцати веков—с начала IV в., когда Грузия приобщилась к христианскому миру, до конца XVIII в., когда грузинский народ навсегда связал свою судьбу с великим русским народом.

Исторические романы В. Барнова отмечены религиозно-мистическим мировоззрением. К тому же в этих произведениях он прибегает к стилю ритмизированной прозы и речевую ткань произведений перегружает лексическими архаизмами. Но в повестях и рассказах, в которых писатель изображал социальную действительность своего времени, он выступал сторонником литературного стиля, установленного основоположниками грузинского классического реализма—Ильёй Чавчавадзе и Акакием Церетели.

Шио Арагвиспирели. Шио Арагвиспирели (Дедабришвили) родился в 1867 г. в селении Карис-Хеви, Душетского района, в семье сельского священника. Десятилетним мальчиком его определили в Тбилисскую духовную семинарию, по окончании которой в 1890 г. он выехал в Варшаву и поступил в ветеринарный институт. Вместе с обучавшимися в то время в Варшаве революционно настроенными грузинскими студентами, Ш. Арагвиспирели учредил тайную «Лигу освобождения Грузии», за что и был арестован царским правительством. Сперва он отбывал наказание в Варшаве, потом был переслан в Грузию и посажен в кутаисскую губернскую тюрьму. По освобождении из тюрьмы он опять выехал в Варшаву, где в 1895 г. окончил ветеринарный институт.

Возвратившись на родину, он до конца жизни занимался своей специальностью и вёл литературно-общественную деятельность. Шио Арагвиспирели умер в 1926 г. и похоронен в Тбилиси, в Дидубийском пантеоне писателей.

В начале своей творческой жизни Ш. Арагвиспирели, испытывая влияние грузинских писателей-народников, рисовал картины тяжёлой, безотрадной жизни трудового крестьянства, жестоко притесняемого царскими чиновниками, торгашами, кулачеством. В рассказе «Не моя вина, господи!» писатель нарисовал типичный образ сельского буржуа. Это—жадный и коварный Исак Чамиашвили, который, злоупотребляя своим влиянием и богатством, отбирает у бедного крестьянина Датуа Шромишвили прекрасно обработанный виноградник—единственный источник существования семьи Шромишвили. Возмущённый крестьянин, не найдя никаких возможностей защищаться от такой несправедливости, убивает обнаглевшего угнетателя народа. В новелле же «Это ли наша жизнь» писатель рассказывает о том, как экипаж, в котором ехали высокопоставленные лица, налетел на отдыхающих крестьян-аробщиков, сбросил одного из них с арбы и раздавил насмерть. Царские сановники, не почувствовав никакой жалости и угрызения совести, даже не оглянувшись, спокойно продолжали свой путь.

В рассказах, повестях, новеллах этого периода Ш. Арагвиспирели отображал тяжёлую жизнь пореформенной грузинской деревни.

Но определяющее место в творчестве Ш. Арагвиспирели занимают те его многочисленные произведения, в которых писатель, первым в грузинской художественной литературе, выступил гневным обличителем морального маразма и разложения буржуазного общества. В своих психологических новеллах, этюдах, эскизах Ш. Арагвиспирели дал потрясающую картину буржуазного быта и создал галерею раздавленных, изуродованных и душевно опустошённых капиталистическим строем людей, безжалостно брошенных на дно социальной жизни. В новеллах «Хочет и хохочет», «Оказывается, ты ребёнок» и других писатель убедительно показал, что в буржуазном обществе исчезают любовь, дружба, все возвышенные и благородные человеческие чувства. В рассказах «Шёлковый платок», «Всё потеряла я» и других писатель нарисовал образы одарённых душевной и внешней красотой девушек, погибших благодаря царившим в буржуазном обществе разврату и аморализму. Картину глубокого символического смысла нарисовал писатель в новелле «Поздравляю с Новым годом!» Героиней этого произведения является старуха, которую в молодости дикие, бесчеловечные нравы буржуазного строя лишили возможности вести честную трудовую жизнь и вынудили стать на путь разврата и проституции. Так, потерявшая всякое человеческое достоинство, одинокая и никому уже ненужная старуха встречает наступающий новый год в своём сыром и тёмном подвале, страдающая от голода и дрожащая от холода. На верхних же этажах здания, в пышных барских квартирах шумно и весело празднуют наступление нового года хозяева жизни, богачи, именно те, которые обрели на несчастье и страдания тысячи и миллионы подобных этой старухе людей.

Охваченная злобным бешенством и желанием отомстить обитателям «верхних этажей», старуха поджигает дом, и когда пожар истребляет награбленные богатства хозяев жизни, она со злорадством кричит: «Поздравляю с Новым годом!»

В этой картине писатель воплотил своё ожидание гибели капиталистического строя под тяжестью собственных преступлений.

Всем своим творчеством Ш. Арагвиспирели проводит мысль о том, что в условиях общественного строя, зиждящегося на социальном неравенстве и несправедливости, все возвышенные, благородные чувства и устремления человека обречены на крушение. Этой мыслью проникнуты наиболее крупные произведения Ш. Арагвиспирели—«Гюли» и «Треснувшее сердце».

В ряде произведений Ш. Арагвиспирели воплотил священное чувство патриотизма, любовь и самоотверженную преданность народа своей родине.

Наиболее ярко и впечатлительно патриотическую идею писатель олицетворил в образе крестьянина-горца Бера, героя рассказа «Земля». За неподчинение царским властям Бера арестовали и приговорили к ссылке в Сибирь. Покидая родину, он взял с собой горсточку родной земли, чтобы в случае смерти на чужбине её посыпали бы на его грудь. Тюремщики хотят отобрать у Беры этот маленький свёрток. Бера сопротивляется насильникам, его избивают до смерти, но грузин-крестьянин предпочитает умереть, чем отдать ненавистным угнетателям родную землю.

Под непосредственным воздействием революции 1905 г. Шио Арагвиспирели написал новеллы «И вот пришёл жрец с Востока», «Прикованный Амирани», «У позорного столба» и другие, которые навеяны духом протеста против самодержавного строя и уверенностью в победе поднявшихся на революционную борьбу народных масс.

Ш. Арагвиспирели утвердил в новейшей грузинской литературе жанр психологической новеллы. Его лапидарный, лаконический стиль обладает большой силой эмоционального воздействия. Палитра Ш. Арагвиспирели преимущественно характеризуется мрачными, сгущёнными красками.

ДРУГИЕ ПИСАТЕЛИ—ПРЕДСТАВИТЕЛИ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Из остальных грузинских писателей, начавших литературную деятельность на рубеже XIX и XX вв., следует отметить **Лалиони** и **Анастасию Эристави-Хоштария**.

Лалиони (Арсен Мамулайшвили) в своём творчестве преимущественно отображал борьбу между отмирающим дворянством и восходящей буржуазией. В повести «Разбойник Давладзе» писатель противопоставил двух героев—обедневшего дворянина Ивана Давладзе и ушедшего в город и разбогатевшего молодого крестьянина Нико Каладзе. В смертельном единоборстве этих двух типов писатель с обобщающей силой показал характерное для периода капиталистического развития непримиримое столкновение интересов между уходящим с исторической арены феодальным классом и стремительно поднимающимся на поверхность жизни буржуазным обществом. Этой же теме посвятил Лалиони свой другой рассказ «Мечта Ефемии».

В романах и рассказах Анастасии Эристави-Хоштария воспроизведены некоторые характерные процессы социальной действительности конца прошлого и начала XX столетий, упадок и вырождение дворянского сословия, дифференциация крестьянства—крайнее обеднение его основной массы и появление новой эксплуататорской силы—кулачества. В главных своих произведениях писательница правдиво и убедительно показала, на какие тяжёлые страдания и разочарования обрекает человека буржуазно-помещичий строй. Романы А. Эристави-Хоштария «На скользком пути» и «Игра судьбы» пользуются большой популярностью в Грузии. Эти произведения сыграли значительную роль в развитии грузинской художественной прозы.

АЛЕКСАНДР ЦУЛУКИДЗЕ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В ГРУЗИИ

В развитии грузинской литературы конца XIX и начала XX столетий значительную роль сыграла литературно-критическая деятельность Александра Цулукидзе—одного из ближайших друзей и соратников товарища Сталина в деле создания большевистских организаций в Грузии и Закавказье. Александр Цулукидзе вместе с Ладом Кецохвели входил в возглавляемое товарищем Сталиным революционно-марксистское меньшинство «Месаме-даси».

«Тов. Цулукидзе был одним из образованных марксистов того времени, талантливым пропагандистом и публицистом, революционером, до конца преданным делу рабочего класса, ближайшим другом товарища Сталина и Л. Кецховели»³⁶.

В своей революционной, теоретической и публицистической деятельности А. Цулукидзе уделял большое внимание вопросам художественной литературы. Его статья «Новый тип в нашей жизни» явилась первым образцом грузинской марксистско-ленинской литературной критики. В этой статье А. Цулукидзе рассматривал творчество грузинских писателей, выступавших на литературном поприще в последнем десятилетии прошлого века—Э. Ниношвили, Д. Клдиашвили, Лалиони, Шио Арагвиспирели и др. Основным критерием при оценке произведений этих писателей А. Цулукидзе выдвигал социальную практику, жизненную правду.

Вопрос соотношения произведений художественной литературы с социальной действительностью является определяющей основой литературно-критических работ А. Цулукидзе. В своих литературно-критических статьях «Новый тип в нашей жизни», «Заметки читателя» и других А. Цулукидзе излагает и отстаивает основные принципы марксистско-ленинской эстетики, мастерски применяя их к освещению живого литературного процесса, в критическом анализе конкретных произведений художественной литературы.

Литературно-критические статьи А. Цулукидзе, оказавшие большое идейное воздействие на новейшую грузинскую литературу, имели основополагающее значение в деле зарождения и развития марксистско-ленинской литературоведческой мысли в Грузии.

Так многосторонне отобразили грузинские писатели—представители критического реализма—новую социальную обстановку, создавшуюся в Грузии в конце прошлого века. Охарактеризованные выше писатели отнюдь не были пассивными созерцателями действительности и её нейтральными копировальщиками. С прогрессивных гуманистических и демократических позиций они разоблачали в своём творчестве уродливость и антинародность самодержавного строя, буржуазно-помещичьего общества и тем самым способствовали революционизированию сознания народных масс.

Однако нарисованную этими большими художниками слова картину современной им жизни нельзя считать полной и всесторонней. Они не сумели подняться до уровня классового мировоззрения революционного пролетариата, и эта мировоззренческая ограниченность не позволила им со всей полнотой и глубиной познать и отобразить действительность в её непрестанном развитии и движении вперёд.

В творчестве этих писателей не видно рабочего класса, который с конца прошлого столетия уже спланивался и поднимался на классовую борьбу, идя в авангарде в освободительной борьбе трудового народа.

Первым грузинским писателем, отразившим в своём творчестве революционные устремления пролетариата, был поэт Иродион Евдошвили.

ИРОДИОН ЕВДОШВИЛИ

Жизнь поэта. Иродион Евдошвили (Хоситашвили) родился в 1873 г. в деревне Бодбисхеви Сигнахского района. По окончании Телавского духовного училища он в 1890 г. поступил в Тбилисскую семинарию. За участие в поднимавшемся в те годы в Грузии революционном движении И. Евдошвили в 1903 г. был исключён из семинарии. Некоторое время провёл на военной службе, затем поехал в Баку и поступил на работу в

³⁶ Л. Б е р я , К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, Госполитиздат, изд. 8-е, стр 36—37.

контору одного из крупных бакинских нефтепромышленников. В Баку, крупнейшем промышленном центре всего Закавказья, И. Евдошвили познакомился с жизнью и бытом промышленного пролетариата. Он был очевидцем дикой эксплуатации и угнетения рабочих, свидетелем роста их революционного сознания и боевого духа. Это обстоятельство оказало определяющее воздействие на формирование мировоззрения и творческих устремлений поэта. Вернувшись в Грузию, он всецело отдался поэтической и общественной деятельности.

В годы первой русской революции И. Евдошвили принимал активное участие в революционной борьбе грузинского пролетариата и трудового крестьянства, возглавляемых созданными и руководимыми товарищем Сталиным большевистскими организациями. Он выступал на митингах и собраниях трудящихся с пламенными революционными речами и стихами. На страницах выходящих под руководством товарища Сталина большевистских газет «Ахали дроеба» («Новое время»), «Мнатоби» («Светоч»), «Чвени цховреба» («Наша жизнь»), «Дро» («Время») появлялись революционные стихи, острые публицистические и юмористические фельетоны И. Евдошвили.

После поражения революции 1905—1907 гг. А. Евдошвили был арестован и предан суду. В 1910 г. его сослали в Сибирь. Ввиду тяжёлой болезни в 1913 г. поэту разрешили вернуться в Грузию, где он должен был безвыездно проживать в Тбилиси под постоянным полицейским надзором. Таким образом, больной туберкулёзом поэт был лишён возможности выехать куда-либо на лечение. И. Евдошвили умер в 1916 г. в полном расцвете творческих сил и таланта. Его похоронили в Тбилиси в Дидубийском пантеоне писателей.

Творчество И. Евдошвили. В своих стихах И. Евдошвили рисовал картины угнетённого положения трудового народа в условиях капиталистического строя, со всей непримиримостью вскрывал тёмные стороны и пороки буржуазного общества, выражал негодование, острую ненависть народных масс к самодержавному строю, к эксплуататорским классам.

В стихотворениях «В деревне», «Аробная песня», «Батрак», «Крестьянин» и других поэт выразил чувства и мысли трудового крестьянства, подвергавшегося рабскому угнетению и издевательствам со стороны кулачества и торгашей, деградирующего дворянства и царских чиновников. Поэт показал, как в пореформенной деревне условия крестьянского труда и жизни стали ещё более невыносимыми, как свирепствовавшие на селе нужда и тьма сгоняли массы крестьянской бедноты с насиженных мест и угоняли их в город, где их ждала не менее тяжёлая и безотрадная жизнь. Крестьянин-бедняк—герой поэзии И. Евдошвили—понимает всю дикость и несправедливость существующего строя и проникнут духом протеста и недовольства им. Стихи И. Евдошвили на деревенские темы отмечены искренностью и жизненной правдивостью рисунка, глубоким сочувствием к трудовому крестьянству. Однако основными темами поэзии И. Евдошвили явились социальные противоречия капиталистического города, тяжёлая жизнь городской бедноты, безотрадный труд промышленных рабочих, сопряжённый с разнузданной эксплуатацией, оскорблением их человеческих чувств и достоинства, сопровождаемый беззастенчивым издевательствам и глумлением над ними.

Гневным обвинительным актом буржуазному обществу звучали стихи И. Евдошвили, в которых он рисовал ужасы жизни и быта жертв капиталистического строя, обитателей дна буржуазного города, люмпенпролетариев, людей, изуродованных хищническими нравами и растленной моралью буржуазии.

Но главная заслуга И. Евдошвили заключается в том, что он первый в грузинской литературе создал поэтический образ пролетария, показал картины угнетения и эксплуатации рабочего класса и вместе с тем вдохновенно воспел его неиссякаемые созидательные силы, его великую историческую миссию—в непримиримой классовой

борьбе разрушить презренный мир рабства и угнетения и в союзе с крестьянством завоевать свободу и счастье для всего трудового народа.

Правда, гораздо раньше Иродиона Евдошвили основоположник новой грузинской литературы Илья Чавчавадзе в своём знаменитом произведении «Муша» («Рабочий») изобразил нечеловеческий труд городского рабочего, обречённого на бесконечные муки и страдания, на безотрадную жизнь и безвестную смерть. Поэт-романтик Григорий Орбелиани в конце своей творческой жизни обратил внимание на тяжёлую участь городского рабочего и весьма сочувственно изобразил его горькую судьбу в своём большом стихотворении «Рабочий Бокуладзе». Но герои этих произведений И. Чавчавадзе и Г. Орбелиани далеки от пролетарского классового сознания, они лишены чувства протеста и тем более каких-либо боевых устремлений и даже мечтаний о переустройстве жизни. Образ рабочего, понимающего причины бедствий и страданий трудящихся, сознающего свои классовые интересы и готового бороться в их защиту, впервые в грузинской литературе было суждено создать Иродиону Евдошвили, и этим, главным образом, определяется роль и значение этого поэта в истории грузинской литературы.

В стихотворениях «Сон рабочего», «Настало утро» и других И. Евдошвили нарисовал образ рабочего, который с раннего утра до поздней ночи работает в адских условиях, не зная отдыха и покоя, а ночью, полуголодный и измученный, прилегли на каменном полу сырого, тёмного подвала, прикрытый тряпьем, видит кошмарный сон, отражающий пережитые наяву мучения и страдания. Но этот исхудалый, бледный, придавленный нуждой и диким насилием человек хорошо понимает, что именно он является творцом и создателем всех ценностей, всех благ и богатств мира, которые в силу волчьих порядков капиталистического строя беззастенчиво присваивает кучка господствующих паразитов.

В стихотворении И. Евдошвили «Чего ты смотришь, брат?» выведен рабочий, который через окно глядит в квартиру буржуя. Перед его изумлённым взором картина неопишуемого изобилия и довольства, роскоши и баловства. И рабочий хорошо понимает, что все эти шелка и бархаты сделаны его рукой, но по какому-то волшебству всё это отошло в чужие руки, а самому рабочему досталось лишь изорванное тряпье.

В своём программном стихотворении «Рабочий и муза», в котором с предельной чёткостью выражены эстетические воззрения И. Евдошвили, считавшего, что самым священным призванием поэта является правдивое изображение жизни рабочих и выражение их мыслей и чувств, поэт обращается к рабочему:

Ты строишь дворцы,—а у тебя нет крова,
Борешься с землёй,—а умираешь с голоду.
Для кого трудится твоя десница
И для чего бьётся сердце в твоей могучей груди?
Взгляни на города и сёла,
Ты сделал все их богатства,
Всё запечатлено твоим потом,
Над всем веет твой могучий дух.
Но чьё все это? Есть ли у тебя доля в нём?
Где твоё место, пасынок жизни?

Уже в этом стихотворении поэт выражает уверенность в том, что путём самоотверженной борьбы рабочий класс сумеет выковать свою судьбу, что это будущее уже не за горами:

Эти омытые потом груди,
В труде окрепшие руки

Сумеют лишь в борьбе осуществить
Свои желания, надежды и мечты.
Вот, недалеко заиграли лучи,
И рабы высоко подняли голову,
Загremели их боевые голоса,
Чтобы выкочать свою судьбу.

Чем мощнее поднималось и шире разворачивалось рабочее революционное движение в Грузии, тем ярче в поэзии И. Евдошвили отражались боевые устремления трудового народа, тем сильнее раздавались в ней мотивы предчувствия великих социальных сдвигов.

Уже в середине 90-х годов И. Евдошвили пишет своё знаменитое стихотворение «Песня», в котором с одинаковой силой выражены гнев и ненависть народа к господствующим реакционным классам и непоколебимая уверенность в приближении бури решительных схваток с капитализмом, с самодержавным строем. Выражая чувства и мысли народных масс, в этом стихотворении поэт охарактеризовал существовавший тогда в нашей стране общественно-политический строй, как глухую, тёмную ночь:

Пусть сова кричит сильней,
Карауля ночь глухую,
Сколько гадов, жаб и змей
Выползло во тьму ночную!

(Пер. А. Гатова.)

Но эта глухая ночь, крик совы и шипенье ядовитых гадов не смогут напугать народ. Люди ожидают зари, они уже видят подъём бури—«предвестницы весны»:

Всё-таки зарю мы ждём,
Мрак рассеется тяжёлый,
Солнца радостным лучом
Вспыхнут горы, вспыхнут доли.

Ждём зарю, ещё мы ждём!
Сердце мужеством согрето,
Вот уже шумит дождём
Буря, вестница рассвета.

(Пер. А. Гатова.)

И поэт восславляет эту бурю, призванную принести угнетённому трудовому народу долгожданное социальное и национальное раскрепощение. Сам народ вдохновенными словами поэта приветствует эту могучую бурю, восторженно идёт ей навстречу, видя в ней воплощение своих надежд:

Буря с громом вперекат
Мчится с края и до края,
Точно саван, чёрный плат
В небе гневно разрывая.
Буря ярости полна.
Смело, мощными крылами

Распахнёт заре она
Дверь с железными замками.

(Пер. А. Гатова.)

Умело использовав творческие традиции грузинской классической реалистической лирики, обращаясь к животворному источнику грузинской народной поэзии, И. Евдошвили выработал соответствующую своим демократическим, революционным устремлениям форму стиха, характеризующуюся призывной, ораторской интонацией, чёткой, выразительной фразой, ясными, действенными образами. В формировании творческой индивидуальности поэта большую роль сыграли поэтические традиции Некрасова, Беранже, Виктора Гюго, многие произведения которых он переводил на грузинский язык. Но особенно плодотворное воздействие на И. Евдошвили оказали творческие идеи Максима Горького.

Живой отзвук в сердцах грузинского народа, с конца прошлого столетия мужественно сплывавшегося на освободительную борьбу под победоносным водительством товарища Сталина, находили пламенные слова И. Евдошвили, зовущие к самоотверженной, бесстрашной борьбе:

К испытаньям наготове,
Все вперёд, друзья, вперёд!
Пусть на теле клейма крови
И с чела струится пот!

Все вперёд, друзья! Невзгоды
На пути у нас кругом.
Знамя правды и свободы
В муках гордо пронесём!

(«Друзьям». Пер. А. Гатова.)

В годы подъёма первой русской революции грузинский народ любовно подхватывал и повторял слова из этого замечательного стихотворения И. Евдошвили. Народ распевал эти стихи на революционных баррикадах, во время массовых митингов и демонстраций; в этих стихах народ видел воплощение и своих славных героических традиций, и своих боевых революционных чаяний:

Мы, друзья, перед кумиром
Не склонялись никогда.
Битва будет нашим пиром,
И надежда нам—звезда.

В наше время непогоды
Будь решительным, иди!
Знамя братства и свободы,
Знамя правды впереди!

(«Друзьям». Пер. А. Гатова.)

Следует отметить, что великий поэт советской эпохи Владимир Маяковский, который годы первой русской революции провёл в Грузии и на формирование мировоззрения которого большое влияние оказала самоотверженная освободительная

борьба грузинского народа, до конца своей жизни помнил наизусть это замечательное стихотворение И. Евдошвили, любил читать стихи грузинского революционного поэта.

В 1903 г., когда озлобленные ростом революционного движения царские палачи зверски убили заточённого в Метехской тюрьме пламенного революционера Ладое Кецохели—ближайшего друга и соратника товарища Сталина, в ответ на это гнусное преступление правительства И. Евдошвили выступил со стихотворением, прозвучавшим боевым набатом, зовущим к священной мести, к бесстрашной борьбе с презренными душителями свободы и правды:

Нет, сила—в подвиге прекрасном!
Хвала идущим в смертный бой
Под нашим стягом, стягом красным,—
Не дрогнувшим перед борьбой!
Мсть беспощадной будет наша,
Нас не склонить ярму судьбы.
По край полна страданий чаша.
Ударим в колокол борьбы!

(«На могиле героя». Пер. А. Гатова.)

И в самом деле, гневным «колоколом борьбы» звучала поэзия И. Евдошвили в годы подъёма революции 1905 г.

Грузинская художественная литература живо откликнулась на революционные события этого периода. Известно, что популярнейший грузинский поэт Акакий Церетели, прозванный бессмертным соловьем грузинского народа, посвятил восторженные стихи революционным выступлениям трудящихся, увидев в этих событиях осуществление своих давнишних мечтаний. Появились молодые поэты, восславляющие героические дела борющегося народа. Однако центральной фигурой грузинской революционной литературы этого периода был Иродион Евдошвили. В годы революции его поэтическое дарование достигло наибольшего расцвета. Он воспевал «первый луч», озаривший жизнь народа, пел вдохновенный гимн наступавшей светлой весне.

В острых сатирических стихотворениях И. Евдошвили убийственно высмеивал охваченных звериным страхом перед нарастающей освободительной борьбой народа царя и его презренных слуг, главарей лагеря реакции. И. Евдошвили создал грузинский вариант революционного гимна—«Марсельезы». В годы первой русской революции И. Евдошвили пользовался огромной популярностью в грузинском народе, и его поэзия оказывала большое революционизирующее воздействие на народные массы. Однако поэт не смог до конца удержаться на этих боевых позициях.

В годы реакции поэта захлестнула волна разочарования и безнадёжности, охватившая определённые круги интеллигенции. В написанных в тюрьме и ссылке стихах И. Евдошвили доминирующими являются уже мотивы скорби и грусти.

Плакать хочу—нету слёз. Только в бешенство сжаты
Пальцы—кулак против тех, кто загнал в казематы.
Горькая дума со мной за тюремной стеной.
Так почему ж и её не судят вместе со мной?
Дума терзает мне сердце, как черви в могиле.
Как уберечь меня, чтоб думы меня не убили?

(«В тюрьме». Пер. А. Гатова.)

Чувством обречённости и безысходной тоской проникнуто стихотворение И. Евдошвили «Прощание приговорённого к ссылке» и многие другие, наиболее характерные произведения этого второго периода его поэтической биографии. В стихотворении «Разбитая лира» поэт говорит о том, что его уже не радует ничего на свете, даже наступление весны. Торжество света и тепла не приносит ничего радостного его навсегда убитому сердцу:

Весна всё та же, но на что мне,
Усталому её прилёт?
Она мне многое напомнит,
Но лире звуков не вернёт.

Печально сердце и при виде
Цветка на склонах милых гор.
Ручей, из гор кремнистых выйдя,
Печалит издали мой взор.

(«Разбитая лира». Пер. А. Гатова.)

Подобные настроения усталости, неисцелимой боли и печали, беспросветной тоски овладели поэтом, хотя и в эти годы в его творчестве встречаются отдельные стихи, проникнутые жаждой борьбы и верой в победу.

Это отступление поэта от своих боевых поэтических позиций, эти противоречия, характеризующие его творческую биографию, свидетельствуют о том, что И. Евдошвили, первым выразивший в грузинской литературе чувства, мысли и интересы революционного пролетариата, не был подлинным и последовательным пролетарским поэтом. Будучи представителем радикальных слоев мелкобуржуазной интеллигенции, он в годы подъёма рабочего революционного движения смело пошёл за ним. При временном же поражении революции поэт очутился, во власти безверия, растерянности, разочарования. Характерно, что в последние годы в поэзии И. Евдошвили появились интимно-камерные темы, мотивы индивидуализма и мистики, характерные для буржуазно-декадентских литературных направлений.

Несмотря на это, творчество И. Евдошвили в целом сыграло положительную роль в развитии новейшей грузинской литературы. Под его влиянием в грузинской поэзии XX в. сформировалась целая школа так называемых «демократических поэтов».

И. Евдошвили писал поэмы, рассказы, драматические сцены. Он занимает видное место и в грузинской детской литературе. Но особенно полно и ярко его незаурядное поэтическое дарование проявилось в области лирической поэзии, в частности, в жанре политической лирики.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА РЕАКЦИИ, ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ В ГРУЗИИ

Поражение первой русской революции и последовавшее за этим яростное наступление временно восторжествовавших сил реакции на передовые отряды трудового народа нашло своё выражение и в области идеологии. «Наступление контрреволюции шло и на идеологическом фронте. Появилась целая орава модных писателей, которые «критиковали» и «разносили» марксизм, оплёвывали революцию, издевались над ней, воспевали предательство, воспевали половой разврат под видом «культы личности».

В области философии усилились попытки «критики», ревизии марксизма, а также появились всевозможные религиозные течения, прикрытые якобы «научными» доводами.

«Критика» марксизма стала модой.

Все эти господа, несмотря на всю их разношёрстность, преследовали одну общую цель—отвратить массы от революции».³⁷

Упадочничество нашло широкое распространение и в грузинской художественной литературе. Большинство писателей и поэтов, шедших за революцией в годы её подъёма, временное поражение народного дела восприняли как окончательный проигрыш борьбы, как полную гибель всех надежд и ожиданий, вечное торжество чёрных сил реакции. На основе такого восприятия создавшейся обстановки в литературе появились настроения безверия и разочарования, возникла тенденция бегства от реальной действительности и социальной проблематики, ухода писателей «в башню из слоновой кости», в мир узко-интимных чувств и переживаний, фантастики и мистики. Этот путь, резко противоречивший славным демократическим, патриотическим и реалистическим традициям грузинской классической литературы, естественно, приводил ряд писателей и поэтов этого периода к родственным идейно-творческими позициями западно-европейским буржуазно-декадентским литературным направлениям.

Так создавалась почва для появления в грузинской литературе антиреалистических течений, проповедовавших реакционный лозунг «искусство для искусства», аполитичность и безидейность в литературе.

Как известно, в творчестве Иродиона Евдошвили в годы реакции определяющее место заняли мотивы безнадёжности и обречённости. Эту линию развили дальше и углубили и поэты так называемой «демократической школы», сформировавшейся под непосредственным влиянием И. Евдошвили. Глубокие идейные противоречия, характеризовавшие мировоззрение этих поэтов, наиболее ярко выразились в творчестве талантливого представителя «демократической» поэзии Ноя Чхиквадзе.

После Февральской буржуазно-демократической революции в Грузии на протяжении трёх с лишним лет господствовал контрреволюционный меньшевизм. «Грузинские меньшевики—самые подлые изменники и предатели грузинского народа. После победы Октябрьской социалистической революции они оторвали Грузию от революционной России, вступили в союз вначале с германским, затем с англо-французским империализмом и превратили совместно с дашнаками и муссаватистами Закавказье в плацдарм иностранной интервенции и буржуазно-белогвардейской контрреволюции против Советской России (союз меньшевиков с Деникиным, Алексеевым и другими белогвардейскими генералами для борьбы против советской власти)»³⁸.

Грузинский народ, возглавляемый партией большевиков, отвечал на антинародную политику контрреволюционного меньшевизма грозными восстаниями. Страна была охвачена пламенем гражданской войны. В годы господства меньшевистской власти о хозяйственном и культурном подъёме Грузии не могло быть и речи. «Грузия пришла к концу господства меньшевиков к хозяйственной катастрофе и к культурному упадку»³⁹.

В области художественной литературы этот период не выдвинул ни одного нового писательского имени. За эти годы не создано ни одного сколько-нибудь значительного произведения, оставившего какой-либо след в развитии грузинской литературы. Господствующее положение в грузинской литературе этого периода занимала буржуазно-декадентская группа «Голубые роги» и сроднившаяся с ней группа «демократических поэтов».

³⁷ «История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс», стр. 96—97.

³⁸ Л. Б е р я , К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, Госполитиздат, изд. 8-е, стр.

³⁹ В. М. М о л о т о в , Статьи и речи, Партиздат, 1937, стр. 226.

Самым значительным событием в предреволюционной грузинской литературе явилось начало творческой деятельности старшего поколения грузинских пролетарских писателей. В период реакции и в годы меньшевистской диктатуры на страницах большевистской печати появились произведения пролетарских писателей: **Сандро Эули, Ионы Вакели, Якинте Лисашвили** и др. Однако свободное, беспрепятственное развитие литературы пролетариата в Грузии стало возможным лишь после установления советской власти, в эпоху победоносного строительства социализма. «Только помощь, которая пришла со стороны Великой Октябрьской революции в России, помогла сбросить меньшевиков и покончить с кошмарным периодом их господства в Грузии» (**В. Молотов**).

НОЙ ЧХИКВАДЗЕ

Ной Чхиквадзе родился в 1883 г. в Западной Грузии, в семье бедного крестьянина. Детство и юность будущего поэта протекали в условиях нужды и безотрадного труда. Получив первоначальное образование в Поты, он проявил настойчивое стремление к учёбе, однако этому препятствовало отсутствие материальных средств.

В 1912 г. он уехал учиться в Москву, однако скоро был вынужден вернуться в Грузию и заняться добыванием средств к существованию. Поэтическую деятельность Н. Чхиквадзе начал в годы первой русской революции. Первая же книга его стихов вышла уже после поражения революции, в 1908 г. Книга вызвала живой интерес. С этого времени в грузинской печати систематически появлялись его стихи. Умер Н. Чхиквадзе в 1920 г. Он похоронен в Тбилиси, в Дидубийском пантеоне писателей.

Как и Евдошвили и другие поэты из «демократической школы», Н. Чхиквадзе в своём творчестве явился продолжателем стиля грузинской классической реалистической лирики.

В области поэтической формы он не внёс ничего нового и самобытного в развитие грузинской поэтической культуры. В новейшей грузинской литературе Ной Чхиквадзе занял видное место потому, что в своей поэзии он выступил гневным обличителем капиталистического строя, выразителем чувств протеста и ненависти народных масс к эксплуататорским классам, к самодержавному строю.

Следуя примеру И. Евдошвили, Н. Чхиквадзе в своей поэзии с глубоким сочувствием рисовал образы несчастных жертв капитализма, людей, безжалостно раздавленных и изуродованных жестоким буржуазным строем.

В стихотворениях «Пролетарий», «Рабыня», «Город страданий» и других Н. Чхиквадзе рисовал потрясающей силы картины, изображающие ужасы буржуазного строя: голод, нищету и бесправие народных масс, разнузданное издевательство и глумление над трудовым человеком, хищничество и моральное разложение буржуазного общества.

Большая заслуга Н. Чхиквадзе в том, что он, рисуя всю тяжесть рабского труда при капиталистическом строе, одновременно воспел силу и красоту труда, восславил человека, призванного не только создавать все блага и богатства мира, но и перестроить и обновить жизнь на земле.

Самым характерным в этом смысле является его знаменитое стихотворение «Кузнец».

Я вижу, как стучит о наковальню молот:
Под ним—цветок души раздроблен и расколот.
Я вижу, как стремится свой жернов бытие,
Как раскалённое сжигает острие
Слезу страдальцев,—тех, что солнца не видали,
Чья жизнь посвящена упорной ковке стали.

Но рисуя подобные картины угнетающей, рабской трудовой жизни, поэт возвеличивает труд как силу, созидающую и обновляющую жизнь, подчёркивает своё родство и слитность своей души с музыкой труда:

Зов жизни тот люблю таинственный, и в нём
Мне разрушения гремит победный гром.
Когда кузнец куёт металл огнебагровый
И видит в пламени лик бытия суровый,—
С тем пламенем я слит, тревога мне чужда;
Я радостно хочу сгореть в нём навсегда.

И поэт, выражая оптимистическое, жизнеутверждающее мироощущение героя своей поэзии, рабочего класса, смело и гордо смотрит на жизнь, хотя и полную страданий и тягостей, но несущую трудовому народу светлое будущее:

О жизнь! Журчи, беги, переливайся, пой,
Со скорбью скорбь, слезу мешая со слезой,
Лей в чашу бытия ручьи святого пота,
Чтоб красоты твоей бессмертного полёта
Нам ввек не разлюбить, чтоб пламя пить твоё,
Чтоб восходить в тот край, в тот мир, в то бытие,
Где светлый труд царит всецело, неизменно,
Где перед жизнью смерть склоняется смиренно.

Но такие жизнеутверждающие мотивы в поэзии Н. Чхиквадзе совмещались с чувством безнадежности и обречённости. Именно в этих противоречиях и выявилось мелкобуржуазное существо всей школы «демократических» поэтов и, в частности, её виднейшего представителя Н. Чхиквадзе. После поражения революции 1905—1907 гг. чувство усталости, растерянности, обречённости и одиночества стало определяющим в творчестве Н. Чхиквадзе.

Его поэзия приняла мрачную, меланхолическую окраску. Поэту представлялось, что он обитатель пустыни, где властвует ночная тьма, холод, тишь, где человек обречён на горькое сиротство и одиночество:

Я один, пою в пустыне... тёмн мир глухой.
С кем печалью поделиться? Горечью, тоской?
Я один—и впредь не будет никого со мной.
Друг безвестный, дай мне руку! Сердце мне раскрой!

(«Кто зовёт?») Пер. А. Кочеткова.)

Такая раздвоенность и внутренняя противоречивость, совмещение мотивов борьбы и стремления в светлое будущее с чувствами безверия и обречённости были характерны и для остальных «демократических» поэтов: Георгия Кучишвили, Варлама Рухадзе, Соломона Тавадзе, Харитона Вардошвили и других, которые лишь после победы советской власти в Грузии освободились от упадочнических настроений и стали на идейно-творческие позиции социалистической культуры.

Растерянный и разочарованный в результате поражения революции 1905 г., человек явился центральным героем талантливого беллетриста этого периода Чола Ломтатидзе.

ЧОЛА ЛОМТАТИДЗЕ

Чола Ломтатидзе родился в 1878 г. в Западной Грузии, в крестьянской семье. После окончания двухклассной сельской школы он уехал на учёбу сперва в город Озургети (нынешний районный центр—город Махарадзе), потом в Кутаиси, а впоследствии в Харьков. С юных лет он начал общественно-политическую и литературную деятельность. В революции 1905 г. он принимал участие как член меньшевистской партии. В 1907 г. он был избран депутатом второй Государственной думы, после роспуска которой его арестовывают и приговаривают к каторжным работам. Ввиду тяжёлой болезни каторгу ему заменили тюремным заключением. Сидел он в петербургской, московской, харьковской, тбилисской, батумской тюрьмах. Умер Ч. Ломтатидзе в 1915 г. в г. Саратове, в приюте инвалидов.

Начиная с 1901 г., в грузинской печати начали появляться первые беллетристические произведения Ч. Ломтатидзе. Но тогда начинающий беллетрист только выступал продолжателем литературных традиций своих непосредственных предшественников, в частности Э. Ниношвили. Лишь с 1907 г. его творчество приняло самобытный, оригинальный характер как в смысле идейно-тематического содержания, так и в смысле художественного стиля.

Находясь в царской тюрьме, испытывая лично на себе всю жестокость расправы слуг царизма с участниками революционного движения, Ч. Ломтатидзе изображал в своих произведениях ужасы тюремной жизни, раскрывал мир чувств и мыслей человека, подвергнувшегося жестоким репрессиям. В описании удушливой тюремной обстановки, в обрисовке образов озлобленных тюремщиков, презренных слуг самодержавия, в изображении негодующей души человека, томящегося в царских застенках, Ч. Ломтатидзе проявил исключительное литературное дарование.

Его художественные произведения в большинстве случаев носят автобиографический характер. Писатель рассказывает в своих произведениях лично пережитое или виденное им самим.

В жанровом отношении прозу Ч. Ломтатидзе можно отнести к мемуарно-автобиографической литературе, хотя он подчёркнуто избегает документального стиля и обрабатывает материал, пронизывая повествование глубоким лиризмом, эмоциональностью, психологизмом.

Новеллы и рассказы Ч. Ломтатидзе не характеризуются сложными сюжетными композициями, развёрнутыми событиями. Герои его произведений, замкнутые в рамках тюремной жизни, лишённые арены действия, главным образом через свои осложнённые чувства и мысли выявляют своё отношение к миру, человеческому обществу, к злободневным проблемам действительности. Этим и объясняется доминирующее место психологических моментов, размышлений в произведениях Ч. Ломтатидзе.

Главный герой произведений Ч. Ломтатидзе—усталый, разочарованный человек, потерпевший жестокое поражение, напуганный действительностью и не видящий никакой жизненной перспективы.

Лишь отдых, уединение в мирок своих индивидуальных чувств и переживаний, уход от общественной жизни, от борьбы, от действия стал идеалом этого человека. В повести «В тюрьме» писатель нарисовал типический образ такого депрессированного мелкобуржуазного интеллигента. Коля Дроздов—герой этой повести—когда-то воодушевлённый высокими общественными идеалами, был готов пожертвовать собой в борьбе за торжество своих убеждений. Борьба привела его в тюрьму. Сейчас Дроздов стал «добрым человеком», примирился со всем и потерял всякое желание бороться, действовать, даже мечтать о преобразовании жизни. Он сейчас мечтает только об одном: если его выпустили бы из тюрьмы, он ушёл бы в обитель природы, уединился бы в дремучем лесу, лёг бы на траву и бесконечно глядел на лазурный небосвод. Далеко от людей, в глуши, на природе, в полной тишине—вот где может человек найти полное счастье, успокоение и исцеление всех своих ран. Так думает Коля Дроздов, и в этих его

мыслях ярко выражено обывательское, ликвидаторское настроение мелкобуржуазного интеллигента, при первой же неудаче в борьбе сбежавшего с поля битвы и повернувшегося спиной к собственным идеалам и общественным устремлениям.

Герой Ч. Ломтатидзе лишён внутренней цельности, духовной силы и твёрдости воли. Его раздвоенная душа охвачена непримиримыми противоречиями. Оторванный от народа, от коллектива, он замыкается в себе, размышляет о своей личной судьбе, в отрыве от коллектива изолированно решает все жизненные вопросы. Потому-то его духовный мир полон мучительными противоречиями. Герой повести «Перед виселицей» Джейран Вардосанидзе осмелился поднять руку против самодержавного строя. За это его бросили в тюрьму и приговорили к смертной казни. Джейрана ждёт виселица. Его охватывает животный страх. Он прячется от смерти, лезет под нары, но знает, что это не поможет. Он начинает стыдиться и бояться собственного страха. Чувствует Джейран, что благодаря этому страху его вместе с физической смертью постигает и моральная смерть. Его взволнованная душа ищет спасения от этой моральной гибели. В конце концов, после долгих мучительных волнений, Вардосанидзе одерживает победу над мучившим его страхом и спокойно направляется к уготовленной ему виселице. Подобные переживания и размышления духовно депрессированных интеллигентов, когда-то шедших за революцией, составляют основное содержание творчества Ч. Ломтатидзе. В ряде своих новелл—«Белая ночь», «Из записной книжки», «Молчание» и других—писатель затрагивает вопросы жизни и смерти, любви и брака, роли личности в истории и т. п.

В разрешении всех этих вопросов писатель впадает в такие же противоречия, которые характерны для его героев. У Ч. Ломтатидзе развито лирическое ощущение природы—он рисует психологизированный пейзаж.

Проза Ч. Ломтатидзе привлекает внимание своей лиричностью, она обладает силой эмоционального воздействия. Самое ценное в творчестве Ч. Ломтатидзе—это ярко нарисованные отдельные картины революционного пробуждения и подъёма масс («Первое мая»), а также сцены тюремной жизни.

ДЕКАДЕНТСТВО В ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В годы реакции в грузинской литературе преобладающее положение завоёвывают декадентские, антиреалистические течения, проповедовавшие бегство литературы от социальных вопросов, провозглашавшие реакционный лозунг «искусство для искусства» и культивировавшие интимные темы, мистическое отношение к действительности, крайний индивидуализм.

Поэт Иосиф Гришашвили (р. 1889 г.), начавший свою творческую деятельность восторженными стихами, восславляющими революционный подъём трудового народа, впоследствии преимущественно ограничился изображением лично-интимных чувств и переживаний, воспеванием любви и женской красоты. Он использовал мотивы городского фольклора и выработал оригинальную форму стиха.

Александр Абашели (р. 1884 г.) изображал реакционную социальную действительность в символическом образе чёрного призрака, противопоставив ему также символизированный образ солнца как выражение светлого начала, стоящего вне и над общественной жизнью и в своей космической величавости не подчиняющегося изменчивости и превратностям судьбы. Книга его стихов «Смех солнца» явилась одним из первых проявлений модернизма и декадентства в грузинской литературе этого периода.

Глубоким индивидуализмом характеризовалось поэтическое творчество Сандро Шаншиашвили (р. 1888 г.). Его лирика, главным образом, ограничивалась интимно-любовными мотивами. Поездив по странам Европы и испытав влияние западноевропейской буржуазно-декадентской культуры, он в своих дореволюционных поэмах и драмах, навеянных мистицизмом, разрабатывал преимущественно отвлечённые темы и легендарно-мифологические сюжеты.

Выступивший со стихами, полными восторженных революционных мотивов, Галактион Табидзе (р. 1892г.) впоследствии стал самым глубоким выразителем чувства недовольства окружающей действительностью, разочарования и сиротства души. Первая книга его стихов, вышедшая в 1914 г., явилась крупным событием в предреволюционной грузинской поэзии. Следующий сборник поэта «Семена артистических цветов» является самым ярким документом грузинского литературного декаданса.

Однако в этой книге, наряду с мистическим мироощущением, глубоким индивидуализмом и упадочническими настроениями, в ряде стихов поэт выразил своё тяготение к светлому будущему, воплотил предчувствие приближавшихся великих социальных сдвигов и приветствовал их. Именно эти мотивы его творчества и сделали возможным решительный переход поэта на позиции реалистической революционной поэзии с первых же дней победы советской власти в Грузии.

В 1916 г., в разгар первой мировой войны, вышел первый номер альманаха «Голубые роги», ознаменовавшего выступление поэтической группы грузинских символистов—«голубороговцев». Находясь под сильным идейно-творческим влиянием западноевропейского и русского символизма, «голубороговцы»—В. Гаприндашвили, С. Цирекидзе, С. Квдиашвили, Р. Гветадзе, Ш. Апахидзе, И. Кипиани и другие—решительно отказались от лучших реалистических и демократических традиций грузинской классической литературы, настойчиво насаждали в грузинской предреволюционной поэзии эстетические принципы символизма, мистицизм, аполитичность и безидейность, крайний индивидуализм, культ богемы, эстетику уродства и изощрённости. Впоследствии, благодаря животворному воздействию великих успехов социалистического строительства, лучшие представители школы «голубороговцев», освободившись от декадентства, сыграли значительную роль в развитии грузинской советской литературы.

ТРАДИЦИИ РЕАЛИЗМА

При общем декадентско-упадочническом характере грузинской литературы периода реакции были и такие писатели, которые в основных своих произведениях отстаивали традиции реалистической литературы и давали правдивое изображение социальной действительности. Беллетрист и драматург **Шалва Дадияни** (р. 1874 г.), начав свою литературную деятельность ещё в конце XIX в., в годы реакции написал ряд пьес («Во время пиршества», «В склепе» и др.), в которых, отобразив картины временного торжества и разгула сил реакции, показал тяготение трудового народа к новому революционному подъёму. В комедиях «Вчерашние», «Шени чириме» и исторической революционной драме «Гегечкори» Дадияни показал обречённость реакционных классов.

Незаурядным событием предреволюционной грузинской литературы явился роман **Лео Киачели** (р. 1882 г.) «Таризл Голуа» о героической борьбе грузинского народа на баррикадах революции 1905—1906 гг. На фоне ярко обрисованных картин мощно развернувшейся освободительной борьбы писатель создал типические образы верных сынов народа, самоотверженно боровшихся за дело революции. Роман пронизан духом оптимизма, уверенностью в непобедимости дела освобождения народа.

Этот роман определил дальнейший творческий путь писателя, хотя и он не миновал «модных» декадентских увлечений, проявившихся в ряде его импрессионистских новелл.

НИКО ЛОРДКИПАНИДЗЕ

В первом десятилетии XX в. начал свою творческую деятельность один из лучших мастеров грузинской художественной прозы Нико Лордкипанидзе (1880—1944).

Нико (Николай Мерабович) Лордкипанидзе родился в Западной Грузии, в дворянской семье. Грамоте он обучился дома на лучших образцах грузинской классической литературы.

С раннего детства у будущего писателя пробудилась любовь к родной литературе и к истории своего народа. Этому в большой мере способствовало то обстоятельство, что у родителей Нико, достаточно образованных по тому времени людей, часто собирались выдающиеся грузинские писатели и общественные деятели—Акакий Церетели, Александр Казбеги и др. Нередко бывал в их семье и Александр Цулукидзе, один из ближайших друзей и соратников товарища Сталина.

Родители определили будущего писателя на учёбу в Кутаисскую гимназию. Не выдержав царившего в этом учебном заведении жестокого режима, Нико был вынужден покинуть гимназию и уехать во Владикавказ для завершения среднего образования. Здесь он близко познакомился с жизнью и бытом северокавказских горцев и занялся собиранием и записью фольклора этих народностей.

Окончив Владикавказскую гимназию, Нико Лордкипанидзе поступил на юридический факультет Харьковского университета, откуда был исключён за участие в революционных выступлениях студенчества. Когда он ненадолго вернулся на родину, его посадили в тюрьму за участие в выступлениях передовой грузинской интеллигенции против черносотенных мероприятий царизма.

Освободившись из тюрьмы, Нико выехал в Австрию и поступил в Леобенскую горную академию, по окончании которой в 1907 г. вернулся на родину. С этого времени до конца жизни Нико Лордкипанидзе непрерывно вёл педагогическую и литературно-общественную деятельность. Писатель скончался в годы Великой Отечественной войны.

Предсмертные произведения Н. Лордкипанидзе, построенные на материале героической истории грузинского народа («Непреклонные», «Возвращение пленного» и др.), проникнуты чувством патриотизма, служения родине.

Творческая жизнь Нико Лордкипанидзе началась в годы реакции. Правда, он не сумел избежать некоторых господствовавших в литературе в те годы модернистских течений. Некоторые ранние новеллы и миниатюры писателя написаны в импрессионистском стиле и навеяны эстетскими увлечениями. Однако такие произведения не были определяющими в творчестве Н. Лордкипанидзе. В основных и лучших своих произведениях он средствами реалистического искусства откликнулся на актуальные проблемы общественной жизни. Как истинный гуманист, воспитанный на лучших традициях грузинской классической литературы, он взволнованно и любовно рисовал духовный мир своих героев, живущих в тисках бесправия, с огромной чуткостью изображал картины духовной драмы простых людей, их радости и страдания.

Художественная правда—вот что прежде всего характеризует творчество Н. Лордкипанидзе. Он пишет ясно, искренно, с подлинно поэтической страстностью работает над словом. Основным отличительным качеством его стиля является лаконизм, намеренная скупость и точность средств изображения. Он не оставил нам больших эпических полотен. В миниатюрах, новеллах, повестях отразил он богатый и разнообразный мир своих тем, идей, образов. Ограниченные возможности этих жанров не помешали писателю со всей полнотой раскрыть характеры героев, дать широкую картину той или иной эпохи.

В одном из лучших своих произведений, «Женщина в платке», объёмом всего в семь страниц, Нико Лордкипанидзе дал всю историю жизни своей героини. По законченности характера, по обобщающей силе образ этой героини—один из лучших в грузинской реалистической прозе. Возвышенный, благородный моральный облик крестьянства, угнетаемого помещичье-буржуазным строем, воспроизведён в рассказе в колоритно обрисованных бытовых картинах, с соблюдением деталей и нюансов, с проникновением в глубину духовной драмы человека.

Мрачную обстановку дореволюционной грузинской деревни с большой реалистической силой отобразил Нико Лордкипанидзе в повести «Ради очага». Написанная в годы господства в грузинской литературе буржуазно-декадентских течений, она сыграла в своё время значительную роль в возрождении традиций реализма и народности в предреволюционной грузинской литературе.

В «Разорённых гнёздах» автор рисует яркие картины разорения и вырождения дворянского мира.

Позднее, после победы социалистической революции в нашей стране, Нико Лордкипанидзе взглянул на этот же мир с уничтожающей иронией. В повести «Феодалы» он рассказал о том, как погибла дворянская семья из-за дележа 13-копеечной пачки табака.

«Лихолетье» и «Грозный властелин», написанные на материале исторического прошлого, являются значительными произведениями предреволюционной грузинской литературы.

В «Лихолетье» воспроизводится тот период истории Грузии, когда страна, обессиленная длительными войнами, была охвачена хаосом феодального партикуляризма. Все жизненные силы страны поглощались взаимной борьбой феодалов, игнорировавших общегосударственные и общенациональные интересы. В этой повести писатель обнаруживает необыкновенную силу живого воспроизведения отдалённых событий, с изумительным мастерством воскрешая людей прошлого со всеми их стремлениями, чувствами, страстями.

На острых столкновениях человеческих характеров и интересов строит писатель сюжет повести, пронизывая его глубоким драматизмом.

Не только главные герои, такие как князь Юлон, его мать, Арчил, но и эпизодические персонажи, появляющиеся всего лишь один-два раза в повести, неизгладимо запечатлеваются в памяти читателя. В этом большое достоинство Нико Лордкипанидзе как мастера в создании человеческих характеров.

Писатель показывает, как подкашивает стихия феодальной деспотии и партикуляризма жизненные силы страны. Но над этой мрачной картиной возвышается вера в бессмертие народа, которую автор выражает с предельной убедительностью устами одного из своих героев—Отия, учёного старца, мечтающего о возрождении отечества: «Наше время настанет когда-нибудь, обязательно настанет».

«Грозный властелин» органически связан с «Лихолетьем» как по теме, так и по характеру использования средств художественного изображения. В образе грозного властелина князя Левана писатель с большой обобщающей силой изобразил жестокую природу феодальной тирании.

К числу лучших исторических произведений Н. Лордкипанидзе следует отнести также повесть «Рыцари» и оставшийся, к сожалению, незаконченным исторический роман «Давид Строитель». Опубликованные отдельные главы этого произведения показывают, как глубоко понимал и живо воспроизводил писатель события прошлого своей страны.

Творческая индивидуальность Нико Лордкипанидзе, его мировоззрение и художественный стиль сформировались в предреволюционные годы. Советскую эпоху он встретил вполне сложившимся художником. Несмотря на это, как и все лучшие представители дореволюционной литературной интеллигенции, он испытал на себе большое животворное воздействие строительства социалистической жизни, героики нашей советской действительности.

В годы советской власти Нико Лордкипанидзе написал такие значительные произведения, как «Женщина в платке», «Феодалы», «Епископ на охоте» и другие.

За эти же годы он создал большую повесть «С тропинок на рельсы», в которой отобразил путь революционной борьбы грузинского народа в период с начала XX столетия до первой мировой войны.

Теме рождения нового советского человека посвятил Нико Лордкипанидзе повесть «Скульптор», в которой показал, как социалистическая действительность возвысила и приобщила к культуре, свободной творческой жизни выросшего в нищете юношу. Произведение проникнуто чувством всенародной любви и признательности к тому величайшему скульптору, гений которого растит счастливые поколения нашего времени.

Традиции реализма и народности в грузинской литературе периода реакции утверждали также своим творчеством детские писатели **Шио Мгвимели** и **Нино Накашидзе**.

ЛИТЕРАТУРА

- «Поэзия Грузии», Москва, Гослитиздат, 1949.
«Антология грузинской патриотической поэзии», Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1945.
«Грузинские романтики», изд. «Советский писатель», 1940.
Н. Бараташвили, Стихотворения, Гослитиздат, 1946.
Его же, Стихотворения, Гослитиздат, 1948,
Г. Орбелиани, Стихотворения, Тбилиси, «Заря Востока», 1947.
Л. Ардазиани, Соломон Меджгануашвили, Тбилиси, «Заря Востока», 1949.
Д. Чонкадзе, Сурамская крепость, Тбилиси, «Заря Востока», 1939.
И. Чавчавадзе, Избранные стихи и поэмы, Гослитиздат, 1949.
Его же, Избранные произведения, Гослитиздат 1950.
А. Церетели, Избранное, Гослитиздат, 1940.
Его же, Стихотворения, «Заря Востока», 1940.
Г. Церетели, Первый шаг, Гослитиздат, 1936.
Его же, «Сочинения, тт. 1, 2, Тбилиси, «Заря Востока», 1950—51.
Н. Ломоури, Каджана. Рассказы, Тбилиси, «Заря Востока», 1939.
Важа Пшавела, Поэмы, Гослитиздат, 1947; «Заря Востока», 1951.
Его же, Избранные произведения, Тбилиси, «Заря Востока», 1939.
А. Казбеги, Избранное, тт. I и II, Тбилиси, «Заря Востока», 1948—1949.
Э. Ниношвили, Сочинения, тт. I и II, Тбилиси, «Заря Востока», 1950.
Д. Клдиашвили, Сочинения, тт. I и II, Тбилиси, «Заря Востока», 1950.
В. Барнов, Избранное, Тбилиси, «Заря Востока», 1949.
Ш. Арагвиспирели, Избранное, Тбилиси, «Заря Востока», 1950.
Н. Лордкипанидзе, Избранное, Тбилиси, «Заря Востока», 1948.
Его же, Избранное, Москва, Гослитиздат, 1948.
А. Эристави-Хоштария, Игра судьбы, Тбилиси, «Заря Востока», 1937.
Её же, На скользком пути, Тбилиси, «Заря Востока», 1946.

ГРУЗИНСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПУТИ РАЗВИТИЯ ГРУЗИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Самой величественной датой во всей многовековой истории грузинского народа является 25 февраля 1921 г. Это дата победы социалистической революции и установления советской власти в Грузии.

Воодушевлённый всемирно-исторической победой Великой Октябрьской социалистической революции, свободолюбивый грузинский народ, возглавляемый созданными и выпестованными товарищем Сталиным большевистскими организациями Грузии, с помощью своего старшего брата—богатырского русского народа и доблестной

Красной Армии, низверг ненавистную диктатуру контрреволюционного меньшевизма, изгнал приглашённых меньшевиками иноземных интервентов и взял власть в свои руки.

С этого дня навсегда был положен конец многовековому социальному и национальному угнетению грузинского народа. Насильственно оторванная меньшевистскими предателями от Советской России и превращенная в убежище белогвардейских банд и представителей международной империалистической реакции Грузия отныне навсегда вошла в братскую семью советских народов и твёрдо стала на путь строительства социалистической жизни.

Установление советского строя вызвало коренные изменения во всех областях государственной, хозяйственной и культурной жизни страны.

Первыми же своими декретами советская власть национализировала фабрики и заводы, средства производства, банки и железные дороги, а находившиеся во владении помещиков и кулачества земли передала в пользование трудового крестьянства.

Творческая энергия народных масс, освобождённых от тягостей социального неравенства и рабства, отныне была направлена на создание новой социалистической жизни.

Развернулось строительство новых фабрик и заводов, высокомошных гидроэлектростанций, началось расширение и реконструкция старых, примитивных промышленных предприятий, возникли новые отрасли индустрии, возросла добыча и обработка марганца и угля, на селе соха и плуг стали уступать место тракторам и комбайнам, в больших размерах начались работы по строительству оросительных каналов, по осушке и превращению в цветущие сады больших массивов заболоченных долин и выжженных, бесплодных степей. Из дня в день менялся облик всей жизни и быта народа.

Такое обновление государственной и хозяйственной жизни страны повлекло за собой и широкий размах культурной революции. Освобождённые и ставшие во главе государственной власти трудящиеся массы, веками насильственно отрываемые господствовавшими классами от культурной жизни, проявили активный интерес и стремление к просвещению, к овладению высшими достижениями родной и мировой культуры. Страна покрылась широко развёрнутой сетью начальных, средних и высших учебных заведений, политико-просветительных учреждений.

Но задачи культурной революции не ограничивались процессом приобщения широких народных масс к культуре. Возникла необходимость и коренных изменений и обновления во всех областях культуры. Надобно было, чтобы все отрасли духовной культуры являлись бы оружием в борьбе за социалистическое переустройство жизни, за воспитание народа в духе всепобеждающих идей партии Ленина—Сталина. Это особенно относилось к художественной литературе—одному из самых могучих средств воздействия на сознание людей.

Жизнь потребовала от литературы живо откликнуться на запросы и интересы победившего трудового народа, активно включиться в борьбу за социалистическую переделку народного быта и сознания.

А между тем ко времени установления советской власти в Грузии грузинская литература не была в состоянии выполнить эти новые требования жизни. Преобладающее большинство дореволюционной писательской интеллигенции стояло на чуждых и враждебных пролетариату буржуазно-дворянских и мелкобуржуазных идеологических позициях. Пролетарская же литература пока ещё не обладала достаточными силами для того, чтобы занять ведущее место в литературе.

Такая обстановка подсказывала необходимость развернуть борьбу за переход наиболее передовых писателей дореволюционного поколения на идейные позиции пролетариата, за их идейно-творческое перевооружение, а главным образом,—за выдвижение из недр народа, а в особенности—из комсомольской молодёжи, новых творческих сил. Нужно было развернуть острую идеологическую борьбу на литературном

фронте за идейный разгром враждебных народу буржуазно-националистических, декадентских, антиреалистических литературных течений, за внедрение в творчество грузинских писателей пролетарского мировоззрения, коммунистической идеологии, за последовательное усиление и углубление связи литературы с новой социальной обстановкой, с задачами социалистического строительства.

Эта борьба и определила содержание и характер литературной жизни на первых этапах возникновения и формирования грузинской советской литературы.

Грузинская советская литература—неотъемлемая составная часть многонациональной советской литературы.

Социалистическая по содержанию и национальная по своей форме, грузинская советская литература занимает одно из видных мест в литературном творчестве братских народов СССР.

В своём докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей М. Горький говорил:

«Советская литература не является только литературой русского языка,—это всесоюзная литература... Литературы братских республик, отличаясь от нас только языком, живут и работают при свете и под благотворным влиянием той же идеи, объединяющей весь раздроблённый капитализмом мир трудящихся».

Грузинская советская литература—одна из этих литератур братских республик Советского Союза, одна из органических частей этой всесоюзной литературы. Расцвет и неуклонный рост грузинской советской литературы—яркое проявление мудрой ленинско-сталинской национальной политики большевистской партии, создавшей всем народам нашей необъятной родины неограниченную возможность полноценного раскрытия своих творческих сил и способностей.

Всемирно-исторические успехи строительства коммунистического общества в нашей стране, беспримерные во всей истории человечества трудовые и ратные подвиги советского народа, богатый, и благородный духовный мир советских людей составляют основной предмет художественного изображения, основное содержание грузинской, как и всей нашей советской литературы.

Развиваясь на основе метода социалистического реализма, грузинская советская литература продолжает и развивает лучшие демократические и реалистические традиции родной и русской классической литературы. Многовековая история грузинской литературы, которая на всех основных этапах своего развития в лице своих передовых представителей теснейшим образом была связана с героической борьбой свободолюбивого грузинского народа, составила прочную основу для успешного роста грузинской советской литературы. В творчестве современных грузинских поэтов, прозаиков, драматургов ощутимо проявляются славные патриотические, демократические и реалистические традиции грузинской классической литературы, оплодотворённые и поднятые на новую высоту в эпоху победоносного строительства коммунизма.

Активное творческое общение и взаимосвязь с братскими литературами народов СССР составляют один из важнейших факторов роста и развития грузинской литературы. Особенно животворное влияние оказывает на современную грузинскую литературу русская советская литература. Вся история грузинской советской литературы отмечена оплодотворяющим воздействием творчества лучших русских советских писателей, и в первую очередь—гениального родоначальника литературы социалистического реализма М. Горького и основоположника социалистической поэзии В. Маяковского.

Известно, что М. Горький и В. Маяковский, как и их славные предшественники, великие русские писатели прошлого века—Пушкин, Лермонтов, Грибоедов,—тесно были связаны своей жизнью и творчеством с Грузией, с грузинским народом, с грузинской культурой.

В Грузии началась сознательная революционная деятельность и большая творческая жизнь М. Горького. В Тбилиси, на страницах газеты «Кавказ», осенью 1892 г.

появился его первый рассказ «Макар Чудра». В своём приветствии, опубликованном в связи с десятилетием со дня установления советской власти в Грузии, М. Горький с искренней признательностью говорил о большой роли грузинского народа и природы Грузии в его творческой биографии: «Можно думать,—писал он,—что именно величественная природа страны и романтическая мягкость её народа,—именно эти две силы дали мне толчок, который сделал из бродяги—литератора».

Передовые слои грузинской общественности с огромным интересом и вниманием отнеслись к появлению М. Горького на арене русской литературы. Уже с 90-х годов произведения М. Горького переводились на грузинский язык, печатались в грузинской периодике или издавались отдельными книгами. Можно с уверенностью сказать, что ни один из русских, а тем более европейских писателей не переводился так часто и быстро на грузинский язык, как М. Горький, каждое новое произведение которого при первом же появлении в печати немедленно появлялось и в грузинском переводе.

Начиная с середины 90-х годов, всё последующее развитие грузинской литературы отмечено благотворным воздействием творческих идей и образов Горького. В поэзии И. Евдошвили, первым отразившего в грузинской литературе боевые устремления пролетариата и воспевшего надвигающуюся бурю первой русской революции, явно чувствуется влияние великого буревестника революции. На творческих идеях Горького была воспитана продолжавшая поэтические традиции И. Евдошвили вся школа так называемых «демократических поэтов», занимавшая видное место в грузинской литературе первых двух десятилетий XX в. В изобличении пороков капиталистического строя эти поэты следовали за Горьким, хотя из-за своей мелкобуржуазной ограниченности они не оказались последовательными выразителями идей великого русского писателя.

Выдающийся беллетрист конца XIX в. Э. Ниношвили—один из инициаторов и организаторов первой грузинской марксистской социал-демократической организации «Месаме-даси»—лично был знаком и непосредственно общался с Горьким в период его первого пребывания в Грузии. Влиянием Горького отмечены произведения Ш. Арагвиспирели и В. Барнова, в которых эти писатели изображали уродство буржуазного общества, его нравственное разложение и аморализм.

В годы реакции, когда в грузинской литературе нашли широкое распространение антиреалистические, буржуазно-декадентские литературные течения, грузинские писатели, продолжавшие традиции реалистического искусства, сознательно и подчёркнуто следовали за Горьким. Плодами такого общения с творчеством великого пролетарского писателя явились самые выдающиеся произведения предреволюционной грузинской литературы: пьесы Ш. Дадиани и известный роман Лео Киачели «Тариэл Голуа». Нет никакого сомнения в том, что эти произведения, изображающие свирепую расправу слуг временно восторжествовавшей реакции с лучшими сынами народа и выражающие идеи нового, ещё более мощного революционного подъёма трудящихся, были созданы под воздействием замечательного творения М. Горького—романа «Мать».

Особенно глубоким и многосторонним стало влияние М. Горького на грузинскую литературу советской эпохи. При всём своём тематическом и жанровом многообразии современная грузинская литература растёт и развивается на основе метода социалистического реализма, родоначальником и великим классиком которого является М. Горький.

Огромное воздействие на формирование лучших творческих традиций грузинской советской поэзии оказал Владимир Маяковский, также тесно связанный с Грузией своей жизненной и творческой биографией.

Известно, что В. Маяковский родился в Грузии и здесь провёл свои детские годы. Будучи учеником Кутаисской гимназии, он был свидетелем мужественной борьбы грузинского трудового народа на баррикадах первой русской революции. Эта борьба, возглавляемая великим Сталиным, оказала определяющее влияние на формирование юношеского сознания и общественных устремлений будущего поэта революции. До конца

своей жизни В. Маяковский помнил наизусть и любил повторять революционные грузинские стихи и песни, пользовавшиеся особой популярностью среди грузинского народа в годы революции 1905 г. Искренняя любовь к Грузии не покидала В. Маяковского на протяжении всей его жизни. В стихотворении «Владикавказ—Тифлис», написанном в 1924 г., он говорил:

Только
нога
ступила в Кавказ,
я вспомнил,
что я—
грузин... Да,
я грузин,
но не старенькой нации, забитой
в ущелие в это. Я —
равный товарищ
одной Федерации грядущего мира Советов.

Глубокая любовь поэта к Грузии, к её природе, к грузинскому народу ярко выражена в словах этого же стихотворения:

Я знаю:
глупость—эдемы и рай!
Но если
пелось про это,
должно быть
Грузию,
радостный край подразумевали поэты.

В. Маяковский знал грузинский язык, грузинскую культуру, часто приезжал в Грузию, выступал перед грузинской общественностью с докладами, чтением своих новых произведений. Он лично был знаком с передовыми деятелями грузинской советской культуры, активно поддерживал всё лучшее в грузинском советском искусстве и литературе.

Исключительной популярностью и любовью пользовался и пользуется В. Маяковский среди грузинского народа, грузинской интеллигенции. Большая часть его поэтических творений переведена на грузинский язык лучшими мастерами современного грузинского стиха. Неизмеримо велико влияние В. Маяковского на грузинскую советскую поэзию. Творческая близость и родство с Маяковским с одинаковой силой ощущаются в поэзии таких разных по своей писательской биографии и поэтическому стилю мастеров грузинской поэзии, как Г. Табидзе и С. Чиковани, Г. Леонидзе и А. Мирцхулава, Г. Абашидзе и Р. Маргиани. В творчестве этих поэтов мы не встречаемся с случаями прямого подражания внешней форме поэзии Маяковского. Мы имеем в виду более глубокие и существенные проявления оплодотворяющих поэтических традиций Маяковского в развитии грузинской поэзии советской эпохи.

Влиянием М. Горького и В. Маяковского, конечно, не исчерпывается ведущая роль русской советской литературы в росте и развитии современной грузинской литературы, как и других национальных литератур нашей страны.

Грузинская советская литература обогащает себя творческим опытом, лучшими достижениями литератур всех братских народов СССР и в свою очередь вносит свой вклад в дело неуклонного идейно-творческого роста нашей многонациональной социалистической литературы.

В истории грузинской советской литературы можно наметить ряд основных периодов, определяемых соответствующими этапами развития государственной, хозяйственной и культурной жизни нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР (1921—1925 гг.)

Первый период возникновения и становления грузинской советской литературы охватывает первые пять лет существования советской власти в Грузии. Это были годы, когда победоносно вышедшая из огня и бури гражданской войны наша Советская родина залечивала раны, боролась за восстановление разрушенного народного хозяйства.

В истории грузинской литературы этот период характеризуется острой дифференциацией творческих сил, ожесточённой идеологической борьбой на литературном фронте, являющейся отражением классовых противоречий этого периода.

Остатки разгромленных революцией реакционных классов,—буржуазии, дворянства, мелкой буржуазии,—не мирились с победой советской власти в Грузии. Осколки этих классов и защищавшие их интересы контрреволюционные политические партии (меньшевики, национал-демократы, социал-федералисты и др.) не теряли надежду с помощью западных империалистических держав реставрировать в Грузии буржуазно-помещичий строй, вернуть свои утерянные классовые привилегии. Охваченные этими иллюзиями, они оказывали яростное сопротивление всем мероприятиям молодой советской власти то в открытой, то в скрытой форме. Воодушевлённый своей великой победой трудовой народ давал уничтожающий отпор всем подобным вылазкам обречённой контрреволюции и победоносно двигался вперёд по пути строительства новой жизни.

В обстановке ожесточённых классовых боёв росла и крепла Советская Социалистическая республика Грузии. Эта борьба находила своё выражение и в литературе. Писатели, выражавшие интересы и умонастроения потерпевших поражение реакционных классов, объединялись в правых антипролетарских литературных организациях, создавали собственные печатные органы—журналы и газеты, со страниц которых выступали против политики советской власти и пролетарской идеологии.

Одновременно начался процесс перехода лучших, передовых представителей дореволюционной писательской интеллигенции на сторону пролетариата, на позиции коммунистической партии и советской власти. Они смело и решительно становились на путь творческого сотрудничества с победившим пролетариатом, на путь активного участия в борьбе за строительство новой жизни. Самым ярким примером этого процесса в те годы явилась творческая деятельность крупнейшего грузинского поэта XX в.—Галактиона Табидзе. С первых же дней победы социалистической революции он решительно, без колебаний отбросил характерные для его дореволюционного творчества мотивы безверия и разочарованности, мистики и индивидуализма и стал пламенным, вдохновенным певцом новой, революционной эпохи.

Мы же станем там, где буря,
Где гремит свободы гром.
Мы себя—поэты Грузии—
Новым вихрям отдаём,—

призывал поэт в стихотворении «Мы, поэты Грузии». И в самом деле, с большим воодушевлением восславлял он в своих стихах и поэмах этих лет «новые вихри», поднявшиеся на разгром старого, реакционного мира, утверждавшие торжество нового, социалистического строя. Поэма Г. Табидзе «Джон Рид», в которой он отразил пламенные дни Октября, непосредственно пережитые поэтом в Москве и Петрограде, явилась большим событием в жизни грузинской литературы этого периода.

На путь активного творческого сотрудничества с советской властью стал тогда и другой выдающийся представитель дореволюционного поколения поэтов, самый

популярный поэт из школы «демократической поэзии» Георгий Кучишвили, а немного позже за ними последовали и другие лучшие представители дореволюционной литературы. Так возникло в грузинской литературе литературное «попутничество», характеризовавшее позиции тех писателей, которые, правда, пока ещё недостаточно глубоко понимали и воспроизводили в своём творчестве идеи строящего социализм пролетариата, но сочувствовали победившей революции, шли за ней, активно поддерживали политику советской власти, участвовали в борьбе за культурную революцию.

Особенно сильное стремление к литературному «попутничеству» проявляли молодые писатели, которые начинали свою творческую жизнь в эпоху пролетарской революции, и настойчиво искали новые пути, соответствующие требованиям современности, хотя пока ещё они были слишком далеки от органического понимания и осмысления подлинного содержания революционной эпохи и её движущих идей.

Самым многозначительным процессом в жизни грузинской литературы этого периода явилось выдвижение из недр народа, в частности из рядов комсомольской молодёжи, целой плеяды молодых пролетарских писателей, творческая деятельность которых впоследствии обеспечила ведущую роль литературы пролетариата в дальнейшем развитии грузинской литературы на путях социалистического реализма.

Такая дифференцированность творческих сил литературы, естественно, вызвала образование различных обособленных литературных объединений, взаимная идейная борьба которых и определяла в основном характер и содержание литературной жизни этого периода. В 1921—1925 гг. в грузинской литературе выступало четыре таких литературных объединения.

«Академическая» группа представляла собой самое многочисленное и самое консервативное объединение, собиравшее вокруг себя писателей разных поколений и литературных вкусов, выражавших в те годы антипролетарские, националистические устремления остатков реакционных классов. Это объединение возглавляли К. Гамсахурдиа, А. Абашели, К. Макашвили, П. Ингорква, И. Гришашвили, И. Мчедлишвили, Х. Вардошвили и др.

В докладе на X съезде компартии Грузии тов. Берия характеризовал это литературное объединение как «крайне правое крыло в грузинской литературе».

«Академическая» группа сформировалась в 1922—1923 гг., и её печатным органом являлись журналы и газеты «Картули ситква» («Грузинское слово»), «Ломиси», «Илиони», «Кавкасиони», «Хомалди» («Корабль»), «Сакартвелос самрекло» («Колокольня Грузии») и др.

Вся эта пресса печатавшимися в ней художественными произведениями, литературно-критическими и публицистическими статьями по существу выражала подчёркнуто отрицательное отношение к политике Советского государства, мечты и стремления к восстановлению низвергнутого революцией буржуазно-помещичьего общественно-политического строя.

Поэтическая группа **«Голубые роги»**, которая возникла в грузинской литературе в годы первой мировой войны, представляла типичное символистское литературное течение, «запоздавший отзвук западноевропейской и русской буржуазно-декадентской литературы» (Л. Берия).

В годы первой мировой войны и диктатуры контрреволюционного меньшевизма «голубороговцы» завоевали чуть ли не господствующее положение в грузинской литературе, что и было вполне естественно для реакционной обстановки того времени. В эпоху социалистической революции эта крайне антиреалистическая и антидемократическая литературная группа теряла всякую жизненную почву. Однако «голубороговцы» попытались приспособить свои общественные и эстетические позиции к задачам культурной революции и сохранить за собою тот удельный вес, который они имели в предреволюционной грузинской литературе.

В своих газетах и журналах «Меоцнебе ниаореби» («Мечтающие газели»), «Барикадеби» («Баррикады»), «Рубикон», «Бахтриони» и других они декларировали своё «лояльное» отношение к советской власти и говорили о запросах современности, однако по существу в своём творчестве, за редким исключением, они усердно продолжали характерный для этой группы буржуазно-декадентский путь. В творчестве «голубороговцев» космополитизм сочетался с национальной ограниченностью.

В группу «Голубые роги» входили В. Гаприндашвили, Г. Леонидзе, К. Надирадзе, С. Квдиашвили, Р. Гветадзе, Ш. Апхаидзе, С. Цирекидзе и др. Следует отметить, что некоторые из них уже в эти годы проявляли стремление к литературному попутничеству с социалистической революцией.

Группа грузинских футуристов-лефовцев «левизна», в состав которой входили С. Чиковани, Д. Шенгелая, А. Белиашвили, Д. Гачечиладзе, Н. Чачава, Л. Асатиани, Б. Жгенти и другие, возникла в 1922—1923 гг. под влиянием русского «Лефа» («Левый фронт искусства»), а отчасти и западноевропейского футуризма.

Эта группа выступила на литературное поприще с лозунгом творческого сотрудничества с Советским государством, противопоставляла себя «академической» группе писателей и «голубороговцам» и претендовала на строительство революционного искусства. Однако эти претензии не находили подтверждения и оправдания в творчестве молодых писателей, входивших в эту группу.

Говоря словами тов. Берия, для этой группы «было характерным формальное новаторство и мелкобуржуазное бунтарство».

Печатные органы этой группы «H₂SO₄», «Мемарцхенеоба» («Левизна»), «Литература да схва» («Литература и прочее»), «Дроули» («Временник») и др. проповедовали все те порочные, антиреалистические литературные взгляды, которые были характерны для русского футуризма и Лефа (формализм, «словотворчество», «заумный язык», «вещизм» и т. д.).

Ассоциация пролетарских писателей Грузии на протяжении ряда лет являлась основной организацией, проводящей политику партии в области художественной литературы, и сыграла значительную роль в деле идеологического разгрома чуждых пролетариату литературных течений, в деле выращивания и выдвижения новых творческих сил грузинской пролетарской литературы.

Возникновение пролетарского литературного движения в Грузии связано с выходом в свет первого номера литературно-художественного журнала «Кура» («Горн»). Его издали в 1922 г. пролетарские поэты старшего поколения С. Эули, И. Вакели, И. Лисашвили и другие, которые ещё в предреволюционные годы выступали на страницах большевистской печати. В журнале «Горн» впервые было декларировано возникновение пролетарского литературного движения в Грузии и выдвинута задача завоевания этим движением ведущей роли в грузинской литературе. Однако для осуществления этой задачи грузинская пролетарская литература пока ещё не располагала достаточными силами. Творчество пролетарских поэтов, участвовавших в «Горне», характеризовалась абстрактностью тематики, «космизмом», плакатной манерой письма, игнорировались задачи борьбы за новые формы литературного творчества.

Завоевание пролетарской литературой преобладающего удельного веса в грузинской литературе стало возможным лишь благодаря приходу в литературу новых поколений пролетарских поэтов и писателей.

В первые же годы существования Советской Грузии на литературном поприще выступили молодые пролетарские поэты и писатели—А. Мирцхулава (Машашвили), К. Лордкипанидзе, К. Каладзе, Э. Зедгенидзе и другие. Они внесли в грузинскую пролетарскую литературу темы социалистической действительности и развернули борьбу за новые формы художественного мастерства, необходимые для изображения событий новой жизни и художественного воплощения коммунистических идей.

Вначале это новое поколение грузинских пролетарских писателей выступало на страницах комсомольского журнала «Момавали» («Будущее»), а также собственными печатными изданиями «Пролемаф» («Новый фронт пролетарской литературы»), «Дарьял» и др. Но впоследствии они начали сотрудничать в органе ассоциации пролетарских писателей Грузии, журнале «Пролетарская литература» и во всей грузинской советской периодике и скоро заняли положение основного ядра грузинской пролетарской литературы.

Таковы были те обособленные писательские организации, деятельность и взаимоотношения которых определили содержание литературной жизни первого периода истории грузинской советской литературы.

В развитии грузинской советской литературы исключительно значительным событием явился выход первого толстого советского литературно-художественного журнала «Мнатоби» («Светоч»).

Этот журнал, основанный в 1924 г., собирал вокруг себя как творческие силы пролетарской литературы, так и писателей, ставших на путь литературного попутничества с революцией. Он резко и решительно противопоставил себя всей правой консервативной литературной прессе и развернул борьбу за политику большевистской партии в области литературы. «Мнатоби», таким образом, явился первым литературно-художественным периодическим изданием, собиравшим все лучшие творческие силы грузинской литературы на решение задач социалистического строительства. Выходящий по сей день журнал «Мнатоби» на всём протяжении исторического пути грузинской советской литературы—один из важнейших факторов её роста и развития на основе социалистического реализма.

Положение в литературе периода восстановления народного хозяйства нашей страны нашло своё глубокое отражение в известной резолюции ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы».

Эта резолюция разъясняла, что происходящая на литературном фронте идеологическая борьба является отражением классовых противоречий в социальной жизни страны. Основной задачей в области литературы партия выдвигала задачу перехода всех жизнеспособных сил литературы на позиции рабочего класса, коммунистической партии. Резолюция требовала развёртывания непримиримой борьбы с враждебной пролетариату идеологией на литературном фронте и вместе с тем осторожного, бережного, заботливого отношения «к попутчикам», которые проявляли желание творчески сотрудничать с советской властью. Подчёркивая задачу завоевания пролетарской литературой господствующего положения на литературном фронте, резолюция осуждала практику голого администрирования в литературе, искусственной гегемонии какой-либо отдельной литературной организации и выдвигала принцип свободного соревнования, творческой конкуренции между различными течениями и объединениями в советской литературе.

Этот документ, определивший литературную политику большевистской партии, сыграл огромную роль в дальнейшем развитии всей многонациональной советской и, в частности, грузинской литературы.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (1926—1931 гг.)

Огромные успехи, достигнутые советским народом под руководством большевистской партии в период восстановления народного хозяйства открыли перед нашей страной возможности перехода на развёрнутую борьбу за построение крупнейшей в мире социалистической индустрии, за социалистическое переустройство сельского хозяйства.

Как повсюду, в каждой советской республике, в Грузии входят в строй крупные фабрики и заводы, создаются мощные совхозы, в огромных размерах развёртывается колхозное движение. Новый размах приобретает и ход культурной революции.

Всё это красноречиво свидетельствовало о правде и всепобеждающей силе нашей революции, дела социализма, и вызывало коренные сдвиги в сознании интеллигенции в целом, и в частности писательской интеллигенции. Навсегда развеиваются в прах всяческие иллюзии о возможности реставрации буржуазно-помещичьего строя. Пафос всенародной созидательной борьбы, возрождающей все отрасли хозяйственной и культурной жизни родины, порождает стремление творческого сотрудничества с Советским государством в широких слоях интеллигенции. Начинается массовый переход писателей дореволюционного поколения на позиции рабочего класса и коммунистической партии.

Успехи социалистического строительства и политика большевистской партии обуславливают всё большее сближение писателей с социалистической действительностью, с мировоззрением пролетариата.

Выросшее в годы революции новое поколение писателей к этому времени уже заняло определяющее место в грузинской советской литературе.

Эти обстоятельства определили характер второго периода истории грузинской советской литературы. В самом начале этого периода, в феврале 1926 г., в торжественные дни пятой годовщины установления советской власти в Грузии, собрался первый съезд грузинских писателей, на котором были представлены все охарактеризованные выше литературные организации и объединения.

Старейший писатель Василий Барнов, отметив в своём выступлении на этом съезде, что социалистическая революция превратила в действительность возвышенные мечтания лучших, передовых деятелей грузинской литературы, её величайших классиков, призвал писателей Грузии к активному творческому сотрудничеству с советской властью, принёсшей подлинное освобождение и возрождение Грузии.

Выступившие на этом съезде представители всех писательских объединений декларировали свою готовность активно сотрудничать с Советским государством, участвовать в строительстве социалистической жизни. Съезд показал глубокие сдвиги, происшедшие в сознании грузинской писательской интеллигенции, а последующие годы это подтвердили. Началась оживлённая творческая деятельность во всех жанрах литературы, охватившая писателей всех поколений, всех литературных направлений.

Тематика труда и борьбы советского народа, героическое революционное прошлое заняли главенствующее место в творчестве грузинских поэтов, прозаиков, драматургов. Мировоззрение революционного пролетариата, коммунистическая идеология всё мощнее и глубже стали внедряться в творчество писателей.

Особенно большие идейно-творческие сдвиги имели место в эти годы в области поэзии. Г. Табидзе за этот период, кроме множества лирических стихов, воспевающих героические дела народа—строителя новой жизни, создал широкие поэтические полотна—поэмы «Эпоха», «Пацифизм» и «Революционная Грузия». В первых двух произведениях поэт говорил о всемирно-историческом значении Великого Октября, навсегда расколовшего мир на два непримиримых, враждебных друг другу лагеря, рисовал картины ожесточённого единоборства двух миров и восторженно воспевал перспективу торжества свободы и демократии над старым, реакционным миром. Особенно важное значение в развитии грузинской советской поэзии имела поэма Г. Табидзе «Революционная Грузия», посвященная десятой годовщине установления советской власти в Грузии.

В этом произведении дано поэтическое изображение конкретной действительности, картины возрождения всех сторон жизни грузинского народа, победоносного строительства и неудержимого движения вперёд новой социалистической Грузии.

Алио Мирцхулава (Машашвили), занявший в этот период одно из ведущих мест в грузинской поэзии, создав яркие образцы политической лирики, передающей жизнеутверждающие чувства и мысли советской молодёжи, начал успешно работать в жанре поэтического эпоса. Он дал в эти годы ряд произведений, гневно бичующих остатки тёмного прошлого в быту и сознании советских людей.

Один из виднейших представителей поэтической школы «Голубые роги», В. Гаприндашвили, последовательно отходя от позиций символизма и декадентства, создал ряд стихотворений, которые свидетельствовали не только о коренном обновлении идейно-тематического содержания его творчества, но и о решительном стремлении поэта к овладению средствами реалистической поэтики, принципами социалистической лирики. Его стихи этого периода («Октябрьские строки», «Моя страна» и многие другие) сыграли значительную роль в деле формирования лучших творческих традиций грузинской советской поэзии.

Освободившись от чуждых своей поэтической натуре наносных влияний декадентской эстетики, Г. Леонидзе во весь свой поэтический голос стал воспевать и изображать социалистическую действительность, возвышенные патриотические чувства советских людей. В своём лучшем стихотворении этого периода, «На заводе имени Сталина», поэт восславил красоту и силу социалистического труда.

Так начиналась новая творческая жизнь этого выдающегося современного грузинского поэта и других наиболее передовых мастеров поэзии из группы «голубороговцев» (К. Надирадзе, Р. Гветадзе, Ш. Апахидзе и др.).

С. Чиковани, сознательно отвергая и преодолевая в своём творчестве влияние формализма и увлечение «словотворчеством» и подобными экспериментами, создал ряд ярких стихотворений, отмеченных глубиной мысли и реалистическим новаторством. В стихотворении «От Кавказа до Таганрога» поэт выразил чувства беспредельной любви и благодарности грузинского народа к Советской России—колыбели социалистической революции, несущей свободу и счастье всем народам мира. Стихотворением «Ушгульский комсомол» начинается в поэтическом творчестве С. Чиковани отражение облика обновлённой Грузии, изображение лучших качеств духовного мира советского человека.

Во второй половине 20-х годов началась новая творческая жизнь известных грузинских поэтов дореволюционного поколения—И. Гришашвили и А. Абашели. В стихах, посвященных новому Тбилиси, они выразили творческое стремление всецело поставить свой большой талант и поэтическое мастерство на службу интересам и запросам социалистической современности.

В литературу пришло новое поколение молодых пролетарских поэтов: И. Абашидзе, Г. Качахидзе, А. Гомиашвили и другие внесли новую, свежую струю в грузинскую поэзию, обогатили мир её тем и образов.

Ещё в первые годы возникновения грузинской советской литературы наметилось возрождение художественной прозы и, в частности, жанра романа, который особенно деградировал и почти отмирал в предреволюционной грузинской литературе, когда господствующее положение занимали антиреалистические литературные течения, принципиально отрицавшие большие литературные жанры.

С большой плодотворностью развернулась творческая работа в этой области в последующие годы.

Во второй половине 20-х годов Лео Киачели опубликовал роман «Кровь» на тему революционной борьбы грузинского народа в период реакции, последовавшей за поражением первой русской революции. Этот роман, хотя во многом и отступавший от исторической правды, однако свидетельствовал о решительном утверждении на позициях реалистического искусства этого крупного современного грузинского прозаика, подвергавшегося влиянию антиреалистических литературных течений. Такое же большое значение имел в творческой биографии другого маститого грузинского беллетриста Н.

Лордкипанидзе опубликованный в эти годы роман «От тропинок на рельсы». Отмеченный большой жизненной и художественной правдивостью, этот роман по сей день остаётся одним из лучших произведений грузинской литературы на тему самоотверженной борьбы рабочего класса и революционного крестьянства Грузии за свержение царского самодержавия и буржуазно-помещичьего строя. Д. Шенгелая в повестях «Гурам Бараминдиа», «Февраль» и других воспроизводит волнующие эпизоды гражданской войны и победоносной борьбы грузинского народа за свержение ненавистной диктатуры меньшевиков и установление советской власти в Грузии. В этих произведениях писатель проявил своё стремление к преодолению влияний символизма и формализма. С. Клдиашвили написал роман «Пепел», в котором изобразил тяжёлую жизнь грузинского крестьянства в годы первой мировой войны. В целом ряде повестей писатель показал победоносное наступление новой жизни на обречённые остатки старого реакционного мира. Эти произведения ознаменовали обновление творческой жизни писателя, раннее творчество которого ограничивалось мелкими декадентскими новеллами и миниатюрами.

Теме непримиримой борьбы между отмирающим старым и победоносно возрастающим новым в жизни грузинского народа посвятил Р. Гветадзе свой первый роман «Тео», повествующий о предреволюционном периоде и первых годах существования Советской Грузии.

Число грузинских прозаиков увеличили пришедшие в литературу во второй половине 20-х годов молодые пролетарские писатели П. Чхиквадзе и Б. Чхеидзе. В романе «Этажи» и повести «Товарищ Бутхузи» П. Чхиквадзе одним из первых в грузинской литературе изобразил борьбу за рост социалистической индустрии в Грузии. Первый роман Б. Чхеидзе «Дни» повествовал о героической борьбе трудящихся Грузии против власти своих злейших врагов, контрреволюционных меньшевиков.

Этот период истории грузинской советской литературы ознаменовался значительными достижениями и в области драматургии. Обновлённый грузинский театр, успешно завоевавший одно из передовых мест во всей многонациональной советской театральной культуре, настоятельно требовал оригинального репертуара, созвучного интересам и духовным запросам советского народа. И такие пьесы появились в репертуаре грузинских театров. Комедия Ш. Дадиани «Прямо в сердце», разоблачавшая порочные остатки бюрократизма, волокиты и подхалимства в советском государственном аппарате, положила начало возникновению и развитию грузинской советской комедиографии. Его же пьеса «Тетнульд», рисующая отмирание старых, патриархальных предрассудков и отживших традиций в обстановке развития новых социалистических форм хозяйственных и бытовых взаимоотношений, явилась интересной попыткой возрождения жанра трагедии в советской драматургии.

Написанная по мотивам драмы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» пьеса С. Шаншиашвили «Анзор», отображающая эпизоды героической борьбы горцев Кавказа на баррикадах гражданской войны, сыграла большую роль в формировании творческого облика театра имени Руставели, лучшего грузинского советского театра, одного из крупнейших и передовых театров нашей страны. В эти же годы С. Шаншиашвили написал ряд пьес на современные и исторические темы, прочно вошедшие в репертуар грузинского советского театра.

Событием в жизни грузинского театра и драматургии этих лет явилась с успехом идущая в театрах и по сей день пьеса современного грузинского комедиографа П. Какабадзе «Кваркваре Тутабери». В эти годы в драматургии начали работать пролетарские поэты К. Каладзе и А. Мирцхулава (Машашвили). Их пьесы на современные и историко-революционные темы обогатили и расширили идейно-тематический кругозор грузинской советской драматургии.

Так активизировалась за годы социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства творческая деятельность грузинских советских писателей во всех жанрах литературного творчества. При последовательном росте

тематического и жанрового многообразия литературы налицо было единое стремление писателей всех поколений и литературных течений к органическому сближению с социалистической действительностью, к творческому овладению современной тематикой и проблематикой. Это порождало идейно-творческое сближение всех жизненных сил литературы, их объединение вокруг задач социалистического строительства, вокруг позиций коммунистической партии.

Конечно, этот процесс не проходил гладко и прямолинейно. Каждое новое осложнение в социальной жизни страны находило своё отражение на литературном фронте. Например, с обострением классовых противоречий на селе, в связи с развитием колхозного движения, в грузинской литературе в 1928 г. сформировалось антипролетарское литературное объединение «Арифони». В докладе на X съезде компартии Грузии тов. Берия характеризовал эту группу следующим образом: «Эта группа по существу мало отличалась от упомянутой выше «академической» группы и так же, как эта последняя, стояла на явно враждебных нам буржуазно-националистических позициях».

Первый же номер печатного органа этой группы (альманах «Арифони») содержал произведения, направленные против идей индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Но существование «Арифони» оказалось кратковременным. Единодушный отпор со стороны советской общественности и литературной критики скоро привёл эту группу к самоликвидации.

В эту группу входили такие видные писатели, как Ш. Дадиани, Л. Киачели, И. Мосашвили, С. Шаншиашвили, Г. Кикодзе, Д. Сулиашвили и другие, занявшие впоследствии видные места в грузинской советской литературе.

На путь самоликвидации стали по существу и другие обособленные литературные группы. Ввиду того что все лучшие писатели, принадлежавшие к этим группам, фактически объединились в своих идейно-творческих устремлениях, теряло всякий смысл существование обособленных литературных групп и объединений.

Ассоциация пролетарских писателей Грузии, игравшая на протяжении ряда лет положительную роль, к концу 20-х годов ставшая филиалом РАППа, очутилась перед опасностью превращения в силу, тормозящую дальнейшее движение вперёд грузинской советской литературы. Некоторые руководители этой организации, следуя упрощенческим вульгаризирующим марксизм установкам руководства РАППа, грубо искажали основные принципы литературной политики партии и проповедовали чуждые марксизму-ленинизму взгляды в вопросах теории и творческого метода советской литературы. Особо уродливое выражение носило в грузинской литературе грубое вульгаризаторское отношение «рапповцев» к классическому наследию. Их нигилистическое отношение к богатейшей сокровищнице многовековой грузинской классической культуры в корне противоречило ленинско-сталинскому учению о критическом освоении и использовании культурных ценностей прошлого в деле строительства социалистической культуры.

Так созрела необходимость ликвидации «Ассоциации пролетарских писателей», как и всех других обособленных писательских объединений, уже не только не соответствовавших к началу 30-х годов задачам дальнейшего развития советской литературы, но и прямо противоречивших этим задачам.

Создавшаяся на литературном фронте новая обстановка нашла своё глубокое отражение в историческом постановлении ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». Этим постановлением партия ликвидировала обособленные литературно-художественные организации и решила создать единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нём.

Принятое по инициативе товарища Сталина, это постановление оказало огромное плодотворяющее воздействие на дальнейшее развитие всей советской литературы.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА БОРЬБЫ ЗА ЗАВЕРШЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (1931—1940 гг.)

Следующий период развития грузинской советской литературы охватывает 30-е годы, вплоть до начала Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

Это были годы победоносной борьбы и труда советского народа за завершение строительства социалистического общества в нашей стране, за успешное выполнение и перевыполнение грандиозных планов великих сталинских пятилеток, за реконструкцию разнообразных отраслей народного хозяйства. В хозяйственной и культурной жизни нашей родины эти годы ознаменовались новыми победами, нашедшими своё отражение в Сталинской Конституции.

Эти всемирно-исторические успехи социализма обусловили новый расцвет советской литературы, её ещё более глубокую связь с жизнью советского общества, с духовным миром советских людей.

Своим историческим постановлением 1932 г. партия расчистила путь для дальнейшего развития советской литературы и обеспечила единодушное сплочение всех жизненных сил литературы для решения задач, связанных с завершением строительства социализма.

Вскоре после появления постановления ЦК последовало большое событие в жизни советской литературы—на квартире М. Горького состоялась беседа товарища Сталина с советскими писателями. В этой беседе И. В. Сталин назвал писателей «инженерами человеческих душ» и указал, что творческим методом советской литературы должен быть социалистический реализм. Это указание вождя положило конец беспомощным упражнениям всяческих путаников и вульгаризаторов в вопросах творческого метода нашей литературы и искусства, выдвигавших такие догматические и порочные лозунги, как, например, «диалектико-материалистический творческий метод» и т. п.

Большое значение в определении идейно-творческого пути советской поэзии имела та высокая оценка, которую дал товарищ Сталин В. Маяковскому, назвав его «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

К числу первостепенных событий в жизни советской литературы 30-х годов относится Первый всесоюзный съезд советских писателей (август—сентябрь 1934 г.), явившийся замечательной демонстрацией единства идейно-творческих устремлений деятелей многонациональной советской литературы, их единодушной сплочённости вокруг большевистской партии.

Эти знаменательные события в жизни советской литературы, само собой разумеется, оказывали воздействие на грузинскую литературу, определяли пути её дальнейшего развития.

В начале 30-х годов во главе партийных организаций Грузии стал славный сын грузинского народа, верный соратник товарища Сталина—Л. П. Берия. Своим чутким, заботливым отношением к художественной литературе, как и ко всем другим отраслям хозяйственной и культурной жизни республики, тов. Берия оказал большую помощь новому идейно-творческому подъёму грузинской советской литературы.

Во всех жанрах литературного творчества 30-е годы ознаменовались новыми, большими творческими успехами. Выдающийся труд тов. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» вдохновил мастеров литературы на создание высокохудожественных произведений на тему героической истории большевизма, на тему замечательной жизни и пламенной революционной деятельности товарища Сталина.

Первая книга эпопеи Г. Леонидзе «Сталин», с большим поэтическим воодушевлением отображающая годы детства и отрочества вождя, явилась крупнейшим

во всей советской поэзии произведением на эту тему. Изображению первого периода жизни товарища Сталина, проведённого им в своём родном городе Гори, посвящены многие другие произведения грузинской советской литературы. Широко и многогранно отобразили советские писатели Грузии первые шаги товарища Сталина на его славном боевом пути, тот период его революционной деятельности, когда он—молодой вождь трудящихся—на заре нашего столетия, в годы подготовки и проведения первой русской революции создавал большевистские организации в Грузии и Закавказье, спланировал рабочий класс и революционное крестьянство Грузии под непобедимым знаменем ленинизма. Из произведений, рисующих этот период жизни и деятельности товарища Сталина, выделяются: историко-революционная драма Ш. Дадиани «Из искры», поэма Г. Абашидзе «Весна в Чёрном городе», И. Абашидзе «Прощание с Цулукидзе», В. Гаприндашвили «Вождь и море», роман И. Лисашвили «Кецховели» и др.

Поэты Грузии создали много вдохновенных лирических произведений, рисующих яркие картины величественной грузинской природы, на лоне которой протекали дни детства и юношества И. В. Сталина, картины быта и социальной среды, в обстановке которых он родился и рос. В лучших произведениях грузинской поэзии воспроизведены отдельные эпизоды жизни и деятельности вождя и выражены священные чувства беспредельной любви и преданности советского народа своему гениальному вождю и любимейшему учителю. В этих стихах выражена законная гордость грузинского народа тем, что из его недр вышел величайший гений человечества, победоносно возглавляющий борьбу за свободу и счастье всех народов мира.

Грузинские советские поэты как бы соревнуются между собой в нахождении более ярких и действенных слов, красок, рифм, метафор для создания достойного поэтического образа великого творца всех побед и достижений нашей Советской родины.

Из многочисленных высокохудожественных лирических произведений, посвященных грузинскими поэтами великому Сталину, в этот период в первую очередь следует отметить: «Гори», «Весна в Батуми» и «Песня о Сталине» С. Чиковани, «Земля моя родная» и «Великому Сталину» Г. Табидзе, «Послание вождю» И. Гришашвили, «Поладаури» А. Абашели, «Иосифу Сталину» С. Шаншиашвили, «Рождение», «Родина вождя», «Гимн родине» А. Мирцхулава (Машашвили), «Домик вождя» и «Радуйся, родина» И. Мосашвили, «Песня» и «Сталин» Г. Леонидзе и др.

Грузинская советская поэзия в эти годы сделала большой шаг вперёд в отношении идейности и народности поэтического творчества, ясности, чёткости и действенности форм поэтического мастерства. Она достигла большой силы выражения самых возвышенных чувств и мыслей народа. Изложенное в стихах грузинскими поэтами послание грузинского народа великому Сталину в связи с 15-летием Советской Грузии, явилось первым образцом коллективного поэтического творчества во всей советской поэзии. Впоследствии эта форма нашла широкое распространение как в грузинской поэзии, так и в поэзии других братских народов СССР.

Стремление к достойному поэтическому изображению великих дел Сталинской эпохи вызвало тяготение к большим поэтическим полотнам, к жанру эпической поэзии. Кроме отмеченных выше поэм, об этом свидетельствовали написанные в эти годы поэма А. Мирцхулава (Машашвили) «Энгури», циклы баллад К. Каладзе, А. Гомиашвили и др. Именно в области эпического жанра проявил свой талант Г. Абашидзе—лучший представитель молодого поколения поэтов, начавших свою творческую деятельность в этот период.

Появившиеся романы, повести и рассказы грузинских советских писателей подняли на новую высоту художественную прозу, увеличили удельный вес этого жанра в грузинской советской литературе.

Роман К. Лордкипанидзе «Имерети» явился первым крупным произведением грузинской литературы на тему социалистической переделки деревни, победы колхозного строя. С большой реалистической силой писатель показал процесс революционного

переустройства сельского хозяйства, нарисовал галерею образов передовых людей колхозной деревни, выросших и закалённых в острой классовой борьбе.

Торжество колхозного строя, утверждение нового социалистического быта на селе отобразил Л. Киачели в своём замечательном романе «Гвади Бигва».

В своём трёхтомном романе «Похищение луны» К. Гамсахурдиа впервые затронул тематику социалистической действительности и попытался отобразить торжество новой социалистической жизни в борьбе с отмирающими остатками реакционного прошлого, хотя «это ему удалось пока что очень слабо» (Л. Берия).

Д. Шенгелая написал роман «Бата Кекия», отображающий жизнь грузинского крестьянства с 60-х годов прошлого века вплоть до революции 1905—1907 гг. Это было первое крупное произведение писателя, отмеченное подлинным реалистическим мастерством. Стремление к реалистическому изображению прошлого народа и нашей социалистической действительности с ещё большей силой проявилось в его последующих романах «Заря» и «Вдохновение».

Видное место в грузинской художественной прозе этого периода занимает многотомный роман А. Кутатели «Лицом к лицу», повествующий о самоотверженной борьбе, возглавляемой большевистской партией, рабочего класса и революционного крестьянства Грузии против контрреволюционной власти меньшевиков и их хозяев из лагеря международной империалистической реакции.

В романах Р. Гветадзе «Чиакокона» и «Лашаурские вечера» даны образы новых людей, рождённых и выросших в обстановке ожесточённой борьбы за торжество социалистической жизни. В своём романе «Кецховели» И. Лисашвили повествует о жизни и революционной деятельности одного из ближайших друзей и соратников товарища Сталина—Ладо Кецховели. Образ этого пламенного революционера в романе изображён с хорошим знанием материала, правдиво и убедительно.

В опубликованной в эти годы первой части романа «Лело» А. Чейшвили дал яркие колоритные картины жизни и быта колхозного крестьянства Западной Грузии и показал неразрывную связь личного счастья и благополучия человека с его трудовыми успехами, с процессом неуклонного роста и развития советского общества.

О великих делах людей Сталинской эпохи, о славном героическом прошлом нашего народа повествуют написанные в эти годы книги новелл, рассказов и повестей С. Клдиашвили, А. Белиашвили, Д. Сулиашвили, С. Тавадзе и др.

Ведущее место в грузинской драматургии этого периода занял образ советского человека—победоносного строителя социалистического общества. Талантливая комедия П. Какабадзе «Свадьба в колхозе», драма С. Клдиашвили «Поколение героев», пьесы И. Вакели «Зависть», В. Габескирия «Их повесть» и С. Мтварадзе «На перевале» пользовались успехом у зрителя именно потому, что все они были посвящены актуальным темам социалистической действительности, в правдивых образах раскрывали характерные черты богатого и благородного духовного мира советского человека.

В появившихся в эти годы исторических драмах воспроизведены значительнейшие эпизоды героической борьбы грузинского народа за свою социальную и национальную свободу. Выдающееся произведение С. Шаншиашвили «Арсен» и историческая драма И. Вакели «Георгий Саакадзе» характеризуются углублённой разработкой исторических тем в свете актуальных современных интересов и устремлений советского народа.

О широте идейно-тематического кругозора грузинской драматургии этого периода свидетельствует пьеса Г. Мдивани «Алказар», откликавшаяся на героическую борьбу демократической Испании против кровавых сил международной фашистской реакции.

Такому успешному развитию всех жанров грузинской литературы на основе творческого метода социалистического реализма в большой мере помогла проведённая

под руководством партии острая принципиальная борьба против всяческих проявлений пережитков формализма и натурализма в советской литературе.

Все отмеченные выше наиболее характерные произведения этого периода пронизаны священным чувством советского патриотизма, ставшего основной темой литературы и искусства.

В предвоенные годы появились произведения, гневно бичующие звериное лицо фашизма, разложение и маразм капиталистического мира, его морали и культуры (цикл стихов Г. Табидзе о Европе, стихи А. Абашели «В Германии» и др.).

30-е годы ознаменовались в жизни грузинской культуры большой работой по изучению и популяризации литературного наследия, ценнейших произведений многовековой грузинской классической литературы. Решительно отбросив культивируемое «рапповцами» вульгаризаторское, нигилистическое отношение к классической культуре, грузинский народ с большим торжеством отметил 750-летие со времени написания гениальным грузинским поэтом Шота Руставели поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Этот юбилей превратился в светлый всенародный праздник многонациональной советской культуры. Его праздновали все братские народы СССР.

Широко были отмечены также юбилейные даты и других классиков грузинской литературы: Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела, Эгнате Ниношвили и др.

Развернулась большая научно-исследовательская работа по изучению проблем грузинской классической литературы. Был создан институт истории грузинской литературы имени Руставели.

Большой размах обрела в 30-х годах работа по переводу лучших образцов грузинской классической и советской литературы на русский язык и языки других братских народов Советского Союза.

Грузинская литература заняла видное место в духовной жизни всего многонационального советского народа. В докладе на X съезде компартии Грузии, в мае 1937 г., тов. Берия отметил: «За последние пять лет грузинская советская литература заняла одно из первых мест в ряду передовых братских литератур Советского Союза».

ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.)

Вероломное нападение кровавых полчищ немецко-фашистских захватчиков на нашу родину и начало священной Отечественной войны советского народа потребовали полной мобилизации и максимального напряжения всех духовных и материальных сил народа.

Перед литературой встала задача ещё выше поднять боевое патриотическое воодушевление народа, отобразить героическую жизнь фронта и тыла Отечественной войны—самой народной, самой справедливой войны во всей истории человечества, показать мировому общественному мнению звериное лицо фашизма. И советская литература с честью выполняла на всём протяжении войны это своё историческое призвание.

Советская литература внесла неоценимый вклад как в дело социалистического строительства, так и в дело победы нашей родины над немецко-фашистскими интервентами и японскими-империалистами. В докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» А. А. Жданов говорил: «Именно потому, что советское государство и наша партия с помощью советской литературы воспитали нашу молодёжь в духе бодрости, уверенности в своих силах, именно поэтому мы преодолели величайшие трудности в строительстве социализма и добились победы над немцами и японцами».

Как и вся советская литература, грузинская литература в годы Великой Отечественной войны всецело была перестроена на военный лад, её тематика и всё содержание определялись исключительно задачей победы над врагом.

В первые же дни войны в грузинской печати появились стихи А. Абашели «Моему перу» и И. Гришашвили «Родина и Победа», которые страстным поэтическим словом призывали народ к самоотверженным ратным и трудовым подвигам в борьбе за честь и свободу отечества. Г. Табидзе издал сборник боевых, патриотических стихов «Родина, жизнь моя» и «Земля моя родная», Г. Леонидзе и С. Чиковани в вдохновенных стихах восславляли полководческий гений великого Сталина и рисовали его величественный образ как символ непобедимости нашей родины. Стихи Г. Леонидзе «Сталину» и С. Чиковани «Гамарджвеба» пользовались большой популярностью в народе с первых же дней войны. Ряд замечательных стихов, отражающих боевой дух советского народа, поднявшегося на битву с ненавистными иноземными захватчиками, опубликовал в эти дни Алио Мирцхулава (Машашвили). Так начиналась большая боевая жизнь грузинской советской литературы. Возродив и умножив патриотические традиции грузинской классической литературы, поэты и писатели Грузии своим огненным словом звали и воодушевляли бойцов фронта и тыла на богатырские дела во имя славы и бессмертия родины.

Политическая лирика стала основным жанром в грузинской поэзии на первом этапе войны. В лучших своих произведениях этого периода грузинская советская поэзия достигла большой действенности стиха, его подлинной народности. Лучшим образцом такой высокой народности в грузинской советской поэзии военных лет служит замечательное стихотворение И. Абашидзе «Капитан Бухаидзе». Восславляя бессмертный подвиг павшего в боях с врагами доблестного воина грузина Бухаидзе, поэт выразил в этом стихотворении священные чувства беспредельной сыновней преданности и любви к родине советского человека, беззаветно отдающего свою жизнь делу бессмертия отечества. Поэт нашёл исключительно яркую, выразительную, доходчивую форму для достойного воплощения этого возвышенного всенародного чувства. Народ подхватил вдохновенные слова поэта. Бойцы фронта и тыла знали наизусть и любовно повторяли задушевные патриотические слова поэта. Едва ли какое-либо другое произведение грузинской советской поэзии пользовалось такой всенародной известностью в годы войны.

На последующих этапах войны в грузинской поэзии появились произведения, отображающие эпизоды боевой жизни фронта и тыла, рисующие образы доблестных героев Отечественной войны, раскрывающие возвышенные, благородные черты духовного мира советского народа-воина, своей богатырской грудью отстаивавшего не только жизнь и свободу своего социалистического отечества, но и спасавшего мировую цивилизацию от вандализма фашистских могильщиков культуры.

Такие стихи этого периода, как «Не грусти, мать!» Г. Леонидзе, «Артиллерийская дуэль» К. Каладзе, «Павшему смертью храбрых Шаламберидзе» Р. Гветадзе, «Зов бессмертия» Д. Гачечилидзе, «Его письмо» И. Мосашвили, «Кто сказал?» С. Чиковани, «Казбек» А. Мирцхулава, навсегда вошли в золотой фонд грузинской советской поэзии. Глубокое изображение патриотических чувств и мыслей героев советского тыла дали в своих стихах этого периода Ш. Апхаидзе, К. Чичинадзе, В. Гобескирия.

За годы войны грузинские поэты создали ряд больших эпических полотен, из которых особенно следует отметить: «Песнь о Давиде Гурамишвили» С. Чиковани и «Победоносный Кавказ» Г. Абашидзе.

«Победоносный Кавказ»—значительное произведение грузинской поэзии на тему героической обороны Кавказа в дни Великой Отечественной войны. В поэме нарисованы большой впечатляющей силы картины боевой жизни грузинского народа в суровые, напряжённые дни.

Исторически правдиво в поэме изображена огромная заслуга товарища Берия, организовавшего осуществление гениального сталинского стратегического плана разгрома гитлеровских полчищ у подножья Кавказа.

В поэме «Песнь о Давиде Гурамишвили», построенной на историческом материале, С. Чиковани в оригинальной поэтической форме воплотил и воспел священное чувство нерушимой сталинской дружбы народов нашей родины, явившейся одним из основных источников великой победы над врагом.

В годы войны в грузинскую литературу пришли молодые поэты, получившие боевое крещение в огне Отечественной войны. Из них особенных творческих успехов достигли И. Нонешвили и Р. Маргиани, талантливые стихи которых заслуженно находят живой отклик среди широких слоев народа.

Грузинские прозаики создали ряд произведений, отображавших ратные и трудовые подвиги советских людей. Повести Л. Киачели «Отец и сын», рассказ К. Лордкипанидзе «Как умер старый рыбак», книга новелл Р. Гветадзе «Правдивые новеллы», фронтовые рассказы и очерки Г. Натрошвили, рассказы и повести С. Клдиашвили, А. Белиашвили, Д. Сулиашвили, Б. Чхеидзе, Р. Коркия повествуют о бессмертных делах сынов и дочерей родины, своей самоотверженной борьбой и трудом выковавших нашу великую победу.

Теме героической обороны Кавказа и роли тов. Берия в этой славной эпопее посвящена повесть Д. Шенгелая «Мерхеули».

На возросший интерес народа к своим боевым патриотическим традициям, к своему славному героическому прошлому, грузинская литература ответила рядом романов на исторические и историко-революционные темы.

Написанная в дни войны третья книга романа А. Кутатели «Лицом к лицу» повествует о славных революционных традициях грузинского народа, мужественно боровшегося в мрачные годы меньшевистской диктатуры против ненавистных иноземных оккупантов и всяческих врагов свободы и счастья народа. В романе Б. Чхеидзе «На берегу Лиахвы» воспроизводится знаменательный период исторической жизни грузинского народа—рубеж XIX и XX столетий, когда рабочий класс и трудовое крестьянство Грузии, сплотившись под водительством созданных товарищем Сталиным большевистских организаций, решительно поднимались на борьбу за свою социальную и национальную свободу.

Среди поставленных грузинским советским театром за годы войны произведений грузинских драматургов самой значительной явилась историческая драма С. Шаншиашвили «Герои Крцаниси». В пьесе изображено боевое содружество и соратничество грузинского народа с великим русским народом, показано, как в самые суровые и тяжёлые времена своей истории грузинский народ находил спасение своего национального существования в дружбе и союзе со своим могучим соседом. Естественно, что эта пьеса обрела особенную актуальность в дни Отечественной войны, когда грузинский народ и все другие братские народы нашей родины, во главе с героическим русским народом защищали свою жизнь и свободу.

Теме дружбы русского и грузинского народов посвящена также успешно шедшая на сцене грузинского театра историческая пьеса А. Самсония «Багратиони», повествующая о жизни и полководческой деятельности прославленного героя Отечественной войны 1812 г., сына грузинского народа—генерала Багратиона. Драматург М. Джапаридзе написал талантливую пьесу «Дочь Жамтабери», на материале исторического прошлого грузинского народа.

Одновременно грузинская драматургия за годы войны дала ряд пьес, изображающих героическую борьбу советского народа против немецко-фашистских завоевателей. Из них следует отметить «Батальон идёт на запад», «Партизаны» и «Под небом Москвы» Г. Мдивани, «Олень ущелье» С. Клдиашвили и «Гора дум» Г. Шатберашвили.

Такой полнокровной, боевой творческой жизнью жила грузинская советская литература в дни Великой Отечественной войны. За годы войны «грузинские писатели и поэты своими пламенными патриотическими произведениями воодушевляли бойцов на

геройство, воскрешали перед ними историческое прошлое грузинского народа» (Л. Берия).

ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Победоносное завершение Великой Отечественной войны и переход нашей родины на рельсы мирного строительства положили начало новому периоду в жизни Советского государства.

Беспримерный во всей истории человечества гигантский созидательный труд советского народа, победоносно осуществляющего грандиозные предначертания Сталинского плана восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства и культуры, преобразования природы, построения коммунистического общества, изо дня в день обостряющаяся борьба между двумя лагерями на международной арене выдвинули новые задачи перед нашим идеологическим фронтом и, в частности, перед советской литературой.

Эти задачи со всей чёткостью изложены и обоснованы в принятых по инициативе товарища Сталина исторических постановлениях ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства.

Эти документы с новой силой подчеркнули огромную роль советской литературы в деле воспитания народа и в особенности молодёжи в духе ленинизма, потребовали от советских писателей повышения идейности и партийности литературного творчества, его патриотической целеустремлённости, уровня художественного мастерства. В своих постановлениях по идеологическим вопросам партия сурово осудила всяческие проявления в советской литературе безидейности и аполитичности, позорного низкопоклонства перед загнивающей культурой капиталистического мира.

Большое значение во всей идеологической жизни нашей страны имела проведённая по инициативе центральных органов партийной печати борьба против антипатриотической группы театральных критиков, против проявлений чуждого и враждебного советскому народу буржуазного космополитизма.

Гениальные труды товарища Сталина по вопросам языкознания явились новым ценнейшим вкладом в теоретическую сокровищницу марксизма-ленинизма и оказали огромное воздействие во всех областях идейной жизни нашей страны.

Эти важнейшие события, определившие пути развития всей советской литературы, имели и имеют определяющее влияние и на грузинскую литературу послевоенного периода.

В начале послевоенных лет в грузинской литературе были обнаружены серьёзные недостатки и заблуждения. В художественной прозе и драматургии наметилось чрезмерное увлечение исторической тематикой. В поэзии же возникло тяготение к безидейной лирике, самоцельному эстетству, к узкоинтимным, камерным мотивам. Эти ошибочные мотивы захватили даже некоторых ведущих грузинских поэтов.

Исторические постановления партии по идеологическим вопросам вооружили грузинскую советскую писательскую общественность на борьбу с этими порочными явлениями и помогли нашим поэтам и писателям преодолеть недостатки и поднять свою творческую деятельность на уровень больших задач, выдвигаемых новой исторической обстановкой послевоенного периода.

Выдающимся достижением грузинской советской поэзии послевоенных лет является изданная к 70-летию со дня рождения товарища Сталина большая коллективная книга «Великому Сталину». Участники этого сборника, передовые мастера современного грузинского стиха, с большим воодушевлением рисуют образ И. В. Сталина—творца и вдохновителя великих побед коммунизма, знаменосца борьбы всего прогрессивного человечества за мир и безопасность народов мира. Из новых произведений, созданных грузинскими поэтами на эту тему, особо следует отметить поэму Г. Леонидзе «Бершоула»,

цикл стихов С. Чиковани «Картлийские вечера», «Дума о вожде» И. Мосашвили, «День солнца» А. Абашели и «Великому Сталину от маленьких горийцев» И. Гришашвили.

Пафос созидательного труда советского народа, великие стройки коммунизма, борьба прогрессивного человечества против кровавых поджигателей новой войны за торжество мира и безопасности во всём мире—таковы основные темы грузинской поэзии послевоенных лет. В стихотворении «Свет» И. Гришашвили восславляет героический труд советских людей, строящих новые гиганты социалистической индустрии, укрепляющих могущество нашей родины—верного оплота мира.

Славный путь советского народа к светлым вершинам коммунизма воспроизведён в большом цикле стихов Р. Маргиани «Песни коммунизма». В поэме Г. Леонидзе «Самгори» тема современного созидательного труда советского народа органически сочетается с изображением героического прошлого Грузии. Стихи И. Нонешвили «За мир», С. Чиковани «В Потсдаме», Г. Табидзе «Великому Сталину» выражают несокрушимую волю советского народа отстоять мир и восторженно славят товарища Сталина, ставшего величественным символом непобедимости дела мира и безопасности народов мира.

Кроме поэмы «Зарзмийское сновидение» о послевоенной жизни грузинской колхозной деревни, Г. Абашидзе создал большие поэтические циклы «На южной границе» и «Ленин в Самгори». Эти произведения, раскрывающие исторический смысл событий нашего времени, занимают видное место в послевоенной грузинской поэзии.

За последние годы грузинская поэзия обогатилась именами молодых поэтов.

Грузинские советские прозаики создали за послевоенные годы ряд крупных произведений, изображающих бессмертные ратные и трудовые подвиги советских людей в Великой Отечественной войне. В романе «Человек гор» Л. Киачели отобразил славную эпопею героической обороны Кавказа. Галерею образов мужественных сынов родины, проявивших в Отечественной войне всю силу и благородство духа советского человека дал Д. Шенгелая в романе «Красный мак».

Трудовая жизнь грузинской колхозной деревни в дни войны изображена в повести М. Мревлишвили «Очаг Харатели».

Большие сдвиги, происходившие в годы войны в жизни колхозного крестьянства, в быту и сознании его передовых людей, отображены в романе молодой писательницы Т. Донжашвили «Слава».

Послевоенный созидательный труд людей социалистического земледелия составляет тему романа молодого писателя Р. Джапаридзе «Невеста из Хеви» и повести Т. Гоголадзе «Заря над Гарикулой».

Значительным событием в жизни грузинской литературы явился выход в свет романа К. Лордкипанидзе «Заря Колхиды», являющегося расширенным и основательно переработанным вариантом его известного произведения «Имерети». А. Чейшвили написал вторую часть романа «Лело», основательно также переработал его первую часть и издал обе эти части единой, цельной книгой. Эти два романа относятся к числу лучших произведений грузинской советской литературы, её художественной прозы на тему нашей героической действительности.

Большой популярностью пользуется в Грузии опубликованный в послевоенное время трёхтомный роман А. Белиашвили «Бесики». Книга повествует о деятельности и борьбе великого грузинского полководца и государственного деятеля конца XVIII века—Ираклия II, с именем которого связано осуществление давнишнего стремления лучших, умнейших правителей. Грузии к союзу и дружбе с Россией.

Новые произведения на актуальные темы современности создали в послевоенные годы грузинские прозаики О. Чхеидзе, С. Тавадзе, Г. Шатберашвили и др.

В грузинской советской драматургии непрестанно продолжается вдохновенная творческая работа по отображению замечательной жизни и революционной деятельности И. В. Сталина.

Особенно плодотворную творческую деятельность в области драматургии за последние годы ведёт один из лучших современных грузинских поэтов И. Мосашвили. С одинаково неослабевающим успехом в театрах Грузии идут его три новых пьесы: «Начальник станции»—о героической обороне Кавказа, «Потопленные камни»—о борьбе проживающих в Турции, на насильственно отторгнутых от Грузии землях, грузин против своих ненавистных поработителей из турецкой правящей клики и их американских хозяев,—и «Его звезда»—о борьбе передовой, материалистической советской науки против носителей чуждых и враждебных советскому народу реакционных, идеалистических «научных» теорий. Все эти три пьесы, помимо идейно-тематической актуальности и значимости, характеризуются высоким уровнем профессионального драматургического мастерства.

К творческим успехам грузинской драматургии послевоенного периода относятся также пьесы М. Мревлишвили «Бараташвили» и «Очаг Харатели», а также новые произведения С. Шаншиашвили, Г. Шатберашвили на злободневные темы современности

Таков путь развития, пройденный грузинской литературой за 30 лет существования советской власти в Грузии. При всех своих значительных успехах и достижениях грузинская литература всё ещё находится в большом долгу перед народом—строителем коммунистического общества. Неуклонный рост благосостояния и культурного уровня народа выдвигает перед литературой всё новые, возросшие требования. Народ ждёт от литературы ещё более глубокого и полного отображения великой Сталинской эпохи, ещё более всестороннего раскрытия духовного мира советского человека. Всей советской литературе, и в частности советским писателям Грузии, предстоит сделать ещё очень многое для того, чтобы в полноценных, высокохудожественных формах отобразить великие дела и события эпохи коммунизма.

ПОЭТЫ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

Выдающееся место в современной грузинской поэзии занимает Галактион Табидзе—один из крупнейших мастеров советской лирики. Галактион Табидзе—Народный поэт Грузии, действительный член Академии наук Грузинской ССР—художник богатой творческой фантазии, тонкого вкуса и высокого мастерства.

На протяжении сорока с лишним лет своей литературной деятельности Г. Табидзе прошёл сложный творческий путь, отражающий почти все основные процессы формирования грузинской поэтической культуры XX века.

Родился Г. Табидзе в 1892 году в Западной Грузии, в крестьянской семье. Окончив Кутаисское духовное училище, он одно время работал народным учителем. Скоро он всецело занялся поэтической деятельностью.

Юношеское сознание поэта складывалось под непосредственным воздействием огромных социальных сдвигов, имевших место в жизни страны на рубеже XIX и XX столетий, когда трудящиеся Грузии, возглавляемые И. В. Сталиным, твёрдо и уверенно сплывались под непобедимым знаменем ленинизма и мужественно подымались на борьбу за свою социальную и национальную свободу. В одном из своих ранних стихотворений поэт прямо говорит, что его породила великая заря революционного подъёма:

Я родился на заре,
Когда на горной вершине глаза открывало

Майское утро... И было нежно
Сияние и переливы голубых дней⁴⁰.

Начало творческой жизни Г. Табидзе относится к тем годам, когда под натиском чёрных сил царской реакции временно померкла эта заря, когда первая русская революция потерпела поражение, оставив глубокий, неизгладимый след в жизни грузинского народа. Как известно, поражение революции 1905 года породило настроения разочарованности и безверия в определённых кругах интеллигенции. Возникла тенденция бегства от реальной жизни, ухода от социальной проблематики. В литературе зародились антиреалистические направления, проповедующие самоцельный эстетизм, безидейность, упадочничество. В такой обстановке начал своё литературное творчество Г. Табидзе. Великим дням грядущих новых наступлений, нового боевого воодушевления народа посвящал он тогда свои первые юношеские песни:

Настанет время и снова
Пролетариат
Майскими розами
Наполнит жизнь.
Привет тем дням, привет тем боям,
Тем смелым натискам,
Тем первым маям!

Этот жизнерадостный мотив социального оптимизма характерен для начала творческого пути Г. Табидзе. В одном из стихотворений (1910 г), поэт высказывает свою мечту о недалёком светлом будущем:

Скоро во всех красках
Зазеленеют леса и доли,—
Раскроются цветы,
Разливая аромат;
Оживут лавровый сад,
Горная вершина, опушка леса,
И повеет нежный,
Весенний ветерок.

Но впоследствии эти восторженные, полные жизнеутверждающей силы мотивы постепенно отходят на задний план в поэтическом творчестве Г. Табидзе. Поэтом постепенно завладевают характерные для литературной жизни того периода чувства безнадёжности, разочарованности и скорби. Появляется всё возрастающая тенденция «закрывать глаза» на мрачную и суровую социальную действительность, тенденция ухода в замкнутый мир собственных настроений, переживаний. «В глубине своего сердца» начинает искать что-либо радостное и светлое поэт, находящийся в остром конфликте с реальной жизнью.

Естественно, что этот путь приблизил поэта к идейно-творческим позициям западноевропейского символизма. Выпущенные в предреволюционные годы книги стихов Г. Табидзе характеризуются мотивами, типичными для декадентского искусства: тут и крайний индивидуализм и ярко выраженные элементы мистического мироощущения, иррационального видения мира и импрессионистическая манера письма.

Однако эти увлечения чуждыми веяниями европейского «модернизма» не привели поэта к отрыву от родной почвы, от основной линии развития грузинской

⁴⁰ Выдержки из стихов Г. Табидзе приводятся преимущественно в подстрочном переводе.

классической поэзии. На всём протяжении своего поэтического пути Г. Табидзе сохранил духовное родство с великими классиками грузинской поэзии.

К тому же в дореволюционном творчестве Г. Табидзе всегда чувствуется некий «подтекст», иногда сильно завуалированный, иногда же более выявленный, дающий почувствовать духовное родство поэта с революционными настроениями эпохи.

Наряду с мотивами глубокой тоски и обречённости, в поэзии Г. Табидзе того периода нередко встречаются стихи, проникнутые верой в будущее, исполненные жизнеутверждающих настроений. Несомненно, поэт предугадывал нарастание новых сил грядущей социалистической революции:

О, не думай, что сердце умерло,
Что я совсем похоронил мои чистые мечты.
По тернистому пути опустошения
Сердце сохранило нетронутым ещё многое.

Поэт прозорливо видел существующий где-то «иной мир», куда и были обращены его взоры:

И всегда буду держать в сердце надежду,
Что есть где-то такой край,
Где цветёт солнечный эдем,
Где нет печальных душ.

И не только мечта о далёком, манящем свете, и не только стремление в «солнечный эдем», но и идея борьбы, отмеченная горячим темпераментом, звучит в творчестве Г. Табидзе в этот дореволюционный период:

Забываю прошлое... Мою молодость
Орошаю слезами прощанья,
Развею мешающий мне туман,
И проклятую ночь разгромлю.

Поэт хочет не тишины и покоя, он жаждет сразиться с ураганом:

В этом покое не нашёл я и сладости,
Ни чего-либо живительного и отрадного.
Дуйте, вихри, не люблю я этой тишины,
Я хочу с ураганом сразиться, дуйте, ветры.

И когда этот ураган грянул, поэт со всей решительностью развеял мешавший ему туман своего поэтического прошлого и смело стал под знамя победившей социалистической революции:

Мы же станем там, где буря,
Где гремит свободы гром,
Мы себя—поэты Грузии—
Новым вихрям отдаём.

(«Поэтам Грузии». Пер. В. Гаприндашвили.)

Во многих вдохновенных стихах Г. Табидзе отобразил впечатления от великих дней Октябрьской революции, полученные им непосредственно в России, где он тогда

находился. Мотивы безнадежности и обреченности навсегда исчезли из его творчества. Их сменили песни победоносной борьбы:

Что за солнце ослепительное взошло,
Что за гул прошёл по миру.
Это твоя песня, поэт,
Песня победной борьбы.

Пафос революционной эпохи постепенно утверждается в творчестве поэта. Мелодическая природа его поэзии отныне определяется мотивами, отображающими героическую великих социальных сдвигов. Стих его начинает звучать монументальнее, мужественнее, патетичнее.

Тема Великой Октябрьской социалистической революции органически утвердилась в поэзии Г. Табидзе, и в многогранной разработке этой темы он стал первоклассным мастером поэтической культуры советской эпохи.

С большим воодушевлением восславил поэт рождение нового мира, начало новой жизни:

Всё ожило вокруг.
Разлилась сила бурная,
Не было в мире раньше улыбки,
Взгляни, сколько её сегодня!

Бьющий родник, расступившиеся деревья,
Их обновлению вторят.
Это весна красит их дни
И качает колыбель новой жизни.

Отражение грандиозного размаха социалистической революции даёт поэт в стихотворении, посвященном международному революционному гимну— «Интернационалу».

Гимн этот потряс древний храм
И звёзды с неба снял,
Со скалы дворцы сорвал
И пустил их вниз под гору.
Всегда волнует Интернационал,
Это трепет нашей эпохи!
С места сорвалась старая жизнь
И разлетелась вдребезги в пропасти.

С неиссякаемым воодушевлением начинает поэт отражать в своём творчестве богатый мир тем и идей нашей социалистической действительности, живо откликаясь на все значительные явления общественной жизни.

Первый луч восходящего солнца, упавший на столицу обновлённой Грузии, поэт воспринимает как знак лучезарной жизни нашей страны:

Первый луч зари—пламя рассвета—
Лёг на развалины Нарикалы.
Гаснут электрические лампы и луч солнца
Вспыхивает, как первая радость.
Тбилиси вторит новому гимну,
Далёкие звуки волнуют сердце;

Мой привет гигантским лирам,
Мрак иссякает, мрак умирает.

Вдохновенной песней откликается поэт на пафос и размах индустриального роста нашей страны:

Гремите, песни чугуна,
Гремите в меди, напевы.

Взволнованные стихи обращает поэт к героям-борцам за новый материк, за новую Колхиду, «к аргонавтам нашего времени»:

Вас не пугают волны лав
И помехи природы.
Ваша мечта взметнётся к берегу,
Аргонавты новых времён.

Солнечный пейзаж возрождённой Грузии, склоны, покрытые чайными плантациями, торжество природы, аромат цветущих роз, ярко и живописно воспроизводит в чудесных поэтических картинах Г. Табидзе.

Священная идея защиты родины вдохновляет Г. Табидзе на создание большого цикла стихов, посвященных доблестной, непобедимой Советской Армии.

Широк и многогранен творческий диапазон Г. Табидзе, богат круг вдохновляющих его тем и идей. Но основной темой поэзии Г. Табидзе является тема советского патриотизма, беспредельной любви и преданности советского человека своей могучей родине.

Родине посвятил и отдал поэт свою лиру и своё сердце. Всю свою жизнь и творчество он связал с родиной; к ней он исполнен таких чувств, какие испытывает человек только к самому близкому и дорогому:

Тебя обожая, отчизна, пою,
Ни с чем я не схожую песнь отдаю,
Сердце в огне, и огня не таю.
Каждый имеет любовь свою.

(«Каждый имеет любовь свою». Пер. Н. Тихонова.)

В поэзии Г. Табидзе любовь и преданность родине связаны с чувством безмерной ненависти к враждебному ей миру.

С неиссякаемой творческой энергией создавал Г. Табидзе ещё в годы мирного строительства стихи, обличающие всю низость враждебного нам реакционного мира. С большим мастерством разработана у него эта тема в цикле стихов «Воспоминания об Европе». Обречённость реакционного мира и рядом с этим чувство национальной гордости советского человека, сознание превосходства новой жизни над старой, великий исторический смысл борьбы нашего народа убедительно звучат в его стихах:

Мы построим мир братства,
Он зиждется на главном в жизни—
На дружбе и братстве народов,
На незыблемой основе взаимного доверия.
Ваш же мир стоит
На вулкане взаимной ненависти.

Свирепый бог разрушения
Есть его знамя!

Почти накануне вероломного нашествия гитлеровских орд на нашу родину—в феврале 1941 г.—Г. Табидзе написал навеянное священным патриотическим чувством большое стихотворение «Земля моя родная»—великолепный образец современной грузинской политической лирики.

Словно в предчувствии великих боёв за жизнь и честь родины каждую строку этого стихотворения поэт пронизывает возвышенным чувством любви к родине. Великолепие природы родной страны, законная гордость её героической славной историей, богатство родного языка, сознание величайшего всемирно-исторического смысла нашего труда и наших боёв и готовность защищать родную страну—всё это звучит в стихотворении с предельной поэтической взволнованностью. В этом стихотворении Г. Табидзе с большой поэтической силой говорит о том, что великая эпопея возрождения нашей родины, утверждение в ней новой жизни освещены родным, безмерно любимым именем великого Сталина, его гением, зовущим к непрестанному движению вперёд:

Если век наш одаряет
Даже камни даром слова—
Это потому, что Сталин!
Ты ведёшь нас к жизни новой!

Если мы,—чьё имя смертно,
Полны веры и восторга,
Если наши руки солнце
Из грядущего исторгли;

Если что ни день, то крепость
Наша сила воздвигает,
Это потому, что Сталин
Нас ведёт и вдохновляет!

Это он провидит зорко
На столетья судьбы мира,
Это он сроднил впервые
Мощь труда и голос лиры!

Это он прошёл дороги,
Где в степях свистят бураны,
Чтоб согнать с лица земного
Ночь и тяжкие туманы!

(«Земля моя родная». Пер. В. Державина.)

В дни Великой Отечественной войны поэзия Г. Табидзе—это воодушевляющий боевой призыв, зажигающий сердца советских патриотов страстью самоотверженной борьбы за жизнь и свободу родины.

Живой отзвук находили у бойцов фронта и тыла вдохновенные слова поэта:

Земля кругом воронками изглодана,
Но смерть не испугает никого!
Сердца стучат... Они—твои, о родина!
И это—прежде всего!
С лица земли сотрём туман коричневый,
И солнца нашего зажжётся торжество.
Для счастья родины, для счастья личного
Победа—прежде всего!

(«О родина!» Пер. М. Светлова.)

В большом цикле лирических стихов запечатлел Г. Табидзе бессмертные подвиги славных сынов советского народа, отстаивших честь и славу родины.

В дни послевоенного трудового воодушевления советского народа поэт в восторженных песнях восславляет великие плоды нашей всемирно-исторической победы и новый подъём Советской страны—надёжного оплота мира и свободы, прогресса и счастья народов.

ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ

Советская эпоха обновила и обогатила творческую жизнь Иосифа Гришашвили. Иосиф Гришашвили—один из популярных поэтов советской Грузии, вписавший немало ярких страниц в историю новейшей грузинской литературы.

Родился И. Гришашвили 11 (23) апреля 1889 г. в Тбилиси, в семье мелкого ремесленника. Дед поэта, крепостной крестьянин, Дата (Давид) Мамулайшвили, сбежав от своего барина, поселился в Тбилиси и стал садовником в Ортачалъских садах. Отец поэта—Григорий—был каменщиком. Первоначальное образование И. Гришашвили получил в Тбилисской грузинской гимназии, закончить которую ему не удалось.

В 1906 г. вышла первая книжка стихов И. Гришашвили «Букет роз». Через год он выпустил ещё один небольшой сборник стихов. В 1914 г. вышел в свет первый большой сборник его стихов. Выход этой книги явился незаурядным событием в жизни грузинской поэзии. Книга определила творческое лицо поэта и вызвала шумные отклики критики и общественного мнения.

В 1944 г. было отпраздновано 40-летие поэтической деятельности И. Гришашвили. Он—лауреат Сталинской премии, действительный член Академии наук Грузинской ССР.

Свои первые юношеские песни Гришашвили посвятил поднявшейся на заре нашего столетия буре великих революционных битв. Потом, в период разгула реакции, в стихотворениях «Зима», «Песня заключённого» и других он выступает как выразитель народного негодования. Уже начальные шаги поэта свидетельствовали о его исключительной одарённости и многообещающих творческих возможностях. Однако, как и многие другие поэты и писатели в период реакции, И. Гришашвили стал на путь бегства от проблем и тем социальной действительности и определяющее место в своей поэзии предоставил узкоинтимным, камерным мотивам—темам любви и женской красоты. Он явился одним из зачинателей самоцельного эстетства в грузинской поэзии XX в.

В любовной лирике Бесики и задушевных песнях Саят-Нова нашёл Гришашвили источники своего поэтического мироощущения. Вместе с тем он чутко прислушивался к поэзии ашугов, к городскому поэтическому фольклору, возродил в новейшей грузинской поэзии яркие краски восточной лирики, выработал свой оригинальный стих, построенный на певуче-декламационном ритме. Специфична и лексическая фактура поэзии Гришашвили.

Каждое стихотворение Гришашвили характеризуется законченным лирическим сюжетом, его поэзия чарует богатой фантазией, неожиданными, смелыми метафорами, точной и звонкой рифмой.

Ещё в ранних стихотворениях Гришашвили раскрылся его поэтический мир, специфический круг тем, мотивов. Он придал своеобразное звучание вечной теме любви.

Поэзия И. Гришашвили не ограничивалась только этими мотивами. В своём дореволюционном творчестве поэт рисовал аллегорические картины поработанной родины, воссоздавал образы героев, гордо принимавших смерть за отчизну.

С большой силой поэтического мастерства Гришашвили оживил экзотические картины старого Тбилиси («Ашпашхана», «Триолеты о Шайтан-базаре» и др.). И с такой

же силой в стихах, посвященных обновлённому Тбилиси, он восславляет великую эпопею расцвета и возрождения социалистической родины.

Советская эпоха расширила поэтический мир Гришашвили, обогатила его новыми темами и идеями, наполнила его творчество новым социальным содержанием.

Началом такого глубокого обновления творческой биографии И. Гришашвили явилось стихотворение «Прощание со старым Тбилиси» (1925 г.), в котором поэт с искренней взволнованностью, с осознанной решительностью расстаётся с миром своих прежних чувств и тем самым выражает стремление слить свою творческую жизнь с новой жизнью страны:

Тбилиси древний мой,—сомненьям
Нет доступа на этот раз.
Расстанемся и путь изменим.
Прощай! Будь счастлив! В добрый час!

(Пер. Б. Пастернака.)

В своих песнях, посвященных новому Тбилиси, он с большим воодушевлением воспеваает преобразующую и созидательную силу нашей эпохи. Восторженно, с чувством законной гордости поёт Гришашвили о светлых и величественных днях своей возрождённой родины.

Священные патриотические чувства советского народа Гришашвили вдохновенно выражает в своих стихах, посвященных великому Сталину. Его стихотворение «Послание вождю» является одним из лучших произведений грузинской советской поэзии. Во вдохновенных и искренних словах воплотил поэт непоколебимую уверенность советского народа в победоносной силе сталинского гения. Все события нашей героической эпохи в поэзии Гришашвили неотъемлемо связаны с именем великого вождя.

В годы Великой Отечественной войны И. Гришашвили с честью выполнил свой долг поэта-гражданина. С первых же дней вероломного нападения гитлеровских орд на нашу родину его поэзия звала к борьбе и подвигу. Отчизна и победа—вот что составляло содержание поэзии Гришашвили, определяло содержание его творческой жизни:

По врагу—огонь ожесточённый,—
Этой мыслью все сердца горят,

Наших душ святой откроем клад,
Родину храня неосквернённой.
Выполним отцов своих завет:
Бей врага! Врагу пощады нет!

(«Сестрам и матерям».)

Со страниц наших газет и журналов Гришашвили повседневно и живо откликался на все события суровых дней, славил подвиги мужественных защитников родины, победоносное советское оружие.

Ярко и неизгладимо запечатлены в его поэзии эпопея героической обороны Кавказа, героизм легендарных защитников Сталинграда.

Захватывающим пафосом героики звучат стихи Гришашвили, посвященные обороне великого города Ленина, боевой дружбе советских народов.

Поэтическую деятельность И. Гришашвили в дни Великой Отечественной войны можно охарактеризовать его же словами, сказанными о великом ашуге Саят-Нова:

Если не умещались струны на грифе тесном—
Ты их бросал народу, словно на помощь песням...
С ними слита навеки мудрость твоя и сила:
Веру в победу правды музыка в нас крепила.

(«Чианури Саят-Нова». Пер. В. Звягинцевой.)

В своём творчестве послевоенных лет И. Гришашвили вдохновенно воспевает созидательный труд героического советского народа, великие дни мирного строительства, гигантский размах стремительного движения нашей родины к вершинам коммунизма.

Пуск Храмской гидроэлектростанции, строительство Кутаисского автомобильного завода, продвижение цитрусовых культур в северные районы нашей страны, производственные успехи Зестафонского ферро-марганцевого завода—все эти события великих будней наших дней вдохновляют поэта на восторженные стихи, восславляющие непобедимость дела мира и созидания.

И. Гришашвили, помимо поэтической деятельности, ведёт большую работу по исследованию и изучению классического литературного наследия. Его монография о Саят-Нова явилась первым серьёзным трудом, положившим начало научному освещению жизни и творчества великого ашуга.

Перу И. Гришашвили принадлежат весьма ценные исследования в области русско-грузинских культурных взаимоотношений.

Его монографии о жизни и творчестве Александра Чавчавадзе, Авксентия Цагарели и других грузинских писателей содержат богатый материал для построения истории грузинской классической литературы.

Значительное место в творческой жизни И. Гришашвили занимает работа в области поэтического перевода. Неоценимую услугу оказывает поэт делу культурного сближения народов Закавказья, неустанно переводя на грузинский язык произведения армянских и азербайджанских поэтов. Книгу избранных стихов великого армянского поэта Ованеса Туманяна, переведённых И. Гришашвили на грузинский язык, можно назвать образцом искусства художественного перевода, плодом подлинно вдохновенного труда.

Любовью и популярностью пользуется И. Гришашвили среди подрастающего поколения. Его детские стихи и поэмы относятся к числу лучших произведений современной грузинской детской литературы.

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДZE

В предреволюционные годы началась поэтическая деятельность Георгия Леонидзе, однако лишь в условиях советской эпохи проявил он во всей полноте своё яркое, своеобразное дарование.

Художник большого лирического пафоса, один из ведущих мастеров советской поэзии,—он красочно и колоритно воспроизводит картины обновлённого быта и величественной природы родной страны, изображает богатство и благородство духовного мира советских людей. Его поэзия проникнута возвышенным чувством животворного советского патриотизма, советской национальной гордости.

Родился Г. Леонидзе в 1899 г. в Восточной Грузии, в семье народного учителя, принимавшего активное участие в литературно-общественной жизни своего времени. Отец поэта был школьным товарищем и близким другом классика грузинской поэзии Важа Пшавела, дружил он также с грузинскими писателями народнического направления. Воспитываясь в таком окружении, Г. Леонидзе с раннего детства проявил интерес и любовь к художественной литературе, тяготение к поэтическому творчеству.

В предреволюционные годы Г. Леонидзе примкнул к группе грузинских поэтов-символистов «Голубые роги». Однако ещё тогда молодой поэт выделялся своим тяготением к правдивому реалистическому изображению жизни, к лучшим традициям грузинской классической литературы, к устному поэтическому творчеству.

Творческая индивидуальность Г. Леонидзе сформировалась в эпоху социалистической революции, под животворным воздействием идей и устремлений советского народа, великих социальных сдвигов нашей героической современности.

С началом первой сталинской пятилетки поэт, окончательно освободившись от влияний буржуазно-декадентского искусства, во всей полноте раскрыл свои незаурядные творческие возможности и скоро выдвинулся в первые ряды ведущих мастеров советской поэзии.

Он стал певцом своей возрождённой родины:

Родину петь ежечасно
Рад я, в лучах её света,
Вне её прелести ясной
Нет красоты для поэта.

(«Родину пою». Пер. В. Звягинцевой.)

Чувство беззаветной любви и преданности родине, чувство советского патриотизма, советской национальной гордости составляет основу поэтического мироощущения Г. Леонидзе.

Искренние, взволнованные стихи Г. Леонидзе восторженно воспевают и живописуют великую весну родины. В этом подлинная народность, жизнеутверждающая сила его поэзии. Поэт выражает законную гордость советского человека, героически отстаивающего честь и свободу родины в борьбе с кровавыми нашествиями иноземных завоевателей. Вспоминая об опустошительных нашествиях вражеских полчищ, на протяжении веков шедших на Грузию с Востока и Запада, поэт обращается к родной стране:

Но ты стоишь, хоть и шумели
Их орды на твоих полях.
Тебя развеять в прах хотели,
Но сами превратились в прах.

..Стеная, бродят вереницей,
Их гонит прочь песков метель.
Твоя ж могучая десница
Качала в Гори колыбель.
Меча сверканье сохранила,
И юность сердца сберегла,
Ты незакатного светила
Цвет животворный обрела.
Теперь его сверкаешь славой,
Моя орлиная страна,
Цвети,

Орёл твой величавый,—
Твоя счастливая звезда.

(«Грузии». Пер. Б. Серебрякова.)

Образ творца беззакатной весны родины, любимого и мудрого вождя народов И. В. Сталина занимает определяющее место в поэзии Г. Леонидзе. О чём бы ни писал поэт—о доблестном ли прошлом своего народа, о величественных ли делах современности, о красоте и великолепии родного пейзажа, о радости созидательного труда,—всё это озарено и освящено в его поэзии светлым именем великого Сталина.

Вдохновенно выражает поэт всенародное чувство беспредельной любви и преданности товарищу Сталину, с именем которого народы СССР законно связывают все свои успехи и победы:

И пяди нет земли, лишённой,
О вождь, твоих забот у нас,
И боли нет неутолённой
Тобою в испытаний час!
Назвать победы невозможно,
Незавоёванной тобой,
Ты—нашей воли щит надёжный,
Несокрушаемый борьбой.

(«Товарищу Сталину». Пер. Г. Цагарели.)

Чувства и мысли каждого советского человека, всего передового, свободолюбивого человечества выражены в словах Г. Леонидзе, восславляющих полководческий гений товарища Сталина:

Ты с юных дней любил свободу,
С врагами мерясь вновь и вновь,
И жаждал ты отдать народу
По капле жертвенную кровь.
Сегодня диких полчищ пламя
Ты потушил в родном краю,
Ты спас Москву от вражьих полчищ,
Её одев в броню свою!

(Пер. Г. Цагарели.)

Самое выдающееся произведение Г. Леонидзе, в котором с наибольшей полнотой выявились сила и мощь его поэтического дарования—эпопея «Сталин»,—воспроизводит замечательную жизнь и славный путь революционной борьбы и деятельности великого вождя.

Первая книга этой эпопеи, рисуящая годы детства и юности Сталина, переведена почти на все языки народов СССР и считается одним из самых ярких и популярных произведений советской поэзии. На этом широком поэтическом полотне ярко запечатлены картины социальной среды, народной жизни и быта, в окружении которых родился и провёл годы своего детства и отрочества будущий вождь передового человечества. Поэма содержит превосходные образцы поэтических пейзажей, воспроизводящих облик страны, давшей миру великого освободителя народов.

Первая книга эпопеи «Сталин» открывается прологом, в начале которого даны картины величественной природы Грузии. Рисуя горы Грузии, поэт символически воплощает в них непреклонный свободолюбивый дух народа, на протяжении многих веков мужественно отстаивавшего свою честь и свободу:

Нас враги покорить не сумели,
Хоть терзали и гнали жестоко,

Дух свободы в лесах и ущельях
В сердце гор затаился до срока⁴¹.

За этим следует описание пленительных картин цветущих садов и долин Грузии. Поэт обращается к земле, родившей и взрастившей Сталина, словами восторженной любви и благодарности:

Картли цвеств ещё богаче,
В солнце, в розах самых пенных,—
Ты того для нас взрастила,
Кто принёс рассвет вселенной.

В последующих главах пролога автор в ярких поэтических образах воссоздаёт характер, социальное содержание и идейную атмосферу эпохи, породившей великого соратника бессмертного Ленина.

В разделах «Детство» и «Отрочество» поэт воссоздаёт наиболее значительные эпизоды детских и юношеских лет Сталина. Мы видим, в какой кровной связи с народом рос будущий великий вождь трудящихся, как с раннего детства он, выходец из недр трудового народа, увидел и познал всю уродливость и несправедливость буржуазно-помещичьего строя, проникся гневной ненавистью к угнетателям народа, страстным стремлением бороться за торжество свободы и правды на земле.

Образ юного Сталина, социальная и бытовая обстановка, в которой протекали его детские и юношеские годы, в поэме нарисованы с большим воодушевлением, с неподдельным поэтическим мастерством.

Первая книга эпопеи завершается картиной, где юный Сосо ведёт за собою возвратившихся с работы крестьян, поющих старинную, боевую, революционную народную песню, полную негодования к тиранам мира:

Впереди же поющих всех
Он, сверкая лицом, идёт.
Это песня, иль боя клич?
Это ветер, иль бури взлёт?
Сердце, взрывом взмятённое,
Кровью рана вскипела ль ярою,—
Небом Гори орёл летел

Над горийской крепостью старою.
Солнце уходит, подобрал лучи,
Вот звезда уже блеснула ранняя,
Солнце уходит... Солнце высоко взойдёт,
Ещё ярче, ещё багрянее.

В этом поэтическом образе большого символического значения поэт воспеваёт восход солнца великой освободительной борьбы, которая подымалась в нашей стране в конце прошлого столетия под водительством Ленина и Сталина.

С особенной силой зазвучал голос Г. Леонидзе в годы самоотверженной борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

Ещё задолго до начала Великой Отечественной войны поэт выражал твёрдую уверенность советского народа в непобедимости своего правого и святого дела:

⁴¹ Все выдержки из эпопеи «Сталин» приводятся в переводе с грузинского Николая Тихонова.

Но когда ненавистник свободы
В наши земли ворваться дерзнёт,
То с великим русским народом
Встанет каждый союзный народ.
Танки ринутся, словно обвалы,
Бомбовозы взлетят в облака,
И клинков наших сталь боевая
Звучно встретится с сердцем врага.

(«Речь поэта». Пер. В. Державина.)

В суровые дни войны поэт вдохновенно воспевал бессмертные героические дела самоотверженных защитников родины, рисовал волнующие картины всенародного боевого воодушевления, образы прославленных героев фронта и тыла.

И таким же страстным и зажигающим стихом восславляет поэт сейчас героика послевоенного созидательного труда советских людей.

Поэма Г. Леонидзе «Самгори» относится к числу значительных произведений грузинской советской поэзии послевоенного периода. Изображённые в этой поэме картины далёкого исторического прошлого живо перекликаются с героическими делами наших дней, с борьбой советского народа за дальнейший расцвет своей социалистической родины.

В послевоенной грузинской поэзии выдающееся место занимает поэма Г. Леонидзе «Бершоула», рисующая образ молодого Сталина и выражающая беспредельную любовь и благодарность советского народа своему гениальному вождю и учителю.

В результате поездок по послевоенной Европе поэт создал несколько больших циклов стихотворений, рисующих неуклонный рост и возрождение в странах народной демократии, стихов, гневно изобличающих поджигателей новой мировой войны и восславляющих всё возрастающее великое движение борцов за мир.

Многогранна и многообразна поэзия Г. Леонидзе как по своей тематике, так и по средствам поэтического мастерства. Наряду с произведениями, трактующими большие социальные темы, мы встречаем у него изумительные стихи, изображающие самые интимные человеческие чувства и переживания. Однако весь многогранный мир образов, тем и идей поэзии его монолитен и целостен.

Его поэзия пронизана пламенным патриотическим чувством, беззаветной любовью и преданностью родине. Поэт с полным правом говорит о себе:

Родина—жизнь и дыханье,
Родина—книг моих имя.

Георгий Леонидзе ведёт большую научно-исследовательскую работу по изучению грузинской литературы и многогранную и плодотворную общественную деятельность. Он—лауреат Сталинской премии, действительный член Академии наук Грузинской ССР.

Новую творческую жизнь обрёл в наше время маститый поэт Александр Абашели. Если дореволюционная его поэзия в абстрактных поэтических образах изображала борьбу между светлым и тёмным началами, если тогда героем его лирики являлся напуганный реакцией, духовно обезоруженный человек, то теперь его творчество всецело прониклось пафосом нашей социалистической действительности. На его поэтической палитре теперь яркие, светлые краски.

В дни священной борьбы советского народа с гитлеровскими захватчиками с особой силой проявилось умение Абашели выражать самые возвышенные, сокровенные чувства и мысли народа. Стихами, созданными в дни войны, поэт снискал славу мастера политической лирики. С неиссякаемой творческой энергией и патриотическим воодушевлением отображает поэт послевоенный труд советских людей, ведущий нашу родину к светлым высотам коммунизма.

Передовое место среди мастеров грузинской советской поэзии занимают и другие представители старшего, дореволюционного поколения поэтов: Сандро Шаншиашвили, Георгий Кучишвили, Валериан Гаприндашвили, Константин Чичинадзе, Сандро Эули, Николай Надирадзе, Ражден Гветадзе, Шалва Апхаидзе.

Так обновила и обогатила наша советская действительность творческую жизнь лучших представителей дореволюционного поколения грузинских поэтов. Однако основная тяжесть борьбы за формирование и утверждение лучших творческих традиций советской поэзии, за её высокую идейность и подлинную народность выпала на долю поэтов, пришедших в литературу уже в эпоху строительства социалистического общества.

СИМОН ЧИКОВАНИ

К первым годам установления советской власти в Грузии относится начало творческой деятельности Симона Чиковани,— поэта острой и актуальной лирической мысли, глубокой целеустремлённости и оригинального мастерства.

Родился С. Чиковани в 1902 г. в Западной Грузии. Среднее образование получил в Кутаисском реальном училище, по окончании которого учился в Тбилисском государственном университете. В первые годы советской власти работал в учреждениях Красной Армии. Стихи начал писать с раннего детства. Однако начало его творческой жизни следует отнести к первым годам установления советской власти в Грузии. Тогда С. Чиковани возглавлял группу грузинских футуристов—лефовцев и увлекался «словотворчеством», формалистическими ухищрениями. Уже с конца 20-х годов он постепенно освобождается от этих заблуждений и занимает видное место среди мастеров советской поэзии.

Пафос величия преобразований, героические будни нашей современности породили и взрастили С. Чиковани как поэта, определили мир его тем, образов и идей, своеобразие его поэтического стиля. Поэт вдохновенно живописует и воспекает великие сдвиги, происходящие в жизни родной страны, в сознании и характере людей.

Будучи превосходным мастером поэтического пейзажа, умеющим с большой пластической силой воспроизводить картины природы и народного быта, С. Чиковани в своих лучших произведениях рисует красочную панораму, многогранно отображающую облик обновлённой Грузии и раскрывающую богатый и благородный духовный мир советского человека.

Ещё в ранние годы своей творческой жизни в стихотворениях «Ушгульский комсомол», «Вечер застаёт в Хахмати» и других поэт с глубокой выразительностью показал победоносное наступление новой социалистической жизни даже в самых отдалённых горных районах Грузии, где борьба между старым и новым протекала в особенно острых и осложнённых формах.

В больших поэтических циклах отобразил С. Чиковани героическую борьбу народа за превращение болотистой Колхидской долины в цветущий сад цитрусовых культур, отразил радость колхозного труда на живописных полях Западной Грузии

(«Мегрельские вечера»), изобилие садов и виноградников («Осень в Кахети», «Алазанская долина» и др.), картины обновления Тбилиси.

Так многогранно воспроизведена в поэзии С. Чиковани возрождённая Грузия, лучшие черты характера передовых людей великих строек, героев нашей действительности. С особенной любовью и творческим воодушевлением поэт рисует величественные картины грузинской природы, той счастливой земли, на которой родился великий гений человечества товарищ Сталин. Поэт находит яркие краски и предельную искренность в изображении взметённых до небес гор и раскинутых беспредельно цветущих долин Грузии.

Рисуя этот пленительный пейзаж, поэт говорит человечеству, будущим поколениям:

О том, как между этих гор, взметённых
Могучим мятежом земной коры,
В долине виноградников зелёных
Взлетел орёл над берегом Куры.
Как он впитал от груди материнской,
От светлых волн рокочущей реки
Всю сладость этой шири исполинской
И сладость руставелевской строки.
Как увидал он за твердыней Гори
Кремль, облачённый в снежную парчу,
Как повстречался с Лениным и вскоре
Стал самым лучшим другом Ильичу.

(«Гори». Пер. П. Антокольского.)

Образ великого вождя и учителя озаряет всё творчество Симона Чиковани, вдохновенно рисующего и восславляющего путь замечательной жизни и пламенной революционной борьбы товарища Сталина.

В стихах «Весна в Батуми», «Ладо Кецховели» и других поэт воспроизводит волнующие эпизоды революционной деятельности молодого Сталина в Грузии, а в таких вдохновенных произведениях, как «Песня о Сталине», «Мудрый Сталинский закон» и других, Чиковани выражает священное чувство беспредельной любви и преданности народа к своему гениальному вождю и учителю.

В суровые дни священной борьбы советского народа против ненавистных полчищ гитлеровских захватчиков поэзия С. Чиковани звала и подымала народ на самоотверженные подвиги за честь и свободу отечества, воодушевляла его непоколебимой уверенностью в том, что полководческий гений Сталина приведёт нашу родину к великой победе над презренным врагом:

Уже без счёта скошено врагов,
А бой идёт и вражьей силы много,
Но Сталина знакомый бодрый зов
Ведёт к победе, и верна дорога.

(«Гамарджвеба»⁴². Пер. А. Адалис.)

Бойцы фронта и тыла страстно подхватывали слова поэта:

⁴² Г а м а р д ж в е б а —грузинское приветствие, буквально означает—победа.

Позор и смерть врагу! Победа—нам!
Вождю и полководцу—гамарджвеба!
Несокрушимой армии бойцам
От мала до велика—гамарджвеба!

(Пер. А. Адалис.)

Идея сталинской дружбы народов всегда составляла один из основных мотивов поэтического творчества С. Чиковани. Ещё в первые годы своей творческой деятельности он в стихотворении «От Кавказа до Таганрога» воспел Россию как колыбель свободы и счастья трудового народа. С тех пор во многих своих произведениях, посвященных Украине, Азербайджану, Армении и другим братским республикам, поэт восславлял нерушимое единство народов нашей необъятной родины, навеки сплочённых вокруг богатырского русского народа. В дни Великой Отечественной войны поэт обращался к своим боевым друзьям и соратникам:

В Москве мы снова день счастливый встретим,
Обнимут нас московские леса,
Мы встречу песней радостной отметим,
И как мечи, скрестятся голоса!
И наша жизнь пройдёт чрез испытанья,
Увидим мы счастливые года!
К победе нас ведёт твоё сиянье,
Засвеченная Сталиным звезда!

(«Московским друзьям». Пер. М. Зенкевич.)

В дни войны С. Чиковани создал своё крупное произведение «Песнь о Давиде Гурамишвили», отмеченное Сталинской премией. В этой поэме, как и во многих своих стихотворениях, С. Чиковани воспроизводит историческое прошлое своего народа в свете самых возвышенных мыслей и чувств советского человека.

Образ великого грузинского поэта XVIII в. Давида Гурамишвили в поэме нарисован как воплощение глубоких исторических корней братства и дружбы наших народов, как символ извечного стремления грузинского народа к содружеству и сотрудничеству с великим русским народом и с народом братской Украины.

Повествуя о том, как русский крестьянин приютил и спас от гибели преследуемого врагами Давида Гурамишвили, поэт даёт обобщённое изображение исторических судеб грузинского народа, спасшего свою жизнь и национальное существование благодаря братской помощи России. В поэме ярко выражено чувство признательности и благодарности грузинского народа своему старшему брату, показано, в какую животворную силу вылились впоследствии заложенные лучшими людьми прошлого традиции братства и дружбы народов:

Эта память всё чудесней,
Век от века, год от года
Разгораясь, стала песней
В сердце нашего народа.
В чувствах разлилась, как море,
И, шумя живой листвою,
Расцвела под кровлей Гори
Персиковую весною.

(Пер. В. Державина.)

В послевоенных произведениях С. Чиковани рисует облик нашей родины, озарённой счастьем великой победы и охваченной пафосом созидательного труда, направленного к дальнейшему укреплению могущества советской державы. Поэт гневно разоблачает обречённые на провал, но тем не менее опасные происки реакционного мира, стремящегося свергнуть человечество в новую кровопролитную войну:

Он хочет поразить младенца в колыбели,
Он хочет повернуть историю назад.
Но нет! В июньский день не будет вновь метели—
В борьбе за общий мир народы победят!

(«В Потсдаме». Пер. Н. Заболоцкого.)

Всепобеждающий гений Сталина является залогом торжества мира и безопасности во всём мире, победоносного сплочения народов на борьбу за эти великое и святое дело:

Народы всей земли всей яростью своего,
Всей силою своих миллионных голосов
Сумеют оборвать кровавую затею,—
Им дорог сталинский животворящий зов.

Так всё содержание творчества С. Чиковани, все выраженные в его поэзии мысли и чувства, надежды и устремления органически связаны с безгранично любимым именем великого Сталина.

С. Чиковани—видный мастер стиха—одновременно является и активным общественным деятелем, принимающим живое участие в общественной жизни страны.

Лучшие поэтические произведения С. Чиковани переведены на русский язык и языки братских народов СССР. Они заслуженно пользуются признанием и популярностью среди советского народа.

АЛИО МИРЦХУЛАВА (МАШАШВИЛИ)

Алио Мирцхулава (Машашвили)—один из популярнейших поэтов советской Грузии. Начав творческую деятельность в первый же год установления советской власти в Грузии, он резко противопоставил себя имевшим тогда распространение в грузинской литературе антиреалистическим, декадентским литературным течениям и скоро занял видное место в грузинской пролетарской поэзии. С тех пор, на протяжении всего тридцатилетнего пути роста и развития советской Грузии, Алио Мирцхулава в своих лирических и эпических поэтических произведениях отображает и воспекает великие дела нашей героической современности.

Родился Алио Мирцхулава в 1903 г., в Западной Грузии, в крестьянской семье деревни Хорга.

Окончив Потийское городское училище и затем гимназию, он поступил в Тбилисский государственный университет. С 1923 по 1927 г. учился в Москве, сперва в Высшем литературно-художественном институте им. Брюсова, а затем в Московском коммунистическом институте журналистики. Вернувшись в Грузию, поэт занялся многосторонней общественно-культурной деятельностью. В разное время руководил Союзом советских писателей Грузии, редактировал литературно-художественный журнал «Мнатоби», занимал ответственные посты в руководящих партийных и советских органах республики. Такая деятельность помогла поэту теснее связаться с практикой

социалистического строительства, глубже проникнуть в мир мыслей и чувств советских людей.

Появившиеся на страницах грузинской прессы в 1921—1922 гг. первые стихи Алио Мирцхулава снискали молодому поэту славу талантливого, незаурядного мастера политической лирики. С особой силой его поэтическое дарование проявилось в стихах, написанных в дни смерти и похорон великого Ленина. В этих стихах, посвященных гениальнейшему вождю трудящихся мира, молодой поэт выразил священные чувства советского народа:

Мы, коммунары разных стран и быта,
Вокруг тебя собрались, как один;
Как солнце яркое, из наших глаз открытых
Ты поднимаешься, великий исполин.
Ты нас учил всегда борьбе упорной,
Великий вождь трудящихся земли,
Обильны, как хлебов российских зёрна,
Слова призыва—лозунги твои.

(«Ленин». Пер. Р. Ивнева.)

Поэт от имени всего возвращённого великим Октябрём поколения писал:

Ряды твои непобедимы, Ленин.
Мы снова строимся, мы знаем—близок бой.
И, как один, всё наше поколенье
Избрало путь, проложенный тобой.

В этот начальный период своей творческой биографии Алио Мирцхулава создал своё замечательное произведение «Рикша», в котором с большой поэтической силой изобразил всю тяжесть угнетения поработанных англо-американскими империалистами колониальных и полуколониальных народов Востока. Поэту удалось создать глубокой обобщающей силы образ эксплуатируемого и угнетаемого рикши, олицетворяющего и тяжкую участь стонавших в диком рабстве миллионов, и их гнев, их ненависть к «белым» поработителям.словно весь советский народ, первый развеявший в прах оковы капиталистического рабства, звал словами поэта своего китайского брата:

За дело, за дело, китайский брат!
За меч, за винтовку, готовься к бою!
На кровь врага сменить пора
И слёзы, и горе твоё великое.

.....
...Вставай! Ниспровергнуть нужно мир,
В котором насилие, гнёт и муки...
Чтоб рабство сбросить, брат, пойми,
Нужно винтовку взять в руки!

(«Рикша». Пер. Э. Левонтина.)

Выросший в рядах ленинско-сталинского комсомола, Алио Мирцхулава в целом ряде своих стихов («Лайгурский комсомол», «Марш ударных бригад» и др.) изобразил богатый духовный мир славной советской молодёжи, нарисовал образ молодого человека советской эпохи, крепящего своими трудовыми подвигами славу и могущество родины.

Первые годы творческой жизни Алио Мирцхулава протекали в осложнённой литературной обстановке, когда молодой грузинской пролетарской литературе приходилось вести ожесточённую борьбу с разными буржуазно-националистическими и мелкобуржуазными антиреалистическими литературными школами и течениями. Молодой пролетарский поэт с самого же начала занял в этой борьбе вполне определённую позицию. Однако он не избежал некоторых влияний модных в те годы ложных литературных увлечений. В стихах Алио Мирцхулава этих лет зачастую встречаются и искусственно осложнённые, туманные образы, и элементы самоцельного, неосмысленного «новаторства» в области поэтической формы, и мотивы индивидуалистического бунтарства и даже богемы. Но все эти наносные влияния, чуждые самой поэтической природе Алио Мирцхулава, постепенно преодолевались поэтом, творчество которого последовательно развивалось на основе социалистического реализма. На формирование творческой индивидуальности Алио Мирцхулава, как и других грузинских поэтов того периода, большое воздействие оказал В. Маяковский и другие русские советские поэты.

Подлинной творческой зрелости Алио Мирцхулава достиг в 30-х годах, когда он создал отмеченные глубокой идейностью и народностью стихи «Родина вождя», «Гимн родине», «Рождение» и др. Проникнутые животворным чувством советского патриотизма, эти произведения ярко и полно выявили характерные черты поэтической индивидуальности Алио Мирцхулава. «Родина вождя» является восторженным гимном возрождённой Грузии, её величественной природе, героическому, свободолюбивому народу.

Поэт воссоздаёт яркую картину обилия и красоты грузинской природы:

За горою снова горы
 Под парчой лесов зелёных,
И снопы лучей, как струны,—
 Меж утёсов раскалённых;
Беспределен бархат всходов,
 Виноградом окаймлённых,
И деревья, как олени,
 Замерли на горных склонах...
Край мой, край над Чёрным морем
 Блещет утреннюю ранью!
Солнце вечною короной
 Поднялось над горной гранью.
Оплетает виноградник
 Землю. Пастбище в тумане.
Небо блещет ярким цветом
 Как рисунок Пиросмани.

(«Родина вождя». Пер. В. Державина.)

В предвоенные годы, в дни мирной, созидательной жизни нашей страны, Алио Мирцхулава в стихотворении «Гимн родине» выразил твёрдую уверенность советского народа в непобедимости и бессмертии социалистического отечества:

И разве дрогнет в час опасности
Страна, родившая такого
Могучего героя—Сталина,
Земли разбившего оковы?
Померкнут ли красоты горные?
Луга в цветах? Орлы в ущельях?

Погаснуть разве может солнечный
Стих вдохновенный Руставели?

(«Гимн родине» Пер. А. Гатова.)

Живописуя облик возрождённой родины, рисуя картины пробуждения природы, наступления весны, поэт воздаёт хвалу великому творцу весны человечества, свободы и счастья народов:

Светилу слава, чьи теплейшие
Лучи, как вестники рождения,
Изгнали всё зимовье злейшее,
Народу зори дав весенние!

(«Весна». Пер. Н. Тихонова.)

Стихотворение Алио Мирцхулава «Рождение» относится к числу лучших произведений грузинской советской поэзии, отображающих замечательную жизнь товарища Сталина. Поэт славит день рождения вождя как великую дату, принёсшую радость и счастье трудовому человечеству. И народ, и родная природа ликуют, встречая приход на землю величайшего освободителя народов:

Кура на пир приглашена
И в полудеяной пыли
В ладони громко бьёт она,
Поёт о будущем земли.
И люди веселятся влать
В горийском домике не зря,—
Сегодня в Гори родилась
Грядущей радости заря.

(«Рождение». Пер. А. Межирова.)

В дни Великой Отечественной войны поэзия Алио Мирцхулава обрела ещё большую действенную силу, она ещё полнее отражала духовный мир поднявшегося на священную борьбу народа. В первые же дни войны раздался боевой клич поэта, выражавший готовность советских людей к самоотверженным подвигам, их непоколебимую уверенность в победе нашего правого и святого дела:

Сталинские зашумите знамёна,
Орлиными крыльями,
к бою готовыми!
Клич свой заветный
гряньте, колонны,
Огненными голосами громовыми!
Хлынем подобно сжигающей лаве!
Праха не оставим от нечисти!
Славу прибавим новую к славе
Нашего
великана—отечества!

(«Проклятие врагу». Пер. В. Державина.)

В стихотворении «Морской орёл» Алио Мирцхулава первым в грузинской поэзии периода войны создал поэтический образ советского воина, ценой собственной жизни отстоявшего жизнь, честь и бессмертие родины. В балладе «Братья» поэт показал высокий моральный облик советского человека, победоносно вступившего в единоборство с фашистским варварством, грозившим растоптать гуманизм и культуру. В суровые дни, когда вражеские орды дошли до подножий Кавказских гор и смертельная опасность непосредственно нависла над народами Кавказа и Грузией, Алио Мирцхулава в стихотворении «Казбек» в монументальном поэтическом образе воплотил всенародную волю к победе, нарисовал образ Родины, готовой всеми своими богатырскими силами обрушиться на ненавистного врага. В стихах военных лет поэт вдохновенно восславлял бессмертные подвиги нашего народа, восторженно откликался на легендарное героичество советских людей. В своём замечательном стихотворении «Два города» поэт ярко

запечатлел немеркнущую в веках эпопею победоносной битвы за город Ленина и волжскую твердыню—Сталинград:

Над свинцового Невую
И над волжской синевою
Нашей стойкости знамёна
Кровью праведной горят.
И стоят неколебимо,
Непреклонно, нерушимо
Два великих побратима—
Ленинград и Сталинград.

(«Два города». Пер. В. Потаповой.)

Так, на всём протяжении своего творческого пути Алио Мирцхулава живо откликается на все важнейшие события в жизни советского народа. Великие стройки коммунизма, героика мирного созидательного труда нашего народа вдохновляют поэта на новые произведения, зовущие и воодушевляющие людей на славные трудовые подвиги.

Незаурядный мастер политической лирики, он одновременно ведёт плодотворную творческую работу в области поэтического эпоса. Самым значительным его произведением в этом жанре является поэма «Энгури».

Большие заслуги Алио Мирцхулава в деле развития грузинской советской литературы достойно были отмечены на 25-летнем юбилее его поэтической деятельности, отпразднованном в мае 1946 г.

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ

Начав поэтическую деятельность в середине 30-х годов, Г. Абашидзе первыми же своими стихами привлёк к себе внимание советской общественности и литературной критики и скоро занял видное место среди ведущих мастеров грузинской советской поэзии.

Родился Г. Абашидзе в 1913 году в городе Чиатури, известном своими марганцовыми рудниками мирового значения. Этот город, один из крупных промышленных центров Грузии и во всём Закавказье, с конца прошлого столетия явился очагом рабочего революционного движения. Естественно, что славные революционные традиции родного города нашли яркое поэтическое отображение в творчестве Г. Абашидзе.

Г. Абашидзе в 1931 году поступил на филологический факультет Тбилисского государственного университета имени Сталина, по окончании которого всецело отдался литературно-общественной деятельности.

Печататься Г. Абашидзе начал с 1934 года. В 1938 году вышла первая книга его стихов, за которой последовали сборники: «Столистник», «Знамёна», «Вечно в доспехах» и др., снискавшие автору славу талантливого лирика.

В своих стихах Г. Абашидзе откликается на события нашей современности, воспекает великие дела советского народа, воспроизводит волнующие эпизоды его героического прошлого, гневно изобличает кровавых поджигателей новой войны.

Проникнутые священным чувством советского патриотизма, советской национальной гордости, стихи Г. Абашидзе раскрывают самые возвышенные чувства и мысли нашего народа, лучшие черты духовного мира советского человека. Ясность и чёткость поэтических образов, яркость и выразительность языка сочетаются с глубокой идейно-тематической актуальностью и придают поэзии Г. Абашидзе подлинную народность.

Особое значение в развитии грузинской советской поэзии имеют поэмы Г. Абашидзе, возрождающие лучшие творческие принципы грузинского классического поэтического эпоса и расширяющие жанровый диапазон современной грузинской поэтической культуры. Обладая незаурядным талантом поэтического повествования и описания, Г. Абашидзе успешно и плодотворно работает в области эпической поэзии.

Ещё в начале своей творческой жизни, в 1938 году Г. Абашидзе написал поэму «Весна в чёрном городе», относящуюся к числу лучших произведений советской поэзии на тему о замечательной жизни и революционной деятельности товарища Сталина.

Поэма повествует о революционной деятельности товарища Сталина в городе Чиатури. С большой художественной силой в первых главах поэмы изображена беспросветная жизнь чиатурских рабочих. Появление в Чиатури молодого Сталина, поднявшего чиатурских рабочих на сознательную революционную борьбу, было началом пробуждения классового самосознания и боевого сплочения трудящихся. Рабочие увидели в Сталине своего подлинного вождя и учителя. Чувства и мысли чиатурских рабочих выражены поэтом словами старого шахтёра:

Будь здоров ты, Джугашвили,
Будь здоров, обилён днями!
Ты весну принёс нам первый,
Первый—свет зажёл над нами!

...Ты пришёл—глаза раскрылись,
И туманы отступили.
Нас людьми назвал ты первый,
Оживил нас Джугашвили!
Льнём к тебе, как в полдень знойный
К роднику из горной щели...
Мы тебе до смерти верим.
Вождь! Веди нас к верной цели!

(«Весна в чёрном городе». Пер. А. Липскерова
и А. Кочеткова.)

С огромной любовью рисует поэт яркими красками величественный образ молодого Сталина, воспроизводит характерные эпизоды его кипучей деятельности этих лет. Вот молодой вождь стоит среди чиатурских рабочих и беседует с ними:

Он стоял с горящим взором...
Был тот взор—огонь всевластный!
Говорил он о суровой
Жалкой участи рабочих:
Тот порой не сыщёт крова,
Кто в труде и дни и ночи.
От трудов нечеловечьих
Стали бледны ваши лица,
Чтоб сыскать немного хлеба,
В рудниках должны томиться.
Не пора ли дням неволи,
Не пора ль цепям разбиться?

С исключительной теплотой в поэме даны эпизоды, изображающие огромную любовь товарища Сталина к трудовому человеку, его заботу о судьбе рабочих.

Поэма завершается описанием многолюдного нелегального собрания чиатурских рабочих. Речи произносят представители разных политических партий, старающиеся увлечь за собой чиатурский пролетариат. Выступает товарищ Сталин. Своей пламенной речью, понятными, доходчивыми словами, применяя чисто народные выражения и поговорки, товарищ Сталин разоблачает меньшевиков и убеждает собравшихся в правоте и непобедимости ленинского пути революционной борьбы. Воодушевлённые сталинским словом рабочие единодушно идут за своим гениальным вождём:

Все к нему с лопатой, с ломом,
Все к нему под песни, клики.
Весь народ к вождю теснится,
Позабыв о вражьей клике.
Стан изменников редееет
Двоедушный и двуликий.
Волны песни зашумели,
Ветер кинул их по скалам.
Есть надежда у народа,
Есть и кормчий за штурвалом!
Высоко парят знамёна
В небе пламенном и алом.

В 1943 году Г. Абашидзе написал поэму «Непобедимый Кавказ». Это— крупнейшее произведение грузинской советской поэзии на тему о Великой Отечественной войне, о героической обороне Кавказа. В поэме отображена эпопея разгрома гитлеровских полчищ у врат Кавказа и показана роль Л. П. Берия в осуществлении сталинского стратегического плана обороны Кавказа.

Образ советского воина, победоносно вернувшегося с фронта Отечественной войны и вдохновенно приступившего к созидательному труду, нарисован Г. Абашидзе в поэме «Мать» («Зарзма»).

Перу Г. Абашидзе принадлежит также историческая поэма «Георгий VI»—на тему героической борьбы грузинского народа против ненавистных иноземных завоевателей.

Вместе с поэтом А. Абашели Г. Абашидзе является автором текста Государственного гимна Грузинской ССР.

Написанные в послевоенные годы два цикла стихов Г. Абашидзе «Ленин в Самгори» и «На южной границе» заслужили всенародное признание, они удостоены Сталинской премии.

В цикле стихов «Ленин в Самгори» автор живописует героический труд грузинского народа, направленный к превращению выжженной, бесплодной Самгорской долины в цветущие сады, плодородные поля, виноградники.

Вдохновенно звучат слова поэта:

И всё выше в одном устремленье
Будут шествовать подвиг и труд.

С большой изобразительной силой воспроизводит поэт картины наступления вооружённого высокой техникой советского человека на природу.

Совершая доблестные трудовые подвиги, советские люди знают, что первейший залог нашей непобедимости заключается в организующей, направляющей силе партии Ленина—Сталина. Потому-то чувства и мысли советских патриотов с огромной любовью и преданностью обращены к гениальным вождям трудового человечества Ленину и Сталину.

Строители нового Самгори в своём патриотическом труде неизменно вдохновляются образом родного и любимого Сталина:

И с кремлёвских высот в необъятные дали
Зорко смотрит испытанный наш рулевой,
И в пустынях, где знойные ветры пылали,
Разгорается жизни очаг огневой.

Над озёрной водой полыхают восходы,
В их огне я на стройке Самгори стою,
Прославляя творца всенародной свободы,
Воспевая свободную землю свою.

Охваченные пафосом мирного созидательного труда, советские люди знают, что их трудовые подвиги способствуют и торжеству мира и безопасности народов во всём мире.

Советский человек—передовой боец великой армии защитников мира. Гневную ненависть питает он к врагам мира и свободы народов. Поэт с глубоким возмущением изобличает заокеанских агрессоров.

Но поджигателям войны противостоит воля миллионов простых людей стран Востока и Запада, которые видят в великом советском народе могучего поборника мира, свободы и демократии:

Но знают люди, что военный ветер
Не разнесёт огня по всей земле,
Что будет мир, что есть Москва на свете
И мудрый Сталин бодрствует в Кремле.

Поэт откликается на важнейшие события современной международной жизни в цикле стихов «На южной границе».

В стихах, написанных в духе славных поэтических традиций Маяковского, поэт бичует агрессивные устремления правящей клики нынешней Турции, усердно раболепствующей перед своими заокеанскими хозяевами.

Поэт напоминает турецким агрессорам уроки истории:

Поныне мы с Россией вместе,
И коль задумает опять
Наглец-аскер, забыв о чести,
Клинок на Грузию поднять,
Опять на поле встретит нас он
И будет помнить тех людей,
Кто клятвой сталинской связан
Во славу родины своей.

Стихи Г. Абашидзе написаны ярким поэтическим языком, они характеризуются цельностью композиции, свежестью образов, ясностью творческого замысла.

Г. Абашидзе является незаурядным мастером поэтического перевода. Одновременно он плодотворно работает в области детской литературы.

За последние годы в первые ряды мастеров грузинской советской поэзии выдвинулись молодые поэты Иосиф Нонешвили и Реваз Миргиани.

Ещё в дни Отечественной войны И. Нонешвили своими патриотическими стихами, отображающими бессмертные ратные подвиги советских людей, завоевал широкую популярность в Грузии. В послевоенные годы он в своих лучших произведениях вдохновенно воспеваёт героический труд нашего народа—победоносного строителя коммунизма. Цикл стихов И. Нонешвили о новом Тбилиси относится к числу лучших творческих достижений грузинской поэзии последних лет.

Участник Отечественной войны Реваз Миргиани в цикле стихов, написанных в годы войны, с большой искренностью и убедительностью отображает богатый и благородный духовный мир нашего народа, своей богатырской грудью отстаивавшего честь и свободу своей советской родины.

Поэма Р. Миргиани «Песнь коммунизма» является горячим откликом поэта на важнейшие события нашей современности. Во многих стихах послевоенных лет поэт рисует облик советского народа, достойно стоящего во главе борьбы всего прогрессивного человечества за мир и безопасность во всём мире.

Ярко выраженной самобытной манерой письма характеризуется поэт **Карло Каладзе**. Он раздвигает рамки лирического стиха, внося в него эпические мотивы, повествования и описания. Его лирические циклы и баллады «Хертвисские рассветы», «Эпос гор», «На берегу моря», «Артиллерийская дуэль» и другие значительно расширили жанровый диапазон грузинской советской поэзии. Имеющий большие творческие заслуги в развитии грузинской советской поэзии на всех этапах её истории, особенно выделился К. Каладзе в послевоенный период. В большом цикле стихов «Опять в родной деревне» поэт создал поэтический образ советского человека, вернувшегося с победоносной войны и с патриотическим воодушевлением приступившего к мирному труду. В стихах этого цикла нарисованы яркие колоритные картины жизни и быта послевоенной грузинской деревни, даны образы передовых людей колхозного крестьянства. Искренним гимном священной сталинской дружбе народов звучит цикл стихов К. Каладзе «На берегу Днепра», в котором с большим поэтическим воодушевлением воссоздаётся и воспевается облик братской советской Украины.

К началу 30-х годов в грузинскую литературу пришла новая плеяда поэтов, лучшие представители которой **Ираклий Абашидзе**, **Александр Гомиашвили** и **Георгий Качахидзе** своим творчеством обогатили тематику грузинской советской поэзии и углубили её связи с героикой борьбы и труда советского народа, с его богатым духовным миром.

В произведении «Баллада спасения» И. Абашидзе талантливо отобразил путь духовного роста молодого человека нашего времени, а в стихах «Песня первого снега», «Цветы в городе», «Вечная весна» и других с большой поэтической силой передаёт органическое слияние больших общественных устремлений с миром самых интимных чувств и переживаний советского человека. И. Абашидзе—поэт искренней, захватывающей лирики, богатой фантазии, тонкого вкуса. Написанные в дни Великой Отечественной войны, его стихи перешли в народные песни, снискали такую популярность в Грузии, какую пользовались лишь отдельные лучшие образцы грузинской классической поэзии (например, стихотворение И. Абашидзе «Капитан Бухаидзе»). Поэма И. Абашидзе «Прощание с Цулукидзе» относится к числу лучших произведений советской поэзии на тему о великой революционной деятельности товарища Сталина. В большом цикле стихов «Цветёт Грузия» поэт рисует картины послевоенного созидательного труда советского народа.

В своих балладах, обогащенных мотивами грузинского поэтического фольклора, А. Гомиашвили отображает славное революционное прошлое грузинского народа («Смерть Кецховели»), воссоздаёт юношеские годы великого Сталина («Базалетское

озеро»), рисует картины героической обороны Кавказа («Таково было начало рассвета»), воспевает новую социалистическую жизнь в нашей стране («Тбилиси»).

Активную и плодотворную творческую работу ведут в области поэзии также **Давид Гачечиладзе, Виктор Габескирия, Кале Бобохидзе, Маквала Мревлишвили.**

ПИСАТЕЛИ – МАСТЕРА

ГРУЗИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПРОЗЫ

Мастера грузинской советской художественной прозы создали ряд романов, повестей, новелл, правдиво отображающих современную жизнь и героическое прошлое грузинского народа. Среди мастеров художественной прозы видное место занимает Лео Киачели.

ЛЕО КИАЧЕЛИ

Лео Киачели (Леон Михайлович Шенгелия) родился 7 (19) февраля 1884 г. в Грузии, в селении Обуджи, бывшего Зугдидского уезда.

Годы его детства и юношества совпали со временем, когда героический русский пролетариат готовился к великим битвам, когда зарождались первые социал-демократические организации в Грузии и Закавказье, когда товарищ Сталин сплачивал революционные силы грузинского народа.

Под воздействием этих событий складывалось юношеское сознание будущего писателя, формировались его общественные идеалы.

Ещё в ученические годы его увлекли революционные идеи. Вместе с другими передовыми представителями учащейся молодёжи он втянулся в работу нелегальных кружков, стал одним из организаторов политической забастовки учащихся города Кутаиси в 1904 г.

По окончании Кутаисской классической гимназии Лео Киачели поступил на юридический факультет Харьковского университета. В 1905 г. царское правительство, напуганное массовым участием студентов в революционном движении, временно закрыло и Харьковский университет. Лео Киачели вернулся на родину. Грузия в это время была охвачена пламенем революционной борьбы. Молодой Киачели с воодушевлением приобщился к ней.

В 1906 г. его арестовали за революционную деятельность и заключили в Кутаисскую тюрьму. Л. Киачели ожидала суровая кара. Однако ему удалось бежать из тюрьмы. Он поехал в Москву, где нелегально прожил до 1912 г., а затем эмигрировал в Швейцарию и поступил в Женевский университет. В 1917 г., после Февральской революции, Лео Киачели окончательно вернулся на родину и отдался литературно-общественной деятельности.

Ещё на ученической скамье Лео Киачели писал небольшие рассказы для рукописных ученических журналов. Однако его литературное творчество началось в период нелегального пребывания в Москве. В 1909—1910 гг. в тбилисской грузинской прессе появились его первые новеллы и рассказы, вызвавшие живой интерес литературной критики и общественности. К этому времени Лео Киачели имел уже большой жизненный опыт; казалось, что это должно было отразиться в его первых литературных произведениях. Но, к сожалению, его творчество пошло по другому пути.

К началу своей литературной деятельности Лео Киачели был далёк от политической борьбы. Молодой писатель оказался в плену настроений разочарования и безнадёжности, охвативших в годы реакции определённые круги интеллигенции. В их числе оказался и Лео Киачели. Потому-то в его ранних новеллах и повестях нет и следа

боевого воодушевления, нет ни малейшего интереса к злободневным социальным проблемам, к животворным освободительным идеям.

Глазами человека, страдающего безверием смотрит молодой писатель на жизнь. В эту пору он, естественно, сближается с антиреалистическими течениями, возникшими в нашей литературе под влиянием западноевропейского буржуазного декадентского искусства. Его внимание привлекают не типичные и характерные явления действительности, а редкие и странные исключения. Излюбленными героями его произведений этого периода являются больные, физически и духовно надломленные люди. Мыслями о невозможности счастья, о неосуществимости идеалов проникнуты ранние произведения Лео Киачели.

Однако и в этих ранних произведениях отчётливо проявились некоторые характерные черты творческой индивидуальности писателя: умение красочно и колоритно изображать бытовые сцены, обрисовывать яркие человеческие характеры, занимательно вести повествование. Эти черты поэтики ранних произведений Лео Киачели говорят о том, что и тогда, когда писатель находился под сильным влиянием декадентских литературных школ, в нём всё-таки сказывалось тяготение к традициям реалистического искусства. Кроме славных реалистических и демократических традиций грузинской классической литературы, огромное воздействие оказали на Лео Киачели творческие идеи М. Горького.

У писателя не стёрлись непосредственные впечатления того боевого воодушевления, которым был охвачен грузинский народ в годы первой русской революции. Ведь писатель сам был её активным участником.

Всё это ярко проявилось в его замечательном романе «Тариэл Голуа», написанном в эмиграции в 1914—1915 гг. Этот роман является не только лучшим образцом дореволюционного творчества Лео Киачели, но и крупнейшим произведением всей предреволюционной грузинской литературы.

«Тариэл Голуа»—вдохновенное повествование об участии грузинского народа в первой русской революции. Изображая жизнь одной крестьянской семьи, писатель нарисовал яркие картины пробуждения и боевого подъёма народа, его могучего гнева, ненависти к угнетателям, его самоотверженной борьбы за торжество свободы и социального переустройства мира.

В годы первой русской революции освободительное движение в Грузии приняло громадный размах. И «Тариэл Голуа» был достойным художественным откликом на подвиги народа. Писатель восславил храбрых бойцов революции, их благородные помыслы и устремления. И не случайно «Тариэл Голуа»—одно из популярных произведений новейшей грузинской литературы. Искренность повествования, правдивость изображения, композиционная завершенность сюжета, яркость типажа в сочетании с глубокой актуальностью темы обеспечили книге признание и успех.

Центральный образ романа, Тариэл Голуа, является живым воплощением лучших черт грузинского народа, в частности, грузинского революционного крестьянства. 65-летний Тариэл Голуа, убелённый сединой, но могучий телом и духом, наделённый богатым жизненным опытом и народной мудростью, бесстрашный и непоколебимый в борьбе за свободу, предстаёт перед читателем как образ большой обобщающей силы, как олицетворение самого народа, мужественно прошедшего через бурю и огонь освободительной борьбы.

Тариэл Голуа—сын бедного крестьянина, боровшегося в ополчении прославленного кузнеца Уту Микава против феодального рабства и самодержавия и погибшего в этой неравной борьбе. Сын же Тариэла—Леван Голуа—молодой рабочий-каменщик. Он первым принёс в деревню весть о начинающемся рабочем революционном движении и поднял на борьбу своих односельчан. Не трудно было Тариэлу понять правдивость идей своего сына. И он уверенно вступил в революционную борьбу, стал её активным участником. На примере отца и сына Голуа писатель правдиво показал, с какой

готовностью пошло наше трудовое крестьянство за своим боевым авангардом—революционным пролетариатом.

В финале романа выражена основная идея: идея бессмертия народа, непоколебимости его боевого духа, негибамости его революционной воли. Светлым оптимизмом веет с каждой страницы этого произведения, даже и с тех страниц, которые изображают тяжёлую участь героев.

Роман сыграл крупную роль в предреволюционной грузинской литературе. В пору разгула реакции он служил как бы призывом к новому подъёму сил революции. В период господства декадентских течений роман «Таризл Голуа» утверждал творческие позиции реалистического искусства.

В годы бесславного хозяйничания меньшевистских предателей в Грузии общественная обстановка и литературные нравы не способствовали укреплению и дальнейшему развитию здоровой реалистической линии в творчестве вернувшегося из эмиграции Лео Киачели. Писатель вновь поддался влиянию упадочнических литературных течений. Написанные в это время новеллы «Оскорблённый», «Убийство на Кохта-гора» и другие отмечены теми же мотивами безнадёжности и социального индифферентизма, которые характеризовали его ранние произведения.

Но и в годы советской власти в Грузии Лео Киачели оставался в плену декадентских традиций. Он примкнул тогда к консервативному лагерю писателей, стал одним из основателей и редакторов журналов и газет, собиравших вокруг себя антипролетарские литературные силы, одним из создателей литературной корпорации «Арифони», занимавшей чуждые советскому народу идейно-творческие позиции.

Понятно, что в его творчестве этих лет не находили отображения происходившие в нашей стране великие социальные преобразования. Наоборот, он подчёркнуто игнорировал социальные темы. Его произведения этого периода: «Искандер», «Я и моих два я» и другие, характеризуются фантастикой, мистическим мироощущением, безидейностью.

Лишь со второй половины 20-х годов, под непосредственным воздействием великих побед социалистического строительства, Лео Киачели начал освобождаться от груза декадентства и перешёл на позиции реалистического искусства. Первым значительным достижением писателя на этом пути явился опубликованный в 1927 г. роман «Кровь».

Тематически «Кровь»—прямое продолжение «Таризла Голуа». Роман отображает мрачные годы после поражения первой русской революции.

Писатель рисует правдивые картины жестокой расправы слуг самодержавия над участниками революции, показывает самоотверженную борьбу, которую упорно вели в эту тяжёлую пору лучшие сыны народа.

Однако роман при всех достоинствах обладает и существенными недостатками. Подлинными руководителями и вдохновителями революционной борьбы народа—большевики—в романе изображены на втором плане, эпизодически, в то время как на первом плане фигурируют представители буржуазно-дворянской и мелкобуржуазной интеллигенции. В результате такого соотношения действующих сил, мы не находим яркого и глубокого отображения роли партии большевиков в освободительной борьбе рабочего класса и всего трудового народа. К тому же в романе не видно той острой идейной борьбы, которую неустанно вели созданные товарищем Сталиным большевистские организации Грузии против антипролетарских течений и в первую очередь против контрреволюционного меньшевизма.

Эти крупные недостатки романа снижают его художественное и идейное значение. И всё же роман «Кровь» явился значительным этапом в творческой биографии Лео Киачели, этапом, знаменующим решительный поворот к позициям реализма. Дальнейшая эволюция писателя в этом направлении ознаменовалась созданием ряда замечательных новелл. Среди них особенно выделяются «Княжна Майа» и «Алмасгир

Кибулан», их с полным правом можно отнести к лучшим образцам современной грузинской новеллы.

Овладевая тематикой социальной действительности, вникая в новую жизнь, писатель последовательно приближался к пониманию ведущих сил эпохи. Эта линия идейно-творческой эволюции логически привела Лео Киачели к созданию произведения, которое окончательно снискало ему репутацию передового советского писателя, выдающегося мастера советской художественной прозы. Мы имеем в виду написанный им в середине 30-х годов роман «Гвади Бигва», удостоенный Сталинской премии.

В этом романе Лео Киачели показал утверждение новых, социалистических форм хозяйства и быта на селе. «Гвади Бигва» рассказывает о том, с какой быстротой гибнут и исчезают пережитки капиталистического прошлого в сознании и быту советских людей, с какой силой развивается и крепнет социалистическое сознание. Роман является результатом глубокого изучения жизни колхозной деревни, проникновения в тенденции её развития.

Первые четыре главы романа составляют экспозиционную часть. Здесь читатель знакомится с главными героями произведения, познаёт социальную природу, индивидуальные черты характера каждого из них. Уже здесь ярко и колоритно вырисовывается фон действия, воспроизводящий жизнь колхозного крестьянства.

Оригинальность творческого замысла писателя заключается в том, что он поставил в центре романа не образ передового человека колхозной деревни, её активного строителя, а крестьянина, пока ещё находящегося в плену пережитков прошлого, носящего в своём характере многие отрицательные черты, унаследованные от уклада жизни дореволюционной деревни. Гвади Бигва—лентяй-балагур, избегающий работы в колхозе, готовый проводить дни в бессмысленной болтовне на базаре, тёмный, неразвитый, ни к чему не способный.

Именно такого человека, испорченного старой жизнью, избрал Лео Киачели главным героем своего произведения, чтобы на примере его судьбы ярче, убедительнее показать великую возрождающую силу колхозного строя. В этом как будто никчёмном человеке таились ценные, благородные качества. Они раскрылись лишь под благотворным воздействием социалистического общественного строя, сделавшего Гвади Бигва достойным и полезным членом общества.

Вот это внутреннее обновление Гвади Бигва, постепенное освобождение от пережитков прошлой рабской жизни и составляет основу сюжета романа. Установление новой социалистической жизни на селе и крушение устоев старых, частнособственнических отношений находят глубокое отображение в произведении.

Одно из главных действующих лиц Арчил Пория—типичный представитель остатков разгромленных революцией реакционных классов, оказывавших яростное сопротивление росту социалистической деревни. Арчил Пория—бывший дворянин, озлобленный классовый враг, ловко маскирующийся, занимающийся вредительством, распространяющий своё разлагающее влияние на отсталые слои крестьянства, представленные в романе в образах Гвади Бигва и Гоча Саландия. Этот последний—лжеколхозник, формально вступивший в колхоз, но всецело поглощённый заботами о собственном благополучии, о благоустройстве своего дома, своего приусадебного участка. В нём сильны следы частнособственнических отношений, ему чужды интересы колхоза. Немудрено, что среди таких отсталых людей находит опору Арчил Пория.

Им противопоставлена вся жизнь колхозного крестьянства, представленного в образах передовой колхозницы Мариам, председателя правления колхоза Гера Бигва, комсомолки Саландия и других.

Приобщение Гвади Бигва к новой жизни началось с того, что умный и дальновидный председатель колхоза Гера на одном собрании колхозников выдвинул его кандидатуру в состав комиссии, которая должна была подвести итог соревнования между двумя соседними колхозами. Это было совершенно неожиданно для всех и в первую

очередь для самого Гвади Бигва. Его оценили, подняли в глазах всего народа. Отныне он должен оправдать доверие колхозников. А в это время Арчил Пория предлагает ему оказать содействие в осуществлении поджога колхозного лесопильного завода. Но Гвади Бигва уже не тот обезличенный человек, которого можно использовать как слепое орудие для любой цели. Между бывшим барином и когда-то послушным ему слугой возникает острый конфликт. В минуту, когда Арчил Пория собирается поджечь завод, Гвади Бигва неожиданно наносит ему смертельный удар. Так он спасает колхозное имущество, убивает врага народа, заслуживает всеобщее уважение и признательность. Он становится сознательным и активным участником колхозного строительства. Его примеру следует и Гоча Саландия.

События, в корне изменившие жизнь главных героев произведения, развёртываются за двое суток. Автор не рассказывает о прошлом своих героев и тем более ничего не говорит о дальнейшей их судьбе. Однако все эти люди встают перед читателем, как живые, и он ясно представляет себе жизненный путь каждого из них, отчётливо видит их будущее. В этом—своеобразие повествовательной манеры автора.

Язык «Гвади Бигва» отличается простотой и ясностью, автор сознательно избегает всяческой манерности и нарочитого осложнения стиля. С большим тактом и умением он использует разговорную речь, не перегружая при этом словесной ткани романа провинциализмами.

Последнее крупное произведение писателя «Человек гор»—широкое художественное полотно, отображающее победоносную войну советского народа против фашистских поработителей.

Роман повествует об одном эпизоде героической обороны Кавказа, о борьбе, разгоревшейся в предгорьях Кавказа в напряжённые осенние дни 1942 г. Достоинство произведения заключается именно в том, что на примере боевой жизни небольшого участка необъятного фронта дана картина глубокой обобщающей силы, показаны пафос, размах и грандиозность событий Великой Отечественной войны, возвышенность и благородство целей, во имя которых с такой решимостью и непоколебимостью, не щадя жизни, боролись миллионы советских людей.

Перед взором читателя проходят картины безоблачной жизни нашей страны в мирные, предвоенные дни, озарённые счастьем созидательного труда. Он видит, что животворный луч новой жизни проник в отдалённую, горную абхазскую деревню Соу, обновил и возвысил людей этой когда-то тёмной, захолустной окраины. Неожиданным вихрем вторгается в радостный, солнечный Соу весть о вероломном нашествии на нашу родину немецко-фашистских полчищ. С гневом и боевым воодушевлением поднимается народ на защиту отечества. На далёких пастбищах Ачавчари пастухи с такой же решимостью откликаются на первый зов партии и вождя, как и люди наших столичных городов и крупнейших промышленных центров. Жизнь Соу перестраивается на военный лад. Оставшиеся в деревне люди героически трудятся во имя победы.

Ярко и убедительно изображена в романе гениальность сталинской стратегии. В образе славного организатора героической обороны Кавказа—Л. П. Берия—писатель воплотил всю силу и величие сталинской школы военного искусства. Картины битвы за маленькую деревню Соу, представлявшую важный стратегический пункт в боях за Кавказ, воскрешают в памяти все основные этапы Великой Отечественной войны, завершившейся всемирно-исторической победой советского народа.

Роман показывает, каких усилий, какого напряжения духовных и материальных сил, каких громадных жертв стоило нашему народу отстоять великие завоевания социалистической революции. Герои романа—славные советские люди—подвергаются тяжким страданиям и испытаниям. Многие из них пали смертью храбрых на поле битвы. Тем драгоценней для советских людей эта великая победа, тем с большей самоотверженностью должны мы защищать и укреплять её результаты, развивать дальше

хозяйственное и культурное строительство нашей родины,—вот в этом заключается мораль романа, его движущая, вдохновляющая идея.

Председатель колхоза, старый партизан Кирилл Горяков, председатель сельсовета Маца Зурубая, пастух Мануча, комсомолец Лиа Гарсия, юный патриот Джото Кардуа и многие другие—люди различных биографий, положений, личной судьбы и индивидуальных характеров, едины в своих возвышенных и благородных устремлениях.

Центральный образ романа—старый горец Бату Кардуа, с его беззаветной преданностью родине, неутомимым трудолюбием, жизнерадостностью, острым умом и благородным сердцем, мужеством и бесстрашием,—живое воплощение лучших качеств советского крестьянства. В его личности прекрасно сочетаются славные традиции прошлого с устоями новой социалистической жизни.

С большим художественным тактом в романе нарисован образ мудрого и любимого вождя советского народа товарища Сталина. В беседе со старым горцем каждое его слово выражает безграничную заботу вождя о счастье и благосостоянии народа, беспредельную любовь и внимание к простым советским людям.

«Человек гор» развивает, углубляет творческую линию Лео Киачели, идущую от «Таризла Голуа» и «Гвади Бигва». В этом романе писатель верно следует принципам высокой идейности и народности социалистической литературы. Здесь с новой силой проявились лучшие стороны творческого дарования автора—умение создавать яркие образы и характеры, правдиво воспроизводить картины народной жизни.

Лео Киачели ни в одном своём произведении так вдохновенно не описывал природы, как в романе «Человек гор». Можно смело сказать, что после Александра Казбеги—непревзойдённого художника природы—никто в грузинской прозе не достигал такого мастерства в изображении пейзажа.

«Человек гор»—самое значительное произведение грузинской советской литературы о Великой Отечественной войне.

АЛЕКСАНДР ЧЕЙШВИЛИ

Александр Чейшвили принадлежит к тому поколению современных грузинских писателей, которое пришло в литературу в тридцатых годах. Характер и содержание его творчества всецело определились великими достижениями этого знаменательного периода истории нашей советской страны.

Родился А. Чейшвили в 1903 году в крестьянской семье, в селении Аскана, Махарадзевского района. Начальное образование А. Чейшвили получил в сельской школе, по окончании которой поступил в Кутаисское реальное училище. На ученической скамье он овладел русским языком и изучал европейские языки. Это позволило ему с юношеских лет приобщиться к сокровищнице русской и мировой культуры.

В 1922 году А. Чейшвили поступил на философский факультет Тбилисского государственного университета. Вскоре после окончания университета А. Чейшвили вступил в ряды ВКП(б). Закончив аспирантуру, он в продолжение ряда лет читал в Тбилисском университете и в других высших учебных заведениях лекции по историческому и диалектическому материализму, а впоследствии по истории русской и западноевропейской литературы.

В 1929 году в литературно-художественном журнале «Мнатоби» появилось первое произведение А. Чейшвили—«Сванетия с луки седла». Оно явилось результатом поездки писателя в Сванетию, изучения жизни в этом весьма своеобразном уголке Грузии. Писатель нарисовал живую картину отмирания патриархально-родовых форм жизни и быта, показал новую социалистическую жизнь горной Сванетии. Уже в этом первом произведении А. Чейшвили проявил умение создавать яркие картины природы и народного быта.

Через год, в период коллективизации сельского хозяйства, А. Чейшвили отправился в деревню, где активно участвовал в организации колхозов. Это обогатило писателя жизненным опытом, оказав благотворное воздействие на всё его дальнейшее творчество. Первым непосредственным результатом пребывания писателя в колхозной деревне явились очерки, опубликованные в республиканской печати под заглавием «Заметки бригадира».

Писателю удалось в этой книге создать галерею образов—борцов за социалистическую переделку деревенской жизни, нарисовать запоминающиеся картины напряжённых социальных конфликтов, связанных с ликвидацией кулачества, с окончательным утверждением колхозной деревни.

Участие в работе Первого съезда советских писателей СССР значительно помогло А. Чейшвили в осмыслении творческого метода социалистического реализма.

В 1936 году писатель приступил к работе над широким художественным полотном, отображающим героические будни социалистического села. В 1938 году первая часть романа «Лело» вышла отдельной книгой.

Роман прессой и литературной критикой был расценён как большая творческая удача писателя.

В годы Великой Отечественной войны А. Чейшвили выступал со статьями и художественными очерками, отображающими героические дела советских людей на фронтах и в тылу.

В военной газете «Боец РККА» А. Чейшвили опубликовал серию рассказов, которые впоследствии вышли отдельной книжкой под названием «Родной голос». Эта небольшая книжка проникнута чувством советского патриотизма, непоколебимой волей к победе, гневной ненавистью к немецко-фашистским захватчикам.

Созидательный труд советских людей, победоносно завершивших Отечественную войну, отображён в очерке «Цветы Кахетии» (1946). Вскоре после этого А. Чейшвили начал публиковать главы нового романа из жизни грузинских шахтёров.

В 1948 году вышел в свет сборник литературно-критических статей А. Чейшвили, посвященный актуальным проблемам современной и классической литературы.

В том же году А. Чейшвили написал вторую часть своего романа «Лело», основательно переработал первую часть и издал обе части отдельной книгой; она появилась и в русском переводе. Роман удостоен Сталинской премии.

«Лело» повествует о торжестве колхозного строя в грузинской деревне, об утверждении новых, социалистических форм хозяйственных и бытовых взаимоотношений, о росте и формировании передовых людей колхозного крестьянства. В романе отображена жизнь колхозного крестьянства в предвоенные годы, когда на селе зарождается стахановское движение, поднимающее на новую высоту продуктивность колхозного труда и тем самым повышающее зажиточность, культуру и благосостояние социалистической деревни. Актуальное звучание этой книги для наших дней заключается в том, что она является подлинным гимном мирному, созидательному труду советских людей, восславляет красоту и силу социалистического строя—источника достижения не только высоких общественных целей, но и личного счастья человека.

Автор рисует жизнь одной из передовых колхозных деревень Западной Грузии, борьбу за повышение урожайности чая и других субтропических культур.

Яркие, колоритные картины коллективного труда, со стремительной быстротой меняющего облик деревни, возвышающего и обогащающего духовный мир людей,—лучшие страницы в этой талантливой книге.

В центре романа стоят образы типичных представителей нашей колхозной молодёжи—Цицино и Кишварди. Вышедшие из недр трудового крестьянства, эти люди только благодаря победе колхозного строя смогли стать знатными людьми, мастерами своего дела, добились полного счастья и в личной жизни.

В романе дана богатая галерея образов передовых советских людей—секретаря районного комитета партии Георгия, руководителя колхозной парторганизации Эпифана, председателя правления колхоза Шерманди, председателя сельсовета Макимеди, руководителя местной комсомольской организации Силована, рядовых колхозников и колхозниц села—Алваси, Кайсара, Скачия и других.

В убедительных художественных образах показывает писатель ведущую роль большевистской партии в жизни колхозной деревни, всего советского общества.

В правдиво обрисованных образах Сипито Килиптари, его жены Пупулы и их сына Бондо автор выводит и носителей сознания капиталистического прошлого, пытающихся препятствовать победоносному строительству социалистического общества, но терпящих смертельное поражение.

В романе ярко показано священное чувство нерушимой сталинской дружбы народов Советского Союза. С большой теплотой нарисованы писателем картины пребывания в колхозной деревне делегации трудящихся братской Чувашии.

Роман А. Чейшвили читается с живым интересом. Автор обладает верным чувством нового, умением подмечать и обобщать характерные черты нашей социалистической действительности.

Советская действительность расширила тематику творчества **Нико Лордкипанидзе** и углубила социальный смысл его произведений. В написанных в последние годы своей жизни исторических повестях писатель воплотил патриотические устремления советского народа.

Константин Гамсахурдия начал свою творческую деятельность декадентскими новеллами. Под сильным влиянием буржуазно-декадентских литературных направлений написан и его первый роман «Улыбка Диониса». Впоследствии в своём трёхтомном романе «Похищение луны» писатель попытался отобразить события социалистической действительности периода сплошной коллективизации сельского хозяйства. В этом произведении писателю удалось нарисовать ряд картин, показывающих обречённость остатков реакционных классов в обстановке победоносного развития социалистического общества. Однако роман в целом носит отпечаток порочных влияний буржуазно-декадентского искусства. В последнее время К. Гамсахурдия переключился преимущественно на исторические темы. Его роман «Десница великого мастера» и трилогия «Давид Строитель» рисуют жизнь Грузии в X—XII столетиях.

В этих произведениях К. Гамсахурдия проявляет солидную эрудицию в области истории и художественное дарование колоритного воспроизведения отдельных картин прошлого. Однако эти романы во многом расходятся с идейно-творческими принципами советского исторического романа. В центре повествования здесь поставлены представители светской и духовной аристократии, а не народ—подлинный творец истории. К тому же изображение значительных исторических событий писатель зачастую заменяет описанием вымышленных интимно-любовных взаимоотношений персонажей своих романов.

Особенно тяготеет в этих произведениях Гамсахурдия к языковым архаизмам и искусственному словотворчеству. Критика справедливо указала писателю на ошибочность такой тенденции. В своём романе «Санавардо», опубликованном в первые годы советской власти, **Демна Шенгелая** дал картины физической, умственной и моральной деградации обречённых историей на смерть реакционных классов. Правда, это первое значительное произведение молодого прозаика было отмечено явным влиянием символизма и формализма. В следующем романе Д. Шенгелая «Бата Кекия» дано реалистическое отображение жизни грузинского крестьянства с 60-х годов прошлого века вплоть до революции 1905 г. В романе «Заря», рисующем жизнь тбилисских ремесленников конца прошлого столетия, писатель показал картины подъёма рабочего революционного

движения в Грузии. Роман Д. Шенгелая «Вдохновение» посвящен уже событиям и людям советской эпохи, хотя в ретроспективном плане в нём изображены также картины самоотверженной борьбы грузинского пролетариата на баррикадах первой русской революции. В своём последнем романе «Красный мак» писатель запечатлевает героические подвиги советских людей в дни Великой Отечественной войны. Из многочисленных повестей и новелл Д. Шенгелая особо следует отметить «Клятву», воссоздающую историческое выступление товарища Сталина с речью в дни похорон В. И. Ленина, и «Мерхеули»—на тему героической обороны Кавказа.

К лучшим современным грузинским прозаикам принадлежит Серго Клдиашвили. Его роман «Пепел» является заметным произведением грузинской художественной литературы на тему о первой мировой войне. В большой повести «Луна провинции» писатель убедительно показал новую, социалистическую жизнь, победоносно проникающую во все уголки нашей родины, во все сферы бытия нашего народа. «Сванские новеллы» С. Клдиашвили относятся к числу удачных произведений советской новеллистики. В многочисленных своих рассказах и новеллах писатель показывает торжество новых форм социальных и бытовых взаимоотношений в городе и на селе.

Творческую деятельность **Константин Лордкипанидзе** начал как поэт. Выступивший на литературном поприще в начале 20-х годов вместе с А. Мирцхулава и К. Каладзе, он своими ранними стихами внёс ценный вклад в развитие грузинской пролетарской поэзии.

Впоследствии К. Лордкипанидзе всецело переключился на художественную прозу. В первых своих рассказах («Мох», «Фотограф» и др.) писатель затронул вопросы нового, социалистического быта. В период сплошной коллективизации сельского хозяйства К. Лордкипанидзе в результате внимательного изучения проходивших на селе глубоких преобразований написал книгу художественных очерков «Новые крестьяне». Скоро на этом же материале он создал широкое эпическое полотно—роман «Заря Колхиды», одно из лучших произведений грузинской художественной прозы на тему о социалистической переделке сельского хозяйства. Повествуя о судьбе главного героя этого романа Меки, в прошлом задавленного старым укладом деревенской жизни, крестьянского парнишки, ставшего впоследствии одним из активных строителей колхозного села, писатель с обобщающей силой показал огромную обновляющую и преобразующую силу советского общественно-политического строя. В образе коммуниста Тараса Хазародзе писатель показал руководящую роль большевистской партии в борьбе советского народа за построение социалистического общества. В этом своём произведении писатель проявил незаурядное мастерство в обрисовке типичных характеров и изображении событий большого обобщающего значения. В своих «Белорусских рассказах» писатель дал яркие картины мужественной борьбы братского белорусского народа в годы гражданской войны. В ряде рассказов и новелл на темы Великой Отечественной войны К. Лордкипанидзе создал богатую галерею образов отважных сынов советского народа, самоотверженно боровшихся против немецко-фашистских завоевателей.

В многотомном романе-эпосе «Лицом к лицу» талантливый писатель **Александр Кутатели** повествует о героической борьбе рабочих и крестьян, возглавляемых славной большевистской партией, за свержение диктатуры контрреволюционного меньшевизма и за победу социалистической революции в Грузии.

В романах **Раждена Гветадзе** «Тео», «Чиакокона», и в книгах его новелл и повестей: «Правдивые новеллы», «Жизнь начинается сначала» и других отображены знаменательные события в жизни грузинского народа периода борьбы за установление советской власти в Грузии, грандиозные события Великой Отечественной войны и послевоенного времени.

Акакий Белиашвили—автор ряда книг новелл и рассказов на современные темы, пользующихся большой популярностью в Грузии, написал трёхтомный

исторический роман «Бесики». Этот роман повествует о самоотверженной борьбе грузинского народа против ненавистных иноземных завоевателей во второй половине XVIII века, в царствование прославленного полководца и государственного деятеля Ираклия II. Большая актуальность этого произведения заключается в том, что оно показывает исторические корни векового стремления грузинского народа к дружбе с великим русским народом.

К числу достижений грузинской художественной прозы относятся также: историко-революционный роман **Якинте Лисашвили** «Кецховели», отображающий замечательную жизнь и деятельность одного из основоположников большевистских организаций в Грузии и Закавказье, пламенного революционера Ладо Кецховели; роман **Бориса Чхеидзе** «На берегу Лиахвы»—на тему о жизни и борьбе грузинского народа на рубеже XIX и XX столетий, и целый ряд романов и рассказов **Давида Сулиашвили**, **Соломона Тавадзе**, **Родиона Коркия**, **Марии Гарикული**, **Пармена Лория** и др. Из прозаиков, выступивших на литературном поприще в послевоенные годы, выделяются **Михаил Мревлишвили**, **Тина Донжашвили**, **Отар Чхеидзе**, **Реваз Джапаридзе**, **Георгий Шатберашвили**.

ГРУЗИНСКИЕ СОВЕТСКИЕ ДРАМАТУРГИ

В классической грузинской литературе драматургия всегда считалась сравнительно отстающим жанром. Репертуар дореволюционного грузинского театра в большой мере строился на переводных пьесах. Лишь в наше советское время, в условиях подлинного расцвета советской культуры, грузинская драматургия развивается наравне с другими литературными жанрами и занимает видное место в репертуаре советского театра.

ШАЛВА ДАДИАНИ

Среди советских драматургов Грузии наибольшей известностью заслуженно пользуется Шалва Дадиани.

Родился Шалва Дадиани в 1874 г., в семье литератора и общественного деятеля Николая (Нико) Дадиани. В знак протеста против царившего в школах в те времена чиновничьего духа и иезуитского режима отец отказался определить сына в учебное заведение. Будущий писатель воспитывался дома, под руководством приглашённых преподавателей-гувернёров. Нико Дадиани тесно был связан с лучшими представителями грузинской прогрессивной интеллигенции второй половины XIX в. Выдающиеся грузинские писатели и общественные деятели часто собирались в семье Дадиани и горячо обсуждали злободневные вопросы общественно-политической и культурной жизни страны. Это способствовало раннему пробуждению в сознании будущего писателя живого интереса к вопросам общественной жизни, тяготения к прогрессивным идеям эпохи. Юношеское сознание Ш. Дадиани складывалось под непосредственным воздействием начавшегося в Грузии с 90-х годов мощного подъёма революционного движения. Увлечённый идеями борьбы за социальное и национальное освобождение народа, Ш. Дадиани с юношеских лет вовлекается в разностороннюю общественно-литературную деятельность.

Девятнадцатилетним юношей он становится актёром грузинского театра, игравшего огромную роль в воспитании грузинского народа в духе великих освободительных идей эпохи. Скоро Ш. Дадиани стал одним из ближайших соратников выдающегося деятеля грузинской сцены Ладо Месхишвили, возглавлявшего в период первой русской революции Кутаисский грузинский драматический театр. Этот театр не только своими замечательными спектаклями, проникнутыми революционным духом, не только произносимым со сцены огненным революционным словом участвовал в

освободительной борьбе, но он выступал на революционных баррикадах. Ладо Месхишвили мужественно заявлял: «Быть может, мы погибнем, но страна родит героев, которые принесут народу безусловную победу».

Работа в театре Ладо Месхишвили оказала решающее влияние на формирование мировоззрения и общественных идеалов Ш. Дадияни. В продолжение тридцати лет работал Ш. Дадияни в грузинском театре в качестве актёра, режиссёра, руководителя труппы, и за всё это время он оставался носителем и поборником принципов реалистического искусства, высокой идейности и народности в художественном творчестве. В годы реакции, когда в грузинском искусстве возникли разные декадентские течения, Ш. Дадияни твёрдо и последовательно отстаивал позиции реалистического искусства.

Большую роль в деле революционного воспитания грузинского народа играл возглавляемый Ш. Дадияни передвижной театр, объезжавший районы Грузии со спектаклями большого идейного звучания. В 1923 г. советская общественность Грузии торжественно отметила 30-летний юбилей творческой деятельности Ш. Дадияни: ему было присвоено звание народного артиста республики.

С первых же дней победы социалистической революции в Грузии Ш. Дадияни стал на путь активного сотрудничества с советской властью и развернул многогранную творческую и общественную деятельность. Он занимал руководящие посты в ряде общественных и государственных учреждений. Писатель дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР (первого и второго созывов). В дни Великой Отечественной войны, несмотря на свой преклонный возраст, он активно участвовал в борьбе за нашу победу. Кроме отображения в своём творчестве героической жизни фронта и тыла, маститый писатель выезжал на фронт, живым, воодушевляющим словом общался с бойцами действующей армии. На протяжении ряда лет Ш. Дадияни участвует в руководстве писательских организаций Грузии и возглавляет грузинское театральное общество.

Первые произведения Ш. Дадияни были опубликованы в начале 90-х годов прошлого века. Это был сборник стихов «Искры» и печатавшиеся в грузинской периодике миниатюры, навеянные идеями революционного движения в Грузии на рубеже XIX и XX столетий. В области же драматургии Ш. Дадияни начал работать в годы первой русской революции. Его пьеса «В склепе» в аллегорической форме отображала всё нарастающую борьбу грузинского трудового народа за свержение буржуазно-помещичьего строя, царского самодержавия. В пьесе изображен темный склеп, в котором томится народ, лишённый воздуха и света. Мрачные своды склепа не пропускали лучей солнца, но терпению обитателей этого «царства тьмы» пришёл конец. Возглавляемый рабочим Пицхела народ восстал против мрака и насилия. Суровые своды начинают рушиться, в склеп проникли животворные лучи солнца, задул свежий ветерок.

В годы чёрной реакции, последовавшей за поражением первой русской революции, Ш. Дадияни написал пьесу «Во время пиршества», явившуюся весьма значительным событием в жизни грузинского театра и драматургии того периода. Временно восторжествовавшие силы реакции празднуют свою победу. Тут и дворяне, и буржуа, и представители духовенства, и царские чиновники. Собравшись за пиршеским столом, они в один голос выражают свою ненависть и вражду к трудовому народу, своё преклонение перед царской властью, торжествуют по поводу подавления революционного движения.

Но их пиршество оказалось непрочным и кратковременным. Издалека раздается всё усиливающийся, всё приближающийся гул боевого воодушевления народных масс. С пением революционных гимнов на сцене появляются рабочие и за ними крестьяне заявляющие, что напрасно пиршествуют чёрные силы что борьба далеко ещё не закончена, что народ вновь поднимется с еще большей силой, и тогда паразитам и душителям свободы не уйти от уготовленного для них беспощадного приговора истории.

Несмотря на решительный запрет цензуры, пьеса эта проникла на сцену грузинского театра и своим социальным оптимизмом и революционной целеустремлённостью ярко выделялась на мрачном фоне охватившего определённые круги интеллигенции упадочничества и безверия.

Традиции реализма, народности и высокой идейности утверждали в предреволюционной грузинской драматургии пьесы Ш. Дадияни «Гегечкори», «Горе», «Шени чириме», «Вчерашние».

В историко-революционной драме «Гегечкори» драматург отобразил и восславил боевые, свободолюбивые традиции грузинского народа. Картины тяжёлого рабства и угнетения трудового народа показаны в пьесе «Горе», написанной на материале далёкого прошлого Грузии. Убийственно высмеял Ш. Дадияни деградирующее дворянство в комедиях «Шени чириме» и «Вчерашние». Особенным успехом и известностью пользовалась и пользуется по сей день пьеса «Вчерашние», относящаяся к числу лучших образцов грузинской национальной комедиографии. Почти накануне социалистической революции в этой замечательной комедии писатель ярко и убедительно отобразил смертельную обречённость старого мира, наступление его сумерек. Эта комедия до сих пор не сходит со сцены грузинского советского театра.

Подлинного расцвета своих незаурядных творческих сил Ш. Дадияни достиг после установления советской власти в Грузии. В начале 20-х годов писатель опубликовал исторический роман «Юрий Боголюбский». Это был первый исторический роман в грузинской советской литературе. В романе повествуется о замечательной эпохе грузинской истории—рубеже XII и XIII столетий, эпохе Руставели и царицы Тамары. Писатель попытался показать в этом романе глубокие исторические корни тяготения грузинского народа к дружбе и союзу со своим могучим единоверным северным соседом—Россией. Однако, увлечшись изображением лично-бытовых взаимоотношений, автор не сумел правильно осветить эту весьма важную тему.

В романе «Урдуми» Ш. Дадияни повествует о борьбе грузинского крестьянства в середине XIX столетия против феодальной тирании и колонизаторской политики царизма. В нём описывается грозное восстание грузинских крестьян, возглавляемых прославленным кузнецом Уту Микава.

Особенно плодотворна творческая деятельность Ш. Дадияни в области грузинской советской драматургии. На сцене грузинского советского театра в первые же годы его формирования с большим успехом шла комедия Ш. Дадияни «Прямо в сердце». Эта комедия положила начало развитию грузинской советской комедиографии. Беспощадно высмеял драматург в этой комедии пережитки бюрократизма, волокиты и подхалимства. Живой и яркий типаж, превосходно разработанный сценический диалог, сатирическая острота являются большим достоинством этой талантливой комедии.

Пьеса Ш. Дадияни «Тетнульд» явилась интересной попыткой возрождения трагедийного жанра в советской драматургии. Непримируемая борьба между отмирающим старым и победоносно восходящим новым в жизни советского общества составляет основную тему этой пьесы. Действие происходит в одном из самых отдалённых горных районов Грузии—в Сванетии, где ко времени установления советской власти ещё господствовали тёмные патриархальные традиции, где развитие новых, социалистических форм жизни и быта сталкивалось с живучестью суеверия и предрассудков, отсталых нравов и обычаев родового строя. В образе патриархального старца Аргиджи драматург с большой обобщающей силой воплотил всю ярость и злобную остервенелость обречённого на неизбежную гибель старого мира. Ему противопоставлены образы воодушевлённых стремлением обновления родного края молодых людей—Лахил и Гелаксан. Борьба завершается гибелью Аргиджи, полным торжеством упорно и самоотверженно стремящейся к новой жизни молодёжи, несущей в этой благородной борьбе большие жертвы и потери. Созданная к концу 20-х годов, эта пьеса явилась ярким показом великой преобразующей силы нашей социалистической эпохи.

Написанные по произведениям классиков грузинской литературы Ильи Чавчавадзе и Эгнате Ниношвили—пьесы Ш. Дадиани «Сломанный мост» и «Гурия Ниношвили» сыграли важную роль в деле пропаганды и популяризации грузинской классической культуры. Эти пьесы содержат яркие картины тяжёлого социального и национального угнетения в прошлом, а также эпизоды самоотверженной борьбы сынов грузинского народа против своих поработителей.

Перу Ш. Дадиани принадлежит около сорока пьес, однако венцом его драматического творчества является историко-революционная драма «Из искры», с большим успехом идущая не только во всех лучших грузинских советских театрах, но и на сцене многих русских советских театров и театров братских народов СССР. «Из искры»—одно из первых произведений всей советской драматургии на тему героической истории большевизма, на тему о замечательной жизни и революционной деятельности товарища Сталина. Исторический труд товарища Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» вдохновил писателя на это замечательное произведение. Пьеса рисует широкую картину революционного подъёма грузинского пролетариата на заре XX столетия и показывает роль И. В. Сталина в создании большевистских организаций в Грузии и Закавказье, в сплочении боевого авангарда грузинского трудового народа вокруг непобедимого знамени ленинизма.

Действие происходит в Батуми в начале 900-х годов. Первые сцены пьесы рисуют картины дикой эксплуатации рабочих батумских керосинообрабатывающих заводов, разнузданного глумления и издевательства со стороны нанимателей, усердно поддерживаемых царизмом. Пролетариат охвачен гневной ненавистью к своим угнетателям, он стремится бороться за свои человеческие права, но это пока ещё выливается в форму стихийного протеста, неорганизованных бунтарских выступлений. Рабочий класс Грузии ещё не имеет своей руководящей, боевой пролетарской партии, не имеет своего учителя и вождя. Находившиеся в те годы в Батуми грузинские легальные марксисты из оппортунистического большинства «Месаме-даси» ограничиваются общеобразовательной работой среди рабочих, зовут их в «воскресные школы», где будущие главари грузинских меньшевиков читают лекции по астрономии, по физиологии животных. Вся атмосфера пронизана ожиданием появления подлинного учителя трудящихся, подлинного пролетарского вождя. В это время в Батуми приезжает посланный туда Тбилисским комитетом социал-демократической организации молодой Сталин, и его появление в корне меняет обстановку. Товарищ Сталин окружает себя передовыми рабочими батумских предприятий, учит их и вооружает на сознательную, организованную классовую борьбу, организует нелегальные рабочие кружки на предприятиях и на их базе создаёт первые батумские социал-демократические организации ленинско-искровского направления.

В пьесе с большой художественной силой воспроизведены славные эпизоды революционной деятельности товарища Сталина в этот период: проведённая товарищем Сталиным под видом встречи Нового года на квартире рабочего Ломжария конференция представителей рабочих кружков; организованные товарищем Сталиным массовые рабочие демонстрации, и, в частности, историческая демонстрация 9 марта 1902 г., переросшая в вооружённое столкновение с царской полицией и войсковыми частями; выступление товарища Сталина на митинге по поводу пресловутого октябрьского манифеста и т. д. Пьеса завершается знаменательным эпизодом: первой встречей двух гениев человечества—Ленина и Сталина—в 1905 г. в Таммерфорсе.

В живых и ярких сценических образах, в стройной и цельной сюжетной композиции писатель воскрешает эти исторические события и наряду с ними даёт целую галерею типических персонажей, характеризующих расстановку социальных сил. История жизни главной героини пьесы Цабу, из тёмной крестьянки превратившейся в активную участницу революционной борьбы, с большой обобщающей силой показывает процесс идейно-политического роста грузинского трудового народа, смело и решительно

пошедшего за своим вождём. Такими же большими собирательными образами являются выведенный в пьесе передовой рабочий-революционер Элишук и его отец—старый рабочий-грузчик Датиела. В пьесе показаны и представители лагеря реакции—таможенный чиновник Зыков, князь Гуриели, губернатор, директор завода и другие.

Пьеса написана живым, высокохудожественным языком. Она обладает большой силой эмоционального воздействия и имеет исключительное познавательное и воспитательное значение.

САНДРО ШАНШИАШВИЛИ

Выдающееся место в развитии грузинского советского театра и драматургии занимает также поэт и драматург Сандро Шаншиашвили.

Сандро Шашиашвили принадлежит к числу лучших представителей старшего поколения грузинских советских писателей. Родился он в 1888 г. в селении Джугаани (ныне Сигнахского района) в семье сельского учителя. Первоначальное образование получил в сельской приходской школе, по окончании которой был определён сперва в Тбилисское духовное училище, а затем в Тбилисскую грузинскую гимназию. За участие в антиправительственных выступлениях учащихся его исключили из гимназии и посадили в тюрьму, где он пробыл восемь месяцев. После выхода из тюрьмы С. Шаншиашвили выехал за границу и, пробыв год в Швейцарии, переехал в Германию, где поступил вольнослушателем сперва в Берлинский, а потом в Лейпцигский университет. В 1914 г. С. Шаншиашвили вернулся на родину и занялся исключительно литературно-общественной деятельностью. В годы хозяйничания меньшевиков С. Шаншиашвили переселился в деревню и занялся сельским хозяйством. Лишь после установления советской власти писатель вернулся в Тбилиси и начал работать в разных общественно-культурных учреждениях. С тех пор он постоянно публикует на страницах грузинской периодики и издаёт отдельными книгами свои поэтические произведения, а его пьесы заняли видное место в репертуаре грузинского советского театра. С. Шаншиашвили—лауреат Сталинской премии; лучшие его произведения переведены на русский язык и языки других братских народов СССР.

Начало творческой жизни С. Шаншиашвили относится к годам первой русской революции. В своих ранних стихах молодой поэт восторженно воспевал мужество и боевой порыв поднявшихся на классовые битвы трудящихся масс и отражал революционные и патриотические настроения народа. В годы реакции поэт поддался влиянию западноевропейских буржуазно-декадентских литературных течений. Он стал преимущественно разрабатывать в своей поэзии узкоинтимные темы. Любовная лирика, окрашенная скорбью и разочарованием, заняла преобладающее место в его творчестве. В своих поэмах и драмах этого периода писатель главным образом обращался к легендарным и мифологическим сюжетам. Его поэмы и драмы «Волшебница», «Суламит», «Князь счастья», «Бердо Змания» и другие явились яркими документами декадентства в предреволюционной грузинской литературе. После победы социалистической революции в Грузии С. Шаншиашвили, как и другие лучшие представители дореволюционной писательской интеллигенции, искренно и уверенно стал на путь идейно-творческого перевооружения и с середины 20-х годов уже занял видное место в грузинской советской поэзии и драматургии. Вначале он преимущественно рисовал картины нового быта советского крестьянства, однако впоследствии расширил тематику своего творчества и создал ряд замечательных стихов. В своём знаменитом стихотворении «Ленин на броневике» С. Шаншиашвили отразил вдохновенный образ бессмертного вождя трудового человечества. К числу лучших произведений грузинской советской поэзии относится написанное с большим воодушевлением стихотворение С. Шаншиашвили «Иосифу Сталину».

В стихотворении «Единственный сын» поэт нарисовал образ матери-грузинки, проводящей дни и бессонные ночи в ожидании возвращения своего безгранично любимого единственного сына, ушедшего на фронт гражданской войны. Во сне ли, наяву ли в воображении матери возникает образ вернувшегося сына:

А её единственный
Лесом шёл, полями он,
Бился в битве с белыми,
Был под красным знаменем,
С Лениным. В России он
Пал на поле брани,
Скошен не случайной

Пулей торопливой.
Стон его тоскливый
Канул в даль рассветную.
За народ погиб он,
За мечту победную.
Не видав седую
Мать, от горя бледную.

(«Единственный сын». Пер. Н. Тихонова.)

В таких простых и задушевных, отмеченных глубокой народностью словами поэт восславил храбрых сынов Грузии, вместе со своими русскими собратьями отдавших жизнь за торжество великого дела партии Ленина—Сталина. В балладе «Снайпер» поэт нарисовал мужественный образ советского воина, своей богатырской грудью отстоявшего свободу и независимость родины, а в стихотворении «Вернувшийся с войны» воспел народ-победитель, великую сталинскую дружбу народов, явившуюся одним из основных источников нашей победы в Великой Отечественной войне.

Так многогранно изображается в поэзии С. Шаншиашвили мир самых возвышенных чувств и устремлений советских людей. Однако художественная индивидуальность С. Шаншиашвили с наибольшей силой проявляется в его драматургическом творчестве.

В середине 20-х годов на сцене грузинского советского театра появилась пьеса С. Шаншиашвили «Еретские герои», положившая начало драматургическому творчеству писателя и во многом определившая своеобразие тематики и стиля его драматургии. В пьесе изображается борьба грузинского крестьянства против своих угнетателей—свирепых феодалов-князей. Не конкретизировав место и время действия, драматург дал обобщённую картину боевого воодушевления народных масс, нарисовал образы отважных народных героев. В этом произведении автор мало внимания уделял воспроизведению бытовых деталей и глубокому раскрытию характеров отдельных персонажей. Вся изобразительная сила в пьесе сосредоточена на заострённом воспроизведении больших социальных коллизий, на показе картин массовых подвигов, народного героизма, на обрисовке коллективного облика народа-борца.

В этой пьесе уже отчётливо выявились отличительные черты стиля драматургии С. Шаншиашвили: приподнятое, романтизированное изображение действительности, стремление к монументальности картин, заострённая динамичность действия, стихотворное построение сценической речи. С особенной полнотой выразились эти особенности С. Шаншиашвили в пьесе «Анзор», сыгравшей весьма важную роль в формировании творческого лица театра имени Руставели. «Анзор» не является самостоятельным произведением С. Шаншиашвили. Оно написано по пьесе Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69». Однако С. Шаншиашвили настолько переработал эту пьесу в грузинском варианте, настолько изменил и место действия пьесы и облик её основных персонажей, что «Анзор» обрёл совершенно оригинальное звучание.

Насыщенная героикой боевого подъёма революционных масс, пьеса изображает борьбу героев Кавказа против белогвардейских банд, старавшихся с помощью империалистических держав затопить в крови молодую Советскую республику. Образ главного героя пьесы Анзора—живое воплощение благородных устремлений свободолюбивого народа, его мужества и бесстрашия в борьбе за жизнь и свободу, его непоколебимой воли к победе.

Крупнейшим драматургическим произведением С. Шаншиашвили является героическая драма «Арсен». Это большое художественное полотно, рисующее самоотверженную борьбу грузинского крестьянства против феодального рабства и самодержавного строя в первой половине XIX в. Главный герой пьесы—Арсен Одзелашвили—был мужественным сыном грузинского крестьянства, бесстрашным борцом против феодальной тирании. Не выдержав грубого насилия и издевательства со стороны помещиков и царских чиновников, он отважно восстал против угнетателей народа, ушёл в лес и долгое время наводил страх на местных помещиков и царских сатрапов, всемерно защищая интересы угнетённых и обездоленных.

Арсен-«разбойник»—широко распространённый персонаж грузинской народной поэзии. Народ воспел Арсена как поборника своих прав и интересов, как воплощение гнева и негодования против крепостного строя и самодержавной тирании. Поставив в центре своей пьесы этого любимого народного героя, С. Шаншиашвили показал его как

главаря крестьянского революционного движения, как вожака восставших народных масс в борьбе за социальную и национальную свободу.

Драматург создал яркую картину социальной действительности Грузии первых десятилетий прошлого века, когда в стране свирепствовал крепостной строй, поддерживаемый царизмом. Богатая галерея живых, полнокровных образов показывает облик народа, беспредельно измученного крепостным и самодержавным строем и готового ценой собственной крови завоевать человеческую жизнь и свободу. В пьесе выведены так же реалистично представители лагеря реакции—царские сатрапы, коварные феодалы, разбогатевшие крестьяне, ставшие на путь предательства народа. Непримириемое противоречие жизненных интересов этих двух враждебных друг другу миров и порождает все коллизии и конфликты, на которых зиждется сюжет этой замечательной подлинно народной драмы. Большое достоинство пьесы заключается в том, что в ней подчёркнуто показана братская любовь и солидарность лучших сынов русского народа с угнетённым грузинским народом. Выведенные в пьесе русский офицер Судаков и солдат Митрохин, мужественно сопротивляющиеся варварским действиям колонизаторских властей, воплощают исторические корни дружбы и братства между русским и грузинским народами,—общность их интересов и устремлений в борьбе с ненавистным царским самодержавием.

Из исторических пьес С. Шаншиашвили своей идейно-художественной значимостью выделяется «Георгий Саакадзе».

Самоотверженная борьба грузинского народа против своих врагов—кровавых турецких захватчиков—отображена и в исторической драме С. Шаншиашвили «Упрямый владетель».

Написанная в суровые дни Великой Отечественной войны историческая пьеса «Герои Крцаниси» говорит о том, как в самые тяжёлые минуты своей истории подвергавшийся смертельной опасности грузинский народ искал и находил единственное спасение своего национального существования в дружбе и боевом сотрудничестве с великим русским народом. Главным героем этой пьесы является выделявшийся государственным умом и полководческим талантом грузинский царь Ираклий II, с именем которого связано осуществление союза и дружбы Грузии с Россией.

Разрабатывая преимущественно исторические и историко-революционные темы, С. Шаншиашвили написал несколько пьес и на темы нашей социалистической действительности. Среди них следует отметить пьесы: «Трое», о братстве трёх закавказских республик—Грузии, Азербайджана и Армении, а также «Поладаури» и «Новые основы»—о росте и укреплении колхозного строя в Грузии.

С большим успехом идут на сцене грузинского советского театра и заслуженно пользуются широкой популярностью пьесы талантливого грузинского комедиографа **Поликара Какабадзе**. Начало его творческой деятельности относится к предреволюционным годам. В первый период становления грузинского советского театра П. Какабадзе написал насыщенную революционной героикой драму «Узники Лиссабона». Однако его драматургический талант в полной мере проявился в написанной к концу 20-х годов замечательной комедии «Кваркваре Гутабери».

Такой же успех выпал на долю другой комедии П. Какабадзе «Свадьба в колхозе». В этом произведении, остро бичующем пережитки прошлого в быту и сознании людей, драматург дал большой типической силы образ передовой советской девушки Гвиристине, достигшей славы и счастья благодаря вдохновенному, созидательному труду на колхозных полях. Поставив в центре комедийного произведения образ положительного героя нашей эпохи, П. Какабадзе внёс ценный вклад в развитие советской драматургии.

Тематическим и жанровым многообразием характеризуется драматическое творчество **Ионы Вакели**. Ещё в предреволюционные годы он явился одним из

зачинателей грузинской пролетарской поэзии. В начале 30-х годов в репертуаре грузинского советского театра появилось его первое драматическое произведение— комедия «Апракуне Чимчимели», с сатирической остротой высмеивавшая пережитки старых нравов и предрассудков, препятствующих росту и развитию советского общественного строя. За этой комедией последовала драма «Зависть», отображающая героические дела передовых советских людей, готовых преодолевать любые трудности и препятствия и своими творческими подвигами крепить могущество нашей родины. В исторической драме «Георгий Саакадзе» драматург воссоздаёт образ прославленного грузинского военачальника и государственного деятеля Георгия Саакадзе.

Другая историческая драма И. Вакели «Царица Тамара» воспроизводит эпоху Руставели и царицы Тамары и даёт широкую картину достигнутого Грузией в эту пору расцвета государственной, хозяйственной и культурной жизни.

Значительную роль в развитии грузинской драматургии сыграли пьесы Серго Клдиашвили («Поколение героев», «Осенние дворяне», «Олень ущелье» и др.), а также произведения Симона Мтваридзе «Перевал» и «Теврад».

Публицистической остротой и идейно-тематической актуальностью характеризуется творчество драматурга **Георгия Мдивани**. В дни героической борьбы демократической Испании против чёрных сил международной фашистской реакции на сцене многих советских театров успешно шла посвященная этой борьбе героическая драма «Алказар». В пьесе «Родина» драматург изобразил всепобеждающую силу священного чувства советского патриотизма. Самоотверженные подвиги советских людей, ковавших на фронтах и в тылу Отечественной войны великую победу, отображены в пьесах Г. Мдивани «Батальон идёт на запад», «Небо Москвы» и «Партизаны».

Послевоенной трудовой жизни советских людей, с патриотическим воодушевлением крепящих хозяйственную и культурную мощь нашей страны, посвящена комедия Г. Мдивани «Вардо» («Кто виноват?»). А в пьесе «Люди доброй воли» драматург показал борьбу прогрессивных сил человечества против кровавых поджигателей новой войны.

ИЛО МОСАШВИЛИ

О новом идейно-творческом подъёме, вызванном в грузинской советской драматургии историческим постановлением ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», свидетельствуют пьесы Ило Мосашвили.

Ило (Илья Онисимович) Мосашвили родился в 1896 г. в маленькой пшавской деревне Чаргали (родина Важа Пшавела). Ило Мосашвили в 1914 г. поехал в Петроград для получения высшего образования. Вскоре он переехал в Харьков и поступил на юридический факультет университета, где и учился до 1917 г.

Вернувшись в Грузию после Февральской революции, он в продолжение почти десяти лет работал в Сигнахском районе в разных учреждениях. В 1926 г. И. Мосашвили переехал на постоянное жительство в Тбилиси и занялся исключительно литературно-общественной деятельностью, работал в писательских организациях и в редакциях разных грузинских журналов и газет.

Писать стихи И. Мосашвили начал с 1915 г. Тогда молодой поэт преимущественно рисовал картины деревенского быта и пленительной природы родного края. К концу 20-х годов его поэзия обрела большую социальную остроту и идейную целеустремлённость. Скоро он занял одно из ведущих мест среди мастеров грузинской советской поэзии. В его стихах, дышащих священным чувством советского патриотизма, во всей своей величавости воспроизводится облик нашей возрождённой родины, которой поэт посвящает свои восторженные песни.

Образ родины в поэзии И. Мосашвили неразрывно связан с образом вождя, великого творца могущества и славы нашего Советского отечества.

В дни Отечественной войны И. Мосашвили воспевал источник нашей победы— нерушимое братство и дружбу поднявшегося на священную борьбу многонационального советского народа, сплочённого вокруг богатырского русского народа и великого полководца товарища Сталина:

Так бьются Кремль и Гори славный,
Отчизны став щитом живым,
Струи Куры клянутся плавно
Кремлёвским солнцем боевым.
Его пою, кто греет равно
И землю Картли и Москвы.

(«Вот она, Москва». Пер. Н. Тихонова.)

Священное чувство сталинской дружбы советских народов находит глубокое и многостороннее изображение в поэзии И. Мосашвили. В результате своей длительной поездки по Белоруссии и изучения жизни и быта белорусского народа поэт создал большой цикл замечательных стихов, рисующих природу Белоруссии, славные боевые, революционные традиции белорусского народа, его ратные и трудовые подвиги. Эти стихи расширили и обогатили тематический кругозор грузинской советской поэзии.

В написанном в дни войны цикле стихов «Его письмо» поэт с большой правдивостью и художественной силой нарисовал людей советского тыла, своим героическим трудом помогавших фронту и обеспечивавших наши доблестные вооружённые силы всем необходимым. Это прекрасно передано поэтом словами советской женщины-колхозницы, обращенными к борющемуся на фронте любимому мужу:

Нет, не сожгли полей твоих простор.
Лоза, как прежде, в гроздьях сок сгустила;
Твой серп стальной попрежнему остёр,
В моей руке—твоя мужская сила.
Стоят в полях высокие хлеба—
В твоих ларях зерно не оскудело!
Пока в огонь вела тебя судьба,
Я делала твоё мужское дело.

(«В нашем саду». Пер. Э. Ананиашвили.)

В послевоенные годы И. Мосашвили вдохновенно воспевает созидательный труд советских людей. Главным лирическим героем его поэзии стал советский человек, победоносно преобразующий природу, смело и решительно шагающий к светлым высотам коммунизма.

На протяжении всей своей литературной деятельности И. Мосашвили, наряду со стихами и поэмами, пишет художественные очерки, киносценарии, пьесы.

В области драматургии особенно активную и плодотворную творческую деятельность И. Мосашвили ведёт в послевоенные годы. Появившаяся в репертуаре грузинского театра в начале послевоенного периода его пьеса «Начальник станции» до сих пор остаётся лучшим произведением грузинской советской драматургии на тему Великой Отечественной войны, героической обороны Кавказа. В образе главного героя этой пьесы Левана Чадунели драматург правдиво и убедительно показал мужество и героизм советского народа, его негибкую волю и бесстрашие в борьбе с презренными немецко-фашистскими захватчиками.

Один из основных персонажей пьесы, секретарь райкома партии Сергей Петрович, всеми своими помыслами и поступками выразительно олицетворяет ведущую и вдохновляющую роль большевистской партии в победоносной борьбе советского народа против иноземных завоевателей. В пьесе нарисованы и другие типические образы самоотверженных советских патриотов: дочь Левана Чадунели—Марине, советский офицер Борис Волков, рабочий-железнодорожник Кузьмич и его жена Пелагея, работник станционного буфета Арсен Лежава и др. В пьесе изображена животворная сила сталинской дружбы советских народов, явившаяся одним из основных источников великой победы над немецким фашизмом и японским империализмом.

В пьесе «Начальник станции» И. Мосашвили впервые проявил себя зрелым мастером драматургического жанра.

Горячо была встречена зрителем и вторая пьеса И. Мосашвили «Потопленные камни». Это—глубоко волнующее патриотическое произведение, повествующее о героической борьбе грузин, проживающих на насильственно отторгнутых кровавыми турецкими захватчиками от Грузии землях и испытывающих глумление и надругательства со стороны реакционных правителей нынешней Турции.

Со времени разгрома Византии и захвата Константинополя турецкие завоеватели направили свою кровавую агрессию против Грузии. Эти злейшие враги грузинского народа, пользуясь своим численным превосходством, сумели оторвать от Грузии и захватить ряд её южных районов. Силой доблестного русского оружия в 70-х годах прошлого столетия удалось освободить от турецкого владычества грузинский город Батуми и его область, составляющие ныне Аджарскую автономную советскую республику, входящую в состав Грузинской ССР. Однако значительная часть захваченных турками южных районов Грузии до сих пор остаётся во владении турецких поработителей. На протяжении трёх с лишним столетий грузинское население этих районов подвергается безграничным насилиям турецких властей, всеми варварскими средствами старающихся отуречить его, убить в нём национальное сознание и неугасимое тяготение к родной Грузии. Особенно усилилось гонение и угнетение грузинского населения в годы второй мировой войны и в начале послевоенного периода. Напуганные справедливыми претензиями грузинской советской общественности, которую поддерживало мировое прогрессивное общественное мнение, правящие круги Турции стали сгонять грузин с родных грузинских земель и угонять их в центральные районы Турции, стали остервенело уничтожать на захваченных ими грузинских территориях памятники грузинской национальной культуры, являющиеся немymi, но красноречивыми свидетелями исконной принадлежности этих земель Грузии и законности требования грузинским народом их возврата. Поощряемые своими хозяевами из лагеря американских империалистов, турецкие власти варварски разрушают находящиеся в грузинских районах замечательные древнейшие памятники грузинской материальной культуры, всячески их уничтожают, топят в море. Вот об этих «потопленных камнях» и о том мужественном сопротивлении, которое оказывают ненавистным угнетателям проживающие в Турции грузины, и повествует пьеса И. Мосашвили «Потопленные камни».

Глубоко драматизированный сюжет пьесы, отражающий остроту и напряжённость этой борьбы, обладает огромной силой эмоционального воздействия. В живых, ярко обрисованных персонажах с большой реалистичностью изображены два борющихся лагеря. Пьеса с предельной остротой изобличает царящую в капиталистическом мире политику дикого национального гнёта и расовой дискриминации и показывает подлинное лицо американских империалистов. Пьеса И. Мосашвили «Потопленные камни» живо откликается на происходящую в наше время напряжённую борьбу между лагерем социализма и демократии, с одной стороны, и лагерем империалистов, кровавых поджигателей новой войны,—с другой.

Теме победоносного наступления передовой советской науки посвящена пьеса И. Мосашвили «Его звезда». Пьеса отмечается глубокой идейной направленностью и

высоким драматургическим мастерством. Пьеса написана на основе реальных событий, имевших место в жизни грузинской интеллигенции.

В центре произведения стоит молодой учёный-зоотехник Георгий Гигаури, который, вооружённый достижениями передовой советской мичуринской биологии, в продолжение ряда лет плодотворно работал над выведением новой, усовершенствованной породы грузинской овцы. Несмотря на совершенно очевидные успехи, достигнутые молодым новатором, против Гигаури яростно восстали находившиеся в руководстве научно-исследовательского института приверженцы буржуазно-реакционных «теорий». Этим рутинёров поддерживали некоторые бюрократы из республиканских органов сельского хозяйства, слепо раболепствовавшие перед «признанными научными авторитетами».

Никакие происки противников не сломили волю убеждённого в правоте своего дела смелого новатора. С помощью партийных организаций Гигаури добился возможности довести до успешного конца свои научные эксперименты.

Драматург нарисовал богатую галерею образов советских людей и создал ряд острых сценических ситуаций, воспроизводящих борьбу между победоносно восходящим новым и отмирающими пережитками старого.

Из грузинских драматургов, произведения которых заняли видное место в послевоенном репертуаре грузинского советского театра особого внимания заслуживают **Михаил Мрвлишвили, Василий Патарая, Тина Донжашвили, Георгий Шатберашвили и Марика Бараташвили.**

Больших успехов достигла в годы советской власти и грузинская детская литература, имеющая весьма богатые традиции в грузинской классической литературе. Почти все лучшие современные грузинские поэты, прозаики, драматурги пишут для детей и тем самым участвуют в великом деле идейного и нравственного воспитания строителей коммунистического общества. Некоторые видные грузинские советские писатели всецело или преимущественно посвящают свои творческие силы детской литературе. Среди них наибольшей популярностью пользуются видная писательница **Нино Накашидзе**, имеющая большие заслуги в этой области, а также известные грузинские детские писатели: **Мариджан** (Мария Алексидзе), **Анна Хахуташвили** и **Илья Сихарулидзе**.

За тридцать лет существования советской Грузии выросла грузинская марксистско-ленинская литературоведческая наука, достигшая значительных успехов в изучении и популяризации богатого национального литературного наследия, а также в разработке важнейших проблем развития советской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Галактион Табидзе, Избранное. Гослитиздат, Москва 1950.

Иосиф Гришашвили, Стихи. «Советский писатель», Москва 1947.

Георгий Леонидзе, Сталин (пер. Н. Тихонова.), Гослитиздат, Москва 1947.

Его же, Избранное. «Советский писатель», Москва 1949.

Симон Чиковани, Избранное. «Советский писатель», Москва 1949.

Его же, Избранное. «Заря Востока», Тбилиси 1950.

Его же, Песнь о Давиде Гурамишвили. Изд. «Правда», 1950.

Алио Мирцхулава (Машашвили), Избранное. «Советский писатель», Москва 1947.

Его же, Избранное. «Заря Востока», Тбилиси 1948.

Александр Абашели, Избранное. «Заря Востока», Тбилиси 1948.

Ило Мосашвили, Стихи. «Заря Востока», Тбилиси 1947.
Его же, Стихи. «Советский писатель», Москва 1949.
Григол Абашидзе, Избранное. «Заря Востока», Тбилиси 1950.
Карло Каладзе, Избранные стихи. «Советский писатель», Москва 1949.
Георгий Кучишвили, Избранное. «Заря Востока», Тбилиси 1949.
Ираклий Абашидзе, Стихи. «Заря Востока», Тбилиси 1945.
Валериан Гаприндашвили, Избранное. «Заря Востока», Тбилиси 1950.
Александр Гомиашвили, Стихи и баллады. «Заря Востока», Тбилиси 1949.
Иосиф Нонешвили, Соцветия. «Молодая гвардия», Москва 1948.
Реваз Маргиани, Грузинские стихи. «Молодая гвардия», Москва 1948.
Константин Чичинадзе, Стихи и поэмы. «Советский писатель», Москва 1946.
Сандро Эули, Избранные стихи. «Заря Востока», Тбилиси 1938.
Его же, Песни сердца. «Заря Востока», Тбилиси 1945.
Лео Киачели, Избранные сочинения. «Заря Востока», Тбилиси 1948.
Его же, Избранное. «Советский писатель», Москва 1948.
Его же, Человек гор, роман. «Советский писатель», Москва 1949.
Демна Шенгелая, Бита Кекиа. Гослитиздат, Москва 1939.
Акакий Белиашвили, Бесики, т. I, II, III. «Заря Востока», Тбилиси 1948, 1949.
Александр Кутатели, Лицом к лицу, т. I, II, III. «Заря Востока», Тбилиси 1949, 1950.
Константин Лордкипанидзе, Заря Колхиды. «Заря Востока», Тбилиси 1950.
Александр Чейшвили, Лело. «Советский писатель», Москва 1949.
Ражден Гветадзе, Избранное. «Заря Востока», Тбилиси 1950.
Его же, Правдивые новеллы. «Заря Востока», Тбилиси 1946.
Серго Клдиашвили, Рассказы. «Заря Востока», Тбилиси 1948.
Давид Сулиашвили, Рассказы. «Заря Востока», Тбилиси 1949.
Михаил Мревлишвили, Очаг Харатели. «Заря Востока» Тбилиси 1949.

Сборники

«Великому Сталину». «Заря Востока», Тбилиси 1949.
«Поэзия Грузии». Гослитиздат, Москва 1949.
«Великая сталинская победа». «Заря Востока», Тбилиси 1946.
«Гамарджвеба». «Советский писатель», Москва 1944.
«Родина». «Заря Востока», Тбилиси 1946.